Одесский
альманах

№50

III / 2012

ДЕРИБАСОВСКАЯ ▽ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

От редакции

Если вы, уважаемые читатели, держите в руках пятидесятый номер нашего альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», это означает, что он вышел в свет.

Когда мы подписывали в печать номер первый (а было это 16 февраля 2000 года), то, откровенно говоря, вовсе не были уверены, что новое издание со столь легкомысленным названием будет выходить регулярно, да еще более десяти лет.

Тем не менее, наши выпуски сегодня занимают книжную полку, а то и поболее. За это время альманах приобрел иной дизайн, стал толще, расширилась география наших авторов и читателей. Все номера можно прочитать на сайте Всемирного клуба одесситов.

Уже несколько лет нашим творческим партнером является АО «ПЛАСКЕ» (президент Олег Платонов). Нами создан и осуществляется проект «Одесская библиотека», о котором можно подробнее прочитать на клапане обложки номера. Под логотипом «ОБ» выходят альманахи и книги разного жанра, объединенные одной темой – Одесса и одесситы.

Мы гордимся тем, что наш альманах подружился с московским журналом «Октябрь». Это старейшее авторитетное издание выпустило номер, представляющий российскому читателю современную одесскую литературу. Мы были участниками крупного международного фестиваля, посвященного школе «Юго-Запад» и творчеству Исаака Бабеля, который проходил в Литературном музее. Альманах и журнал обменялись материалами, среди которых были и дискуссионные.

Знаменательно, что юбилейный номер вышел в свет в начале сентября, когда одесситы, где бы они (мы!) не жили, отмечают День рождения города.

Наш альманах – скромный и постоянный подарок.

Ирина Барметова

Единица времени – альманах

Чем измеряется время?

Единица времени в классическом понимании – секунда – сутки – неделя – год – век – тысячелетие… Можно припомнить устаревшие меры: нерос, соссос, индикт, фортнайт, иды наконец…

Как измерить время при помощи линейки, нас учили в школе, это считалось интересным внеклассным заданием.

А можно ли измерить время культурой, и какова будет эта обусловленно-необходимая единица? Задание посложнее, и здесь ученической линейкой не обойдешься. Здесь точные науки отступают.

Предположим, его можно измерить литературой. Или точнее – литературой, собранной верной рукой профессионала под одну обложку журнала-альманаха. И такой журнал-альманах длится и длится: неизменно, точно идет, как механизм швейцарских часов, несмотря на сотрясающие время политические и экономические катаклизмы.

Возможно ли такое? Да, и это случилось в Одессе.

В руках читателя – 50-й номер литературно-художественного альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», который вобрал в себя 12 лет жизни большого культурного центра. Вобрал и зафиксировал. И уже что бы ни случилось, альманах «Дерибасовская – Ришельевская» по праву стал неотъемлемой частью современного социума, культуры. По нему можно узнать время.

Журнал «Октябрь» поздравляет всех-всех с выходом пятидесятого номера. Кому как не нам, журналу, которому, страшно сказать, 88 лет, знать, до чего трудное, а если добавить поиск средств, многотрудное занятие – выпуск журнала. Издателю Александру Пушкину даже приходилось закладывать шали Натальи Гончаровой, чтобы его «Современник» встретился со своим читателем. Многодрудное, но радостное. Иначе зачем бы этим занимался поэт!

Москва

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы*

Хутора (дачи)

К этой проблематике я уже прикасался в разделе о городских предместьях. Под хутора, то есть садоводческие заведения, выделялась земля из городского выгона и сенокосов, удобная и неудобная по экспозиции, в том числе приобретенная городом у крупных землевладельцев. Условия описаны выше: получившие участки под обзаведение обязаны были в назначенный срок высадить определенное число саженцев – деревьев и (или) кустарников, к примеру, виноградных лоз. Скажем, дочери статского советника Степана Телесницкого Елена и София получили 25 десятин на Молдаванской слободке на два года с обязательством высадить не менее 20 «садовых или лесовых дерев на всякую десятину». Несколько позднее на каждую десятину полагалось уже не менее 100 деревьев или 400 кустов винограда[1]. Земля эта была отобрана у помещика Орловского-Ловчего, который в предыдущие три года (1809-1812) не исполнил взятых по обзаведению обязательств.[2] Если Комитетом фиксировалось надлежащее исполнение, хутор узаконивался за тем или иным хозяином, и он получал соответствующие владельческие документы. Площадь таких частных земельных владений сильно варьировала. При этом наиболее крупные участки принадлежали значительным лицам не из-за предвзятого распределения, а по той простой причине, что их хозяйственное освоение требовало наличия у охотников немалых ресурсов.

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49.

Раздача участков, как упоминалось выше, началась еще в бытность де Рибаса и де Волана. Например, Алексей и Григорий Кирьяковы получили в урочище Дальник по 25 десятин в конце 1795 года.[3] К.Н. Смольянинов говорит, что сам де Рибас подал пример устройства хуторов (дач), обзаведя свой собственный в пяти верстах от города.[4] Очевидно, этот хутор вскоре перешел к его брату, Феликсу. В ту пору, правда, реальное освоение отведенной бесплатно земли еще слабо контролировалось. Известно, что в 1797 году подобные участки находились в пользовании тридцати восьми семей земледельцев, что, впрочем, вовсе не означает, что все они занимались землепашеством.[5] К весне 1797 года в окружности Одессы существовало шесть «загородных домов».[6] На раннем плане Одессы, приложенном к «Истории Новороссии» барона Габриэля де Кастельно, показано три строения за Водяной балкой.[7] Это и неудивительно, ибо противоположный городу склон балки был удобнее для обзаведения как более пологий.

Уже в конце XVIII столетия хутора стали перепродаваться. Это, в частности, видно из сохранившейся «Книги Одесского городского магистрата о записке купчих крепостей 1799 года». Здесь, например, есть запись о покупке известным в местных исторических анналах городским секретарем Н.М. Мунтяновым хутора в Дальнике, который еще ранее дважды переходил из рук в руки. При этом первый владелец получил оный участок непосредственно из рук де Волана 24 ноября 1796 года. Здесь же упоминается смежный хутор небезызвестного старожила майора А.С. Буги[8], впоследствии тоже проданный.

Как видно из предшествующих выкладок, хутора на первом этапе отводились преимущественно в некотором отдалении от города или в «неудобьях», – с тем чтобы не занимать ближайшие пастбища, сенокосы, и чтобы наемные пастухи не гоняли принадлежащий гражданским и военным скот за тридевять земель. Ближайшим «неудобьем» была Водяная балка, парадоксально удобная для устройства не только садов и виноградников, но и мелких предприятий ввиду наличия воды и подходящих для ломки выходов известняка. Здесь находились хутора Георгия Врето (куплен у Николая Мунтянова), Томаса (Фомы) Кобле (хронологиче-

ски первый из принадлежавших ему), Петра Сканцио, Эммануила Спорити, устроившего в 1798 году первый виноградник, и др.[9]

Значительные размеры наделов – 25 десятин и более – были обычным делом. Например, вскоре вступивший в гильдию дворянин Александр Теотул (Теутул, Тевтул, Тефтул, тот самый, который позднее пожертвовал свою землю для устройства мужского монастыря и маяка на мысе Большой Фонтан. – **О. Г.**) получил в 1809-1810 годах 50 десятин в урочище Большого Фонтана и сумел обзавестись в 1812-м.[10] Показательно, что гораздо раньше Теотул, как и ряд других известных лиц, владел хутором в 25 десятин близ Водяной балки.[11] 50 десятин там же получила и более чем успешно обзавела специфически знаменитая графиня София Потоцкая[12]. Позднее французский негоциант, выдающийся аграрий Жан-Батист Рубо, прикупив смежные участки Потоцких, владел хутором в 103 десятины.[13] Хутор князя Гагарина на Большом Фонтане тоже охватывал пространство более 100 десятин: «Это уже не загородный дом, – пишет современник, – а целое поместье».[14]

Устройство на балке промышленных предприятий не требовало уж очень крупных отводов. Скажем, одесский 3-й гильдии купец, член магистрата, торговец мясом Николай Лифенцов (Лифинцов) 15 мая 1803 года подал прошение об отводе участка «близ хуторов Дмитрия Калафати (одесского 2-й гильдии купца, члена магистрата. – **О. Г.**) и г-на Самарина (Дмитрия Ивановича, подполковника, строившего город Нижегородского мушкетерского полка, а затем полковника, командира этого воинского соединения. – **О. Г.**), «подле криницы», для заведения пивоварни и подсобного хозяйства, площадью 80 на 50 саженей.[15] Позднее, в 1830-х годах, обширные участки, по 40 десятин, отводились и в окрестностях лиманов, на стыке с Пересыпью: скажем, известный ботаник Карл Десмет получил три таких надела общей площадью в 120 десятин, и превосходно обзавел.[16]

В целом же солидные наделы до середины 1810-х получило большинство видных фигурантов ранней истории города: герцог Ришелье, митрополит Гавриил, священники Воронич, Боряковский, Куницкий, Огинский, Сергеев, Бурмистренко, Родеус, генерал-лейтенант Засс, генерал-майоры Ферстер, Замятин (За-

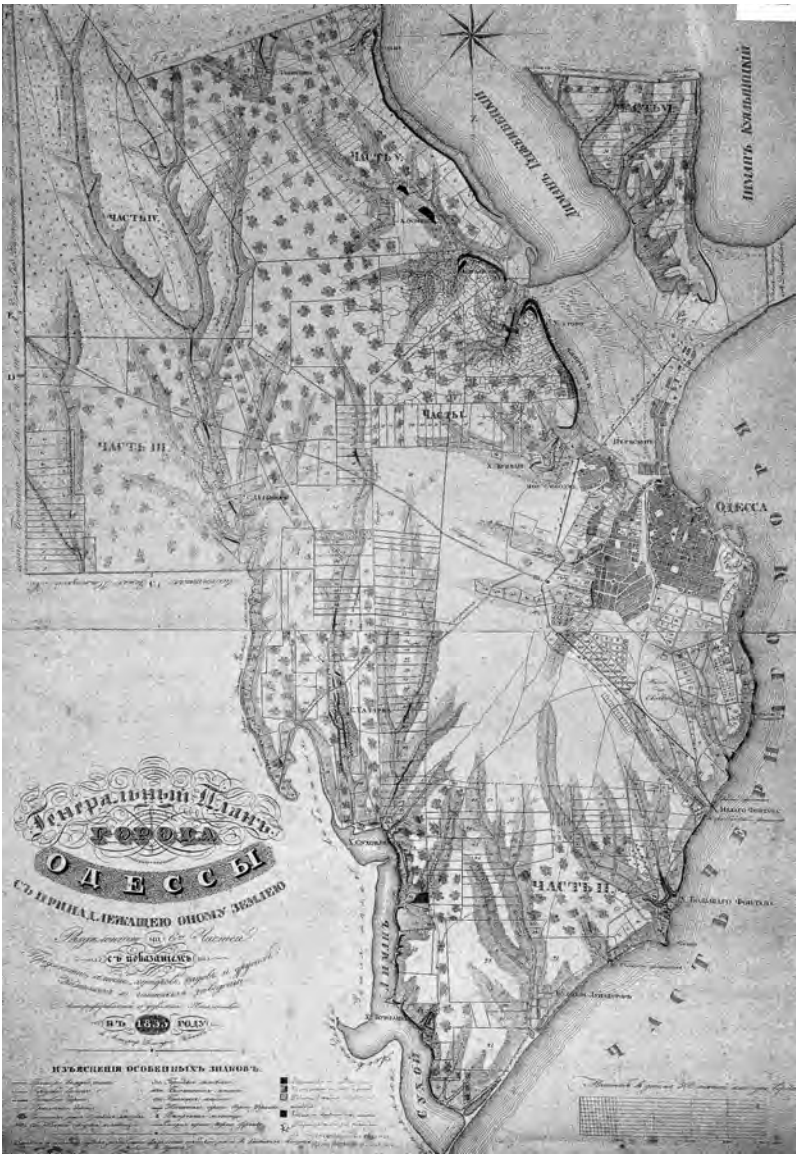
мятнин), Савоини, Хитрово (последний перешел к титулярному советнику Латуру), бригадир Држевицкий, полковники Парадовский, Аркудинский, подполковница Ренская (мать будущего капитана над портом Колонтаева), майор и поручик Буга (перешли к надворному советнику Дембровскому), майор Поджио (перешел к купцу Ксенису), капитан Селехов, подпоручик Дельсасо, ротмистр Третецкий, плац-майор Смирнов, чиновники Кирьяков, Телесницкий, Бларамберг, Фраполли, Андрияш (перешел к капитану Гебелю), Розенкампф, Мавромихали, Богданович, Кривчиков, Ризенко, Курдиманов, Шемиот, Корейша, Юферов (перешел к купцу Кошелеву), Врето, Трощинский, Серединский, Волохов, Головко, Кошевский, Петрулин, именитые граждане Портнов и Кленов, коммерции советник Форгегер, купцы Рагуцци, Флогаити, Вентури, Тузини, Инглези, Калафати, Панаги, Хельми, Франжи, Палеолог, Франгопуло, Хиони, Андросовы, Протасов, Кошелев, Тихов, Пчелин, Еройский, Шкроховский, Томилин, Соколов, Карлин, Попов, Лессар, Лигда, Сапожников, Шапошников, князь Долгоруков, граф Витгенштейн, князь Четвертинский, графиня Потоцкая, князь Мещерский, граф Разумовский, граф Долон, граф Дзеконский, граф Мощинский, граф Ржевуцкий, помещики Урбановский, Шиманский, Комар, Берзовский, Сарнецкий, Ярошинский, дворяне Дестуни, Теотул, Тимошенко, шляхтичи Костецкий, Квасневский, Завацкий, Липковский, Турский, супруга неаполитанского вице-консула Гульельмучи и др. Авторитетный историк К.Н. Смольянинов говорит об интенсивном обзаведении хуторов уже к 1808.[17]

Небольшой налог за использование общественной земли от «хуторян» и землевладельцев – мещан окрестных слобод, селений – шел в доход города. Комментируя «Письма об Одессе» Шарля Сикара (1811), председатель Одесского коммерческого суда и будущий градоначальник Н.Я. Трегубов остроумно анализирует этот момент: горожане платят за то, что занимаются «не тем, чем бы они должны заниматься».[18] Этот налог, по-моему, немного напоминает подоходный.

Один из основополагающих источников к изучению межевания хуторов – «Генеральный план города Одессы с принадлежащею оному землею, разделенною на 6 частей, с показанием пред-

местий, селений, хуторов, садов и других казенных и частных заведений» (1834), литографированный в 1835 году в одесской литографии Дмитрия Кленова. В собрании Одесского историко-краеведческого музея имеются два варианта: стандартный[19] и раскрашенный[20], есть такой план и в ГАОО. Он фиксирует сложившееся на том момент положение дел. Первая часть примыкала к Пересыпи в направлении Кривой балки и Дальника. Мористая сторона второй части тянулась от Малого Фонтана до нынешней Дачи Ковалевского, а в глубину суши до Сухого лимана. При этом земли колонии Люстдорф составляли самостоятельную единицу. Третья часть охватывала Дальницкие хутора и земельные угодья – в степь, за ними. Четвертая часть шла от третьей за Фомины хутора, Гниляковскую слободу и Холодную балку (слободку), пятая – включала собственно эти селения, а шестая – Жевахову гору (слободку). Вся остальная территория тогда входила в черту порто-франко, а потому фактически относилась уже к самому городу: скажем, участки по дороге к Малому Фонтану включили во вторую часть Одессы. Нумерация и даже количество частей городской земли к этому времени уже трижды переменились.

Несмотря на большое количество информации в фонде Одесского строительного комитета и ряде смежных, детальное изучение каждой из этих частей, разумеется, непростое дело. Основное затруднение – неоднократные перемена нумерации и переход земельных участков от владельца к владельцу на протяжении столетия, а то и более. Но что еще хуже – беспрерывное дробление этих хуторов, причем с нарастающим итогом в связи со скачкообразным ростом стоимости недвижимости. Легко видеть, что к 1835 году общее число владельцев не столь уже велико, а сами хутора еще весьма обширны. По достоверным данным К.Н. Смольянинова, в 1832 году в градоначальстве было уже 326 частных садов и виноградников на 1.725 десятинах.[21] По сообщению Эдварда Мортона, в 1817 году в окрестностях Одессы было 54 виноградника, в 1822-м – 110, в 1827-м – 162.[22] Наиболее плодоносный виноградник принадлежал купцу Ростовцеву и располагался в пяти верстах от мыса Большой Фонтан, причем первые лозы привезли с Ионических островов в 1815-м.[23]

Генеральный план города Одессы с принадлежащей оному землею. 1835 г.

Даже биография дач по нынешнему Французскому бульвару, входивших тогда в границы порто-франко, на сегодняшний день не столь уж ясна, как это представляется невооруженным глазом. На этом эпизоде я немного и остановлюсь для примера. Сумбур вносят не только перечисленные сложности, но и прилипчивые стереотипы, отчасти связанные с некорректной интерпретацией первоисточников. В этом смысле показательна схема тамошних хуторов: ее хронологически привязывают к первой половине 1820-х годов, и она уже чуть не два десятилетия перекочевывает из книги в книгу и гуляет по сайтам интернета.[24] Верная в общих чертах, эта схема лжет во многих деталях, скажем, в показании местоположения и размеров хутора графа Ланжерона и смежных.

Лишь ироническую ухмылку вызывает обозначение всей правой стороны Малофонтанской дороги, начиная от Старого ботанического сада, – как «сада Ришельевского лицея». Нонсенс, да и только. Едва ли вполне отвечает действительности и показанное местоположение хутора Рашковича, а тем паче «католических аббатов» (лицейский). Суть в том, что изначально сказанная растиражированная схема представляла собой приблизительную выкопировку с упомянутого плана 1835 года и была помещена в синхронном «Новороссийском календаре».[25] В собрании Одесского историко-краеведческого музея хранится план хуторам при Малофонтанской дороге, составленный в те же годы, и он вполне согласуется с генеральным планом 1835 года. То есть сказанная выкопировка никак не может датироваться первой половиной 1820-х, а фиксирует ситуацию, сложившуюся десятилетие спустя.

Из музейного плана мы четко видим, что первоначальный расклад землевладельцам мористой стороны изменился следующим образом: вместо Рашковича, Рено, Феогности, Россет (Арнольди) – Лицей, купец Маразли, барон Рено, Антон Риссо (Рисо, Ризо, Риза), граф Воронцов. При этом протяженность участка Маразли по фронту дороги к Малому Фонтану составляет 2:7 от длины владений Рено. Противоположная сторона будущего Французского бульвара в направлении города занята хуторами: того же Маразли, жены купца Родоканаки, Деспины Папудовой, Матвея Маврокордато, полковника Сафонова, доктора Андриевского и вторым хутором Лицея, примыкавшим к Городскому ботани-

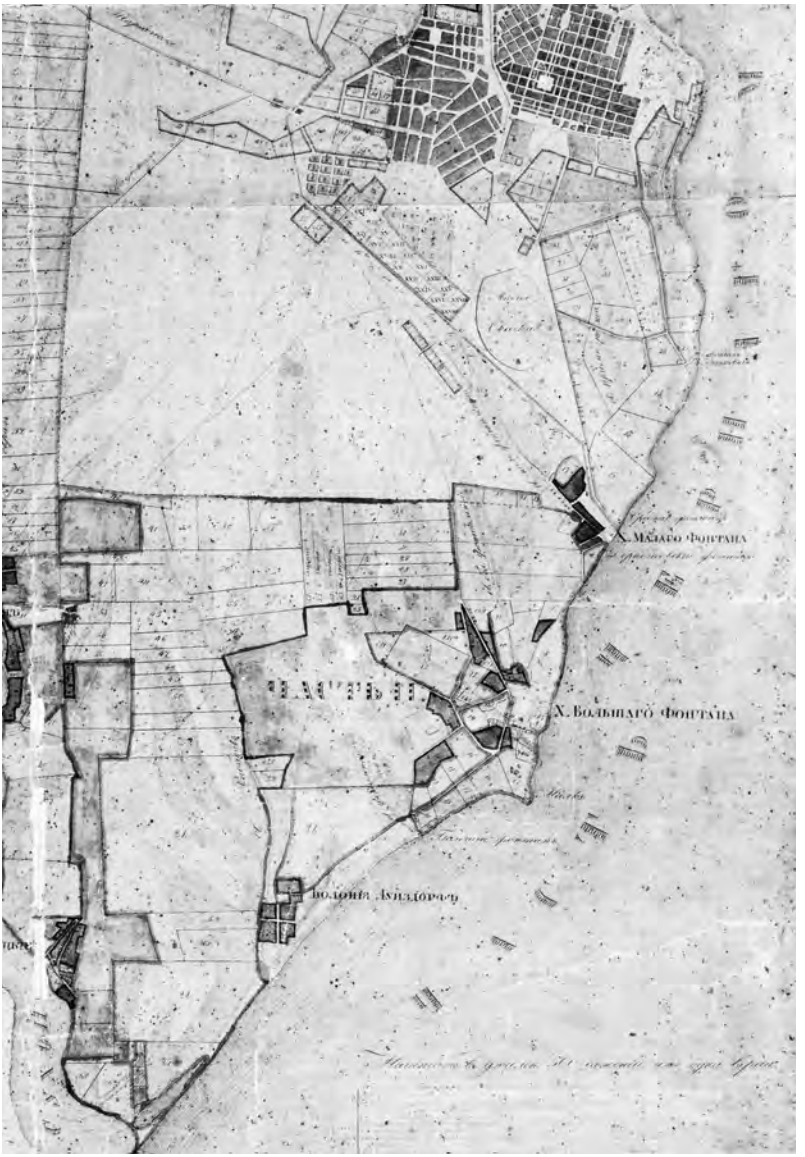

Генеральный план города Одессы с принадлежащей оному землею. 1835 г.

ческому саду. Всего, не считая лицейских, здесь 11 участков более или менее равноценных, из которых шесть принадлежит Сафонову, причем два из них перешли к нему от чиновника Васильева. За ними, ближе к Малому Фонтану, где теперь гостиница «Юность» и ресторан «Горец», был расположен обширный хутор успешного биржевого маклера и садовода Антона Аргузена[26], перешедший к семейству его дочери – Колонтаевым, позднее – дача Мавро-Биязи.

Отвод приморских участков под садоводство за «большой крепостью», насколько можно судить из имеющихся документов, начал производиться только после создания Строительного комитета, с 1804 года. Земля отводилась здесь из городского выгона на стандартных условиях обзаведения в срок. Первыми владельцами были люди известные: коллежский советник Осип Россет, купец 2-й гильдии Антон Феогности, негоцианты Жан Рено и Флориан (Флор) Рашкович. О Рено немало сообщалось в предыдущих разделах. Феогности – один из первых поселенцев Одессы, который прибыл сюда в 1796 году из Константинополя и застал еще своего земляка-фанариота Кесоглу[27], а хутор получил вслед за Россетом, и этот последний был некоторое время ближайшим к крепости землевладельцем (затем в промежутке обосновался Кобле). Во всяком случае, в журнале заседаний ОСК от 1 сентября 1824 года сказано: хутор одесского гражданина Антона Феогности на городской земле по смежности коллежского советника Россета отведен Комитетом 6 июня 1804 года, исков и претензий по этому поводу у других лиц нет.[28] Коль скоро «старик Феогности» консультировал историка К.Н. Смольянинова, то был еще жив в самом начале 1850-х, однако хутор его ранее 1848 года уже продан – скорее всего, по частям. В.А. Чарнецкий пишет о том, «что в июне 1804 года Россет приобрел хутор рядом с хутором Феогности»[29], однако это не вполне согласуется с архивными документами: землю он не купил, а получил от Строительного комитета для обзаведения, Феогности же отвели смежный участок во вторую очередь.

Что до Рашковича, тот одно время был довольно состоятелен, занимался оптовой торговлей (негоциант), имел недвижимость в городе[30], по стечению обстоятельств сумел получить наиболее

Фрагмент Генерального плана: территория от города до Сухого лимана. 1835 г.

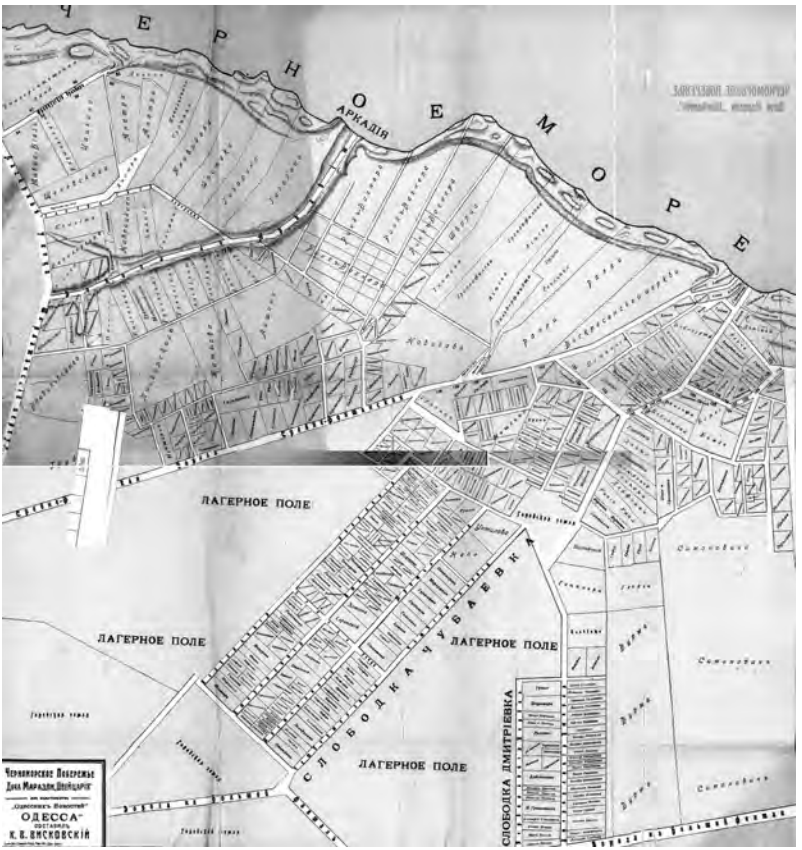
выгодный надел близ Малого Фонтана. Рядом находился единственный пригодный для гужевого транспорта естественный спуск к морю. Как мы увидим ниже, Рашкович лично обустроил этот «фонтан», то есть выход подземных вод понтического водоносного горизонта, и источник окрестили *Рашковским фонтаном*. Этот источник интенсивно использовался для водоснабжения окрестностей, а равно коммерческих и военных судов, находился на берегу, не входил в границы принадлежавшей Рашковичу земли и формально состоял в ведении Строительного комитета.[31] В 1817 году предполагалось даже «провести в город и в карантин воду из фонтана Рашковича»[32], однако этот проект так и не был осуществлен.

К истории этого хутора и «фонтана» мы еще вернемся, а пока – информация о первоначальной площади этих хуторов: все они заключали в себе по 25 десятин удобной земли на приморском плато. Кроме того, Россету и Феогности принадлежало по две десятины, а Рено четыре десятины «неудобий», то есть склонов и оползневых террас. Были «неудобья» и у Рашковича, однако площадь их в архивных документах не указана.[33] Владельческие права сказанные землевладельцы получили лишь в 1809 году, явно превысив отведенные им на обзаведение сроки.[34] Надо полагать, никто их особенно и не торопил – принимая во внимание всю сложность освоения больших участков в крайне неблагоприятных условиях.

Строить дома владельцев хуторов и вовсе никто не обязывал – это был их приватное дело. Они и не спешили прежде надлежащего обзаведения, и лишь затем, после устройства здесь приличных жилых покоев, *хутора* постепенно преобразились в *дачи*. А ранее на таких участках строили лишь землянки или времянки для хранения садовых инструментов и обитания сторожей. Это видно, к примеру, из дела о наследстве героически погибшего в ходе ликвидации чумной эпидемии 1812 года доктора Джованни Капелло, человека довольно состоятельного: на его хуторе, «по обрыву, близ Рашковича», была только землянка.[35] Даже и много позднее некоторые хутора оставались без жилых строений.

В этом отношении показателен фрагмент текста литератора И.М. Долгорукова, описавшего морскую прогулку на шлюпках, организованную герцогом Ришелье в 1810 году, в которой меж-

ду прочими участвовал граф Сен-При, тоже владелец хутора в 25 десятин, находившегося в конце нынешнего Французского бульвара, где санаторий «Россия».[36] В ходе этого маленького вояжа наши путешественники укрылись от сильного ливня на хуторе Рено. Добротный дом был уже готов, однако еще не отделан изнутри. «Домик прекрасный, – пишет Долгоруков, – с хорошим выпуском на берегу Черного моря, виды волшебные, местоположение божественное, высоко, величественно всё…»[37] Отсутствие жилых строений даже на хуторах самых состоятельных лиц не мешало

План К. Висковского

им, однако, возводить тут сооружения, приносящие реальный доход. Так, еще летом 1806 года Россет получил дополнительно 25 квадратных саженей земли к своему хутору для устройства мельницы на границе с участком Феогности.[38]

Уже в ту пору, как мы видим, меняется конфигурация хуторов, перераспределяется земля меж «хуторянами». Скажем, 9 марта 1811 года Россет получает дополнительно 10 десятин, а 25 апреля 1813-го возвращает их Комитету, и эту землю присоединяет к своему хутору его сосед, военный комендант Одессы генерал-майор Ф.А. Кобле[39]. Сам генерал, как было сказано, сначала владел хутором на Водяной балке, а затем, ранее 1813-го, и другим, ближайшим к крепости. 11 января 1822 года он продал первый из них полковнику И.И. Понятовскому вместе с «верховою избою, двумя колодцами и кирпичным сараем».[40] В общей сложности за генералом Кобле в 1814 году значится 40 десятин близ крепости.[41]

Здесь уместно пояснить, почему до конца 1810-х годов более близкие к городу места не отводились, и хутор военного коменданта был граничным. Дело в том, что эспланада Одесской крепости не могла застраиваться из военно-стратегических соображений. По этой причине свободной до начала 1820-х оставалась нечетная сторона будущей Канатной улицы, а равно некоторое пространство за крепостью в направлении Малого (Рашковского) Фонтана, до хутора Кобле. Согласно именному указу от 30 октября 1811 года, крепость исключена «из числа штатных», а ее территория со всеми сооружениям отдавалась в распоряжение Одесского карантина.[42]

Упразднение этого фортификационного сооружения привело к изменению локальной военной доктрины, и в свою очередь, к перемене общей планировки Одессы. Тогда же, в 1811 году, под руководством Е.Х. Ферстера был составлен новый специальный план города, предусматривающий строительство сухопутной оборонительной системы: казарм, охватывающих Одессу полукружьем, провиантских магазинов и проч.[43] До завершения этого военного строительства раздача мест близ крепости и в старом «военном городке» на территории будущего Приморского бульвара и его ближайших окрестностей оказалась замороженной

Пересыпь и окрестности

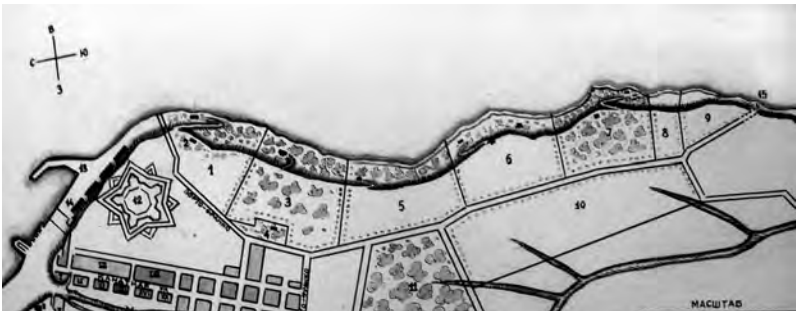
за исключением единичных островков – домов Телесницкого, Куликовского, Андре, Сен-При, Черновой, но это тема другого раздела. Кроме того, некоторые сложности у хуторян «за крепостью» возникали и в ходе обустройства второй, а затем третьей черты порто-франко, предполагавших наличие довольно широкой полосы отчуждения.

Единственным сооружением, которое планировалось построить меж бывшей крепостью и хутором Кобле, было новое здание Ришельевского лицея. Однако и этот проект не осуществился. 29 мая 1818 года в Строительный комитет поступил следующий рапорт инспектора Одесского карантина полковника Васильева: «На предписание Комитета за № 963 – в рассуждение отвода земли для построения нового дома Ришельевского лицея, честь имею донести, что место, показанное уже предварительно знаками от самого лицея для построения означенного дома, по мнению моему, весьма близко к карантину, ибо одна сторона

дома лицея находиться будет на самом гласисе крепости и не более 16 сажен от крепостного рва, карантин окружающего, в коем имеется кладбище, где погребены и умершие от чумы люди (изолированное Карантинное кладбище функционировало много десятилетий. – **О. Г.**); а потому, не приступая еще к отводу той земли, нужным считаю представить о том на благорассмотрение Комитета со испрашиванием разрешения. Полковник Васильев. № 35-й. 17 мая 1818».[44]

С этим сюжетом, судя по всему, связан другой – о хуторе директора этого учебного заведения аббата Николя. Я пока не располагаю точной датой отвода ему соответствующего участка, однако обнаружил весьма любопытный в этом отношении более поздний документ. 22 декабря 1824 года находившийся уже четыре года в Париже Николь просил небезызвестного полковника И.А. Стемпковского навести справки о своем одесском хуторе. Обеспокоенность аббата объясняется тем, что перемены границ порто-франко и связанная с этим проблема создания «полосы отчуждения» могла привести к «обрезке» принадлежащей ему земли. Однако выяснилось, что место достаточно удалено от черты порто-франко. Комитет наряжал городского землемера штабс-капитана Круга провести рекогносцировку на местности. При этом упоминаются владельцы соседних хуторов: Ланжерон, Кобле, Кантакузин.[45] Как видно из других документов, хутор Николя находился рядом с тем местом, на котором собирались выстроить лицей. Само же «лицейское место» вскоре получил чиновник Я.И. де Негри[46], надзиратель одной из двух дистанций на черте порто-франко, начинавший помощником надзирателя в 1823-м[47].

Что касается хутора графини Ланжерон, то территория для его устройства была отведена лишь в 1821 году[48], и вовсе не в той конфигурации, какую дает упомянутая выше «пиратская схема». Хутор занимал несравненно более узкую приморскую зону, нежели владения Кобле, Феогности, Рено, Рашковича, что видно и из плана 1835 года. Тогда же, вначале 1820-х, получить наделы на этом пятачке стремились графиня Софья Волконская, статский советник Лука Кирико, военный инженер майор Жюст Гаюи[49]. Последний успешно стал здесь обустраиваться меж хуторами Ланжерон и Кобле, а кроме того, занимался устройством дел Волкон-

«Пиратская схема»

ской, однако вскоре, очевидно, уступил свое место более состоятельному лицу.

После покупки хутора Кобле (здесь не позднее 1823 – начала 1824 гг. был и приличный дом), в 1828 году, действительный статский советник Иван Курис просил отвести ему здесь смежное место под магазин, то есть под большой склад или амбар (который, впрочем, так и не построил, несмотря на представленные в Комитет грандиозные проекты), купец Яков Атвуд – под мельницу[50], а купец Николай Колумбо – под кирпичный завод[51]. Кирпичные заводы по Малофонтанской дороге функционировали и гораздо позднее, кое-где производилась и ломка камня, которая с отдельными исключениями дозволялась за чертой портофранко.[52] Утверждение бывшего хутора Кобле с прибавленной со стороны упомянутого хутора де Негри и хутора небезызвестного П.Я. Марини (вероятно, первично отведенного Гаюи) территорией за супругой Куриса Екатериной относится к 1836 году[53]. 1832 годом датируется дело из фонда ОСК об отводе земли коллежскому асессору Морозову – меж хуторами Ланжерон и Курис[54]. Летом 1835 года к хутору графини Ланжерон, вероятно, тоже делались какие-то прибавления: во всяком случае, в одной из описей ОСК значится несохранившееся дело «об отводе».[55]

Говоря короче, ситуационный план территории меж крепостью и хутором Кобле (Куриса) не так прост, как нас уверяют дилетанты, отвод и перераспределение земель активно осуществлялись здесь уже в 1820-х. Занимательна судьба хутора Россет,

по второму мужу Арнольди[56] – это чрезвычайно обширный сюжет, скорее даже литературный, но его я отчасти касаюсь в другом разделе. Во всяком случае, уже в первые десятилетия позапрошлого столетия этот хутор еще дважды переходил из рук в руки целиком, а затем раздробился.[57] В 1850-х распался хутор Куриса, проданный по частям его сыновьями после кончины матери. Далеко не безоблачно складывались отношения соседей, греческого купца Феогности и коммерции советника барона Рено, земельные споры привели к тяжбе как раз в ту пору, когда здесь бывал Пушкин, что также отражено в фонде ОСК.[58] Оба хутора тоже оказались расчлененными, правда, первый гораздо ранее.

Но перейдем на противоположный фланг будущего Французского бульвара, где изначально обосновался упоминавшийся Рашкович. Весьма любопытную информацию дает обсуждение прошения его вдовы Корнелии в Строительном комитете 9 августа 1824 года. Супруг ее ушел из жизни после лета 1820 года, ибо в это время еще тягался с мещанином Родионовым за землю на Греческом форштате.[59] Из резолюции к прошению 1824 года видно, что покойный Рашкович, по уверению супруги, «открыл» и обустроил фонтан за свой счет, причем делал это по напутствию герцога Ришелье, обещавшего вознаградить инициатора за труды, поскольку водозабор оборудовался к общественной пользе. Выше я уже ссылался на журналы ОСК, где упоминался Рашковский фонтан – там отмечалась необходимость его ремонта в августе 1810 года.[60] Теперь выясняется, что сказанный ремонт Рашкович осуществил за свой счет, и вся затраченная сумма – 161 рубль 30 копеек – ему была компенсирована в 1811-м. В том же году он получил и официальные владельческие документы на свой хутор. Находясь в финансовом затруднении, вдова напоминает Комитету давнее обещание герцога оплатить первоначальное устройство фонтана.

Комитет парирует подобное домогательство следующими рассуждениями. Фонтан и дорога к нему принадлежат городу. За ремонт покойному Рашковичу заплатили сполна. Сама формулировка «открытия» самоизливающегося источника представляется некорректной – это же не колодец. Но даже и в таком непредвиденном случае можно было бы оплатить затраты, если бы Кор-

нелия представила, как это широко практиковалось, конкретные счета и свидетельские показания.[61] Почему вдова Рашкович подняла вопрос о вознаграждении именно в это время? Да потому, что у Рашковского фонтана построили специальную пристань для снабжения судов дефицитной пресной водою. 5 января 1822 года военный инженер Шарль Потье докладывал Комитету о том, что майор Гаюи составил проект этого гидротехнического сооружения, каковой следует без промедления привести в исполнение, «потому что находящиеся ныне в карантине суда вынуждены покупать воду в городе». Параллельно предусматривался и новый ремонт фонтана.[62] И в дальнейшем Строительный комитет регулярно контролировал исправность этого важнейшего источника водоснабжения.[63]

Небезынтересно, что с самых первых лет существования Одессы городские власти стремились к тому, чтобы естественные выходы подземных вод – в первую очередь, так называемые *фонтаны*, или *фонталы*, не оказывались в частном владении и контролировались как казенные. Скажем, еще 28 октября 1799 года, по прошению губернского секретаря Ивана Ивановича фон Шотина, городского синдика, ему отвели под хутор и для разведения сада место по берегу моря, с обеих сторон «от большого фонтала» длиною 700 саженей, а в ширину – «от берега до верха горы», то есть до бровки плато. Однако было оговорено: земля отдана «ему лишь в пользование, а не в крепость».[64]

В 1820-х хутор Рашковича принадлежал уже Ришельевскому лицею. Некоторые обстоятельства покупки и экспозиции удалось обнаружить в одном из «отводных» дел Строительного комитета. В записи от 4 декабря 1817 года сказано, что Комитет определил отвести для Ришельевского лицея 50 десятин городской земли (то есть это было ранее названной даты). Но поскольку известно, что самим лицеем уже куплен хутор Рашковича, то определенное количество земли можно отмежевать «смежно с землею Рашковича», которая выходит меж хуторов господ Селихова (Селехова) и Парадовского. Оба были заслуженными военными, причем Селихову 29 октября 1814 года отвели место «по балке, лежащей близ хутора Парадовского», 200 на 150 саженей[65], в 1815-1816 годах земля утверждена за пятерыми братьям Селиховыми, офи-

церами, причем к ним перешел и хутор героически погибшего в 1813-м полковника Ф.О. Парадовского. В 1836-м часть этой земли продали дворянке Анне Младецкой, дочери известного аптекаря, еще одну часть в 1838-м купил титулярный советник Христиан фон Шмидт, другой известный фармацевт[66]. В 1830-х Селиховым принадлежал обширный хутор в тылу участков полковника Сафонова и частично нового хутора Ришельевского лицея[67], то есть примыкавший к нынешнему проспекту Шевченко.

В упомянутой записи об отводе земли лицею говорится и о некоем господине Краузе, каковому уже назначено 20 десятин как раз в этом месте: назначено, но еще не отведено, а потому есть возможность дать взамен столько же земли, но в другом месте, по его собственному выбору[68]. Можно предположить, что причиной продажи Рашковичем хутора было ухудшение его финансового положения: весьма благополучная в 1808-1811 годах ситуация сильно ухудшилась в результате войны и чумы 1812 года.[69] Так или иначе, а мы видим, что и с этой стороны нынешнего Французского бульвара первичное расположение приморских дач едва ли в точности соответствует упомянутой «пиратской схеме».

К сожалению, до нас не дошло крайне любопытное дело на семи листах из фонда 59 от 4 мая 1826 года «О доставлении сведения графу Михаилу Семеновичу Воронцову о земле, на коей существует фонтан Рашковича».[70] Ясно только, что, во-первых, на эту городскую землю кто-то претендовал, а во-вторых, устроитель фонтана все же получил сатисфакцию, по крайней мере, увековечил свое имя добрым делом.

Дальнейшая история здешних обширных приморских хуторов – это история беспрестанного дробления[71], продажи по частям. Если первичное их число близко к десятку, то примерно за столетие оно увеличилось примерно в четыре с половиной раза.[72] Пожалуй, лишь органично перешедшая Императорскому Новороссийскому университету дача Ришельевского лицея сохранилась в значительном объеме – около 14 десятин.[73] По свидетельству авторитетного историка А.И. Третьяка, первоначально ее площадь составляла 26 десятин.[74] Но это была другая лицейская дача, примыкавшая к Городскому ботаническому саду, отвод территории под которую осуществлялся уже в первой половине

1830-х, в бытность попечителем Одесского учебного округа действительного статского советника Н.Ф. Покровского.[75] Возможно, путаница, связанная с атрибуцией «лицейских садов», о которой говорилось гораздо выше, связана с тем, что изначально территория будущего городского ботанического сада была отведена аббату Николю и лицейским профессорам. Однако они владели ею лишь два месяца, с 4 декабря 1818-го по 3 февраля 1819 года, благоразумно передав под устройство сказанного сада.[76]

Даже крупнейшие дачи имели площадь в несколько раз меньшую, нежели архаические хутора. Дробление доходило до того, что площадь отдельных дач соответствовала площади домов в историческом центре. Скажем, самая, пожалуй, значимая на бульваре приватная приморская дача – Г.Г. Маразли – занимала менее десяти десятин[77], а его наследников – менее шести[78]. Поэтому атрибуция дач и исходных хуторов часто представляется некорректной. Например, бывшую дачу И.П. Рено до сих пор принято называть дачей Н.И. Бухарина – по одному из следующих владельцев, тогда как на самом деле обе, очевидно, распродавались по частям, и непонятно, о каком хронологическом срезе идет речь в каждом конкретном случае. По крайней мере, к владельцу В. Бекману дача Н. Бухарина отошла на исходе 1890-х с площадью менее 11 десятин[79], тогда как исходный хутор Рено заключал в себе 25 десятин удобной и четыре – неудобной земли (см. выше). Это и неудивительно, поскольку первичная дача Рено была выставлена на продажу еще в августе 1842 года[80], а Бухарин стал градоначальником в 1868-м[81].

Еще один сюжет перекройки территорий связан с собственно преобразованием Малофонтанской дороги во Французский бульвар. В популярном издании гражданского инженера В.И. Зуева, по сути разработавшего и осуществившего этот проект, находим следующий примечательный пассаж: «…дорога имела первоначально гораздо большую, чем в настоящее время (1898 год. – **О. Г.**), ширину. Но в 20-х годах она была сужена по распоряжению высшей местной администрации до нынешней ее максимальной ширины – 10 саж. Прирезки, образовавшиеся вследствие сужения ее, прибавлены к прилегающим к ней хуторам (…). Установить с точностью характер и содержание

этого распоряжения нет никакой возможности вследствие сожжения в 50-х годах всех признанных тогда ненужными дел по Строительному комитету, хотя из дел, касающихся отдельных хуторов, расположенных по этой дороге, видно, что они были увеличены мерою земли, вследствие добавления к ним полосы, образовавшейся путем сужения дороги».[82]

В ходе расширения формирующегося бульвара от прилегающих дач отрезали три десятины земли.[83] А это означает, что в ряде случаев пришлось переносить не только каменные заборы, но даже здания и сооружения. Кроме того, еще часть территории дач ушла в «обрезки» в процессе расширения ведущих к морю переулков.[84] При атрибуции дач надо иметь в виду то обстоятельство, что в сплошных перечнях владельцев и запутанной нумерации очень редко прямо указывается, которые из них граничат непосредственно с дорогой к Малому Фонтану (Французскому бульвару), а какие имеют выход лишь к переулкам, а то и пешеходным дорожкам.[85] Запутанность, нелогичность ретроспективной нумерации[86] как раз и объясняется регулярным дроблением хуторов и дач. Если в городе вопрос оперативной перемены нумерации решался присвоением временного индекса – А, Б, В, – то в данном случае индексация внесла бы еще большую путаницу, нежели присвоение новых номеров, поскольку дробление участков шло не только фронтально, но и в их глубине.

Что касается упоминавшихся сожженных дел Строительного комитета, то одно из них, 1827 года, все же сохранилось, ибо вопрос о дороге к Малому Фонтану там рассматривается в контексте устройства третьей и последней черты порто-франко[87]. Два других тематически связанных дела – «Об исправлении дороги к Рашковскому фонтану» 1824 года[88] и «По отношению Ришельевского лицея о возврате земли, занятой под новую дорогу, сделанную к Малому Фонтану» 1825 года[89] – действительно утрачены. Однако из самих заголовков понятно, что сказанная дорога отрезала часть лицейской территории, каковую, возможно, компенсировали. Не сохранилось, к сожалению, и еще одно дело подобного рода, 1842 года, «По отношению попечителя Одесского учебного округа тайного советника Княжевича об устроении дороги на хутор, принадлежащий Ришельевскому лицею».[90]

Хорошим подспорьем к архивным материалам могут служить оценочные ведомости недвижимости одесских дач, в частности, реестра на 1848 год.[91] Здесь среди прочих перечислены и «дачи, идущие от Ботанического сада до Фонтанской таможенной заставы и от заставы до крепости».[92] Из этого списка, между прочим, видно, что к тому времени число приморских дач увеличилось, по крайней мере, вдвое, то есть процесс дробления первичных хуторов уже в ту пору шел довольно интенсивно, хотя и неравномерно. При этом дачевладельцы платят уже не только незначительный поземельный налог, но и стандартный полупроцентный городской сбор с недвижимости. Таким образом, преобразование *хуторов* в *дачи* становится юридическим фактом.

Дачи Французского бульвара постоянно находятся в поле зрения исследователей как анклав, связанный с пребыванием целого ряда выдающихся исторических персонажей: императоров Николая I, Александра II, первых администраторов города и края, А.С. Пушкина, его окружения и др. Не стану особо утруждаться ссылками на этот счет – материалы подобного рода и без того широко известны, ограничусь лишь теми, что представляются наиболее значимыми лично мне.[93] И хотя первичные ранние хутора (Кобле, Россет, Феогности, Рено и др.), как мы говорили, размыты многочисленной позднейшей перекройкой, территориальная атрибуция, идентификация их возможна благодаря вполне пригодному для совмещения с современной топографической основой упомянутому плану 1835 года. Над уточнением деталей, понятно, придется потрудиться.

Примечания

[1] Третьяк А.И. Рождение Одессы. – Одесса: Optimum, 2004, 217 с.

[2] Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО), ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 271.

[3] Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 61.

[4] Там же.

[5] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 77, л. 3.

[6] Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 77.

[7] Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. – v. III. – Paris, 1820, p. 8-9.

[8] ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 15, л. 1-2.

[9] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 12, 223, 368, 371. Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 118.

[10] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 179.

[11] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 17, л. 18.

[12] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 148-149.

[13] Третьяк А.И. Рождение Одессы. – Одесса: Optimum, 2004, 217 с.

[14] Чистяков М. Из поездок по России. – СПб., б. г., с. 49.

[15] ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 15.

[16] Из архива К.Э. Андреевского. Записки Э.С. Андреевского. Т. I. – Одесса, 1913, с. 204.

[17] Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 154.

[18] Письма об Одессе. Сочинение г. Сикара. – СПб., 1818, с. 121, примечание (**).

[19] Одесский государственный историко-краеведческий музей (далее – ОГИКМ), инвентарный № К-608.

[20] Там же, № К-607.

[21] Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 216-217.

[22] Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 119.

[23] Там же, с. 120.

[24] См., например: Вся Одесса. – М.: Dimoff&Co, 1997, с. 505. Но это не первая публикация. Еще: В.А. Михальченко, О.Г. Сивирин. Да будет правда. – Одесса: Эвен, 2005, с. 42. В интернете: например, sergecot.com

[25] Много лет назад я собственноручно держал библиотечный экземпляр сказанного альманаха с помещенной там схемой, но позднее оная оттуда странным образом улетучилась. Авторитетный историк и библиограф Е.В. Полевщикова обнаружила следы «взлома» в экземпляре «Новороссийского календаря на 1836 год» (Одесса, 1835) из собрания Одесской государственной научной библиотеки имени М. Горького. Нам не удалось поймать похитителя за руку, но остаемся в большом подозрении относительно личности – как одесского автора, много ее эксплуатировавшего и не раз публиковавшего собственную невежественную интерпретацию в контексте литературного краеведения.

[26] ОГИКМ, инвентарный № К-540.

[27] Смольянинов К. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 105.

[28] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 466 об. – 467.

[29] Чарнецкий В.А. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: Друк, 2001, с. 34.

[30] Там же, д. 257, л. 148.

[31] Там же, д. 262, л. 51.

[32] Из архива К.Э. Андреевского. Записки Э.С. Андреевского. Т. I. – Одесса, 1913, с. 180-181.

[33] ГАОО, ф. 4, оп. 3, д. 570А, л. 17 об.

[34] Там же.

[35] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 79, л. 47-49.

[36] Чарнецкий В.А. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: Друк, 2001, с. 92.

[37] Долгоруков И.М. Путешествие в Одессу и Киев 1810 года. – М., 1869.

[38] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 18, л. 37-38.

[39] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 162.

[40] Там же, ф. 18, оп. 3, д. 7, л. 2 об.

[41] Там же, ф. 4, оп. 3, д. 570А, л. 17.

[42] Полное собрание законов Российской империи (1810-1811 гг.), т. XXXI, с. 886.

[43] ОГИКМ, инвентарные № К-600 и К-609.

[44] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 201.

[45] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 769-770.

[46] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 202 на 99-ти листах.

[47] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824. Ч. II. – СПб., Б. г., с. 198.

[48] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 30, на 24-х листах.

[49] Там же. См. также в той же описи информативное название несохранившегося дела № 67, из которого видно, что 15 мая 1824 года Кирико просит отвести две десятины земли по границе с хутором графини Ланжерон.

[50] Там же, д. 202 на 99 листах.

[51] Там же, оп. 1, д. 765 на 8 листах.

[52] См. раздел «Каменоломни и мины: регламентация. Инженерно-геологические изыскания».

[53] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 259 на 26 листах и д. 276 на 15 листах.

[54] Там же, оп. 1, д. 1468 на 10 листах.

[55] Там же, д. 1978 на 20 листах (утрачено).

[56] Там же, оп. 3, д. 13 на 76 листах.

[57] Труды Одесского статистического комитета. Вып. IV. – Одесса, 1870, с. 59, примечание.

[58] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 63 на 62 листах.

[59] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 175 на 8 листах.

[60] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 51.

[61] Там же, д. 286, л. 316-317.

[62] Там же, д. 281, л. 6.

[63] Там же, оп. 2, д. 131 на 137 листах.

[64] А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 24.

[65] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 318, 342.

[66] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 439, лл.1, 2-4, 7, 9, 13.

[67] ОГИКМ, инвентарный № К-540.

[68] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 397 об.

[69] Письма об Одессе. Сочинение г. Сикара. – СПб., 1818, с. 116.

[70] ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 98 на семи листах (утрачено).

[71] Третьяк А.И. Рождение Одессы. – Одесса: Optimum, 2004, 217 с.

[72] Вся Одесса. Адресная и справочная книга на 1911 год. Ч. 4, ст. 313-315.

[73] Вся Одесса на 1900 год, издание В.К. Фельдберга. Ч. Н, с. 130.

[74] Третьяк А.И. Рождение Одессы. – Одесса: Optimum, 2004, 217 с.

[75] ОГИКМ, инвентарный № К-540.

[76] Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская. Одесский альманах. Кн. 49. – Одесса, АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 9.

[77] Вся Одесса на 1900 год, издание В.К. Фельдберга. Ч. Н, с. 130. Вся Одесса на 1904-1905 год, издание Л.А. Лисянского, с. 106.

[78] Вся Одесса на 1906 год, издание Л.А. Лисянского, с. 105.

[79] Вся Одесса на 1900 год, издание В.К. Фельдберга. Ч. Н, с. 130.

[80] Одесский вестник, 1842, № 61 и 65, 1 и 15 августа.

[81] Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 790.

[82] В.И. Зуев. Французский бульвар в Одессе. Одесса, 1915, с. 16.

[83] Там же, с. 18.

[84] Там же, с. 29.

[85] См.: Вся Одесса на 1910 год, издание Л.А. Лисянского, ст. 222. К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1906, с. 242. Здесь имеются более конкретные указания.

[86] См., например: Вся Одесса на 1897 год, издание Л.М. Лукашевского, с. 185.

[87] ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 129 на 43 листах.

[88] Там же, д. 74 на 180 листах (утрачено).

[89] Там же, оп. 3, д. 87 на 8 листах (утрачено).

[90] Там же, д. 393 на 9 листах (утрачено).

[91] Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., 73 с.

[92] Там же, с. 72-73.

[93] См., например: Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина: 1799-1826. – Ленинград: Наука, 1991, с. 363, 431. Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: Наука, 1989, с. 367. Пушкин. Статьи и материалы. Вып. III. – Одесса, 1926, с. 77. Н.С. Всеволожский. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь. – М., 1839, ч. I, с. 99-100. Одесский альманах на 1839 год, с. 192-193. Одесский альманах на 1831 год, с. 62-64. /П.П. Свиньин/. Взгляд на Одессу. – Отечественные записки, 1830, январь, № 117, с. 40-41. «Москвитянин», 1854, т. III, № 9, май, кн. 1, отд.V, с. 1-16. В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье… – Одесса: Друк, 2001, с. 60. Эдвард Мортон. Одесса, какая она есть. Записки путешественника. – Одесса: Optimum, 2012, с. 127. Это далеко не полный перечень литературы о примечательных дачах как памятных местах.

Виктор Михальченко

Жизнь нуждается в милосердии*

К истории Шуваловского приюта

Призирайте нищих, оденьте нагих, напитайте алчущих.

Домовая церковь в приюте, основанном Обществом призрения нищих, появилась в 1889 году при следующих обстоятельствах.

Общеизвестно, что храмоздательство на Руси всегда было тесно связано с теми или иными событиями в церковной жизни либо в жизни правящего императорского дома. Год 1888-й ознаменовался трагедией, в центре которой волей судеб оказалась императорская семья. Поезд с царственными особами потерпел крушение на Курско-Харьково-Азовской железной дороге близ станции Борки. Авария произошла 17 октября 1888 года на совершенно ровной насыпи, когда поезд шел со скоростью 68 км в час. Особенно пострадал вагон с императорской столовой, где в то время находились император Александр III с супругой Марией Федоровной и детьми. Утверждают, что монарх проявил в тот момент при спасении семьи недюжинные способности – он держал на своих плечах крышу вагона до тех пор, пока все его домочадцы не выбрались из-под обломков.

Весть о крушении всколыхнула всю Россию. В народе воцарилось ликование по поводу удачного спасения императорской семьи, а само событие было объявлено чудом. Стремясь увековечить этот уникальный случай, по всей империи строились церкви и часовни, открывались благотворительные заведения. Не оставалась в стороне и Одесса. Мысль устроить домовую церковь при приюте нищих посетила члена распорядительного комитета Общества и его бессменного казначея Федора Семеновича Сутягина. Он вознамерился все работы по ее строительству выполнить полностью на свои собственные средства, найдя в этом полную поддержку как среди сво-

* Продолжение. Начало в кн. 49.

их коллег по Обществу, так и в кругах епархиального руководства, и в первую очередь, архиепископа Никанора (Бровковича).

К созданию проекта храма был привлечен одесский архитектор Александр Осипович Бернардацци, большой мастер встраивания небольших домашних церквей в тесные пространства уже завершенных зданий. Одним из примеров тому может служить домовая Александро-Невская церковь в Одесском коммерческом училище им. Николая I с колоннами белого мрамора, устроенная им в 1884 году в актовом зале. Так случилось, что родившийся в 1831 году в Пятигорске и получивший строительное образование в столице Бернардацци стал знаменит лишь после того, как в 1878 году перебрался в Одессу, где ему удалось в полной мере проявить свой архитекторский талант. Здесь насчитываются десятки общественных построек, частных домов, храмов и памятников, выполненных талантливым зодчим.

К работам по устройству церкви было приступлено в 1889 году с наступлением первых теплых дней. Весь строительный процесс был под неустанным наблюдением самого Бернардацци, что позволило уже осенью того же года полностью завершить сооружение церкви. В сентябре были настелены полы, установлен иконостас. Стоимость всего устройства составила около семи тысяч рублей, которые оплатил Ф.С. Сутягин. Небольшая домовая церковь имела весьма приятный внутренний вид, что засвидетельствовал бывший одесский городской голова Николай Александрович Новосельский, посетивший приют 29 сентября, практически накануне освящения церкви. Пожертвовав 10 руб. в пользу приюта и еще 3 руб. для приютских певчих, он остался очень доволен увиденным.*

Освящение домовой церкви было назначено на 22 октября 1889 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери. Так случилось, что в этот же день здесь, на Старопортофранковской улице, должно было проходить освящение и здания детской столовой. Столовая была устроена близ Массовского приюта Соборным комитетом Общества помощи бедным, состоящего под высочайшим покровительством ее императорского величества императрицы Марии Федоровны, на средства М.Ф. Маврокордато. Столовая переехала сюда с Гулевой улицы, где помещалась

* Ведомости Одесского градоначальства. – 1889, 1 окт., № 213.

до этого в доме Ямпольского. Дабы вместить оба важных события в один день, поскольку на обоих должен был присутствовать правящий архиерей, освящение столовой было отнесено на два часа дня, а церкви приюта нищих – на утренние часы.

Волей судьбы в тот же самый день, то есть 22 октября, исполнилась годовщина со дня смерти Абрама Марковича Бродского, на чьи пожертвования, собственно, и был построен приют Общества призрения нищих. В те самые минуты, когда святой антиминс полагался на престол Александро-Невской церкви приюта нищих, в молельне при Одесском еврейском сиротском доме, учредителем которого он также являлся, правилась панихида по Бродскому.

Наиболее благодарственных слов при освящении домовой церкви выпало на долю храмоустроителя, почетного члена Общества призрения нищих Федора Семеновича Сутягина. Это был на редкость скромный труженик ремесленного цеха одесских предпринимателей. Как купец 2-й гильдии он за свою порядочность и редкостное чистолюбие пользовался заслуженным уважением среди своих коллег, которые избрали его головой Ремесленной управы. С продукцией небольшой мебельной фабрики Сутягина, что находилась в его собственном доме на Садиковской улице, были знакомы многие одесситы. Фабрика Сутягина была небольшой, всей резной мебели, выходившей из ее цехов, едва производилось на сумму в десять тысяч рублей в год, притом, что он держал двадцать шесть мастеровых.* Иной доход, едва сравнимый с мебельным производством, Сутягин получал от сдачи внаем принадлежавшего ему недвижимого имущества. Небольшая семья Федора Семеновича жительствовала в своем доме, в той части его, которая выходила на Коблевскую улицу. Другую его половину, выходившую на Гулевую улицу, снимала некая Ульяна Карнизовская, которая содержала здесь гостиницу со звучным европейским именем – «Лувр». На параллельной Спиридоновской ему принадлежал еще один дом, под номером 19, вторым крылом выходивший на Кузнечную, 32.

Насмотревшись на уклад гостиничного хозяйства у себя под боком, Сутягин решился и сам попробовать себя в этом деле.

* Микулин А.А. Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Одесского градоначальства Херсонской губернии и Николаевского губернаторства в 1898 году. – Одесса, 1899, с. 23, Приложение.

В 1897 году он подал в Городскую управу заявление с просьбой разрешить ему открыть гостиницу без питей под названием «Дерибас». Для этого он намеревался взять внаем дом Германсона на Садовой улице, у самого выхода на Соборную площадь.** Ни один из гласных в Городской думе не имел возражений против того, чтобы в городе появилась еще одна гостиница, да еще под управлением хорошо известного всем купца Сутягина. Вот только название многих смущало, поэтому Дума разрешение выдала, но лишь с тем условием, «чтобы наименование гостиницы не носило славного в истории Одессы имени адмирала Де-Рибаса».*** Таким образом, на Садовой, № 21, появилась гостиница с более прозаичным для города именем – «Континенталь».****

По понятным причинам Федор Семенович Сутягин стал первым старостой домовой Александро-Невской церкви – кому как не устроителю храма, заведовавшему хозяйственной частью всего приюта, было сподручней следить и за церковным хозяйством?

** Известия Одесской городской думы. – 1898, № 2, с. 207.
*** Там же, 1898, № 4, с. 432.
**** Позже гостиница имела № 19.

В дальнейшем он пытался оставить эту почетную и одновременно трудную должность, но по просьбе членов Общества призрения нищих оставался до тех пор, пока в сентябре 1906 года новым старостой был избран и утвержден мещанин Василий Андрунин.

В первые же дни после освящения приютского храма архиепископ Никанор вошел к одесскому градоначальнику с представлением о награждении Ф.С. Сутягина соответствующим по статуту орденом, а тот с готовностью отправил его в Святейший Синод. Каковой была награда, неизвестно, но спустя десять лет, в декабре 1899 года, он получил за заслуги по духовному ведомству золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте.

С первого дня открытия церкви во имя Александра Невского ее настоятелем был назначен священник Михаил Васильевич Мирославлев. Его служба в приюте Общества призрения нищих стала одним из редких для Одессы случаев, когда один и тот же священник настоятельствовал в храме более 30 лет. Лишь с закрытием церкви в 1920 году о. Михаил навсегда покинул ее алтарь.

Мирославлев родился 20 мая 1843 года в городе Касимове, там же окончил духовное училище, а в 1884 году – Рязанскую духовную семинарию со званием студента. В октябре 1886 года его зачислили на службу в Херсонскую епархию и после рукоположения в сан священника определили настоятелем Свято-Троицкой церкви в предместье Одессы, в селение Кривую Балку. Здесь он преподавал в местном народном училище, возглавил Строительный комитет по возведению нового храма.

Указом Херсонской духовной консистории от 12 августа 1888 года о. Михаил был причислен к одесскому кафедральному Преображенскому собору с назначением третьим законоучителем в одесских народных училищах. Еще 17 февраля 1878 года Городская дума приняла решение ходатайствовать перед правящим архиереем Херсонской епархии о назначении двух законоучителей исключительно для преподавания Закона Божия в городских народных училищах. Город полностью брал на себя заботы по оплате уроков, но при этом желал, чтобы преподаватели не несли более никаких служебных обязанностей, а могли бы давать ежедневно по три урока, вести в школах воскресные беседы и наблюдать

за работой воскресных школ в городе. Епархиальное начальство выбрало из числа наиболее способных законоучителей священников Антония Манжелея и Григория Молдавского.* Первый из них стал затем известен как автор учебного руководства по преподаванию Закона Божия, выдержавшего несколько изданий, а второй – как обладатель богатой библиотеки, которую в 1916 году преподнес в дар Епархиальному дому и Одесскому епархиальному женскому училищу. В 1880 году Антоний Манжелей умер, и вместо него был назначен священник Михаил Клопотов. С увеличением в городе количества народных училищ Городская дума постановила добавить с 1888 года еще одного законоучителя к двум другим. На эту должность и был зачислен священник Михаил Мирославлев.** Каждый из них из городской казны получал годовое жалование, которое в 1897 году составляло 1800 рублей.

Со временем установленные ранее ограничения на занятие законоучителями иными обязанностями сошли на нет. Произошло это по той простой причине, что жизнь в Одессе продолжала дорожать, положение священнослужителей с их порой многочисленными семействами осложнялось отсутствием дополнительного приработка, который они могли бы получить от общей церковной кружки. Поэтому в 1879 году священник Григорий Молдавский занял должность настоятеля домовой Архангело-Михайловской церкви при детском приюте им. М.Р. Гладкова, а Михаил Мирославлев в 1889 году был определен к Александро-Невской церкви приюта нищих.

Богослужение в приютском храме проходили, как правило, в воскресные и праздничные дни. Каждый из приютских обязан был регулярно являться на исповедь и причастие. Церковная служба проходила при поддержке певческого хора, основной костяк которого составляли детские голоса, правда, и для талантливых взрослых всегда имелось место на клиросе. С 1891 года церковь стала ежегодно получать из епархии метрические книги, однако, если для обычного приходского храма причтом заполнялись все три раздела «О рождении», «О бракосочетании» и «О смерти», то о. Михаил Мирославлев вел лишь последний. Просматривая по-

* Известия Одесской городской думы. – 1898, № 2, с. 196-201.

** ГАОО, ф. 16, оп. 104, д. 14, л. 1, 5.

желтевшие страницы более чем вековой давности, можно заметить, что основная часть умерших в приюте нищих были люди старческого возраста, а в графе «Причины» часто встречаются отметки: «от дряхлости», «от старческой немощи». Хоронили всех, как правило, на Новом городском кладбище, ныне 2-е кладбище.

При открытии приюта нищих одной из первоочередных задач, которую поставил перед собой распорядительный комитет Общества, была организация здесь церковно-приходской школы. Для этого под классы были оборудованы специально выделенные две комнаты, здесь поначалу занимались лишь приютские питомцы, но позже в школу, ставшую двухклассной, стали принимать и приходящих со стороны. Лучшего учителя Закона Божьего, чем настоятель Александро-Невской церкви о. Михаил, Обществу и не стоило искать, к тому времени он успешно законоучительствовал в десятке народных школ города. Поэтому Епархиальный училищный совет, который заведовал церковно-приходскими школами, единогласно утвердил кандидатуру священника Мирославлева.

Уже после первого десятилетия деятельности приюта Общество призрения нищих смогло отметить невероятные результаты в деле заботы о неимущих, а также большой успех в сборе пожертвований для их призрения. В самом начале нового и трудного пути многим членам Общества их деятельность представлялась более скромной. Однако несмотря на совместные усилия с другими приютами и благотворительными обществами города, нищих и бездомных в Одессе по многим причинам не становилось меньше. Иной раз виной тому были просто неурожайные годы.

К примеру, в начале 1890-х засуха и недород во многих местах России привели к тому, что Одессу буквально захлестнул поток бедных и бесприютных. Потеряв работу и заработок в центральных губерниях, народ в зиму 1891-1892 гг. двинулся к югу в надежде здесь найти хлеб, деньги и пристанище. Для взрослой и престарелой бедноты, а также для малолетних беспризорных приют Общества призрения нищих стал практически единственным подобного рода заведением, способным дать им пищу, кров, а возможно, и временную работу. По указанию одесского полицмейстера Бунина в полицейских участках специально освобождались комнаты, где приставы могли приютить в холодное ночное

время бедняков, дабы те не замерзали на улицах. Поскольку приют нищих был совершенно переполнен, то градоначальник и почетный член Общества П.А. Зеленой распорядился дополнительно открыть еще один – временный зимний. К этому начинанию участливо отнесся казначей М.С. Сутягин и с готовностью взял на себя заведование этим приютом. Существовавший на особые средства, пожертвованные частными лицами, он в мае 1892 года был закрыт, а оставшихся в нем 30 человек призреваемых перевели в основной приют на Старопортофранковскую.*

Ситуация, сложившаяся в ту тяжелую зиму, дала повод для серьезного разговора на очередном заседании Общества призрения нищих, состоявшемся в апреле 1892 года. Все члены Общества сошлись в едином мнении, что несмотря на самоотверженный труд служащих приюта во главе со смотрителями И.Г. Потапенко и А.И. Немеровской, приютские здания уже не в состоянии были справляться с возросшим числом призреваемых. От тесноты и скученности, в первую очередь, ухудшились бытовые и санитарные условия. В иные дни приютские помещения были совершенно переполнены свыше всех существующих норм. К этому стоит добавить и неблагоприятное соседство приюта нищих с Городской больницей, прачечной, электрической станцией и фабрикой Юлиуса и Клеймана. Несмотря на радикальные предупредительные меры, в любой момент в приюте могли зародиться различные инфекционно-эпидемические болезни – как среди взрослых, так и среди детей. Чтобы избежать опасных в таких случаях последствий, со стороны членов Общества было подано несколько интересных идей. В конечном итоге было принято решение построить новое здание, но уже не приюта, а большой детской колонии где-нибудь на окраине города, с тем чтобы воспитанники могли там дышать чистым воздухом и одновременно трудиться на земельном участке.

Городская дума внимательнейшим образом рассмотрела ходатайство распорядительного комитета. Город отчетливо осознавал, что цели и задачи Общества благотворнейшим образом влияли на сложившуюся ситуацию с нищетой и бродяжничеством в Одессе. Поэтому на заседании 2 ноября 1892 года было оглашено ре-

* Ведомости Одесского градоначальства. – 1893, 25 апр., № 89.

шение Думы, по которому для строительства колонии выделялся участок городской земли площадью 3 десятины и 1282 квадратных сажени, расположенный сразу же за строившейся в то время новой тюрьмой. При этом в случае открытия такой колонии этим же решением город сохранил за собой право помещать туда своих питомцев числом не более 25 человек с восьми лет и воспитывать их там до достижения ими пятнадцатилетнего возраста. Нет, гласные Думы не рассчитывали на средства Общества, за каждого воспитанника город готов был вносить плату в размере 36 руб. в год.

Теперь, когда был получен официальный положительный ответ, комитет приступил к конкретному обсуждению своего проекта. Несмотря на, казалось бы, отрадные результаты деятельности, видимые из того, что число взятых под кров обездоленных увеличилось с 76 до 350 человек, а основной капитал Общества за прошедшее время не только не сократился, но и вырос до 38 тысяч рублей, налицо были и тревожные обстоятельства. Простейшие подсчеты показали, что смета основного дохода Общества составила в 1892 году лишь 10.608 руб. 50 коп., а расходы только на один приют превысили 17.000 руб. Предполагалось, что после открытия колонии эти расходы могут возрасти в полтора раза. Вывод напрашивался сам собою: при такой раскладке сумм строить колонию было рискованно. Об этом было доложено общему собранию Общества призрения нищих на следующем заседании в апреле 1893 года. Тогда после долгих дебатов появился новый прожект: оставить за собой старые здания приюта на Старопортофранковской и предложить городу выкупить их или взять в аренду, а на вырученные деньги построить на выделенной уже земле новый приют.* То есть о колонии для детей речь уже не шла.

Так получилось, что апрельское заседание 1893 года стало поворотным в истории Общества призрения нищих, которое на протяжении двенадцати лет не оставляло забот о нуждах ближних своих сограждан, оказавшихся по разным причинам на улицах города. Обсудив изменившуюся за это время общую обстановку в Одессе, собрание постановило сменить название своего Общества, с тем чтобы оно полнее отражало цели и задачи. Таким образом, с 1893 года Общество призрения нищих стало именоваться

* Там же, 1893, 28 апр., № 91.

Обществом призрения неимущих и помощи нуждающимся. Название стало более длинным, но зато из него исчезло слово «нищие».

Парадами, крестными ходами и торжественными заседаниями отгремели торжества по поводу 100-летия Одессы. Быстро истек трехлетний срок, в течение которого Общество должно было выстроить за тюрьмой то ли колонию, то ли приют. Новая тюрьма к этому времени уже приняла своих «питомцев», а Общество призрения неимущих и помощи нуждающимся так и не приступило к строительству. Все приостановилось на этапе определения стоимости старых зданий приюта и решения города об их покупке. Одно время появился неплохой вариант передачи всех трех зданий внаем военному ведомству. Почему трех зданий? Да потому что за это время Общество собственными силами смогло расшириться и построило за основным своим зданием еще два новых. Одно из них, красивое двухэтажное здание из красного кирпича, появилось в 1886 году и было выстроено по проекту архитектора Льва Влодека.** Сегодня оно имеет адрес Внешняя улица, дом № 4.

В июне 1893 года Городская управа поручила архитектору Г.К. Шевренбрандту измерить площадь всех приютских помещений. По трем представленным им планам оказалось 362,37 кв. саженей общей площади всех помещений. А в отдельности картина выглядела таким образом: по плану № 254 – 81,55 кв. саж. в двух этажах с подвалом; по плану № 4940 – 63,45 кв. саж. лишь в двух этажах, и в основном здании под № 1969 – 217,37 кв. саж. Но лишь через год, в мае 1894 года, на имя Я.И. Бунина из управы пришло нерадостное известие: «…Городская управа имеет честь уведомить, по незначительности размеров жилой площади здания приюта нищих, а также неопределенности времени, к которому оно будет свободно, управа не может дать положительного ответа о пригодности такового для какой-либо надобности города… если бы упомянутое здание и могло впоследствии понадобиться городу, то нельзя рассчитывать на арендную плату свыше 4.000 руб. в год».*** Стало ясно, что крупных доходов от аренды ожидать не стоит.

И тогда появилась еще одна идея – возвести особое здание для мастерских и разместить там бедствующих от безработицы взрос-

** Там же, 1886, 28 окт., № 235, с. 1.

*** ГАОО, ф. 16, оп. 69, д. 37, л. 6, 10-11.

лых, разгрузив тем самым приют на Старопортофранковской. Городская дума и в этот раз пошла навстречу распорядительному комитету Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся. Своим постановлением от 19 июня 1895 года она взамен земельного участка за тюрьмой безвозмездно выделила другой, на Пересыпи, площадью 2 десятины 400 квадратных сажен, находящийся между линией конно-железной дороги на Хаджибеевский лиман и дамбами Юго-Западных железных дорог. В этот раз проект для неимущих, но способных трудиться для своего пропитания, был успешно осуществлен, в немалой степени благодаря тому, что строительство возглавил и непрерывно его курировал сам одесский градоначальник Павел Алексеевич Зеленой. Так на месте старой городской свалки вырос комплекс «Дома трудолюбия», история которого заслуживает отдельного повествования.

С открытием «Дома трудолюбия» часть работоспособных приютских призреваемых была переведена в его просторные и удобные помещения. Среди больных приюта неимущих отобрали тех, кто имел сложные хронические болезни, и отправили их в городской стационар. Таким образом, удалось избавиться от тесноты и скученности. Приют неимущих продолжал жить своей обыденной жизнью, в летний период детей стали вывозить на лиман для оздоровления. Не прерывались занятия в церковно-приходской школе, регулярные богослужения в домовой Александро-Невской церкви собирали не только воспитанников приюта, но и простых горожан. В праздничные дни храм был переполнен, вместе со своим ремесленным головой Ф.С. Сутягиным, который по-прежнему оставался церковным старостой, здесь собирались многие представители Ремесленного общества.

Время от времени находились щедрые благотворители, желавшие обогатить домовую приютскую церковь. В первую очередь, среди прочих выделялся Федор Семенович Сутягин, не жалевший собственных средств, для того чтобы храм и его настоятель ни в чем не нуждались. Не отставали и члены Общества призрения неимущих, стараясь об украшении своего домового храма. В 1897 году распорядительный комитет приобрел для церкви две иконы. В память коронования их императорских величеств, состоявшегося 14 мая 1896 года, церковь украсила икона св. Царицы Александры в киоте. Покупка другой из них – Святителя Николая Чудотворца – была

приурочена памяти избавления его императорского величества Николая II от угрожавшей ему опасности в японском городе Отсу.*

К концу XIX века комитетом Общества вновь была налажена размеренная приютская жизнь, позволявшая успешно призревать в приюте в течение года от 300 до 500 неимущих граждан. В общем-то, вся работа состояла из двух основных составляющих: непрекращающийся ни на день сбор пожертвований, идущих, в основном, от частных благотворителей, и организация правильного внутреннего распорядка в приюте, который бы позволял призреваемым чувствовать себя здесь почти как дома.

После открытия на Пересыпи «Дома трудолюбия» остальные проекты Общества призрения неимущих и помощи нуждающимся остались в прошлом. В ноябре 1897 года в Городскую управу поступило письменное заявление от одесской купчихи Бейлы Фельдман. Сия благодетельница объявляла о своем намерении расширить Одесскую еврейскую богадельню, которая находилась в прямом соседстве с приютом неимущих по Старопортофранковской улице. А поскольку она была наслышана о том, что Общество призрения неимущих подыскивало вариант с продажей своих приютских зданий, то Фельдман готова была пожертвовать на их покупку ни много ни мало 30 тыс. руб., с тем чтобы присоединить здания приюта к еврейской богадельне.

Городская управа немедленно отправила запрос в Общество, желая прояснить, на каких условиях его руководство предполагает продать помещения приюта. Это послужило причиной обсуждения этого вопроса на заседании распорядительного комитета. Спустя месяц комитет препроводил в управу копию своего журнального постановления от 30 декабря того же года, где, в частности, заявил, что «не находит оснований к продаже здания приюта для еврейской богадельни».** При этом объяснение было очень простым – приют призрения уже более не переполнен, а в летнее время даже наполовину пуст. Кроме этого комитетом было отмечено, что «при приюте устроен православный храм».

Окончание следует

* Херсонские епархиальные ведомости. – 1897, № 18, с. 294.

** Известия Одесской городской думы. – 1900, № 8, с. 1222-1225.

Михаил Пойзнер

С постоянной пропиской…

Все истории всегда с чего-то начинаются.

И эта тоже имеет свое начало.

Было это давно, но в голове до сих все еще продолжает «выстреливать» память. Еще продолжает прокручиваться та старая долгоиграющая пластинка. Хотя пересказывать чужую жизнь – дело неблагодарное.

Как когда-то в детстве мы купались на Ланжероне, если вода еще холодная? Так и купались: забежал – выбежал, забежал – выбежал… А в жизни разве так можно?

Родился – всё. Живи! Уже никаких «туда-сюда»…

В забытом уже 71-м году, после окончания Одесского водного, направили аж на Чукотку, в порт Анадырь. Куда дальше? Уже дальше некуда. Дальше уже Америка. Заняться пришлось взрывными работами. Задача не совсем обычная. Дорогу к порту «преграждает» небольшая сопка. Требовалось взорвать эту сопку, а потом из образовавшегося камня и щебня построить приличную дорогу. Все хорошо, если бы не жилые дома вокруг. При взрывах дома начинали громко трещать. Народ забил тревогу. Вот и мы, исходя из конкретной ситуации, подбирали оптимальную величину заряда, при котором «и овцы целы, и волки сыты».

Одесса далеко, а мы тут ковыряемся. Пиво, рыба, оленина… И ни одного родного лица. Выглянул в окно, а перед тобой – Берингов пролив. Не сразу привыкнешь… И вообще – здесь коэффициент аж два (!), через каждые полгода надбавка 10% от оклада. Того глядишь, после пяти лет работы – уже три (!) оклада. Как бы

неплохо. Плохо только, что эти пять лет надо как-то прожить. Из местных достопримечательностей – снег по уши, «алюминиевый» дом да памятник первому Ревкому Чукотки. Короче, весело…

Взрывы – это всегда опасно. Поэтому в интересах дела близко познакомились со взрывниками. Все-таки надо было как-то договариваться о совместных действиях. Вот, допустим, они начинают и нам тут же дают отмашку – мол, можно включать приборы для записи колебаний от взрыва. Такие обычные необычные технические моменты.

Среди взрывников выделялся Виталий – белесый немногословный парень, как нам показалось, ловче других справляющийся со своими обязанностями. Как-то во время очередной серии взрывов он буквально на наших глазах, рискуя своей жизнью, успел предупредить человека, случайно забредшего на испытательный полигон. При этом Виталий вел себя так, будто ничего не произошло.

Незаметно мы подружились. Чтобы «поддержать на плаву», он часто отвлекал меня от грустных размышлений: «Та подожди, все это пройдет. Ты не смотри, что летом повсюду лед, а на сопках еще снег. Вот числа 22 июня откроется навигация, а там путина, и той красной рыбы будет навалом. Она сама выбрасывается на берег – только подбирай!».

Мысленно я пытался сравнить себя с той рыбой. Может быть, от такой жизни я тоже выбросился бы на берег, но только на одесский. Хотя кто меня здесь мог понять?

И вот как-то раз нам пришлось заночевать в обычной рабочей общаге. Растопили баню. И тут я внезапно обратил внимание на странную наколку. На предплечье Виталика было наколото: «Прости, Одесса, но я твой». И подпись – В. А.

Среди всей нашей компании я был единственным одесситом. Единственным, как я считал, на всю округу. Наверное, поэтому других эта наколка не взволновала. Где-где, а почти на другом конце света не ожидаешь встретить одессита.

Одессит одесситу рознь.

А что этот?

Загнали Виталия на край света долги и неразделенная любовь. Классическая схема… Как бы подводя итоги прошлого, он сказал:

«Самое большое несчастье в жизни – это большая любовь к небольшому человеку». Эту мысль Виталий никогда не комментировал.

Завербовался – сначала на Камчатку. Рыболовецкий промысел, потом – на разделке рыбы и «на консервах». Что-то успел собрать…

Потом пришлось вернуться к старой специальности – взрывному делу. В чем-чем, а в этом он разбирался – служил когда-то в саперных частях. Да и потом много лет отработал в различных взрывпромах. Как раз в Анадыре намечались неплохие объемы взрывных работ – на карьерах и вообще на близлежащих стройках.

А кто тогда честным трудом мог заработать много? И здесь надо было «ставить голову», и здесь надо было кидаться из конца в конец за копейкой.

«Еще чуть-чуть и еще какой-то кусочек – рассчитаюсь и сразу к себе, на Пастера… Так ты ж еще не видел мой двор! Это что-то!!! Еще вспомним и посидим хотя бы у «Бабы Ути», – его слова тоже мысленно возвращали меня домой. А как-то, отведя глаза в сторону, он проронил: «Я понимаю все. Только не понимаю, куда ушла моя молодость. Кажется, что она еще где-то совсем рядом…». Понять это в то время мне было не дано.

Как только я попадался ему на глаза, сразу же начинались «одесские пересказы» – на каком углу что когда было, опять Соборка и «Черноморец», Слободка и Отрада, Пастера и Ольгиевская… И опять про свой двор… Короче, вся наша «одесская действительность». Непреднамеренно он начинал и продолжал травить мне душу.

Однако пришло время и мне покинуть Анадырь. Нашу группу каким-то приказом министра Морского Флота перевели в Находку испытывать причалы. А мне какая разница? Ближе – дальше. Все равно это не Одесса…

Сидя в мрачной точке, наспех приспособленной вечерами под ресторан, под живую музыку шабашников из Черновцов мы с Виталиком потянули по 50 грамм «на дорожку». Не успели даже перекурить, как рядом за соседним столиком внезапно вспыхнула серьезная разборка… с оружием. Соседи громко выясняли отношения, заодно цепляя всех присутствующих. Всего-то в ресторане столиков пять-шесть, не более. Вот-вот должна была дойти

очередь и до нас. Разбирающиеся время от времени даже жестикулировали, как казалось, в нашу сторону. И тут Виталий резко встал из-за стола: «Я сейчас…». В голове стучало: «Неужели бросил меня?». Однако буквально через несколько минут он с улыбкой вернулся. Я не успел и рта открыть, как один из музыкантов довольно развязно объявил: «Для только что откинувшихся одесситов исполняется песня «Ах, Одесса…». По залу полетели согревающие звуки далекой «жемчужины у моря». В ответ Виталий привстал и охотно раскланялся с музыкантами.

Развалившись на стуле и подмигивая мне, он демонстративно перекидывал нож из одной руки в другую, в такт музыке пристукивая ногой. За соседним столом мгновенно замолкли. Одобрительно кивая в нашу сторону, один из дебоширов поднял сразу две руки в знак приветствия. Еще через мгновение официант поставил на наш стол бутылку «Московской», вымолвив: «Люди очень уважают ваш город»…

Уже на самых дверях меня попытались остановить. Неуверенные ответы на вопросы могли стоить жизни. И тут сказалось мое все-таки молдаванское воспитание. Я быстро нашелся. Не дав даже слова сказать, почти автоматически сонливо процедил: «Брат! Извини, спешим… Тут надо еще успеть кое с кем рассчитаться…». В ответ понимающе кивнули…

Эта картина и сегодня стоит перед глазами.

Спустя минуты мы незаметно исчезли. Виталик опередил меня: «А что я тут сказал не так? Ты же действительно откидываешься, в смысле освобождаешь этот Анадырь. А скоро домой – в Одессу…».

Мы крепко обнялись.

На дворе стояла уже глубокая зима. Из самого Анадыря до аэропорта добирались по льду залива, потом самолетом до Магадана. Просидели там несколько дней и ночей из-за нелетной погоды. Потом до Хабаровска, затем Владивосток. А уже только оттуда поездом до Находки.

Тогда сквозь замерзшие иллюминаторы смотрел я на взлетную полосу, а в голове звучала популярная «Морзянка»: «…Меня домчат к тебе, когда разлука кончится, – олени в нартах, самолеты и такси…».

Точь-в-точь, как и у меня.

Так же длинно и я добирался домой.

Опять из Находки до Владивостока, потом Хабаровск – Иркутск – Новосибирск – Челябинск – Киев и наконец-то Одесса. В воздухе где-то часов двадцать. И билет в одну сторону – что-то аж 135 рублей.

Потом такси (если повезет), а так в набитом-перебитом до верха 101-м автобусе. Дальше ногами по темным молдаванским улицам, пересекая Комсомольскую, Садиковскую, Градоначальническую или Раскидайловкую.

И вот ты и дома…

А через много лет я случайно встретил на Соборке одного парня. Лицо очень знакомое. Оказалось, что после Водного он отработал свое на Дальнем Востоке, конкретно – в Анадыре. И как раз в то же время, когда я был там. Первое, что пришло в голову, спросить: а что там мой Виталик?

Парень нехотя выдавил: «Виталик погиб… Спасал пацана – чукчонка. Тот далеко зашел по тонкому льду. Пацана вытащил, а сам… Говорят, потом местные еще ухмылялись – мол, наши стоят, а ваш полез…».

…Когда прохожу по Пастера, чуть не доходя Торговой, всегда в память о Виталии останавливаюсь буквально на мгновение, чтобы заглянуть в его двор, не осмеливаясь шагнуть вовнутрь.

Как-то не сдержался.

Обычный старый одесский двор. Машины, поставленные на стоянку «до утра», куча детей, качели. Тени привычной акации и безразличного каштана.

Наверное, много перевидал этот двор. И свадеб, и похорон, и рождений, и отъездов... И играющих «в классы», и живущих каждый день по схеме «на работу – с работы». Вот кто-то, покуривая, смотрит с балкона отвлеченным взглядом на пятно двора, вспоминая, может быть, какие-то фрагменты уже промелькнувшей жизни…

В подъезде непроизвольно обращаю внимание на облупленную стенку, хаотически завешанную почтовыми ящиками. Еще теми, старыми почтовыми ящиками. Внезапно взгляд натыкает-

ся на одинокий, очевидно, бесхозный, почтовый ящик без замка. На ящике все еще четко выведены номер квартиры, фамилия и инициалы. Знакомая фамилия и знакомые инициалы – В. А.!

Сколько же лет напоминает ящик этот о его былом владельце?

Значит, все еще присутствует В. А. в своем доме!

Значит, не вычеркнут из одесской жизни.

Значит, не все в прошлом!

Все, как на той наколке: «Прости, Одесса, но я твой».

Жизнь совершила полный оборот…

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский

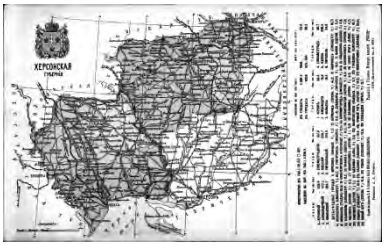
Одесса на открытках
с географическими картами и планами

Почтовые карточки – открытки – с географическими картами встречаются редко. Но за многие годы собирательства одесской филокартической коллекции у нас сложилась довольно обширная подборка открыток с географическими картами, на которых отмечена черноморская жемчужина – Одесса, или открытки с планами самого города. Исследование таких открыток, изданных в начале XX века, дает нам массу интересных исторических сведений.

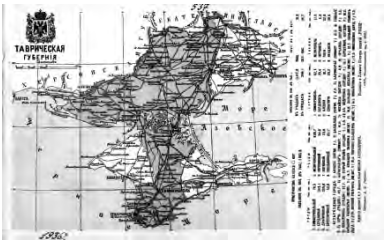
Начнем рассказ с обширной серии открыток «Россия», изданных в Санкт-Петербурге в первой половине 1910-х годов с целью популяризации знаний о своей стране. Девизом общедоступного издания взяты изречения Н.В. Гоголя «Велико незнание России среди самой России» и Юхана Августа Стриндберга «Познай свою Родину». От себя редакция добавляла: «Пусть каждый спросит себя, знает ли он свою губернию, свой уезд, свой город…».

Для пополнения знаний о своей земле на аверсе открыток вместе с административной картой «в красках» приведены статистические данные о населении губернских и уездных городов, обозначенных на карте. Составление текста было доверено редакцией издания А.Е. Рябченко. Уникальное познавательное издание было проспонсировано его императорским высочеством великим князем Михаилом Александровичем – младшим братом Николая II.

Серийные открытки Херсонской и Таврической губерний, на которых обозначена Одесса, относятся к XII разделу, названному «Европейская Россия». Открытка с подробной картой Херсонской губернии, в состав которой входила Одесса и Одесский уезд, снабжена № 60 в подразделе «Новороссия». С Херсонской губернией

Карта Херсонской губернии

Карта Таврической губернии

в те времена граничила Таврическая губерния, и Одесса попала в самый уголок карты этой губернии с грифом «Новороссия», № 62.

В эти же годы была выпущена неким российским издательством, пожелавшим остаться неизвестным, красочная тисненая открытка в изящной золоченой рамке с подробной физической картой, включающей несколько губерний европейской части Российской империи, в том числе и Херсонскую.

Если на «познавательных» открытках каждый уезд, входящий в состав губернии, как полагается на политико-административной карте, окрашен в свой цвет, то краски рассматриваемой карты строго соответствуют рельефу местности: равнины и низины окрашены зеленым цветом, а горы и возвышенности – коричневым разных оттенков. Причем горный рельеф усилен выпуклостями открытки соответственно высоте местности. В отличие от большинства административных карт на открытках, на которые попала Одесса, эта карта уникальна тем, что она физическая.

Открытка с рельефной картой

Очень интересна яркая открытка из разряда сувенирных, изданная, судя по оборотной стороне, в Англии, представляющая собой коллаж из нескольких литографированных изображений. В центре открытки – флаг и герб Российской империи, слева вверху – схематично выполненная карта европейской части России, на которую нанесены лишь крупнейшие города страны, в том числе и Одесса. На других картинках – суровый зимний быт России в представлении иностранцев с лихой ездой на санях, запряженных парой резвых лошадей, ледяной хижиной и заснеженной Дворцовой площадью.

Напоминает предыдущую почтовую карточку сувенирная литографированная открытка в изящной рамке, изданная, вероятно, в Германии или Австрии. Издательство не указано, но из подписи мелким шрифтом «Serie 74» «ges. gesh.» можно догадаться, что перед нами одна из открыток большой серии стран Европы, изданной накануне первой мировой войны, когда был принят закон о защите авторских прав и запрете вольного копирования печатной продукции.

На схематичной карте европейской части России, как и в предыдущем издании, обозначены крупнейшие города страны, в число которых всегда входила Южная Пальмира – четвертый по численности населения город Российской империи после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы. Интересно, что кто-то из владельцев открытки обозначил на карте город Лубны – уездный центр Полтавской губернии (теперь – области), и некий населенный пункт вблизи Оренбурга.

Карта Европейской России

Карту на открытке окружают историко-этнического плана картинки, изображения герба России и Андреевского флага – кормового флага кораблей военно-морского флота Российской империи с 1712 по 1918 год.

Карта с символами технического прогресса

Сходна по тематике и изображению литографированная открытка с картой Европейской России, на которой среди крупнейших городов свое законное место занимает Одесса. Открытку украшают традиционные картинки: мчащаяся во весь опор тройка, казак, вооруженный пикой, и вид Невского проспекта в столице. Открытка снабжена рекламной надпечаткой фирмы Remy, которая читается и на схожей по исполнению литографированной открытке с политической картой Европы и картинками, показывающими чудеса технического прогресса начала XX века: пароходы, воздушные шары и самолеты, патефон и т. п.

Благодаря своему географическому положению Одесса попадала на многочисленные европейские политические карты. Например, двойная складная открытка издана около 1910 года в Венгрии, судя по тому, что названия государств, морей и океанов приведены на карте на венгерском языке.

Многие интересные эпизоды первой мировой войны раскрываются с помощью «карточных» открыток того времени. Складная открытка с географической политико-административной картой издана в Риге уже во время первой мировой войны. Цензурное разрешение получено рижским книгоиздательством А.И. Гольта 8 октября 1914 года. Отпечатана открытка с «Подробной картой театра войны» тоже в Риге, в типо-литографии Э. Вюльфинга.

Кроме карты на титульной странице открытки помещен портрет генерала от инфантерии Николая Владимировича Рузского, отличившегося при взятии Львова в самом начале первой мировой войны и награжденного за это высшим орденом за боевые заслуги – Георгиевским крестом.

Оригинальная карта военных действий в Европе 1914 года с шаржированными изображениями солдат всех воюющих армий попала на открытку, выпущенную издателями журнала «Новое кривое зеркало», располагавшегося в Москве на Чистых прудах.

Видимо, в дни испытаний юмор во всех видах был особенно востребован, и своеобразная карта сразу же была перепечатана другими издательствами.

«Германский император Вильгельм II своими цепкими руками охватил всю Европу» – таков сюжет юмористической открытки, выпущенной в 1914 году «Товариществом «Екатерининское печатное дело» в Петрограде. «Бельгию он совсем уничтожил; Петроград, Москву и Поволжье присоединил к Германии. Столица России намечена в Вологде. Австрии отдана Черногория, Сербия, Польша и Волынь. Финляндия за строптивый нрав отдана Швеции. Румыния за нейтралитет получает Бессарабию. Англия теряет все колонии и становится вассалом Германии. Турция получает Кавказ и Одессу. Эта карта просмотрена и одобрена Францем-Иосифом». Однако не суждено было Одессе отуречиться!

Не менее грандиозные планы строились и в России, что отлично видно на карикатурной открытке без всяких издательских знаков. Германии на предполагаемой карте 1915 года нет вообще: вся ее территория занята Россией. Заодно прихвачены лакомые территории союзницы Германии – Турции – вдоль Мраморного моря и ключевых проливов Босфор и Дарданеллы.

Не можем не показать еще одну открытку с юмористической картой войны в Европе, изданную в Мюнхене Германом Боккером (Hermann Bocker) в конце 1914 или в начале 1915 года. Датировать открытку позволяет обозначение белым цветом Италии, объявившей поначалу о своем нейтралитете, но вступившей в войну летом 1915 года. Турция, вступившая в войну 29 октября (по новому стилю) 1914 года как союзница Германии, обозначена также белым цветом. Но надпись «Наш новый союз» – поперек Ру-

мынии, Болгарии и Турции, говорит о том, что намерения этих стран воевать уже известны. Германия и ее союзники обозначены на карте ярким малиновым цветом, в линиях карты различимы головы солдат в германской или австрийской военной форме, грозящие кулаком противникам. На малиновом фоне приведены лозунги типа: «В единении – сила!». На месте Франции художнику привиделись очертания плачущей дамы: «Где остались мои победы?». Россия видится автору усатым мужиком, нос которого – Польша – внедрен в германские территории. Открытка послана в Вену в августе 1915 года, что подтверждает ее издание на рубеже 1914 и 1915 годов. Одесса на карте показана на своем месте, на берегу Черного моря, однако рядом с ней написано автором-художником: «Кавказская революция!». Возможно, речь шла о намерениях Германии после победы в войне передать Кавказ и Одессу Турции. А это предвещало бы совсем другую историю Южной Пальмиры!

Войны между Россией и Турцией за господство на Черном море и обладание Северным Причерноморьем происходили в XVIII и XIX веках многократно. Присоединение в конце XVIII века этих земель к Российской империи сделало противостояние

между могущественными черноморскими державами еще более ожесточенным.

Вступление Турции в первую мировую войну сразу почувствовали одесситы, так как 16 октября (29 октября по новому стилю) 1914 года турецкие миноносцы предприняли атаку одесского порта. Были обстреляны стоявшие в порту канонерская лодка «Донец» и французский пароход «Португал». (Заметим в скобках, что на этом транспортном судне, использовавшемся позднее как военный госпиталь, пытался уйти в плавание К. Паустовский.) Ответный огонь последовал с канонерской лодки «Кубанец». Этим событиям посвящены репортажные фотооткрытки одесских мастеров светописи, сумевших сфотографировать разрывы снарядов в Одесской бухте.

На описанной открытке карты нет, но она корреспондируется с интересной «карточной» открыткой под названием «Карта русско-турецкой войны», составленной Х. Гольдбергом и изданной жителем Варшавы Х.Б. Тененбаумом. Так как цензурное разрешение, приведенное на обороте открытки, выдано 4 декабря 1914 года, то понятно, что открытка вышла в свет в конце декабря 1914 года или в самом начале 1915 года.

Первую мировую войну, когда она началась, называли, как правило, германской или второй отечественной войной. Патриотический подъем всего

населения России был очень велик. Надпись на карте «Русско-турецкая война» подчеркивает противостояние России и Турции в конкретном регионе.

В центре карты – обширная территория Турции того времени, российские Кавказ и Северное Причерноморье с Одессой. Видимо, желание Турции вернуть себе некогда утраченную территорию было нешуточным.

От открыток первой мировой войны перейдем к схожей по построению открытке, изданной в преддверии новых военных действий в Европе.

23 августа 1939 года был заключен пакт Молотова – Риббентропа между СССР и Германией. Некое издательство, пожелавшее остаться неизвестным, мгновенно откликнулось на это событие, выпустив открытку с картой европейской части Советского Союза, на которой огромный русский медведь, вооруженный саблей и винтовкой старого образца, крепко сжимает в объятиях Гитлера.

Надписи на открытки сделаны на французском языке, что дает основание предположить, что издана она во Франции. Границы СССР на открыточной карте выглядят такими, какими они были до 1 сентября 1939 года, когда начались военные действия второй мировой войны. Таким образом, открытка выпущена, скорее всего, на злобу дня в августе 1939 года.

Перейдем от военных карт к картам мирного времени. Несколько коллекционных открыток с географическими картами связаны с темой проживания украинцев на территории Европы, в том числе в Одессе и вокруг нее.

Самая ранняя из этих интереснейших открыток издана не раньше 1906 и не позднее 1910 года киевским издательством «Дніпро», активно выпускавшим в начале XX века разнообразные популярные украиноязычные издания. Отделение этого издательства работало в Одессе и выпустило в 1909 году открытку с изображением капеллы «Просвіта», гастролировавшей в нашем городе.

Открытка «Карта земель, где живет украинский народ», составлена Григорием Тысяченко на основании переписи населения Российской империи 1897 и Австро-Венгрии 1900 года и отпечатана в одесской типографии Я.М. Сагалаю.

Так как немалый текст открытки приведен на украинском языке, то ясно, что издание могло быть осуществлено не ранее 1906 года, когда правительство Российской империи отменило действовавший до того времени запрет на использование украинского языка в печатных изданиях. Кроме того, открытка «прошла почту» внутри города Одессы в августе 1910 года. Причем текст открытки также написан на украинском языке.

К этому можно добавить, что открытка благотворительная и издана с целью сбора средств на памятник Т.Г. Шевченко в Киеве.

Из текста на открытке ясно, что в 23 европейских губерниях Российской империи проживали почти 22 миллиона украинцев, а в Австро-Венгрии – около 4 миллионов. Учитывая украинцев, живущих в азиатской части России, США и Канаде, число их в мире в начале XX века составляло, по мнению издателей открытки, около 35 миллионов человек.

Другая открытка похожего содержания того же времени издания, выполненная фотоспособом, называется «Географическая карта земель в России и Австро-Венгрии, где осели украинцы».

Карты, в основном, схожи, но на открытке приведены фотографии выдающихся украинцев.

Еще одна черно-белая открытка, «Украина и ее соседи», выпущена издательством «Ukraina Stelo» в Коломые в 1919 году. В этом городе со сложной историей и сменой властей во все времена печатались издания на украинском языке.

Число украинцев в мире в 1920-1930-х годах, по мнению издателей еще одной украинской по теме открытки, увеличилось примерно до 45 миллионов по сравнению с данными начала XX века. Эти сведения приведены в качестве комментариев к карте земель, где проживают украинцы, изданной в Германии на немецком языке.

В Советском Союзе украинцев в эти годы было 33 миллиона, из которых 25,5 миллионов человек проживало в УССР, 7 миллионов украинцев проживали в Польше, 1,1 миллиона – в Румынии, 600 тысяч – в Чехословакии, в остальных странах мира – еще 4 миллиона. Составитель немецкой открытки скрылся под инициалами М. Г., издатель неизвестен.

Редкая открытка, названная «Мапа Украіни» («Карта Украины»), была издана во Львове, видимо, в те времена, когда город принадлежал Польше, то есть в 1920-1930-е годы, но по инициативе некого завзятого украинца из Запорожья. Потомок казаков Запорожской Сечи свидетельствовал, что украинцев в мире 44 миллиона. Эта цифра согласуется с данными, приведенными на предыдущей открытке.

Хочется показать еще одну анонимную черно-белую географическую открытку, изданную, вероятно, в 1905-1906 годах, по следам прокатившихся по Югу России кровавых еврейских погромов. Автор озаглавил карту: «Как помпадуры искромсали Россию» и заменил все привычные названия на карте аллегорическими. Именами помпадуров – самодуров-администраторов, по меткому определению М.Е. Салтыкова-Щедрина, обозначены на карте возглавляемые ими губернии и города.

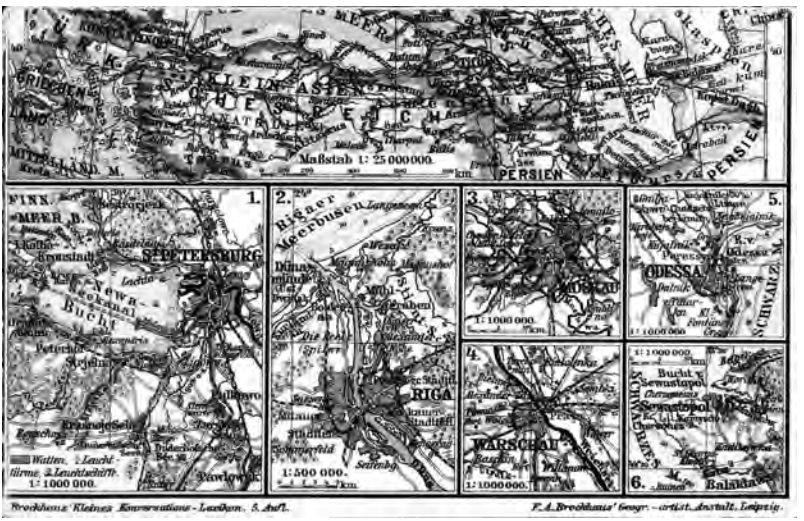

Вместо Одессы на Черном море по очертаниям легко найти на карте страны Дурновии город Нейдгардштадт на По-

темкинском море. Д.Б. Нейдгардт был одесским градоначальником в 1903-1905 годах и «отличился» тем, что допустил жестокий еврейский погром в городе и никак не препятствовал погромщикам в их черном деле. Пресловутая черта оседлости, ограничивавшая проживание евреев в Российской империи, названа автором карты «чертой погромности».

Кроме открыток с картами Европы, на которых есть Одесса, большой краеведческий и филокартический интерес представляют открытки с картами самого города.

Вначале расскажем о карте Одессы, размещенной на открытке наряду с картами других городов России: Петербургом, Москвой, Варшавой, Ригой и Севастополем. Кроме того, на этой же географической открытке с картами российских городов соседствует карта Турции. Подбор не совсем понятен, но если учесть, что эта открытка – частичка обширной серии, заказанной около 1910 года немецкому художественно-географическому издательству Ф.А. Брокгауза в Лейпциге, то комплектация могла быть произвольной, позволяющей вместить как можно большее число карт из 235, имеющихся в энциклопедии, на определенное число от-

Открытка издательства Ф.А. Брокгауза

крыток. Географические карты дублировались из всеобъемлющего немецкого краткого энциклопедического словаря, многократно переиздававшегося в течение XIX века, «Brockhaus Kleines Konversations – Lexikon». Понятно, что обозначения на картах из энциклопедии нанесены на немецком языке, хотя заказчиком почтового издания выступала Италия, о чем свидетельствуют марка и надписи на итальянском языке. Карта Одессы и окрестностей дана в масштабе 1:1000000, на ней легко читаются сугубо одесские географические названия: Пересыпь, Ланжерон, Малый Фонтан и другие.

На рубеже XIX и XX веков в России «В пользу общины Святой Евгении» были изданы открытки с планами некоторых крупных городов, в том числе и Одессы. Планы выполнялись крупнейшим и старейшим в стране картографическим заведением А. Ильина в Санкт-Петербурге, печатались в его литографии. На плане города Одессы названия не нанесены, масштаб не указан, направление север – юг указано стрелкой, а не меридианами, как на картах, но для одесситов легко находимы улицы, культовые сооружения и т. п. На открытке вся Одесса с безупречной сеткой центральных улиц раскинулась перед нами, как на ладони. «Город был нарезан аккуратно, как торт», – таким помнили родной город одесситы И. Ильф и Е. Петров.

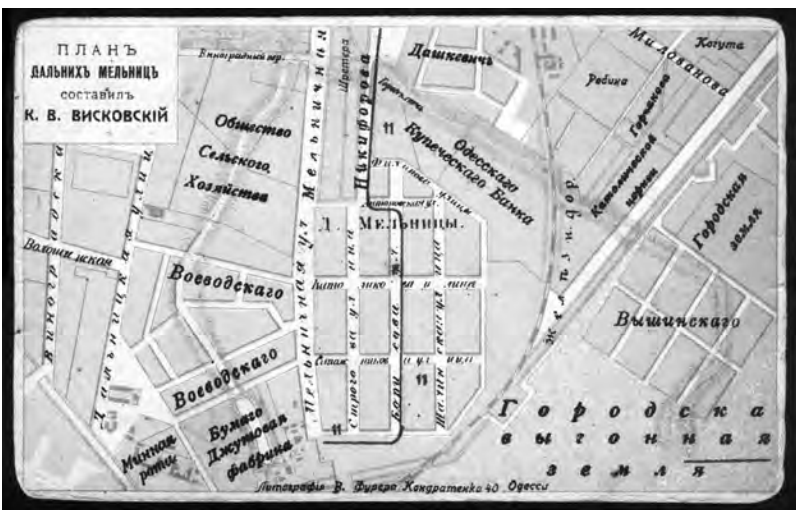

Одесские картографы также печатали карты Одессы на открытках. Отличился в этом деле опытный издатель, выпустивший еще в 1875 году один из первых справочников по Одессе, Казимир Викентьевич Висковский. В его изданиях появились подробные карты города и предместий, к 1915 году вышло 20-е издание карманного формата на русском и французском языках.

Выпуская отдельными тиражами планы предместий и дачных районов нашего города, Казимир Висковский предпринял издание «Плана г. Одессы в открытках, отдельно каждая часть общего плана».

ПЛАНЪ
БЛИЖНИХЪ МЕЛЬНИЦЪ
составилъ
К. В. ВИСКОВСКІЙ
Товарная станція
Рабиновича
Дашкевичъ
Литографія В. Фурера Кондратенка 40 Одесса

ПЛАНЪ
СЛОБОДКИ РОМАНОВКИ
составилъ
К. В. ВИСКОВСКІЙ
Дюковская улица
Х. Кривые
Литографія В. Фурера Кондратенка 40 Одесси

ПЛАНЪ
ДАЛЬНИХЪ МЕЛЬНИЦЪ
составилъ
К. В. ВИСКОВСКІЙ
Дашкевичъ
Общество Сельскаго Хозяйства
Одесскаго Купеческаго Банка
Д. Мельницы.
Воеводскаго
Вышинскаго
Городская выгонная земля
Литографія В. Фурера Кондратенка 40 Одесси

План Одессы, по замыслу издателя, был «разрезан» на 6 открыток: «Открытка с ответом город и Молдаванка, цена 15 копеек; Пересыпь, цена 5 копеек; Слободка-Романовка, цена 5 копеек; Хлебный городок, цена 5 копеек; Ближние Мельницы, цена 5 копеек; Дальние Мельницы, цена 5 копеек».

На картах Висковского показаны маршруты всех линий электрического трамвая в Одессе, а на обороте открыток, на месте, предназначенном для текста письма, приведены начальные и конечные остановки всех 32 номеров, действовавших в те времена. Видимо, Бельгийское общество трамваев, организовавшее в нашем городе движение электрического трамвая в 1910 году, выступало спонсором изданий К. Висковского. Открытки были отпечатаны в литографии В. Фурера на улице Кондратенко (Полицейской, Бунина), 40, в Одессе.

В заключение хотелось бы сказать, что мы показали далеко не все коллекционные карты, на которых обозначена наша Черноморская Жемчужина, а лишь наиболее, на наш взгляд, интересные из них.

Олег Губарь

Энциклопедия забытых одесситов

Жиган

Из всех популярных в давние времена рельефных одесских криминальных типов молва воспроизводит лишь Соньку Золотую Ручку и Мишку Япончика. Память о них увековечена литераторами, в том числе и весьма почтенными, причем довольно-таки неблаговидные обстоятельства биографии декорированы в духе романтических приключенческих персоналий типа Робин Гуда и капитана Блада. Не собираюсь множить эту крапленую колоду, и в сообщении о знаменитом в свое время разбойнике Чумаке попытаюсь следовать только фактам. Хотя, должен заметить, манера хрониста всегда держит на коротком поводке. Впрочем, у меня есть право на предположения и допущения, что, конечно, стану оговаривать.

Период, когда Чумак развернул широкую экспроприаторскую деятельность в окрестностях Одессы, относится ко второй четверти позапрошлого столетия. В эти годы город был крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции, доставлявшейся сухим путем, в первую очередь, из Подольской губернии. Дорога неблизкая, доставка носила сезонный характер, поскольку в межсезонье воловьи упряжки физически не могли следовать по бездорожью. Почтовые тракты для гужевого транспорта не предназначались. Кроме того, зимою навигация замирала, гавань, случалось, замерзала, экспорт зерна, шерсти, сала, шелка и прочих продуктов прекращался.

Основные поставщики товарного зерна – польские шляхтичи, помещики, или, как их величали, магнаты – редко становились жертвами разбойничьих шаек. Большие хлебные караваны продвигались под надежной охраной, а сами шляхтичи, да и ближай-

шее окружение составляли сплошь отставные боевые офицеры, умевшие дать достойный отпор. Вырученные от продажи крупные суммы они вкладывали в Одессе в домостроительство, нередко тратили на покупку предметов роскоши, а то и проматывали в карточной игре и кутежах. Но если этого не случалось, то и тогда сколько-нибудь значительные суммы не носили в кармане, они находились в ведении кредитно-банковских учреждений, пусть даже таких примитивных, как местные меняльные конторы. По этой причине нападению, как правило, подвергались одиночно следовавшие повозки или экипажи сельских хозяев, посещавших город для мелких покупок и продаж, устройства частных дел и проч. Подручные Чумака не брезговали и отдельно стоящими строениями – корчмами, трактирами, хуторами, домиками на отшибе, изредка упражнялись и в Одессе.

Шайка наводила ужас на окрестных жителей и вояжеров. Степные помещики запасались оружием, с которым не расставались в дороге. Случалось, предупредительные выстрелы действительно сдерживали нападавших. Но бывало и так, что хватавшегося за револьвер храбреца, отставного офицера-помещика, жестоко избивали, а то и убивали. Изловить нескольких налетчиков даже на территории градоначальства, включавшего Дальницкие, Усатовы, Нерубайские, Фомины хутора, Татарку, Кривую, Холодную балку и т. д., силами немногочисленных полицейских чинов было крайне затруднительно. Тем более что в пределы градоначальства Чумак внедрялся с большой неохотой, да и то нечасто. Любой конный разъезд отлично наблюдался на открытой местности, всегда была возможность юркнуть в какую-нибудь лощину, балочку, укрыться в каменоломнях по рекам Большой, Малый, Средний Куяльник др. Можно было, конечно, попытаться, что называется, ловить на живца, но для этого требовалось время, люди, экипировка, а результат отнюдь не гарантировался.

В конце концов, терпение властей исчерпалось, и на исходе 1840-х задачу ликвидации банды Чумака поручили смышленому и решительному чиновнику полиции – приставу 3-й части города губернскому секретарю Антону Михайловичу Харжевскому, в дальнейшем значительно выросшему в чине. О личности главаря, его связях, как и о внешнем облике, ничего, кроме неправдо-

подобных россказней, не слыхали, а потому пришлось начинать с нуля. Как и во все времена, полиция чаще всего решала проблему поимки того или иного преступника фискальными методами, беря под жесткий контроль кабатчиков, сидельцев, половых, мерщиков, содержательниц и обитательниц домов терпимости, менял, невольно становившихся информаторами.

В ночь на 22 января 1850 года Харжевскому «через своих лазутчиков» стало известно, что Чумак с другими грабителями пьянствует в кабаке питейного откупа за Тираспольской сухопутной таможенной заставой, то есть за чертой порто-франко, на территории современной Молдаванки. С десятью полицейскими служителями пристав скрытно окружил дом и предложил бандитам добровольно сдаться. Оставив вдумчивое потребление славной водочки местного завода Абазы, те сперва заперлись изнутри, а затем, вооружившись ломами, неожиданно пошли напролом. Обладавшему невероятной физической силой (несмотря на то, что ему было далеко за 60) Чумаку уже почти удалось прорваться сквозь кольцо окружающих. Бросив лом, он выхватил нож и всадил в набегавшего унтер-офицера Никиту Приходько. Тот, к счастью, не пострадал: его спас толстый полушубок. В этот момент на Чумака набросился сам Харжевский, и после недолгой борьбы как уступавший в силе, но более умелый, ухитрился скрутить преступника. При этом легко одетый и поворотливый пристав едва сумел спастись от удара бандитского ножа. Вместе с верховодом захватили осужденных рецидивистов, беглых грабителей и убийц Ивана Карвота и Филиппа Харченко.

Что до Чумака, он назвался Василием Безугловым, упорно отрицал причастность к каким бы то ни было преступлениям. Каждый эпизод следствию приходилось долго отрабатывать, припирая бандита неопровержимыми уликами. Несколько лет кряду Чумак провел в старом одесском тюремном замке, четыре угловые башни которого когда-то возвышались над нынешней привокзальной площадью, в ту пору именовавшейся Тюремной. За это время буквально по крупицам составили его «творческую биографию». Украинец по национальности, человек во многих отношениях одаренный и при других обстоятельствах сумевший бы позитивно реализоваться, Алексей Трофименко – так его на

самом деле звали – вкусил прелести солдатчины, трижды бежал со службы, затем из арестантской роты, наконец, от конвойных. Возможно, в это время он и не помышлял о карьере преступника, но обстоятельства сложились не в пользу благочиния. Укрыться и прокормиться он не мог иначе, как только вписавшись в криминальную среду. Это, конечно, допущение, однако вполне обоснованное. Действительно, если бы беглый солдат Азовского пехотного полка совершал уголовные преступления на этом этапе, то был бы осужден, но его лишь возвращали в службу.

Так или иначе, а среди предъявленных обвинений – побеги из Сибири, сокрытие звания и переименование, сокрытие подельников, ложные обвинения непричастных к преступлениям лиц, нападение с шайкой на дом жены унтер-офицера Васильева, «удавление ее ремнем и истязание ее беременной дочери, ограбление вещей и денег», «нападение с шайкой на проезжавшего майора Сахновского, побои, ограбление вещей, денег и лошадей», воровство со взломом из лавки купца Луцканова и т. д. и т. п. Перечисляя имена и клички самозванца, невольно вспоминаешь Высоцкого в роли Жеглова: «Она же N, она же NN, она же NNN». Алексей (он же Василий) Трофименко – он же Василий Чумак, он же Каленик (Василий) Безуглов, он же Мусиенко, он же и т. д.

По решению очередного суда рецидивиста лишили всех прав и отправили в каторжные работы в рудниках на 20 лет, кроме того наказали шпицрутенами. 24 сентября 1859 года Чумака трижды прогнали через строй солдат Пражского пехотного полка в 100 человек. Так в очень солидном возрасте он получил 300 травматических ударов! Могучее здоровье не подвело, и 12 января 1860 года он, вполне оправившись, был этапирован из Одесского тюремного замка в каторгу. Но в начале июня 1863 года после нескольких случаев серьезных «шалостей» по Балтскому тракту пошли разговоры о возвращении легендарного уже Чумака.

Времена были другие, возможности полиции возросли, хотя разбойника вычислили тем же прежним проверенным способом – силами осведомителей. Суть дела в том, что злопамятный атаман так и не смог простить доносчика, выдавшего его много лет назад, и искал случая, как он сам впоследствии выразился, «отблагодарить». С этой целью мститель явился в предместье Пересыпь, но не успел

осуществить свое намерение, был выдан, его умело преследовал квартальный надзиратель Липский, «лишив всех средств к сопротивлению», и 16 июля арестовал. Чумак, по обыкновению, стал отпираться, мол, я не я и т. п., но его лично опознал героический пристав Харжевский, да и шрамы, оставленные шпицрутенами, говорили о себе сами, пришлось назваться настоящим именем.

Знакомишься с подробностями перемещений этого фигуранта, и начинаешь осознавать подлинный смысл старинного прозвища *жиган* применительно к беглым каторжникам. В 1860-м Чумака доставили на небезызвестную Кару, тобольские заводы, по медицинскому освидетельствованию признали непригодным к работе и отправили в округ Усть-Кара. Здесь ссыльные сами зарабатывали себе на пропитание и были подвержены куда менее строгому надзору. На третий же день старый злодей бежал по пустынной тундре и сибирской тайге, в одиночку, голодный и холодный, старый. Добравшись в Центральную Россию, он повернул на юг, передвигаясь ночами, от убежища к убежищу, от берлоги к берлоге, достиг Елисаветграда. Здесь при содействии некоего Филиппа Капланского приобрел у содержателя постоялого двора Менделя Николаевского фальшивые документы на имя отставного рядового Оренбургского линейного № 5 батальона Алексея Филиппова.

Пристроившись в Одессе, Чумак стал промышлять «по профилю», однако, по его словам, не успел еще набрать команду надежных подручных. Отпираться он умел, «пришить» что-либо ему, невероятно прожженному и редкостно выносливому, было крайне трудно. По этой причине в воздухе повисла вереница разных дел: нападение на дом дьячка Кальнева с вымогательством, нападение на двух проезжих крестьян с ограблением, кража лошадей и повозки с вещами на постоялом дворе и проч.

Внешние данные: высокого роста, крепкого сложения, глаза небольшие, «рысьи, неимоверно хитрые», голова в клочках волос, оставшихся, в основном, на висках, характер скрытно-свирепый. Местные газеты растиражировали клятвенное уверение полиции в том, что одесское общество в последний раз слышит о появлении этого злостного правонарушителя в нашем городе. Отчаянный негодяй получил 50 ударов плетью, и его снова водворили на четыре года в отдаленные районы Сибири, но куда там… Чего стоят все «подви-

ги» Золотой Ручки и Япончика вместе взятые по сравнению с одной только летописью побегов престарелого жигана Чумака из Сибири?!

Очередные его поимки в Одессе относятся к 1866-му и августу 1869 года, когда ему было уже далеко за 80. В последний раз его захватили в весьма посещаемой ресторации «Новый свет», на Греческой улице. Дело находилось на контроле самого новороссийского генерал-губернатора графа П.Е. Коцебу. В тот раз Чумак бежал с дороги, по пути следования этапа от Иркутска в местечко Киренку. К этим дням аутентичный Трофименко совершил в общей сложности три побега с каторги и два – с дороги на каторгу. Чумак был первым преступником, которого сфотографировали в Одессе специально для случаев опознания. Как и прежде, о нем много писали в газетах. О том, например, что при своем почтенном возрасте он «все еще обладает геркулесовою силою и геркулесовым сложением. С последним побегом из ссылки он отрастил большую седую бороду – вероятно, с целью замаскировать себя. Он все еще бодр, сдержан и замечательно хладнокровен; в состоянии выпить графин водки, не поморщившись, и не прочь от ЛОВЕЛАСНИЧЕСТВА; держит себя с достоинством. В последний раз он был захвачен в окрестностях Одессы во время сна, был судим, но по старости лет избегнул телесного наказания. При поимке он предсказал свой новый побег из Сибири и обещал отплатить тому, кто его выдал. Предсказание сбылось, но не знаем, выполнил ли он свое обещание. Пред настоящею поимкою его в Одессе, по его словам, он купил своей дочери кусок земли близ Тирасполя и имел разного товара на сумму до 3.000 рублей. Глубоко развращенная личность, он все-таки и теперь еще обнаруживает несомненно талантливую натуру: при другом направлении из него мог бы выйти замечательный человек. Заметим кстати, что он малоросс, и во что бы то ни стало желает умереть в Одессе. До субботы (9 августа 1869 года. – **О. Г.**) пополудни он содержался при 2-й полицейской части города, а теперь – в тюремном замке».

Покупка земли в подарок дочери вполне вероятна – в молодости наш жиган, как оказалось, некоторое время имел оседлость и вообще стремился основательно размещать капиталы. Знакомясь с ретроспективными реестрами владельцев одесской недвижимости я, между прочим, обнаружил следующее: мещани-

ну Василию Чумаку не позднее 1848 года принадлежали небольшой дом и две мельницы по городскую сторону Водяной балки, то есть на территории нынешней Молдаванки.

...В декабре 1869-го его возили для проведения следственных действий в Елисаветград, где, как было сказано выше, подельники снабжали его фальшивыми документами. Следствие снова затянулось, и дело Чумака слушалось в Одесском окружном суде 5 июля 1871 года. Данные о возрасте расходятся: от 83-х до 91-го года. В числе предъявленных ему обвинений на этот раз – убийство некоего одесского мещанина Макара Сокуренко, похоже, как раз выдавшего его полиции осведомителя. Поразительно, что суд ходатайствовал перед российским монархом о смягчении приговора старику – годичное содержание в тюремном замке без кандалов, а затем бессрочное поселение в Сибири. Если учесть, что Чумак уже просидел как-то раз в Одессе три года в ручных и ножных кандалах, смягчение в самом деле существенное. «Высокого роста широкоплечий старик с седой окладистой бородой и совершенно лысый. Несмотря на то, что ему уже 91 год, он кажется довольно бодрым» – таким видели его репортеры в ходе этого судебного разбирательства.

Здесь, к сожалению, мне приходится поставить многоточие. Как и в истории о Соньке Золотой Ручке, финал пока остается за кадром, а домыслы и легенды оставляю в стороне. Надеюсь, понятно, раскопать еще какую-нибудь информацию, но в данный момент не могу сказать ничего определенного о последних днях невероятно живучего и, как бывает в таких случаях, непонятным образом обаятельного злодея. Хочется думать, что его в шестой раз не отправили в Сибирь, и что желание его почить в Одессе, где он мог видеть дочь, осуществилось.

Чумака помнили в Одессе долго. О нем упоминает и знаменитый бытописатель Александр Михайлович де Рибас. Позднее сюжет о степном разбойнике померк на фоне менее отдаленных хронологически и контрастных героев Бабеля, их ярких прототипов. Правда, Чумака изредка поминают и теперь, как правило, в контексте придумок и баек. Пишут, например, что сообщество экспроприаторов знаменитого Г.И. Котовского формировалось в середине 1900-х на манер шайки «молдавского атамана Васыля Чумака».

Анджей Эмерик Маньковски, Сергей Котелко

Одиссея доктора Маньковского

Профессор А.Ф. Маньковский

История скрывает от нас еще достаточно много интересных имен, которыми мы вполне могли бы гордиться. Одно из таких имен – Александр Федорович Маньковский, профессор Новороссийского университета, предшественника нашего нынешнего университета. Поляк из Подолии, выдающийся русский ученый и педагог, белороссийский эмигрант, знаменитый болгарский ученый и менеджер от науки – все это в равной степени можно сказать об Александре Маньковском. В этом очерке мы предлагаем читателям выдержки из биографии Александра Федоровича, составленной его дальним родственником Анджеем Эмериком Маньковским (Варшава) на основании не опубликованных ранее материалов и архивных документов Санкт-Петербурга, Киева и Софии, а также семейных воспоминаний.

Будущий профессор Александр Федорович Маньковский родился 15 апреля 1868 г. в Ольвиополе* Елисаветградского

* Ольвиополь – прежнее (до 1920 года) название части города Первомайска, ныне города в Николаевской области Украины, расположенного на левом берегу реки Южный Буг. Елисаветград – ныне Кировоград.

уезда Херсонской губернии. В дальнейшем семья переехала в Бендеры, где в 1877-1881 гг. Александр Федорович учился в уездной школе, которую окончил с одной четверкой в свидетельстве об окончании школы, а начиная с 1883 г. поступил в Первую кишиневскую гимназию и завершил обучение в 1889 году с серебряной медалью.*

В рекомендации для приступления к экзамену на аттестат зрелости подчеркивалось, что во время обучения он имел «отличное поведение, посещение уроков исправное, был всегда внимателен, с особенным интересом занимался всеми предметами».** Характеристика, выданная после окончания гимназии, указывает, что из-за отсутствия средств он вынужден был «содержать себя уроками и благодаря своему трудолюбию при не бойких способностях принадлежал к лучшим ученикам своего класса. В нравственном отношении был всегда безупречен, нрава тихого и спокойного, по характеру флегматичный и застенчивый»***.

Отец профессора Александра Маньковского Федор (Теодор) Маньковский родился около 1830 года и жил на территориях Речи Посполитой, которые в конце XVIII века вошли в состав Российской империи. Все указывает на то, что он был дворянином, хотя не подтвержденным герольдией,**** и в семейной традиции сохранилась память о причислении этой ветви Маньковских к гербу Ястржембец. Прошение с просьбой принять его сына Александра в Третью кишиневскую гимназию Федор Кондратович Маньковский подписывает «дворянин Маньковский».***** Однако доказать свое дворянское происхож-

* Arhiva Nationala Moldovei (далее: НАРМ), ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 32 об. и 145.

** Там же, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 13.

*** НАРМ, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 51 об.

**** После III раздела Польши, между Австрией, Пруссией и Россией, указом от 21 апреля (3 мая ст. ст.) 1795 г. Екатерина II приказала расширить привилегии шляхты, установленные в 1785 г. «на все земли и районы Польшей Империи нашей возвращенные». Дворянские привилегии были предоставлены исключительно лицам, занесенным в родословные книги дворянства, установленные для каждой губернии. В эти книги вносились лишь те лица, которые сумели подтвердить свое шляхетское происхождение.

***** НАРМ, ф. 1862, оп. 25, д. 615, л. 144. В списке учеников, приступающих к экзамену на аттестат зрелости (1889), Маньковский также выступает как «сын дворянина».

дение Маньковские не смогли и с формальной точки зрения имели низкий общественный статус. Так, в формулярных списках братья профессора Александра Федоровича указаны как «крестьяне» или «поселяне», хотя, конечно, таковыми они не были, принадлежа скорее к так называемым «разночинцам».

На основании информации о местах рождения сыновей Федора Маньковского можно восстановить судьбу его семьи. В 1868 году семья жила в городе Ольвиополь в Херсонской губернии на границе с Подольем; в начале 70-х годов XIX века – в селе Петничаны в Винницкой области Подольской губернии, в последующие годы (начиная с половины 70-х) – в Бендерах (либо по соседству) в Бессарабской губернии. В каждом из перечисленных населенных пунктов находились какие-либо небольшие производственные предприятия – кирпичный, винокуренный, сахарный и др. заводы. На основании проведенных исследований можно предположить, что Федор Маньковский служил приказчиком или управляющим какого-то завода, либо инженером или квалифицированным заводским рабочим. Материальный статус семьи Маньковских (отсутствие земельного владения) способствовал тому, что молодое поколение поступало на государственную службу. С большой вероятностью можно предположить, что мать Александра Маньковского довольно рано осталась вдовой. Жизненным решением, часто связанным с воспитанием сыновей вдовами, был выбор для них военной карьеры и их бесплатное обучение в юнкерских училищах – так произошло и в случае как минимум четырех братьев Александра.****** Выбор профессиональной карьеры в армии давал шляхетским семьям возможность сохранить предыдущий общественный статус.

После окончания гимназии Александр Маньковский поступил в университет св. Владимира в Киеве, где в 1894 г. по-

****** Существует немало доказательств тому, что многие молодые поляки вступали на армейскую службу из-за отсутствия средств на дальнейшее образование, это относится в особенности к сыновьям вдов. См.: Piotr Stawecki, Rodowód i struktura społeczna korpusu oficerskiego Drugiej Rzeczpospolitej. Studia i materiały do historii wojskowości, т. XXIII, Warszawa, 1981, s. 231-235, а также: Tadeusz Radziwonowicz, Polacy w armii rosyjskiej (1874-1914). Studia i materiały do historii wojskowości, т. XXX, Warszawa, 1988, s. 209-226.

лучил диплом врача с отличием. Во время учебы в течение четырех семестров работал в лаборатории общей патологии, руководимой выдающимся ученым – профессором медицинских наук Владимиром Валерьяновичем Подвысоцким.

Еще до окончания учебы «студент-медик» Александр Федорович Маньковский участвовал в борьбе с эпидемией холеры в Бессарабии – в Аккерманском (1892) и Бендерском (1893) уездах. Накопленный опыт привел его к написанию первой очень интересной научной публикации «Краткий отчет о результатах командировки в Бендерский уезд».* Это очень интересный труд, на примере которого можно узнать о работе земских врачей в России, состоянии и методах организации здравоохранения и отношении населения к врачам. Вот небольшой отрывок:

«Уездная управа сообщила мне, что ввиду существования эпидемии брюшного тифа в с. Томай мне необходимо отправиться в 4-й медицинский участок для борьбы с тифом. [...] Поручено было обратить особое внимание на «гигиенический уход за больными и питание их», для каковой цели поручено мне было урегулировать довольствие больных тифом. 22-го мая я прибыл в м. Комрат и явился к участковому врачу г. Снитовскому для того, чтобы сообща с ним составить план правильного довольствия больных. Затем мы оба, взявши из Комрата мяса, хлеба, крупы и коньяку отправились в с. Томай, чтобы на месте решить окончательно вопрос о правильном довольствии больных. [...] Поселившись в с. Томае, я, прежде всего, постарался познакомиться с больными, с их бытом, обстановкой, материальным положением и привычками, для того чтобы подходящим образом вести лечение и питание больных. Это было для меня довольно трудно, так как ни я, ни фельдшер Валовац не были знакомы с турецким языком, на котором говорит население Томая, и в большинстве случаев переводчиком служил фельдшер Ганчогло, гагауз по происхождению, который не всегда охотно и не особенно точно, как я убедился впоследствии, переводил мои расспросы. [...]

* Отчет по делегации для борьбы с холерой. Врачебная хроника Бессарабской губернии. Краткий отчет о результатах командировки в Бендерский уезд. Киев, 1893, с. 13-25.

Довольствие больных на первое время представляло некоторые затруднения: роздано было 1½ пуда мяса больным, и все это оказалось на другой день выброшенным вон, так как больные не хотели есть скоромного по случаю Петровского поста. Я обращался за содействием к местному священнику, но он мне ответил: «ничего не поделаете; скоромного есть они не будут; уж я их сколько уговаривал, – не хотят». Об этом я написал г. Снитовскому, прося его не присы[ла]ть более мяса, а деньги, предназначенные для этого, обратить на покупку чаю и сахару для больных. Вместо коньяку я предложил д-ру Снитовскому покупать вино для больных тут же в с. Томае у одного из жителей, который по моей просьбе согласился отпускать прекрасные «выморозки» по 2 рубля за ведро. В дальнейшем довольствие больных производилось так: каждый больной получал ежедневно по 1 фунту белого хлеба, по 2 столовых ложки крупы манной или перловой, по ½ чайного стакана вина, по ложечке чаю и по 3 куска сахару. [...] Выдача продуктов больному прекращалась лишь после того, как он мог отправиться на полевые работы (прашевку кукурузы)».

Примерно в это время Александр Федорович защитил диссертацию на тему «К микрофизиологии поджелудочной железы»; ему была присвоена степень доктора медицины.

После окончания учебы в университете в Киеве, в 1894 году Маньковский исполнял должность земского врача Бендерского уезда, так как из этого уезда он получал научную стипендию. В 1895 году профессор Подвысоцкий предпринимает новый общественно значимый проект – организует журнал «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии». Маньковский принимает активное участие в создании журнала. Начиная с 1897 года он был сотрудником и секретарем ежемесячника.

Профессор Подвысоцкий, рекомендуя Маньковского министру просвещения графу Ивану Давидовичу Делянову в 1897 году, писал: «Во время учебы А. Маньковский был одним из самых прилежных молодых людей. Он всегда обнаруживал стремление к занятию наукой; не имел, однако, средств к жизни и должен был сделаться земским врачом по окончании университета, служил

земским врачом 3 года в Бендерском уезде, от какого уезда получал стипендию, будучи студентом. В настоящее время, собрав небольшие средства и увлекаемый жаждою научной работы, оставил земскую службу и работает в моей лаборатории, где работал и раньше как студент».* Письмо это было написано для преодоления порядка, существовавшего в те времена. После двух польских восстаний 1830 и 1863 годов поляки, практически все исповедовавшие католицизм, не подпадали под определение благонадежных, их продвижение по карьерной лестнице было сопряжено с трудностями – были введены квоты на принятие католиков на госслужбу. Профессор Подвысоцкий, сам православный, пытался помочь своему молодому коллеге и устроить его на имевшуюся вакансию на должность помощника прозектора на возглавляемой им кафедре. В письме к министру просвещения он просил о снятии этого барьера: «к утверждению д-ра Маньковскаго на эту должность встречается роковое препятствие в его католическом исповедании. …беру на себя смелость почтительнейше просить ваше сиятельство снизойти на мою покорнейшую просьбу и не в пример прочим разрешить, а если бы то оказалось необходимым, повергнуть к стопам его императорского величества мою всеподданнейшую просьбу о разрешении на избрание медицинским факультетом университета Св. Владимира сказанного д-ра Маньковского на должность помощника прозектора при моей кафедре. Д-р Маньковский хорошо известен мне лично и принадлежит к числу самых благонадежных молодых людей; он уроженец Бессарабской губернии, ничего общего с польской национальностью не имеющий, родители и предки его издавна жители Бессарабии и бывшей Молдавии и Валахии».

Привожу эту переписку с целью показать, как молодого студента ценил выдающийся ученый Подвысоцкий, и что для преодоления подобных проблем необходима была помощь самого министра. Впрочем, не только министра – позже в дело вмешался и киевский генерал-губернатор граф Игнатьев! Вопрос решился положительно – сложно, но, как видим, власть предержащие могли поступиться принципами на пользу науке.

* РГИА, ф. 733, оп. 150, д. 1363, л. 28-30.

Пока идет эта переписка с высшими инстанциями, Александр Федорович Маньковский под руководством Подвысоцкого занимается важной научной работой – изучает надпочечные железы и проводит микроскопические и физиологические исследования островков Лангерганса в панкреасе. В 1896 году В.В. Подвысоцкий рекомендовал хирургам при остановке сердца во время хлороформного наркоза вводить вытяжку из надпочечников. Александр Федорович продолжил исследования в этой области и в 1897 г. опубликовал две свои работы, в которых посредством проведенных опытов на животных указал лечебное действие экстрактов надпочечных желез. А в 1898 году, инфузируя надпочечники, он сумел выделить обладавшее биологической активностью вещество, которое назвал «надпочечниковым стимулином». Но, как это не раз бывало с русскими учеными, изобретение не было должным образом оформлено, а технологию получения активного вещества, его химическую формулу через три года описал и запатентовал совсем другой – работавший в Америке доктор Йокиче Такамине. Название этого вещества теперь известно всем – *адреналин*.

У Александра Федоровича сложились теплые и дружеские отношения со своим учителем В.В. Подвысоцким. Часто, придя в лабораторию, они вместе со всеми, кто работал в лаборатории, завтракали, сварив картошку в автоклаве и запивая ее «жидким и, правду сказать, не отличавшимся приятным вкусом «лабораторным чаем».

В январе 1899 года А.Ф. Маньковский вместе с И.В. Троицким, О.З. Лазаревым, Г.Ф. Писемским и другими известными врачами и учеными вошел в состав группы, обратившейся в медицинский департамент министерства внутренних дел с просьбой об открытии Киевского общества детских врачей. Разрешение было получено, и в марте 1900 года утвержден устав общества, цель деятельности которого звучала так: «Служить успехам педиатрии и товарищескому сближению врачей, занимающихся этой отраслью медицины». Первое научное заседание общества педиатров состоялось 29 сентября 1900 г.

Развитие медицины не могло обойти такой город, как Одесса. Назрела необходимость создания здесь медицинского центра. В 1900 году профессора Подвысоцкого пригласили в наш город для создания при Новороссийском университете медицинской кафедры. Для помощи в этом деле Подвысоцкий пригласил и Маньковского. В 1900 г. Александр Федорович Маньковский вслед за своим учителем переехал из Киева в Одессу.

В Одессе Александр Федорович прожил около 20 лет и оставил большой след в истории медицинского образования в нашем городе. Он был одним из создателей того, что сейчас называется Одесским национальным медицинским университетом.

Его первой должностью в Одессе была должность доцента кафедры гистологии Новороссийского университета. В 1902 г. он назначается экстраординарным профессором кафедры гистологии и эмбриологии Новороссийского университета.

В Главном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранилась датированная 1903 годом переписка Маньковского с надзирателем Одесского научного округа относительно его заграничной командировки с целью ознакомления со способами преподавания гистологии и эмбриологии в зарубежных вузах.*

1 января 1904 года ученые заслуги Александра Федоровича были отмечены в Петербурге – ему был пожалован орден Св. Анны II степени. В университете он числился экстраординарным (внештатным) профессором.

К заявлению от 1904 года относительно назначения Маньковского на должность ординарного профессора Новороссийского университета были добавлены резюме и список опубликованных им 18 научных трудов (на русском, немецком и французском языках).**

* РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 201, л. 216-217. Ср. Ю.Н. Сухарев, Материалы к истории русского научного зарубежья. Именной список русского научного зарубежья, 2002.

** РГИА, ф. 733, оп. 151, д. 201, л. 217.

К середине 1900-х гг. Александр Федорович уже пользовался достаточным авторитетом в университетской среде Одессы и был избран товарищем председателя комитета благотворительного Товарищества столовых для студентов из несостоятельных семей.*** В формулярном списке о службе от 1 августа 1904 года записан как римский католик, декларировавший происхождение из дворянства Бессарабской губернии, кавалер ордена Св. Анны II степени, с жалованием 2000 рублей в год, не обладающий недвижимостью, женат на Юлии Ивановне (девичья фамилия неизвестна. – **А. Е. М.**), имеет дочь Марию, 12 августа 1898 г. р.; жена и дочь – православного исповедания.****

Нормальную преподавательскую и административную работу нарушает революционный 1905 год. Студенчество было одним из самых активных проводников революции. Во всех учебных заведениях Российской империи проходят выступления и забастовки. Не стал исключением и Новороссийский университет, превратившийся в один из центров революции в Одессе. Обстановка здесь была очень сложной. Медицинский факультет стремительно размежевался на «правых» и «левых». А.Ф. Маньковский оказался в лагере «правых», в отличие от большинства своих коллег, увлекшихся «либеральными началами», среди которых оказался и его учитель и наставник Владимир Валерьянович Подвысоцкий. Кто из них оказался прав в итоге, рассудит история, но на этой почве между когда-то близкими по духу людьми сложилось взаимное неприятие. Вскоре, в том же 1905 году, Владимир Валерьянович Подвысоцкий получил приглашение занять пост директора Петербургского института экспериментальной медицины, которое он принял, оставив навсегда Одессу. После его отъезда Александр Федорович Маньковский сменил

*** Адресная и справочная книга г. Одессы «Вся Одесса на 1906 год». Издание Л.А. Лисянского, с. 120.

**** РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 2683. л. 33. По семейным воспоминаниям, Мария Маньковская была католичкой, и это вне всякого сомнения (ее приходом был костел Св. Иосифа в Софии). Проживая в Болгарии, с родственниками со стороны отца она свободно говорила по-польски, по-французски, по-русски и по-немецки.

его на посту декана медицинского факультета. Ректором университета в 1905 году был избран Иван Михайлович Занчевский (1861-1928), профессор по кафедре механики, декан физико-математического факультета.

В атмосфере тогдашнего взлета революционных настроений правые, государственнические взгляды были крайне непопулярны в интеллигентской среде, и придерживавшиеся их должны были обладать определенного рода мужеством. На неугодных правых профессоров обрушились оскорбления, угрозы и попытки изгнать их решением взбунтовавшихся учащихся. В Новороссийском университете все прелести революционной анархии проявились особенно сильно, но здесь же, пожалуй, революция получила и наиболее смелый и последовательный отпор. Первой антиреволюционной реакцией явилась «Телеграмма 24 одесских профессоров», напечатанная 17 февраля 1905 года в газете «Новое время», ставшая ответом на воззвание основателей академического союза, приглашавшего профессоров и младших преподавателей принять участие в «освободительном движении». «Мы, – говорилось там, – не находим достаточно ярких и сильных слов, чтобы выразить горячий протест против вовлечения университетов, имеющих свои высокие задачи, в чуждую им сферу политической борьбы». В университете формируется Коалиционный совет, который стал органом студенческого самоуправления, который «руководил политической жизнью всего Новороссийского студенчества».*

В 1907 году либерал Занчевский был снят с должности ректора. Главой университета с 1908 года становится профессор Сергей Васильевич Левашов, активный участник русского национально-монархического движения, пользовавшийся полным доверием и поддержкой со стороны одесского градоначальника генерал-майора Толмачева. Для организации порядка в аудиториях и пресечения политических провокаций в университет вводятся переодетые городовые и сыщики. А.Ф. Маньковский, профессора Казанский, Курдиновский,

* Революционное гнездо. Из истории Новороссийского университета. Дело ректора Занчевского и проректора Васьковского. – СПб, 1909.

Катков, секретарь совета Герич, создают прочное реакционное большинство в составе совета университета. Их взгляды разделяли и некоторые студенты, известные в то время под кличкой «союзники». Основная студенческая масса протестует против такого положения, устраиваются демонстрации, сходки. Коалиционный студенческий совет выдвигает требования немедленной очистки университета от агентов полиции, отставки Левашова, новых свободных выборов ректора.** Для пополнения рядов «прогрессивной молодежи» здание храма науки было наводнено различным темным элементом, тут же принимаемым в число «вольнослушателей». Прямо в университете революционная масса была вооружаема как литературой, так и непосредственно оружием. Снабжал студентов револьверами и патронами носитель хорошо известной в Одессе фамилии – преподаватель Щепкин, улица Елисаветинская, проходящая вдоль университета, еще недавно носила его имя. Сознательная революционная масса, взбудораженная борьбой и восстаниями, не удерживалась даже от открытого разврата. Так, на следствии профессор Алмазов показал следующее: «Толпа, наполнившая университетские помещения, ничем не стеснялась, и порой эти помещения обращались в клозеты, а клозеты в места для удовлетворения половых инстинктов».***

В феврале 1909 г. состоялся громкий процесс по делу бывшего ректора Новороссийского университета И.М. Занчевского и проректора Евгения Владимировича Васьковского, обвинявшихся в ненадлежащем исполнении своих прямых должностных обязанностей и отправке в Санкт-Петербург заведомо ложных сведений о реальном положении дел во вверенном им университете. Симпатии прогрессивной общественности всецело были на стороне профессоров, для их защиты были привлечены лучшие на то время силы: член Государственной думы В.А. Маклаков, О.Я. Пергамент, профессор князь Е.Н. Трубецкой. Однако вскрытые в ходе следствия факты наглого хо-

** http://almanah-dialog.ru/archive/archive_3-4_2/av5

*** «Революционное гнездо». Из истории Новороссийского университета. Дело ректора Занчевского и проректора Васьковского. СПб., 1909, с. 91.

зяйничанья в лихолетье 1905-1907 гг. в Новороссийском университете революционных элементов при прямом попустительстве университетских властей были столь очевидными, что избежать обвинительного приговора им не удалось: Е.В. Васьковский был отрешен от должности, а И.М. Занчевский 24 мая 1909 г. и вовсе исключен с государственной службы по приговору судебного присутствия Уголовного кассационного департамента Сената. В Русском биографическом словаре сказано, что причиной отрешения от должности было непринятие репрессивных мер против студентов в 1905-1906 годах. Дело получило большой общественный резонанс.

Несмотря на успокоения общества в период премьерства Столыпина, Маньковскому не могли забыть его правых взглядов. На его лекциях то и дело случались провокации. Так, например, две похожих «акции» прошли подряд 7 и 9 февраля 1911 года. Интересна суть этих акций – об этом мы можем узнать из рапорта, подписанного исполняющим обязанности полицмейстера Доливо-Добровольским и направленного начальнику Одесского управления жандармерии:

«Сего числа в 9 часов утра в малой аудитории медицинских лабораторий на Ольгиевской улице происходили занятия со студентами 2-го курса, явившимися в числе 70 человек. Лекцию читал профессор Маньковский. В 10 часов утра был объявлен перерыв, и все студенты вышли на площадку прогуливаться, причем, как заявил помощник смотрителя зданий медицинских лабораторий г. Бечаснов, среди них заметно было некоторое волнение. Зайдя в аудиторию, г. Бечаснов ничего подозрительного не заметил. В 10¼ час. был дан звонок, и все студенты направились в аудиторию, куда вскоре пришел профессор Маньковский. В аудитории стали закрывать окна, так как предполагалось демонстрация картин, и как только стало темно, один из студентов, впоследствии был обнаружен и оказался Георгием Григорьевичем Элиавой, начал кричать: «Товарищи, призываю к забастовке, прекратим занятия». В аудитории поднялся страшный шум, и в это время один из студентов, но кто именно, пока не установлено, бросил на пол колбочку с какой-то жидкостью, после разби-

тия которой распространился невыносимый запах в аудитории, причем с двумя студентами сделалось дурно, и для приведения их в чувство была вызвана карета скорой помощи. Между тем шум в аудитории продолжался. Профессор стал просить успокоиться, но студент Элиава продолжал кричать «долой полицию», причем бросился с кулаками на помощника смотрителя Бечасного, но городовой Злачевский, знак № 679, не допустил насилия. Профессор Маньковский предложил встать тем студентам, которые желают заниматься, но Элиава опять стал кричать «сидите», в чем ему особенно помогал студент Аркадий Петров Машкин, который также кричал: «долой полицию, долой проректора Алмазова». Профессор Маньковский, видя, что студенты не успокаиваются, оставил аудиторию, откуда сейчас же вышли все студенты, так как сильный удушливый запах распространился по всей аудитории. Студенты Элиава и Машкин были тут же арестованы и обысканы, а затем доставлены в Херсонский участок. На квартире у них будут произведены обыски, о результатах которых последует особое донесение.

После производства химической обструкции и арестовании двух вышепоименованных студентов, все остальные студенты были переведены в другую аудиторию, где лекция профессора Маньковского продолжилась…».*

Через два дня, 9 февраля, снова на лекции Маньковского, уже другой студент – Александр Критопуло – произвел еще одну «химическую обструкцию», причем тщательно продуманную, – тот самый сосуд, который в отчете полицмейстера назван «колбочкой», был, как следует из полицейского отчета, прикрыт «большим куском ваты», для того чтобы не осталось на подошве следов, когда студент давил «колбочку» с удушливым газом.

Несмотря на все эти перипетии в стране и в родном для него университете, продолжались научная деятельность и карьерный рост Александра Федоровича. В 1907-1909 годах Алек-

* Центральный Державный исторический архив Украины, Киев (ЦДИАУК), ф. 385, Жандармское управление города Одессы, оп. 1, ч. 3, д. 2527, л. 1-17; д. 2529, л. 7.

сандр Федорович Маньковский работал секретарем медицинского факультета Новороссийского университета, а в 1907-1910 – заместителем проректора университета. Летом 1909 он выехал в заграничную командировку для ознакомления с учебным процессом на медицинском факультете в университете Каира. В этом же году он принимал участие в Международном съезде врачей в Австро-Венгрии, в Будапеште. В 1900-е годы он состоял в VI классе по Табели о рангах, в чине коллежского советника. Это соответствовало званию полковника, или капитана 1-го ранга, официальное обращение к носителю такого титула было «ваше высокоблагородие». Такой чин награждался личным дворянством, то есть дворянином был носитель этого чина, но он не мог передать дворянство по наследству. Любые перемены по службе при чине коллежского советника оформлялись только по высочайшим указам. По общему правилу, чиновники VI класса получали пенсион в размере 214 рублей 50 копеек без вычетов и 210 рублей 15 копеек за вычетом. Оклад составлял от 600 до 750 рублей, а также выделялись средства на содержание 5 лошадей. В 1908 году Александр Федорович уже ординарный профессор, заведующий кафедрой гистологии и лаборатории общей патологии медицинского факультета. В 1910 году Александр Федорович Маньковский – профессор, член Общества содействия академической жизни Императорского Новороссийского университета, член Общества русских врачей. Примерно в 1908-1909 гг. он был произведен в статские советники – чин V-го класса Табели о рангах, что соответствовало должности вице-директора департамента, но еще не давало права на потомственное дворянство. В 1911 году Александр Федорович становится преподавателем на недавно организованных Высших женских медицинских курсах, где в 1913 году входит в состав педагогического совета курсов.

Однако вскоре всему этому пришел конец – пришел 1917-й год. После событий февраля 1917 деятельность Александра Федоровича в университете столкнулась с огромными трудностями. Безусловно, ему опять вспомнили его правые убеждения.

Осенью 1917 года прошло общестуденческое собрание, во время которого студенты объявили бойкот лекций профессо-

ра Маньковского и решили воспрепятствовать Маньковскому в проведении лекций.*

«Русское слово» описывает те события и манеры тогдашней борьбы:

«Скандал на женских медицинских курсах. Одесса, от нашего корреспондента.

На женских медицинских курсах разыгрался невероятный скандал. Профессор Маньковский, бойкотируемый студентами по обвинению в причастности к охранке, возобновил лекции, поддерживаемый группой в пятьдесят слушательниц. Остальные курсистки при помощи студентов пытались сорвать лекцию. Произошла свалка: курсистки вцепились друг другу в волосы, на студентах порваны мундиры и покусаны руки, у некоторых – вывихи. Крики истерики слышались на улице. Случайно явившийся по частному делу военно-окружной комиссар Временного правительства Харито с трудом прекратил дебош. Маньковский и слушательницы заперлись, никого не пропуская. Маньковский отказывался открыть двери, пытаясь вести переговоры с Харито через двери. После заявления Харито, что неудобно представителю Временного правительства переговариваться через двери, Маньковский запустил его. Выяснив положение, Харито убедил Маньковского отказаться от чтения лекций впредь до окончания дела о нем, разбираемого студенческой комиссией».**

Далее случился октябрь 1917. В стране ломалось все, в том числе и система образования. Должности ректора и проректоров упразднили. В качестве управляющего университетом органа был создан революционный студенческий совет. Ученый совет перестал действовать. Большая часть профессорско-преподавательского состава отказалась от сотрудничества с советской властью, за что множество профессоров были уволены, в том числе и Маньковский.

Оставшись без средств к существованию и перспектив на будущее, Маньковский в 1919 году был вынужден навсегда покинуть Одессу.

* К.П. Добролюбский, Одесский университет за 75 лет (1865-1940). Одесский государственный университет имени И.И. Мечникова, 1940.

** РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 289, л. 57.

Будучи поляком по происхождению, владея польским языком, Александр Федорович Маньковский думал связать свою судьбу с Варшавским университетом – Польша как раз вновь стала самостоятельным государством, и угрозы большевизма там не просматривалось. Очевидно, покинуть Одессу Александр Федорович смог только через Болгарию, где и остановился, в Софии. Болгария в то время находилась в разобранном состоянии – напомню, она выступила в первой мировой войне на стороне Германии, и соответственно, была на стороне проигравших. Но, подписав ряд унизительных договоров, включавших в себя и разоружение армии, и отдачу некоторых территорий, болгары подумали о том, что может спасти и объединить страну, – об образовании, науке и культуре. Но вскоре при попытках создать собственные научные центры выяснилось, что Болгарии очень не хватает квалифицированных научных кадров.

В 1919-1920 гг. профессор Маньковский получает предложение Софийского университета возглавить, а фактически создать кафедру гистологии и эмбриологии, что происходило в трудных условиях, зачастую за собственные деньги профессора. Позднее кафедра гистологии и эмбриологии вылилась в отдельный одноименный институт в Болгарии, создателем которого также был Александр Федорович Маньковский, продолжавший свою деятельность на благо болгарской науки вплоть до 1929 года.

Институт часто посещают иностранные специалисты и ученые. Приезжали и представители Фонда Рокфеллера. Впечатленные сделанным, после своего возвращения в Америку они послали в Болгарию эпидиаскоп, целую коллекцию стекол для препаратов и экспонаты для музея. Общая стоимость подарка превышала 1 миллион левов. Для создания музея эмбриологии использованы материалы, собранные в организованных профессором Маньковским научных экспедициях по стране, при посещении больниц были получены эмбрионы в разных стадиях развития и патологоанатомические препараты.

Огнян Пунев писал в статье «Зарубежная Россия. Профессор Александр Федорович Маньковский»: «Александр Федо-

рович Маньковский является частью знаменитой плеяды русских врачей, ученых и педагогов, которые становятся частью болгарской науки, просвещения и культуры и вносят огромный вклад в ряд областей, часть из которых не могла бы быть разработана на высоком уровне до их появления в Болгарии»*.

За заслуги болгарский царь Борис III наградил Александра Федоровича Маньковского орденом Св. Александра III степени.

Такова краткая история того, как, к сожалению, Одесса потеряла, а Болгария приобрела выдающегося ученого и администратора профессора Александра Федоровича Маньковского.

Александр Федорович Маньковский умер 20 января 1946 г. в селе Певокладене, куда семья была эвакуирована в связи с бомбардировкой Софии.

Авторы выражают благодарность Марии Горбань
за помощь в подготовке материала

Варшава – Одесса

* Russkayagazeta.com Зарубежная Россия. Проф. Александр Федорович Маньковский. 2005.

Геннадий Гребенник

Профессор Семен Иосифович Аппатов

Готовится к печати книга профессора Одесского национального университета им. И.И. Мечникова Г.П. Гребенника под названием «Записки университетского человека». В нее войдут уже известные читателю нашего альманаха «Записки обитателя одесского истфака» (№ 45-48) и вещь под названием «Между Вольтером и Руссо». Это не столько биографическое произведение, сколько исследование посредством биографического метода «самого советского поколения» шестидесятников. Ниже публикуется отрывок из этой работы.

1

Хорошо известно, что в школе учат, а в университете преподают. Но и среди преподавателей изредка встречаются Учителя. Писать надо именно так – с большой буквы. Быть Учителем в университете – значит оказывать на избранных студентов, своих учеников, чрезвычайное воздействие. Таким Учителем был профессор Семен Иосифович Аппатов (24.01.1930 – 26.03.2003). Его очень характеризовало слово *безупречный*. Он был безупречный профессионал, безупречно воспитанный человек, безупречный семьянин.

Семен Иосифович обладал интеллигентностью, тонкой душевной организацией. В нем не было ни грана пошлости. Трудно представить себе, чтобы с его уст слетело бы какое-нибудь «непечатное выражение» или в его присутствии кто-то посмел бы рассказать сальный анекдот. В его глазах светились понимание и участие. В то же время ему было свойственно «мужское поведение». Он был человеком слова и дела, держался с достоинством. Его манерам был присущ, я бы сказал, заграничный лоск, нездешняя элегантность.

Его отличала высокая самоорганизация: он жил «по системе», закаливал себя физически и нравственно. Он сумел организовать себя так, что вся его жизнь, несмотря на трудности и превратности, стала одним неуклонным движением от одной цели к другой. Это само по себе является большим достижением. Кроме того, он дисциплинировал и организовывал вокруг себя социальное пространство. И наградой ему стало общественное признание и благодарная память.

2

Если бы не было пресловутой «пятой графы», жизнь Семена Иосифовича сложилась бы иначе. Родина могла бы обрести в его лице выдающегося дипломата. Но графа была.

Он готовил себя к дипломатической карьере. В 1952 году окончил факультет международных отношений Киевского университета с красным дипломом. Кстати, это был первый выпуск только что открывшегося факультета. Казалось, дорога к воплощению заветной мечты была открыта. Но в это время шла инициированная Сталиным антисемитская компания «борьбы с космополитами», и в условиях острой нехватки подготовленных дипломатических кадров ему предложили место… учителя в школе.

Проблема государственного антисемитизма в Советском Союзе, государстве, которое проповедовало интернационализм в качестве базового принципа своей идеологии, – настолько сложная, что требует специального исследования. Поэтому углубляться в нее я не буду, а коснусь лишь в той мере, в какой она прошлась по жизни моего героя.

Между тем у С.И. Аппатова была типичная биография советского еврейского гуманитария, родившегося в 30-е годы. Советские еврейские интеллигенты получили интернационалистское воспитание. «Не только воспитание, но сама атмосфера Одессы сформировала меня так, что – независимо от апостола Павла – я не научился отличать эллина от иудея», – писал искусствовед Борис Моисеевич Бернштейн*. Социолог Владимир Эммануилович Шляпентох вторил: «В нашей семье не соблюдались никакие еврейские обычаи. Мое тринадцатилетие пришлось на октябрь 1939 года и, по сути,

* Бернштейн Б.М. Старый колодец: Книга воспоминаний. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2008, с. 9.

никак не отмечалось в семье не только потому, что папа умер всего за две недели до этого, но и потому, что это было совершенно не принято в кругу секуляризованных и ассимилированных евреев»*.

«Я равнодушен к поискам корней, традиций и не слишком много думал, откуда рос, из чего складывался» – трудно представить более странные слова в устах выдающегося мыслителя-гуманитария, занимающегося философией истории и культурологией, чем эти мемуарные размышления Г.С. Померанца», – пишет Алек Эпштейн в статье, посвященной групповому портрету интеллектуальной элиты «шестидесятников» русско-еврейского происхождения, выросших и сформировавшихся в исключительно советской среде**.

Он проанализировал 14 биографий выдающихся ученых-гуманитариев еврейской национальности. Эти биографии удивляют своей схожестью. Все жили в Москве и Ленинграде в секуляризированных и русифицированных семьях. В детские годы еврейская тема как таковая их совершенно не занимала. Об этом все они пишут, как под копирку. Стремление к знаниям, желание преуспеть интеллектуально, чего бы это ни стоило, отличало практически всех. За редким исключением, они заканчивали школы с медалями, учились в вузах на одни пятерки, получали красные дипломы и продолжали успешно заниматься наукой, блестяще защищали диссертации. Но тут на пути их карьерного роста встало само государство.

Широкомасштабная антисемитская кампания была задумана Сталиным как акция на опережение. «Сталин не мог допустить, чтобы бравые офицеры с орденами и ленточками о ранениях выступили, как в свое время декабристы, и решил перехватить инициативу, упредить их. Самым простым и безошибочным способом было лишить фронтовую молодежь политической невинности, втянуть в погром космополитов на университетских кафедрах, вузовских партийных собраниях, в тех же издательствах и других идеологических учреждениях»***.

В результате пострадали наука и нравственная атмосфера в обществе. Молодых интеллигентов еврейской национальности ты-

* Шляпентох В.Э. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб.: Звезда, 2003. С. 133.
** Эпштейн Алек Д. Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету // НЛО. – 2010, № 103.
*** Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. – М.: Вагриус, 2001, с. 19.

сячами изгоняли из университетов, исследовательских и педагогических институтов, издательств, библиотек. Всеми правдами и неправдами их выдавливали из Москвы и Питера в провинциальные города обширного Советского Союза. Как всегда в таких случаях, наряду с очевидным негативом имел место и положительный эффект: эти города получили ценные приобретения. Например, потомственный ленинградец Ю.М. Лотман после защиты в 1952 году кандидатской диссертации оказался в Тарту, где ему нашлась вакансия в педагогическом институте. Оставшись на всю жизнь в Тарту, он прославил этот город своей семиотической школой. Одесса приобрела С.И. Аппатова. Что касается самих пострадавших, то и тут не все однозначно. Многое зависело от характера. Чтобы долго не распространяться на эту тему, просто приведу две цитаты.

С.И. Аппатов. 1 мая 1951 г.

Философ, социолог, психолог, сексолог Игорь Кон:

– Быть первым учеником всегда плохо, это увеличивает опасность конформизма. Быть отличником в плохой школе, – а сталинская школа учебы и жизни была во всех отношениях отвратительна, – опасно вдвойне; для способного и честолюбивого юноши нет ничего страшнее старательного усвоения ложных взглядов и почтения к плохим учителям. Если бы не социальная маргинальность, связанная с еврейской фамилией, закрывавшая путь к политической карьере и способствовавшая развитию изначально скептического склада мышления, из меня вполне мог бы вырасти идеологический погромщик или преуспевающий партийный функционер»[****].

**** Кон И С. 80 лет одиночества / Электронная версия, испр. и доп. – Режим доступа: http://www.pseudology.org/Kon/80Let/00.htm

Публицист и эссеист Марлен Кораллов:

– Свершились Февраль, Октябрь, объявившие равноправие. Новому государству, изгонявшему классово чуждую бюрократию, интеллигенцию, понадобился новый управленческий аппарат. Евреи, обнадеженные свободой и равноправием, пошли в науку, искусство и в ЧК-НКВД, конечно, тоже… Если исходить из первого двадцатилетия Страны Советов, то можно говорить о большом количестве евреев, занимавших высокие должностные посты. Можно делать вывод: «Видите, кто виноват во всех прегрешениях!». Но люди, поверившие в свое равноправие, освобождались (я сейчас упраздняю всякие оттенки) и от своего еврейства. Творили свои прегрешения вместе со всеми. Иудейского в них становилось все меньше и меньше. Процесс, в который они были вовлечены, оказался разъевреиванием евреев. И если бы он шел без срывов, ассимиляция справлялась бы с русским еврейством гораздо умнее, чем погромы, преследования. Даже гуманнее. Пошла вторая двадцатка лет. Клейменных пятым пунктом попросили выйти вон из МИДа, КГБ, МВД… Нередко в ущерб Державе. Изгоняли из сфер высоких, загоняли пониже в соцподвалы, настойчиво приглашали в ГУЛАГ. Но не командовать. Входя под конвоем в истоптанную предками колею, иные в меру сил объевреивались. Потянулись к нацкорням»*.

Потянулся ли к своим национальным корням Семен Иосифович, утверждать не стану. Но ущемленным евреем он себя точно почувствовал. Дискриминация не просто коснулась его, она прорезала его тонко устроенную душу, как острым камнем по стеклу. И она, душа его, скукожилась. Дискриминация нанесла его вере в справедливость советской власти удар страшной силы, подрезала крылья на взлете, психологически закрепостила его на всю жизнь. Тема антисемитизма была для него крайне болезненной и табуированной. В этом, я считаю, причина его зажатости, повышенной осторожности. Правда, изредка он утрачивал контроль, и чувство еврейской солидарности поднималось на поверхность. Вот один эпизод. Студент (фамилия здесь не имеет значения), комсомольский лидер, отличник, сдавал ему экзамен. Речь зашла

* Лагерная пыль // Лехаим, авг. 2008, № 8 (196) // http://www.lechaim.ru/ARHIV/196/4x4.htm

о шестидневной войне Израиля с Египтом, которая случилась недавно, и ее события еще дышали новизной. Как известно, Советский Союз тогда стоял за спиной Египта и режим Гамаля Абдель Нассера числил в «прогрессивных», чуть ли не в «социалистических», а Израиль активно поддерживали Штаты. Студент, как и положено, резко осудил «агрессивный израильский сионизм». Аппатов выслушал хмуро, затем сказал: «Я знаю, что ты едешь в стройотряд, поэтому ставлю тебе «четыре». «За что четыре?» – повисло в воздухе. История имела продолжение. На банкете по случаю окончания университета Аппатов сам подошел к этому студенту и сказал: «Боря, я знаю, что ты на меня сердишься. Хочешь, мы организуем тебе пересдачу?». Это было странно: университет закончен, диплом на руках. Видно, Аппатов корил себя за «необъективность».

3

С.И. Аппатов пришел в Одесский университет в 1966 году по приглашению заведующего кафедрой всемирной истории профессора Константина Дмитриевича Петряева (1917-1987). Петряев был видный ученый-германист, хорошо владел немецким языком и подбирал на кафедру людей «с языками», поскольку предметы всемирной истории предполагают знание иностранной литературы по первоисточникам. Семен Иосифович на всю жизнь сохранил благодарность к этому противоречивому человеку и всегда уважительно отзывался о нем.

До этого с 1958 года Аппатов работал директором Одесских государственных курсов иностранных языков (одесситы называют их «Чкаловские», поскольку они с 1959 г. располагаются на улице Чкалова, ныне Б. Арнаутская, в здании СШ № 90). За время своей работы он поставил эти курсы, что называется, на широкую ногу. Они стали знаменитыми благодаря его организаторскому таланту. Он подобрал прекрасный педагогический коллектив. Между прочим, среди преподавателей был ставший его другом на всю жизнь Владимир Львович Скалкин, будущий профессор, доктор педагогических наук, автор многочисленных учебников по методике преподавания английского языка.

Руководя курсами, Семен Иосифович занялся наукой, написал и защитил в триумфальном для себя 1966 году кандидатскую диссертацию на тему: «Американская историография о политике США в Германии и германской проблеме после второй мировой войны». В этом же году она была издана в виде книги в московском издательстве «Международные отношения». В ходе написания диссертации Семен Иосифович консультировался у К.Д. Петряева, поэтому у последнего была возможность оценить его достоинства и перспективу.

На историческом факультете Семен Иосифович быстро завоевал авторитет у своих коллег и студентов. У студентов еще и любовь. На общем фоне советской реальности С.И. Аппатов как преподаватель и лектор-международник явно выделялся «лица необщим выраженьем». «Он меня притягивал тем, что от него можно было услышать *живое слово*», – сказал в беседе со мной А.И. Домбровский*. Он нашел очень верное словосочетание, потому что в то время, в 70-х, возобладал догматизм и мертвящий язык партийной пропаганды, образцы которого давали материалы съездов и пленумов ЦК КПСС. На этом фоне скучнейшего партийного новояза аппатовские лекции, богатые аналитикой и образностью, выглядели как живые цветы на фоне кладбищенских венков.

В.В. Попков** назвал С.И. Аппатова в числе трех преподавателей, которые нравились ему больше всех в период его учебы на истфаке. И пояснил:

– Аппатов нравился своей интеллигентностью, внутренней вышколенностью, то есть он действительно давал какую-то норму достойного поведения.

– Что ты имеешь в виду под словом «вышколенность»?

– Это означает, что человек умеет говорить, умеет вести себя. С годами я убеждаюсь в том, что вести себя – это далеко не последнее качество. Имеется в виду умение выстроить ровные отношения со своим окружением – со студентами разных курсов, с руководством, коллегами-преподавателями. Есть некий этос

* Алексей Ильич Домбровский учился на историческом факультете в 1968-1973 гг., ныне – доцент ОНУ им. И.И. Мечникова.

** Василий Васильевич Попков был студентом исторического факультета ОГУ в 1968-1973 гг., ныне профессор кафедры политологии ОНУ. Беседа состоялась в декабре 2011 г.

межчеловеческих отношений. Если его придерживаться, то люди будут правильно понимать свое место. У Аппатова это было.

– Как Аппатову удавалось уживаться с Системой и в то же время быть открытым, интересным для студентов?

– Если другие, как попки, осуждали американский империализм, то Аппатов привносил в свои лекции серьезный элемент аналитичности. Он включал наше мышление, напрягал не только наши барабанные перепонки, но и мозги. Причем ему больше удавались лекции конкретно-исторического плана, где отсутствовали идеологические клише.

Ю. Б. Селиванов[***]:

– У Аппатова налет демократичности, западный стиль был. Он действительно отличался этим от большинства наших преподавателей. Вот Карышковский тоже был абсолютно продвинутый человек. Он даже был более «западный», чем Аппатов. Я имею в виду манеру поведения. Полная свобода, раскованность. Для него это не демократичность, не форма, а естественное проявление его сущности. К примеру, он приходит к нам на лекцию в потертых джинсах. Кто себе мог в то время такое позволить?! Садится за стол, снимает туфлю, чешет пятку, затем закидывает ногу за ногу и начинает говорить. Полная раскрепощенность. В сравнении с ним Аппатов был зажат, но зажат по-западному (*смеется*). Я помню лекцию Карышковского о Петрарке. Я почувствовал, что меня ударило током и продолжало бить на протяжении лекции. Я не мог себе представить глубины понятий, которые он раскрывал за словесными формами Петрарки. То есть он давал расшифровку эпохи через творчество ее выдающегося представителя. Лекции Аппатова такого сногсшибательного впечатления не производили.

Мой сокурсник Юрий Борисович Селиванов был аппатовским учеником, но другой группы крови, чем Семен Иосифович. И его впечатления об Аппатове, которые он пронес сквозь десятилетия, пожалуй, обусловлены, прежде всего, этим, а также взглядом на советский либерализм как на конформизм, форму приспособ-

*** Юрий Борисович Селиванов учился на истфаке ОГУ в 1973-1978 гг., подполковник в отставке, ныне директор ТРК «Академия». Беседа состоялась в октябре 2011 г.

ления, сотрудничества с властью. Мера объективности, диктуемая принципом историзма, требует подойти к оценке личности С.И. Аппатова с учетом общего уровня преподавания общественных наук в университетах Советского Союза. И тогда незаурядность его личности станет очевидной.

Н.Т. Щербань* вспоминает:

– Впервые об Аппатове я узнал, когда, еще будучи в армии, пошел на курсы английского языка на улице Чкалова. Тогда он уже не был директором этих курсов. Я разговорился с преподавателями и сказал, что ваш директор не производит впечатления, а они мне сказали: у нас раньше был Семен Иосифович Аппатов. Вот это был директор курсов! А потом я услышал о нем от Владимира Петровича Дроздовского, доцента филфака. Мы с ним дружили, довольно часто встречались дома то у меня, то у него. Так вот, он однажды сказал, что у них есть человек, который мыслит не так, как мы. Лучшего лектора по международным отношениям не найдешь. Это он говорил об Аппатове, который только-только перешел на работу в университет.

Расскажу и о собственном впечатлении от преподавания и ораторского мастерства С.И. Аппатова. Он читал нам лекции по новейшей истории стран Европы и Америки на четвертом курсе. К его приходу мы были наслышаны о нем, и его высокий профессионализм не ставился под сомнение. Конечно, не все его лекции слушались с одинаковым интересом. Но были и «коронки». Аппатов достаточно часто ссылался на западные источники, прессу, собственные впечатления от бесед с американскими политиками и учеными. Я даже думаю, что он иногда чуть-чуть преувеличивал в наших глазах круг своих личных отношений с западными политологами, поскольку в тот период он в Америку еще не ездил. Благодаря своим московским связям, прежде всего, в арбатовском Институте США и Канады, он знал о закулисных аспектах международной политики, знал, как готовятся события в большой политике, имел доступ к закрытым материалам и умел красиво подать эту информацию.

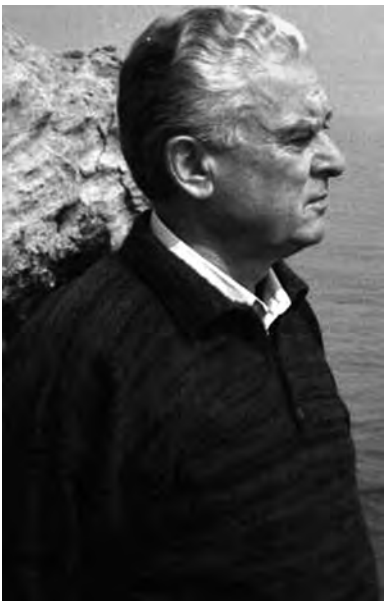
* Николай Трофимович Щербань – редактор газеты «Одесский университет» (1984-1996), ныне – старший преподаватель факультета журналистики ОНУ. Беседа состоялась в сентябре 2011 г.

Семен Иосифович читал нам историю современности, судил о том, что вчера еще было в газетах, передавалось в новостных передачах по радио и телевидению. Можно ли быть историком современности? Аппатов доказывал, что можно. Приводил в пример К. Маркса. Мне тогда, да и сейчас представляется этот аргумент неубедительным: что позволено Юпитеру…

Историк современности должен видеть в ней закономерный результат развития больших исторических циклов, эпохальных тенденций, которые продолжают работать и обуславливать нашу жизнь больше, чем современная политическая суета сует. Текущая политика – это круги на воде. Но у нее имеется своя архитектоника, в действительно исторических масштабах на нее воздействуют мощные подводные океанические течения космического происхождения. Насколько способен историк современности учесть эти факторы в своем актуальном анализе текущей истории?

Наконец, история имеет вечные основы, и вот к этому зову вечности историк современности, как правило, бывает глух. Его слух настроен на короткий и ультракороткий диапазоны. Историк современности по определению глубже политолога. Тот в состоянии в лучшем случае прогнозировать замыслы людей власти, принимающих решения. Но замыслы людей и «замыслы» истории не совпадают. Попросите меня назвать хотя бы одно имя живого историка современности, и я затруднюсь ответить. В общем, это большая проблема, и сам Аппатов решал ее всю жизнь в процессе исследовательской деятельности.

Он был опытным оратором, владел накатанными приемами. На первом курсе нам читал лекции по истории КПСС доцент Яков Миронович Штернштейн. Вот это был оратор! Мастер высочайшего класса. Маленького роста с седой бородой а-ля Карл Маркс и очень живыми молодыми глазами, он ходил по аудитории с палочкой в руке и гремел. Он не читал лекцию, а произносил ее. Голосовые модуляции, смена ритма и тона, артистические жесты, живая мимика лица, поставленный размеренный голос, как будто в груди у него стучал метроном, чувство аудитории, заранее подготовленные «экспромты» для разрядки внимания, образная четкая речь и, наконец, чувство аудитории – все это завораживало. И хотя было заметно, что лектор любуется собой, «гарцует»,

С.И. Аппатов. Одесса, 4 февраля 1999 г.

в целом это не портило впечатления от ораторской мощи. Ничего подобного в жизни я больше не встречал. Аппатов был оратором совсем другого плана. Его манера была деловитой, без аффектаций. Не красивостью речи брал он, а прежде всего, логикой и глубиной анализа. Он разворачивал перед студентами проблему в ее историческом ракурсе, показывал ее многогранность, как разные связи и интересы переплетаются в тугой узел, над которым бьются дипломаты разных стран. Он раскрывал слушателям, как сейчас модно говорить, бэкграунд – какие фундаментальные вещи скрываются за текущими событиями международной жизни. Шахматная партия, которую разыгрывают главные игроки мировой политики, – вот, пожалуй, тот образ, который чаще всего присутствовал в лекциях Семена Иосифовича.

У него были свои фирменные «трафареты»: фразы и выражения, позволявшие зайти на тему или, наоборот, закруглить ее. Речь свою он пересыпал поговорками типа: «не ставить телегу впереди лошади», «выплеснуть ребенка вместе с водой», «не мытьем, так катаньем». Его ученики подпадали под обаяние этой манеры и вольно или невольно ему подражали. В этой связи помнится один забавный случай. Нам читал открытую лекцию молодой преподаватель, только что окончивший московскую аспирантуру ученик Аппатова Николай Яковлевич Лазарев по прозвищу Кока. Он к тому же был куратором нашего курса. Дистанция в возрасте у нас была небольшая, и Кока напускал на себя солидность. Лекции читать он еще не имел права, поэтому его лекция была не только открытая, поскольку на ней присутствовал сам

Семен Иосифович, но и экспериментальная. Я уже даже не помню тему лекции. Вероятно, что-то по африканистике, ведь Кока специализировался по этой тематике. Так вот, начал он хорошо. Но вскоре курс перестал его слушать. Дело в том, что Кока стал отчаянно злоупотреблять аппатовскими пословицами. Через каждые несколько предложений он «ставил телегу перед лошадью», «выплескивал ребенка вместе с водой» и «не мытьем, так катаньем» добивался своего. Студенты вслух стали считать количество выданных им присловий. Семен Иосифович вначале посмеивался, прикрывая рот рукой, но затем не выдержал и расхохотался в голос, и вместе с ним смеялся весь курс. Надо отдать должное Коке: он тоже улыбался.

Либерализм Семена Иосифовича не был выученным и конъюнктурным. Он был основой его культуры и проявлялся в разных аспектах и деталях его поведения. В то же время жизнь научила его осторожности в словах. Он обычно давал понять больше, чем говорил. Думаю, он много работал над этим стилем и, наконец, превратил его в свою вторую натуру.

Мне всегда казалось, что в публичных выступлениях Аппатова на политические темы таится еле заметная ирония. Он прятал ее в подтекст того, о чем говорил и писал. Поэтому к нему не могли придраться идеологические волки. Слишком тонко, на уровне интонации все это было. В его умных грустных глазах читалось понимание и того, что происходило в стране в период «застоя», и того, что стало происходить в период «независимого возрождения». Ситуация вроде бы кардинально изменилась, а политическое лицемерие осталось все тем же. Воздух специфической украинской свободы становился для него тяжким. Это, конечно, не было основной и даже второй причиной его эмиграции. И все же, и это обстоятельство, полагаю, легло на весы принятия окончательного решения.

Феликс Кохрихт, Ариадна Сауленко

Софиевская, 13

Феля

Называю себя детским уменьшенным именем – так меня звали с рождения. Я и Аридна (дома – Ада), мой соавтор в этих записках, – дети войны.

Еще несколько месяцев назад я полагал, что уже не осталось ни одного человека, который бы дышал со мной одесским воздухом во дворе дома № 13 по улице Софиевской. Но вот окликну-

Софиевская, 13

ла меня на Базарной женщина: «Вы – такой-то?» – «Да». – «Фамилия Курносовы вам что-нибудь говорит?» – « К сожалению, нет».

Оказалось, что Ариадна Георгиевна Сауленко и я родились перед войной с разницей в несколько месяцев (в ее пользу), что наши мамы вывозили нас в колясках из ворот углового дома, поворачивали на Торговую и медленно спускались к парапету, откуда открывался вид на море…

Продолжались эти безмятежные прогулки, увы, недолго. Началась война. Ада рассказала, что ее мать Антонина Константиновна Курносова и бабушка Евгения Георгиевна Тарасова до самой своей смерти не могли забыть о том, как дворник соседнего двора выдал оккупантам мою бабушку…

Об этом – в записках Ады. Она написала их по моей просьбе. Перед нами история замечательной одесской многонациональной семьи – со славными предками, заслугами перед городом и людьми. Типичные одесситы – лучше не скажешь, но как же мало их осталось…

Я решил не делать в заметках Ады никаких правок, даже стилистических. Лишь один трагический факт требует уточнения. Наша семья до революции была одной из самых состоятельных в городе, владела ювелирными магазинами. В 19-20-м годах минувшего века одна ветвь (мой отец Давид Израилевич Кохрихт, его мать (моя бабушка) и братья с семьями остались в Одессе и разделили все невзгоды и тяготы их поколения. Другие носители фамилии уехали во Францию и вели там привычную жизнь.

Но по чудовищной логике фашистов евреи должны были быть уничтожены повсюду – и в Париже, и в Одессе, независимо от возраста и социального положения.

Тетя отца, Софья Кохрихт, была яркой личностью, она управляла семейным бизнесом, и в эмиграции жила в достатке, считала себя почти что француженкой, но это ее не спасло – она погибла в концлагере семидесяти с лишним лет отроду.

Ее ровесница, моя бабушка Катя, скромно жила в Одессе в семье одного из сыновей. Мой старший брат и отец утром 22 июня 1941 года отправились в военкомат, мама со мной на руках ушла пешком в Николаев за день-два до того, как вокруг города замкнулось кольцо блокады. Бабушка и семья моего дяди не успели вырваться.

О ее мученической гибели – в записках Ады. Знаменательно, что она спутала имена страдалиц, но судьбы их оказались до боли схожими.

И еще вот о чем. Мы вернулись из эвакуации в Одессу в сентябре 1944 года и сразу отправились с Товарной станции, куда приходили теплушки, домой – на Торговую. Мне было почти пять лет, и я кое-что помню. Помню, как мы поднялись по лестнице на третий этаж, вошли в открытую дверь, увидели рабочих, беливших потолок. Краску они разводили в моем ночном горшке (рассказала мама) и очень старались. Не знаю, кто персонально из членов семьи высокопоставленного деятеля, захватившего нашу квартиру, нас с треском прогнал. Да и какое это имеет значение?

Летом 45-го в свой первый отпуск приехал из Берлина мой брат Аба – гвардии старший лейтенант артиллерии, кавалер орденов и медалей Абрам Кохрихт 1923 года рождения, как и я, родившийся в старом одесском доме. Отсюда он ушел на фронт и сюда же хотел вернуться. Он взвел пистолет ТТ и пошел разговаривать с захватчиками… К счастью, отец его перехватил и увел по Торговой вверх, на угол Садовой, и там они засели в бодеге (так назывались оставшиеся на какое-то время с румынских времен кабачки, где подавали водку, бессарабское вино и закуску). Я участвовал в этом горьком застолье – пил самодельный лимонад из американского порошка…

Больше никто из нашей семьи в дом № 13 по улице Софиевской не заходил…

У меня не осталось фотографии бабушки Кати – весь семейный архив погиб во время войны. Знаю, что в молодости у нее были золотые длинные, до пола, волосы, которые и пленили моего деда – наследниа состояния, и он женился на бесприданнице.

Ада
Наш дом

Читая интереснейшую книгу одесского краеведа О. Губаря «Старые дома и другие памятные места Одессы», и в частности, о недавно сгоревшем доме Русова, я вспоминаю свое детство

и незримую духовную связь с одной из родственниц А.П. Русова – его двоюродной сестрой по матери Евгенией Георгиевной Тарасовой (Георги). Она при жизни Александра Петровича и после его кончины была управляющей его домами № 13, № 11, № 9 по ул. Софиевской. Кстати, сама я родилась в доме № 13, а выросла в доме № 9 по ул. Софиевской.

Е.Г. Тарасова (Георги)

Дома А.П. Русова по ул. Софиевской являются памятниками архитектуры нашего города. Они были построены А.П. Русовым в конце XIX века специально для сдачи квартир в аренду (проект архитектора).

На углу улиц Торговой и Софиевской, по словам моей бабушки, располагалась военная часть, на территории которой находилось несколько административных зданий и полковая церковь. Военную часть расформировали, церковь снесли, а землю приобрел Александр Петрович Русов. Евгения Георгиевна очень гордилась тем, что ее квартира № 27 в доме № 13 по Софиевской улице располагалась там, где был купол и крест полковой церкви.

Моя мама, я и моя сестра родились в доме № 13 в квартире № 21 по ул. Софиевской. Во время войны, а именно во время оккупации Одессы, румыны переселили нас в дом № 9, кв. № 9 по ул. Софиевской. К сожалению, пожилые люди, которые жили в этой квартире до войны, из эвакуации не вернулись.

Евгения Георгиевна Тарасова была управляющей этими домами. Она окончила еще в конце XIX века Мариинскую гимназию, что на ул. Толстого, училась хорошо, по окончании гимназии стала помогать своей матери Хариклии Ивановне (родной сестре матери А.П. Русова) в управлении домом по ул. Нежинской, 40, и получила предложение от А.П. Русова управлять его домами.

Евгению Георгиевну Тарасову я и моя покойная сестра-близнец считали своей бабушкой и очень обижались, когда ее называли нам «чужой».

Родная наша бабушка Полина Эдуардовна Курносова (мама нашей мамы) умерла в 1942 году, в самый разгар оккупации Одессы. Она заболела еще до войны. Ее болезнь была причиной, по которой мама с нами, маленькими близнецами на руках, не могла выехать в эвакуацию. Евгения Георгиевна дружила с нашей бабушкой и после ее смерти заменила нам ее. Она крестила меня и мою сестру и заботилась о нас, как о родных ей внуках.

Когда моя сестра заболевала, я находилась у Евгении Георгиевны. Из ее рассказов я знаю, что Александр Петрович Русов получил в наследство миллион рублей золотом. Из одного миллиона он сделал шесть миллионов, причем честно выплачивал налоги в казну государства.

Александр Петрович был большой любитель красивых вещей и картин. Там, где теперь стоит Дом одесских художников, на ул. Торговой, 2, стоял его дом, разрушенный во время войны. В этом доме до революции 1917 года находилась картинная галерея А.П. Русова. В ней экспонировалась и картина Айвазовского «Стрижка овец».

Дом А.П. Русова на ул. Торговой, № 2, выходил на море, и даже рабочий кабинет Русова смотрел на море и на террасы на склоне, спускавшиеся на ул. Приморскую. Дом на Приморской, под склоном, тоже был домом Русова. На террасах на склоне был прекрасный сад.

Как-то бабушка зашла к Александру Петровичу, когда тот был уже болен, надо было ей решить кое-какие организационные вопросы, в саду работал молодой садовник, плечистый крепкий парень, и Александр Петрович сказал: «Я бы отдал все свое богатство этому парню, чтобы поменяться с ним здоровьем». В 1908 году Александр Петрович Русов скончался.

После смерти Александра Петровича и до 1919 года Евгения Георгиевна служила у его сыновей, которые вместе со своей единственной сестрой эмигрировали за границу.

Евгения Георгиевна была женой царского офицера Василия Семеновича Тарасова. Он был военным топографом, но несмот-

ря на это, не избежал участи многих царских офицеров. Он был расстрелян представителями советской власти в 1920 году.

В семье Евгении Георгиевны было много горя. У Евгении Георгиевны было трое детей, до наших дней (до 1977 года) дожил только один сын Александр Васильевич, который с отличием окончил гимназию, но поступить в институт как сын расстрелянного царского офицера не смог. Он работал счетоводом в одном из одесских банков и жил со своей женой отдельно от Евгении Георгиевны.

Потеряв до революции двоих детей, а во время революции мужа, бабушка свою жизнь посвятила воспитанию меня, моей сестры и воспитанию Аллочки Бехкис, родители которой чудом были спасены из гетто знакомыми бабушки, в частности, священником церкви на одесской Слободке.

Аллочка тоже очень любила бабушку, теперь она с семьей живет в США и воспитывает долгожданную дочь.

Во время оккупации Одессы к Евгении Георгиевне из Франции через Румынию приезжала дочка А.П. Русова Тереза Александровна. Сохранилась ее фотография того периода. По словам бабушки, Тереза окончила Мариинскую гимназию в Одессе, хорошо знала немецкий и французский языки, а во Франции работала в одной из православных церквей. О ее дальнейшей судьбе я ничего не знаю.

К сожалению, нет уже на свете нашей бабушки (она скончалась в 1962 г.), нет уже и моих родителей, нет и моей сестры-близнеца. А дома Русова стоят как памятники культуры нашего города и как результат патриотического отношения к нашему любимому городу богатых меценатов-греков.

О моих предках

Часто, беседуя с друзьями о нашем прекрасном родном городе Одессе, я задаю себе вопрос: «А одесситка ли я?». И однозначно отвечаю: «Конечно, да!».

Здесь, в Одессе, родились я и моя сестра-близнец, здесь родились мои родители, мои дети и внуки.

Однако мой дедушка по отцу Николай Викторович Аксентьев родился в 1862 г. в Петербурге в семье военных меди-

ков. Когда ему исполнилось пять лет, родители его погибли, и дедушка остался сиротой. Его воспитало и выучило российское государство за счет фонда министра Аракчеева. До семи лет дедушка жил в приюте, а затем занимался и жил в корпусе военно-медицинского училища при Адмиралтействе. Он окончил училище, где получил диплом фельдшера и врача-дантиста. Несколько лет он работал фельдшером в военных частях под Петербургом и Москвой. В Московской губернии он встретил свою любовь – дочь священника старообрядческой церкви Анну Несторовну Киреву (родилась в 1865 г.) и женился на ней. Но не все хорошо складывалось: у моей бабушки оказалась открытая форма туберкулеза. Чтобы спасти жену и семью, дедушка ходатайствовал перед военным начальством о переводе на юг. Ходатайство было удовлетворено, и дедушка с бабушкой в 1889 году переехали в Одессу. Дедушка стал работать заведующим фельдшерским пунктом на железнодорожной станции Одесса-Товарная, там же получил маленький домик, в котором с 1889 по 1907 годы у бабушки с дедушкой родилось шестеро детей. Самым младшим был Георгий, который родился в январе 1907 года. Это был мой отец.

Родители моей мамы Антонины Константиновны Аксентьевой-Курносовой тоже приехали в Одессу в начале XX века. Отец мамы Константин Николаевич Курносов родился в Сумах в 1855 году, в семье дворянина. Окончил гимназию в Сумах и поступил на юридический факультет Харьковского университета, который окончил в 1880 г.

Встретились бабушка с дедушкой в городе Дубно Волынской губернии, куда дедушка был направлен в качестве помощника судьи. Мой прадед был нотариусом в Дубно, у него было 18 детей, самой младшей из них была моя бабушка Полина Эдуардовна Борович.

Затем мой дедушка был направлен судьей в Одесский окружной суд. Он женился на моей бабушке и перевез ее в Одессу. Они поселились в доме на ул. Софиевской, № 13. Моя Бабушка была очень общительной и сразу подружилась с управляющей дома Е.Г. Тарасовой. Позже в этом же доме, только этажом ниже по-

селилась семья Кохрихтов, о которой моя бабушка всегда говорила очень тепло.

А в 1907 году у моих дедушки и бабушки родилась единственная дочь – моя мама, Антонина.

О наших соседях

В нашей семье никогда не разделяли людей по национальности. Бабушка, мама и папа учили меня и сестру, что есть только две национальности – это хорошие люди и подлецы.

Если бы наша бабушка дожила до сегодняшнего времени, она определенно была бы причислена к праведникам мира, так как во время оккупации она старалась спасти своих друзей евреев от гибели. Она спасла семью Бехкисов, но как это было, я не знаю.

После революции, когда расстреляли бабушкиного мужа и бабушку уплотнили (поселили в одну комнату), рядом с ее комнатой поселили семью из трех человек. Главой семьи была Екатерина Петровна Ващенко, сын ее, Николай, был женат на Салечке (как ее называла бабушка). Салечку бабушка во время оккупации спасла на Слободке у слободского священника и на Большом Фонтане. Но нашлись «добрые люди», которые наслали на Салечку облаву с собаками, и Салечку увезли в гетто. Бабушка, вспоминая Салечку, всегда плакала.

Многие люди из старшего поколения не верили, что их могут уничтожить, – так у меня на слуху арендовавшие еще до революции «хлебный магазин» под бакалейную лавку семья Рязанских, семья Кохрихтов и семья Бабских. Последние дали своему сыну медицинское образование в Германии. Александр Бабский был прекрасным врачом, единственным сыном четы Бабских. Он был участником Великой Отечественной войны, на фронте был хирургом, и приехав с фронта, не застал стариков родителей в живых. Он умер где-то в конце 50-х годов от инфаркта, еще до смерти бабушки.

Рязанские были милейшие и честнейшие люди. Как рассказывала бабушка они, например, помогали людям в труд-

Довоенное фото дома на Софиевской, 13

ные годы нэпа, давали людям продукты в долг, а то и совсем бесплатно, сочувствовали обедневшим, обездоленным и преследуемым дворянским семьям.

Однако во время войны, когда бабушка предлагала этим старикам свою помощь, они отказывались ее принять. Они верили, что им, старикам, ничего немцы и румыны не сделают. Но фашисты оказались хуже зверей. В один из дней холодного марта 1942 года из всех домов Русова по Торговой и Софиевской улицам румыны согнали всех жильцов во двор 13 номера по Софиевской, чтобы те наблюдали ужасное зрелище – угон евреев в гетто. До конца жизни моя мама бабушка Женя вспоминала этот ужас со слезами, а сделать что-то было невозможно, так как под угрозу ставилась жизнь не только того человека, который пытался спасать, но и всей его семьи. Спасать надо было заранее. А как? Ведь всегда находились доносчики, которые, чтобы спасти себя, выдавали других. Многие из них убежали с румынами, когда почувствовали скорую победу наших войск.

В таком смысле трагична судьба главы семьи Кохрихтов, С.Ю. Кохрихт. Она овдовела еще до революции. До октябрьского переворота ее супруг был владельцем ювелирных мастерских и ювелирного магазина в «Пассаже». Он поддерживал бедные еврейские семьи, давал образование и профессию детям из бедных семей. После его смерти супруга продолжала его дело.

Семья Кохрихтов была нашими соседями по Софиевской, 13. Мы жили на четвертом этаже, а Кохрихты жили под нами – на третьем, в угловой квартире над бывшим хлебным магазином.

Интересно, что я, моя сестра и младший сын Кохрихтов Феликс Давидович родились в одно время. Наши мамы гуляли вместе, поэтому у меня всегда на слуху было это имя.

Вспоминаю, как мама и бабушка рассказывали, что младшие Кохрихты уехали, а бабушка С.Ю. Кохрихт осталась в Одессе. Знакомые ее спрятали, но нашелся человек, дворник из № 11 по Софиевской, который выдал ее. Румыны расправились с ней, облив на морозе холодной водой. Вот какими зверями оказались «культурные» нации в центре Европы.

День освобождения Одессы

68 лет мира без войны – какое счастье! Мне сейчас 72 года, а когда наступил мир на одесской земле, когда освободили Одессу, мой возраст (3 года и 9 месяцев) позволил мне запомнить все до малейших подробностей, как это было.

Утром 9 апреля 1944 года мама из крохотных тогдашних запасов муки пекла коржики и шила мне с сестрой лифчики для чулочков. Лифчики были из белой ткани, сложенной вдвое, между полотнами была зашита записочка с датой моего рождения и с великой просьбой вырастить меня и сестру, если мы попадем в чужие руки. На лифчике были пуговицы с настоящими аметистами в серебре. В записочке говорилось: «Люди добрые, не оставьте этого ребенка, вырастите его, он из хорошей семьи и будет вам опорой в старости, пуговицы от лифчика не теряйте! Заранее благодарю Вас и Господа! Мама».

Мама готовилась к страшной ночи с 9 на 10 апреля. 9 апреля румынская администрация передала приказ о том, чтобы ворота в домах на ночь не закрывали, что будут бои, а люди боялись, что их угонят в Германию или в Румынию, поэтому решили спрятаться в подвалах. Тот подвал, в который нас увела мама и в котором были дети со всего двора, имел выход к морю. Было решено дежурить женщинам по очереди у раскрытых ворот, чтобы дать сигнал и увести детей, и самим уйти через потайной ход к морю.

Часам к восьми вечера мама одела нас, в рюкзак сложила кое-какие наши вещи, в мешочек положила напеченные коржики и, взяв раскладушку, отвела нас в подвал. Там на раскладушке я и сестра через какой-то час уснули. А мамы детей и наша

мама всю ночь не спали. Они попеременно дежурили у ворот. На улице слышались то перестрелка, то иностранная речь, но, слава Богу, как рассказывала мама, никто в ворота не заходил. Где-то далеко слышались пушечные выстрелы, налетов авиации на город не было, но небо иногда озарялось лучами прожекторов. И вдруг часов в шесть утра, когда уже рассвело, мы с сестрой проснулись от маминого радостного возгласа, мама вернулась с дежурства, и крестясь, вскрикнула: «Наши пришли! Ура!».

Оказывается, все слышалась и слышалась иностранная речь, а затем мама услышала русский мат. Как она обрадовалась! Обратилась солдатам, которые ругались, они ответили, что они свои, и за ними идет целый обоз, что операция по освобождению Одессы закончена. Мама, радостная, прибежала в подвал. Из рюкзака с вещами мама вынула две пачки махорки, нас одела, дала мне и сестре по пачке и вывела нас на улицу. К тому времени уже по обеим сторонам улицы толпились люди, они встречали наших изможденных освободителей. Освободители были уставшие, в мокрых одеждах, с автоматами наперевес и с закрученными шинелями.

Я и сестра подбежали к одному из таких изможденных бойцов и отдали ему махорку, он поблагодарил и с радостью поднял мою сестру на руки, по-отечески ее обнял и поцеловал, я же прижалась к его ноге. Увидев слезы на глазах у мамы и еще глубоко не понимая их смысла, я и сестра тоже начали плакать, но мама нас быстро успокоила, показав лошадей, которые на подводе везли пушку, – таких подвод было несколько. Большой отряд бойцов шел по нашей Софиевской улице. Замыкая отряд наших, шел отряд из пленных немцев и румын, руки у них были связаны за спиной, и они, в отличие от наших бойцов, шли с поникшими головами и без оружия. Впереди и позади них шел конвой из наших красноармейцев.

Вот самое яркое и незабываемое впечатление моего военного детства.

Алена Яворская

Пушкинская улица

Коллаж

Пушкинская улица – самая барственная из всех улиц города в начале своем и чуть ли не одноэтажная в конце – контраст, характерный для первых десятилетий жизни Одессы.

Впрочем, тогда она еще называлась Итальянскою. Похоже, именно о ней писал Пушкин: «Язык Италии златой звучит по улице веселой». Вначале – Итальянская, затем – Пушкинская.

Натан Эйдельман вспоминал о поездке в Одессу:

«Пушкин настолько одессит, что уже никто почти не знает, как называлась раньше Пушкинская улица. О других – пожалуйста: улица Чкалова была прежде Большой Арнаутской, улица Карла Либкнехта – Греческой, а улица Ласточкина – Ланжероновской…

– А как раньше называлась Пушкинская?

– Мосье! (Наконец-то я дождался настоящего обращения!) Пушкинская всегда была Пушкинской.

И я ухожу, стыдливо скрыв, что во времена Пушкина эта улица, естественно, не называлась Пушкинской, а была Итальянской».

Впервые «Итальянская», или «Тальянская», упоминается в 1827 году, с 1880 года улица стала Пушкинской.

Владели домами на Пушкинской семейство Анатра, Рафалович, Маразли, Ралле, Абаза, Вучина. Проектировали их Бернардацци, Моранди, Даллаква, Боффо, Оттон (сын).

Жили на ней люди обеспеченные. Так, купец Герш Фишелевич Томянский в составленном 26 июня 1837 года завещании отписывал трем дочерям «жемчужных, бриллиантовых и алмазных вещей на 30000 каждой», двум сыновьям «новый дом на Греческой… дом на Тальянской улице цокольный, начатой мной и продолженной постройкой и тоже каменный о трех эта-

жах, предположенный под железную крышу, на что все материалы и железо приготовлены, и по учиненной смете с покупателем под оный местом от дворянина Германа, стоящего до сего мне 60000 рублей».

Дворцы, гостиницы («Норд», в которой жил Пушкин, – одна из первых в Одессе, «Парижская», «Европейская», «Бристоль»), биржа, банки, синагога, вокзал. О бирже (она же филармония), вокзале, синагоге, Музее западного и восточного искусства (бывшей четвертой мужской гимназии), Обществе взаимного кредита, доме Маразли достаточно много писали. О гостинице Сикара и того больше. Диссонансом в общем хоре звучит голос английского путешественника Эдварда Мортона, побывавшего здесь в 1827 году: «Норд» – большое здание в центре города. Удобства в нем скудны, а оплата высока… В «Норде» маленькие комнаты, почти без мебели и, что отвратительнее всего, – грязные».

Немного хроники.

15 сентября 1794 года. Олег Губарь разыскал документ о раздаче первопоселенцам мест под застройку домами, лавками, магазинами и обзаведения садами, датированный этим днем. На Ев-

Гостиница «Бристоль»

рейской угол Пушкинской (по нынешнему плану) участки получили Герц и Гершкович.

1855. «На Итальянской улице, в доме Тальянского под № 12, открыта фотография художника Александра Хлопонина, ежедневно с 10-ти часов утра до 4-х вечера. Портреты – 5 и 8 руб. сер. без красок; красками же 12 и 15 руб. сер. сообразно с величиною портрета. Там же преподаются уроки фотографии на бумаге и стекле». Цены, прямо скажем, немалые по тем временам.

8 июля 1863. Рапорт городского архитектора Моранди Строительному комитету № 159. «На перекрестке Итальянской и Почтовой сложен разного сорта камень, которого так много, что для проезда по улицам осталось никак не более трех саженей в ширину, и этим почти что загорожен свободный проезд, в особенности при встречах дрожек или экипажей. На вопрос, для чего сложен этот камень, мне сказали, что для постройки новой синагоги». Так начиналось строительство знаменитой Бродской синагоги.

1869. Н. Мурзакевич в «Одесской старине» дает описание: «Итальянская улица. Слева, начав от здания городской биржи, стоит помещение музея, принадлежащего Одесскому обществу истории и древностей, которое в нем имеет свои заседания. Передний фас построен архитектором Торичелли с образца Палладиевой знаменитой галереи в Болонье, но в уменьшенной пропорции; остальная постройка произведена на счет Общества. В музее собрано множество весьма редких в научном отношении предметов, как то: древних сосудов, вещей, статуй, надписей, монет, планов, рисунков, книг, портретов исторических лиц. Доступ свободен и без платы; имеется печатный краткий указатель музея (цена 20 к.). Общество, учрежденное 25 марта 1839 г., имеет счастье состоять под покровительством его императорского величества с 14 ноября 1839 года, имеет в составе своем членов: почетных, действительных и корреспондентов в России и за границею.

Основатели Общества: Алекс. Скарл. Стурдза, Дмит. Макс. Княжевич, Андр. Яковл. Фабр, Мих. Мих. Кирьяков и Ник. Ник. Мурзакевич.

Общество до сего времени кроме разных книг издало VII томов Записок, содержащих в себе драгоценные сведения, касающиеся Южной России. Записки желающим продаются в его музее. Направо стоит помещение Одесского клуба, имеющее довольно хорошее

собрание русских и иностранных газет и журналов. Далее по разным кварталам идут гостиницы: Европейская в доме Маразли, Парижская в доме Ягницкого, Греческое казино в доме Ралле.

По соседству стоящий дом, теперь купца Рафаловича, построенный г. Абазою во вкусе «renaissance», замечателен по изяществу формы. Дом К. Сикара некогда был занимаем гостиницею Hôtel du Nord, в ресторан которой захаживали Вигель, Пушкин, Туманский, Тепляков, граф Самойлов, Ильин, Спада, Никлевич и почти все иностранцы.

В 4 квартале построена недавно так называемая «Новая еврейская синагога», примечательная опрятностью. В 8 квартале дом Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России. Кончается Итальянская улица подъездом к железной дороге. Итальянскою прозвана она по домам, большей частью построенным итальянскими купцами, некогда жившими здесь».

1904. Постановление Городской думы: «Разрешить после устройства электрического освещения Пушкинской и части Полицейской улиц, где ныне производится освещение в течение всей ночи, освещать названные улицы электричеством только

Синагога на Пушкинской улице

до 1 часа ночи, а после часа ночи освещать их газовыми фонарями с ауэровскими горелками». Электричество экономили уже тогда. Впрочем, как и булыжники.

1909. Постановление Городской думы: «Перемостить Пушкинскую улицу, не расширяя ее, гранитными кубиками, тщательно отделанными… уложенными на бетонном основании… снятыми с Пушкинской улицы кубиками перемостить Прохоровскую».

1910. Для главной строительной конторы по постройке в Одессе трамвая электрической станции и других зданий нанято большое помещение в доме Переца по Дерибасовской и Пушкинской ул.

1913. «Городское управление в целях придания Пушкинской ул. красивого вида признало желательным устройство на тротуарах на всем протяжении улицы цветочных клумб по образцу уже сделанного насаждения на Биржевой площади. С этой целью управа обращается к домовладельцам Пушкинской ул. с просьбой прийти на помощь городскому управлению в деле благоустройства улицы и устроить на свои средства на тротуарах у своих домов предполагаемые клумбы под надзором городского садовника с тем, что цветы будут отпущены из городской оранжереи безвозмездно». Сегодня бы так!

Сказалась на мирной жизни улицы и первая мировая, и гражданская войны. В 1915 наиболее крупные общежития для беженцев размещаются на Разумовской и на Пушкинской улицах.

1918: «Клуб Партии народной свободы. При клубе Партии народной свободы (Пушкинская, 19) имеется образцовый буфет, где с понедельника 1 июля с 12 до 4 дня можно получать завтраки и обеды исключительно для членов партии и членов клуба».

6 декабря 1918. «С наступлением сумерек весь район Пушкинской и других улиц, начиная с Троицкой, оказался во тьме, ввиду того, что электрическая станция выключила по обыкновению этот район. Но на этот раз оказался во тьме и главный пассажирский вокзал».

Январь 1920. «Все иностранные подданные, желающие покинуть Одессу, должны явиться в американский комитет (Пушкинская, 4) со всеми нужными бумагами».

Пересекал Пушкинскую трамвай № 24, соединявший центр и море: Преображенская – Жуковского – Канатная – Сабанский

пер. – главная аллея Александровского парка – Ланжерон.

Храм на Пушкинской

Улицу эту в начале XX века облюбовали редакции газет и журналов, очевидно, считая, что гений Пушкина им будет покровительствовать. Посудите: № 11 – «Отечественные записки» – еженедельный политический, литературный и художественный журнал. Редактор-издатель – Наум Рашковский. По этому же адресу с 1912 по 1915 гг. размещался «Вестник Одесского общества для надзора за паровыми котлами», редактор-издатель Александр Гулев. В 1920 была контора «ЮгРОСТА». Сообщение в газете: «От ОдукРОСТА… Тов. Дзюбину (Багрицкому), Олеше… зарегистрированным в качестве газетных работников, предлагается явиться в пятницу 28 августа в 1 ч. дня в иногородний инструкторский отдел ОдукРОСТА (Пушкинская, 11, 2 этаж) для получения назначений и инструкций. Нарбут». Здесь делал журналы литературно-критический и политический «Лава» и красной сатиры «Облава» поэт-акмеист и заведующий ОдукРОСТА Владимир Нарбут. А после войны именно здесь была редакция газеты «Моряк».

Дом № 18 кроме учеников второй прогимназии видел в 1917-1919 годах звезд сатирического журнала «Бомба» – Катаева, Олешу, Фазини, Олесевича. А редактора Бориса Флита всевозможные цензурные власти регулярно вызывали в гостиницу «Бристоль» на той же улице для наложения очередного запрета. В ответ на строгое предупреждение не заикаться о чем-либо крамольном, Флит правдиво отвечал: «Пппростите, нно я заиккаюсь решительно обббо всем».

В июле-октябре 1919 в доме № 26 размещалась редакция «Вестника одобсоюза Одесского облсоюза потребительских обществ».

В 16 номере с 1918 по 1920 годы была контора журнала «Объединение» – «толстого» ежемесячного литературного, научного и политического журнала, редакторами которого были поэт Наум Маркович Осипович и брат известного писателя Семена Юшкевича Павел. В ноябре-декабре 1919 все театральные новости можно было прочесть в ежедневной литературно-театральной газете «Театр».

В № 19 в 1950-е была редакция газеты «Комсомольське плем'я».

Дом № 32 привлекал редакции, как пыльца пчел: журналы «Театр клуб кино», «Шквал», газеты «Известия», «Молодая гвардия» в 1920-е годы, «Большевистское знамя» и «Чорноморська комуна» после войны.

Пять лет (с 1916 по 1919) выходил в Одессе еженедельный иллюстрированный журнал «Театр и кино», который издавал Леонид Камышников. Редакция была в доме № 34.

Необычное название Центродом (Пушкинская, 37) расшифровывалось как центральный комитет подомовой организации г. Одессы, который выпускал с июля 1918 по апрель 1919 одноименный журнал.

Пушкинская, 38. В 1908 любители скачек читали «Рысак – иллюстрированный журнал исключительно по вопросам рысистого спорта, выходит накануне бегового дня Новороссийского общества поощрения рысистого коневодства».

Пушкинская, 54. В 1913-14 годы – адрес газеты «Всероссийское торгово-промышленное и техническое обозрение», редактор-издатель Мирон Абрамович Зак.

Пушкинская, 55. В 1911 кандидат медицины Геттингенского университета Борох Шпенцер выпускал «Вестник медицины, еженедельный журнал, посвященный вопросам медицины».

А в доме № 7 жил потомок польских королей Борис Евстафьевич Стах-Гереминович, редактор «Одесских известий», к которому захаживали Исаак Бабель и Владимир Маяковский.

Писатели не обошли улицу вниманием. Описание Одессы, как правило, обязательно включает и Пушкинскую.

В. Жаботинский, «Пятеро»: «Я начинал шествие снизу, с угла Пушкинской: важная улица, величаво сонная, без лавок на том

квартале; даже большая гостиница на углу почему-то не бросалась в глаза, не создавала суматохи, и однажды я, солгавши друзьям, будто уехал за город, прожил там месяц, обедая на террасе, и никто знакомый даже мимо не прошел. Кто обитал в прекрасных домах кругом, не знаю, но, казалось, в этой части Пушкинской улицы доживала свои последние годы барственная классическая старина, когда хлебники еще назывались негоциантами и, беседуя, мешали греческий язык с итальянским».

В. Катаев в «Белеет парус одинокий» вспоминает прибытие в Одессу гроба с телом генерала Кондратенко, героя Порт-Артура:

«…его поставили на лафет и повезли по широким аллеям одесских улиц на вокзал.

Гаврик видел мрачную торжественную процессию, освещенную бедным сентябрьским солнцем: погребальные ризы священников, кавалерию, городовых в белых перчатках, креповые банты на газовых уличных фонарях.

Мортусы в черных треуголках, обшитых серебряным галуном, несли на палках стеклянные фонари с бледными языками свечей, еле видными при дневном свете.

Беспрерывно, но страшно медленно играли оркестры военной музыки, смешиваясь с хором архиерейских певчих.

Нестерпимо высокие, почти воющие, но вместе с тем удручающе стройные детские голоса возносились вверх, дрожа под сводами вялых акаций. Слабое солнце сквозило в сиреневом дыму ладана. И медленно-медленно двигался к вокзалу посредине оцепленной войсками Пушкинской улицы лафет с высоко поставленным громадным черным ящиком, заваленным венками и лентами».

По Пушкинской российские императоры проезжали из порта к вокзалу. Здесь же стояла временная арка в честь 300-летия дома Романовых.

Один из приездов царской семьи описал живший на Пушкинской Семен Липкин:

«Отец назначил нам свидание у фонтана в Александровском садике, недалеко от нашего переулка, мама привела меня к нему, он взял меня за руку, в другой руке он сжимал серебряный набалдашник трости, и мы отправились на Пушкинскую. Сейчас вряд ли

кто поверит, что человек, скрывавшийся от полиции, настраивающий рабочих против существующего строя, мог свободно идти по центру города, да еще с какой целью? Посмотреть на царя!

Дойдя до Главной синагоги, мы уже издали услышали голоса военных труб. Кстати, именно эта синагога дала свое название Еврейской улице, точно так же, как Троицкая получила свое название потому, что в конце этой улицы, в начале парка, располагался монастырь св. Троицы, белые здания которого, в чудной своей чистоте выглядывавшие из густой зелени, были уничтожены во время гражданской войны…

Мы свернули на Пушкинскую. Показалась важная процессия. Она двигалась от вокзала по направлению к Николаевскому бульвару, к Воронцовскому дворцу, предназначенному для краткого пребывания царя. По обе стороны улицы стояли любопытные. То не были знатные люди, допущенные по специальным пропускам, кто хотел, тот и пришел, и места впереди, у кромки тротуара, достались не самым проверенным, а самым прилежным.

Нас никто не вздумал останавливать, мы спокойно поднялись на второй этаж. Изо всех окон, с балконов старались разглядеть царя обитатели Пушкинской и их знакомые, большей частью евреи. У нас в городе улицы нередко делились на отрезки, соответствующие материальному и сословному положению жителей. На Пушкинской, начиная от вокзала, вдоль перпендикулярных к ней Новорыбной и Старорезничной с их Привозом, Большой и Малой Арнаутскими (свидетельство, что здесь когда-то селились албанцы, иначе – арнауты), Базарной, Успенской, Троицкой и Еврейской, сосредоточились дешевые, пользовавшиеся дурной славой номера, лавки ремесленников и мелких торговцев, хорошо помню бедную синагогу в глубине обшарпанного двора, а потом, начиная с Жуковской и Полицейской, улица богатела, чванилась, постепенно становилась частью Средиземноморья, появлялись великолепные дома и кариатиды могущественных банков, сверкающие надменной роскошью магазины, изумительное здание биржи (теперь там зал филармонии), построенное и украшенное итальянскими архитекторами и скульпторами, Бродская синагога толстосумов, воздвигнутая галицийскими выходцами из города Броды, первая в Одессе хоральная синагога с орга-

Здание Одесского учетного банка

ном, с готическими башенками и вытянутыми узкими готическими окнами, теперь полуразрушенная, – в сохранившейся изуродованной части размещено какое-то архивное управление.

Когда-то Пушкинская была многоцветной. Говорят, что такой ее впервые увидел Пушкин. Сухие ветры, горячее солнце Новороссии, осенние и зимние дожди, годы военного коммунизма и сплошной коллективизации погубили яркую окраску стен, штукатурку, но при мне в широких, гулких, загаженных, но веющих прежней роскошью парадных еще сохранились росписи. Не знаю, обладали ли они художественной ценностью, но помню то чувство праздника, приобщения к иному, зовущему, загадочному миру, которое охватывало меня, когда я, босоногий, забегал в чужие богатые парадные и смотрел на нарисованных людей и птиц, живущих незнакомой, может быть, вымышленной жизнью.

Конный кортеж двигался медленно. В толпе зевак виднелся только один городовой. Он часто крестился, держа в левой руке фуражку. Буколические, беспечные времена – преступно беспечные, как вскорости выяснилось. Я просунул голову сквозь витую ограду балкона, мне мешал высокий платан. Царя я не запомнил,

хотя мне на него указывали, – вот он, на лошади, но другие военные тоже сидели верхом, а кто из них царь?

Моя двоюродная сестра Дора, которая была на шесть лет старше меня, рассказывала, что она видела на той же Пушкинской не только царя, но и наследника, когда они приехали в Одессу в связи с 300-летием дома Романовых. Это было в год моего рождения. Сестру поразило, что наследника почему-то нес на руках огромный матрос. Наследник был в военной форме».

На этой же улице Липкин учился.

«Я не случайно написал, что хорошо помню синагогу на Пушкинской в глубине обшарпанного двора. Синагог было много, все не упомнишь, да еще такую невзрачную, но дело в том, что под нею помещался мой хедер.

Улица была названа Пушкинской потому, что Пушкин на ней жил, недалеко от моря, от молодого порта, по которому властно расхаживал бывший корсар Морали и куда, то-то радость, на южных кораблях прибывали устрицы. Пушкин жил недалеко от знаменитой ныне Дерибасовской, да, в сущности, и от Садовой, от Ришельевского лицея, где впоследствии учился его младший брат Лев. Дом, в котором жил Пушкин, сохранился, правда перестроенный еще в конце прошлого века, здесь долгое время действовала филия украинского Союза писателей. Пушкин, надо думать, прогуливался по улице, но вряд ли доходил до моего заветного квартала, а тем более дальше, до того дома, где в мое время были бедная синагога и хедер, хотя и этот дом весьма старый, середины девятнадцатого столетия. Я полагаю, что в те годы город обрывался близко от того места, где жил Пушкин, а дальше простиралась то многозеленая, то выгоревшая голая степь.

Ворота двора, который я собираюсь описать, пусть бегло, были низенькие, улица опускалась к ним примерно на пол-аршина. Двухэтажное приземистое здание, выходившее на улицу, казалось сугубо городским по сравнению с широким двором, чья пыльная земля по-деревенски обнажалась, кое-где прикрыв наготу булыжником, а флигельки вокруг были, в сущности, сдвоенными или строенными мазанками. Против ворот было другое двухэтажное здание, без входов, без окон, только арка была прорублена в стене, через арку проходили на черный двор, в конце

его соседствовали сортир и темный подвал с мусорным ящиком. Слева и справа от арки, со стороны черного двора, взбегали на второй этаж узкие деревянные лестницы в синагогу, одна – в помещение для мужчин, другая – в отгороженную часть для женщин. Перед входом в помещение для мужчин имелся так называемый пулэш – вестибюль, что ли, в углу его стояли длинная жесткая метла и ведро, орудия производства Тевеля Винокура, шамеса (служки) синагоги. Он-то и был нашим меламедом (учителем). Его жилье находилось под лестницей и состояло из очень большой полутемной кухни, служившей одновременно и столовой, и спальней для двоих, кажется, детей, и светлой продолговатой комнаты со скошенным потолком. Эта комната и была нашим хедером. Комната замыкалась низенькой нишей, в которой едва умещалась двуспальная деревянная кровать с множеством подушек – видно, на всю семью, – а посередине комнаты почти во всю ее длину простирался стол без скатерти, за которым, склонив головы, сидели ученики – курчавые, стриженые, черные, рыжие – и читали книги справа налево, и лишь изредка поглядывали на стены, на портреты раввинов-богословов, длиннобородых, в лисьих шапках, и только баронет Мозес Монтефиоре, знаменитый филантроп, красовался хотя и в ермолке, но в европейском белом жабо».

Ефим Зозуля о Пушкинской писал иронически: «Хорошая улица! Вегетарианская: по ней еще не ходит трамвай… Впрочем, в нескольких местах он ее пересекает, и там она вегетарианствует меньше… По ней всегда ходят и ездят много новых людей. Это приезжие. Лица у них в большинстве случаев удивленные. В глазах – любопытство. Зато радостных лиц еще больше: это у едущих не с вокзала, а на вокзал».

Об улицах времен гражданской войны в городе выразительнее и емче всего написал А. Козачинский в «Зеленом фургоне»:

«Война вливалась в русла улиц. Каждая улица имела свое стратегическое лицо.

Улицы давали названия битвам. Были улицы мирной жизни, улицы мелких стычек и улицы больших сражений – улицы-ветераны. Наступать от вокзала к думе было принято по Пушкинской, между тем как параллельная ей Ришельевская пустовала. По Пушкинской же было принято отступать от думы к вокзалу.

Орудия били по зданию вокзала прямой наводкой. После очередного штурма на месте больших вокзальных часов обычно оставалась зияющая дыра. Одесситы очень гордились своими часами, лишь только стихал шум боя, они спешно заделывали дыру и устанавливали на фасаде вокзала новый сияющий циферблат. Но мир длился недолго; проходило два-три месяца, снова часы становились приманкой для артиллеристов; стреляя по вокзалу, они между делом посылали снаряд и в эту заманчивую мишень. Снова на фасаде зияла огромная дыра, и снова одесситы поспешно втаскивали под крышу вокзала новый механизм и новый циферблат. Много циферблатов сменилось на фронтоне одесского вокзала в те дни».

У Катаева иные воспоминания:

«…на углу Пушкинской и Троицкой, где небольшой отряд матросов и красногвардейцев начал строить баррикаду, пытаясь остановить гайдамаков, которые к этому времени вместе с юнкерами внезапным ударом захватили здание штаба военного округа, вокзал и теперь, выйдя на главные улицы – Пушкинскую, Ришельевскую и Екатерининскую, – под прикрытием броневиков быстро продвигались к центру города. …Ветер нес в глаза пыль, смешанную со снегом, острую, как битое стекло.

Пули свистели вдоль улицы, отскакивали от гранитных обочин, от чугунных крышек канализационных колодцев и уносились, рикошетом выбивая из стен домов штукатурку, с визгом, звоном, скрежетом, завыванием, ударяясь в железные фонарные столбы.

Вокруг был каменный город, пустая гранитная улица – место, не приспособленное для войны. Не за что зацепиться.

Красногвардейцы и матросы прятались в подворотнях и стреляли оттуда боком вдоль улицы в сторону вокзала. Они стреляли стоя, с колена, наконец, лежа, упираясь локтями в булыжник и плитки лавы.

…А через несколько дней в городе состоялись похороны жертв революции.

Хоронили всех вместе – в одной общей могиле посредине Куликова поля.

Наступила оттепель.

День был мокрый, гнилой, как поздней осенью, а не в конце января.

Низко над городом шли темные тучи. Иногда начинался мелкий дождик. Похоронная процессия, растянувшаяся на несколько кварталов, двигалась через весь город, поворачивая с Херсонской на Преображенскую, с Преображенской на Дерибасовскую, оттуда на Пушкинскую и дальше по прямой, как стрела, Пушкинской, по ее мокрой синей гранитной мостовой, к вокзалу, на белом фасаде которого на месте знакомых часов зияла черная круглая дыра от артиллерийского снаряда, попавшего прямо в циферблат.

Около сотни обернутых кумачом гробов, как вереница красных лодок, медленно покачиваясь, плыли один за другим над толпой, длинной и молчаливой, как тяжелая черная туча.

Рабочие окраин, воинские части, остатки гайдамацких куреней, судовые команды, рыбаки, ремесленники, крестьяне из пригородных сел, хуторов и слободок, студенты несли на плечах или на вытянутых руках над головой своих покойников.

Почти за каждым гробом шли родственники, а на тротуарах стояла неподвижная стена горожан, мимо которых двигалась процессия, неся красные знамена и полотнища с белыми и желтыми самодельными надписями: «Вся власть Советам!», «Да здравствует мировая революция!», «Вечная память борцам за коммунизм!».

Иногда в толпе раздавался женский плач, истерические выкрикивания, рыдания.

Кое-где провожающие начинали петь хором «Со святыми упокой» или «Вы жертвою пали». Издалека слышались звуки военного оркестра, с торжественной медлительностью, такт за тактом, отбивавшего своими тарелками и литаврами траурный марш.

Но все эти звуки не могли нарушить громадной, подавляющей тишины, повисшей над городом».

А вот и воспоминания Липкина о редакциях на Пушкинской:

«И вот я аккуратно переписал мои творения в новенькую тетрадку, на зеленой обложке густо чернела голова Троцкого, а под ней изречение: «Грызите молодыми зубами гранит науки», и прямо из школы, никому ничего не говоря, с бьющимся сердцем направился на Пушкинскую улицу, в тот квартал между

Троицкой и Еврейской, где вблизи от дома, в котором я родился, помещались «Одесские известия», а также редакция «Вечерней газеты», комсомольской «Молодой гвардии», тонкого журнала «Шквал», редактором которого был заезжий человек, подписывающийся восточным псевдонимом «Суфи», впоследствии известный Петр Павленко, а его заместителем, беспартийной рабочей лошадью, – образованный, умный, сластолюбивый Станислав Адольфович Радзинский, отец ныне заметного драматурга Э. Радзинского.

Все эти редакции переехали сюда сравнительно недавно из старинного – пушкинских времен – дома Вагнера, занимавшего кварталы на Екатерининской и Дерибасовской, и два обширных проходных двора которого своей скрытой от иногородних сельской сущностью спорили с нарядными фасадами, с кокетливыми вывесками кондитерских, с живописными корзинами цветочниц, с уличной франтовской толпой. А здесь, на Пушкинской, помещалась раньше только типография, и когда я, бывало, проходил мимо, гутенберговский гул казался мне тем же, что, наверно, мусикийский лад лиры для греческих рапсодов, комуз для сказителей киргизского эпоса, вйны для поэтов Индии, не декламирующих, а поющих свои стихи.

Я вошел в подъезд. Ворота напротив вели во двор типографии. Слева было парадное. Я поднялся по его ступенькам на второй этаж.

По коридору с показной озабоченностью сновали мужчины в новомодных роговых очках и женщины, сжимающие накрашенными губами (тогда это было не совсем обычно) папиросы».

Вторит ему еще один уроженец Пушкинской Всеволод Азаров:

«Я родился в четырехэтажном доме с балконами, выходящими на Пушкинскую улицу. Идущая от вокзала к Приморскому бульвару в порт, она была для меня дорогою в живописный, то грустный, то веселый окружающий мир. Рядом с нашим домом стояло серое, как бы покрытое легким налетом свинцовой пыли здание. Тогда в нем работала «фабрика новостей» – редакция местной газеты «Известия», впоследствии названной «Чорноморська комуна». По ночам там громыхали типографские машины, ранним утром с громкой перекличкой заголовков выбегала толпа подростков, неся кипы свежих газет.

Несколькими кварталами дальше по той же Пушкинской улице, между пересекавшими ее Греческой и Дерибасовской, размещалась редакция газеты Черноморского бассейна «Моряк».

И напоследок – одна из самых известных легенд о Пушкинской в передаче Леонида Утесова:

«Есть в Одессе и место, где делаются сделки, – биржа. Это одно из красивейших зданий в городе. Вот история этого здания, как рассказывают ее потомки лепетутников.

В свое время экспортеры и банкиры при поддержке лепетутников выписали из Италии архитектора Бернардацци.

– Бернардацци! – сказали ему, – надо построить биржу, но зал должен быть такой, чтобы не было никакой акустики. Если два человека разговаривают между собой, – чтоб рядом стоящий ничего не слышал. Так нужно для дела.

И Бернардацци построил зал без акустики.

Теперь в этом зале сделали… филармонию».

Впрочем, совсем недавних легенд об этой улице немало. В 1950-х – начале 70-х все уважающие себя молодые писатели и журналисты непременно выпивали по чашечке кофе в баре гос-

Здание биржи

тиницы «Красная». Описано и у Ефима Ярошевского, и у Гарри Гордона. А девушки, прельщавшие интуристов и не только у той же «Красной»? А Николай Сличенко, который во время холеры 1970 (когда город был закрыт, и все спасались от болезни сухим красным вином) пел прямо с балкона гостиницы под восхищение немедленно выросшей толпы? Долгое время в семидесятые самой яркой приметой были птицы, облюбовавшие несколько кварталов улицы. Они радостно одаривали счастьем (если вспомнить народную примету) отъезжающих, приезжающих и просто одесситов. Неблагодарные горожане решили, что и счастья бывает слишком много. В результате птицы исчезли. А появившийся в самом начале Пушкинской первый в мире памятник взятке (то бишь апельсинам, подаренным Павлу)? Стоял он аккурат между прокуратурой и горсоветом. Наверное, поэтому его вскоре и перенесли – чтобы не было ненужных ассоциаций.

Одно из последних зданий, построенных на Пушкинской, «Дом с ангелом», или «Дом Литвака». Вообще-то, официально он называется «Центр реабилитации детей-инвалидов Одесского областного фонда «Будущее». Здание это – символ надежды для детей, родителей и всех нас – еще есть на свете подвижники, и держится на них и «Дом с ангелом», и город Одесса, и планета Земля.

Игорь Померанцев

Czernowitz. Черновцы

Из новой книги

Книга Czernowitz

Я только-только вернулся из Черновцов, где проходил международный поэтический фестиваль. Рабочими языками были украинский и немецкий. Русский тоже звучал – благодаря Марку Белорусцу, киевскому переводчику Пауля Целана, и мне, – но он был скорее в роли гастарбайтера. Мне показалось, что в течение трех суток в городе царил хаос. Но это был не холодящий кровь греческий хаос, а теплый, украинский. Из этого хаоса рождалась свобода и поэзия. В Черновцах безымянная студентка университета сделала мне комплимент, который я запомню навсегда. «Пане Ігорю, я вам дуже вдячна! Я ніколи не думала, що так можна писати вірші». («Пан Игорь, я вам очень благодарна. Никогда прежде не думала, что так можно писать стихи».)

Czernowitz – это книга. Да. Черновцы – это город, а Czernowitz – книга. Ее начали писать лет двести назад, когда в городе появилась первая гимназия, и пишут с тех пор не покладая рук. У каждого места – свой образ. Венеция – это вода, стекло и кинозвезды. Парма – это ветчина. А Czernowitz – это книга. У нее много голосов, и пишется она на разных языках. Ежегодно в сентябре в Венеции проходит кинофестиваль. Ежегодно в сентябре в Парме проходит фестиваль ветчины. В первую неделю сентября 2010 года в Черновцах прошел первый фестиваль поэзии.

Поэзия – это вариации на тему языка. Или импровизации на ту же тему. Переводы иностранных стихов чаще всего вызывают у читателя чувство смущения, даже недоумения. Чувство не обманывает. Когда поэзию вырывают с языковым мясом и подчиняют иному уставу, она испускает дух. У всякой национальной поэзии – свои коды, свои пароли. Они хранятся за семью печатями веками, иногда тысячелетиями.

Немецкий и украинский читатель испытывает то же счастье, читая талантливые стихи, но это счастье непередаваемо или, если угодно, непереводимо. Мне кажется, я знаю, в чем секрет немецкой поэзии: она упрямо отвоевывает свободу у жесткой немецкой грамматики. А в чем смысл украинской поэзии? Это в высшей мере трагический смысл: украинский язык выжил благодаря поэзии, выжил в поэзии. У англосаксов другая драма: это многовековая борьба между англо-германскими корнями с одной стороны, и латинскими – с другой. Хоть умри, в переводе этого не передать. Потому-то переводчики похожи на героев древнегреческой трагедии: они обречены, но все равно борются с роком, судьбой. Эта борьба бывает столь захватывающа, что следить за ней и сопереживать просто упоительно.

Под музыку Шопена

Впервые я услышал этот марш, когда мне было шесть лет. Я жил тогда в Черновцах на улице неподалеку от кладбища. В те далекие времена усопших хоронили на грузовиках. Грузовики медленно, я бы даже сказал, величаво плыли по городу, за ними шествовали безутешные родные и друзья умершего, а сам он лежал в открытом гробу в кузове, обложенный венками с креповыми ленточками. Мы жили на втором этаже старой австрийской виллы, и я мог из окна разглядывать безучастные лица трупов, траурное облачение массовки, раздутые щеки лабухов. В летние и зимние каникулы дня не проходило без похорон. Особенно по душе мне были зимние. Процессии увязали в снегу, и я, вооружившись театральным биноклем, мог буквально изучать телодвижения, мимику, слезоотделение. Иногда мне везло, и я мог наблюдать за этой церемонией по два-три раза на день. Я был уверен, что го-

род занят только одним: смертью и сопутствующими ей ритуалами. Почему-то меня не удивляло, что умирают не только старики и старухи, но и широкоплечие мужчины, цветущие женщины и даже дети. Однажды я увидел в гробу мальчика моего возраста с такой же челочкой, как у меня, и в таком же коричневом костюмчике с перламутровыми пуговицами. Все, кто шли за гробом, плакали навзрыд, но, к несчастью, их заглушал оркестр. Музыку лабухи всегда играли одну и ту же: траурный марш Шопена. Тогда я не знал, что это «марш», и что его сочинил человек по имени Шопен.

Спустя несколько лет мы переехали в другой район. К тому времени город изменил свое отношение к смерти, словно стал стесняться, сторониться ее. Процессии напрочь исчезли, трупы переселили в синие автобусы, лабухов спровадили на кладбище. В выходные я втайне от родителей ходил на чужие похороны, чтобы послушать музыку. Так началась для меня классика. Позже я услышал и горячо полюбил реквиемы Моцарта и Сальери, похоронную музыку из третьего акта вагнеровского «Парсифаля» и «У могилы Вагнера» Листа, «Begrabnisgesang» Брамса и его же «Траурную оду», «Danse Macabre» Сен-Санса и «Реквием для Ларисы» Сильвестрова…

Уже много лет я хожу в крематории и на кладбища, только когда для этого есть серьезный повод. Мне больше незачем примазываться к чужим процессиям. Кладбищам я предпочитаю концертные залы. Что может быть прекрасней музыки?

Глазами нацмена

Я был пятилетним малышом, когда родители привезли меня из Забайкалья в Черновцы. Мы приехали всей семьей: мама, папа, старший брат Валентин и я. В Черновцах в пять лет, оставаясь младшим братом, я стал еще и старшим братом седовласых гуцульских стариков и отвислогрудых гуцульских старух. В отрочестве мне это даже льстило. Я был очень хорошим старшим братом: младшим сочувствовал, не смотрел на них свысока и с имперским любопытством учил их язык. Лет в восемнадцать я понял, что не хочу больше играть эту роль и не хочу принадлежать к тем неисчислимым миллионам людей, которые без тени самоиронии называют себя «ве-

ликим народом». В 1965 году я поступил на первый курс Черновицкого университета и чуть ли не на первой лекции догадался, почему не хочу. Преподаватель истории КПСС спросил аудиторию, на каком языке читать лекции: на русском или на украинском. Нас было человек шестьдесят. Полсотни студентов-гуцулов на вопрос доцента ничего не ответили. Но десять «старших братьев» дружно рявкнули: «На русском!». Кажется, в эту минуту я впервые подумал, что государство, в котором дружба народов провозглашена официальной идеологией, долго не протянет.

Я ошибся. Оно еще тянуло бесконечно долго: я не об историческом времени, а о проживаемой человеком его единственной жизни. Но в конце концов, грохнулось, ушло в исторический осадок, царство ему подземное со всеми хтоническими кошмарами! К тому времени я уже жил в Англии, которая преподала мне бесценные уроки национального и колониального отрезвления. Но до самого отъезда из СССР я все равно тянул лямку старшего брата. Я это чувствовал даже на допросах в КГБ: меня журили, оспаривали мои литературные пристрастия, но морду в кровь не били, а после в психушку не запихивали, не стирали в лагерную пыль, как это было принято делать с моими «младшими братьями». А в Англии я резко помолодел и снова стал младшим братом в прямом смысле: младшим братом Валентина.

В ноябре 2008 года я приехал в Вену на Дни украинской литературы. Вместе с румыном и австрийцем меня пригласили как русского писателя, имеющего отношение к Украине. Я выступал вместе с полудюжиной украинских писателей и поэтов. На душе у меня было легко: мне нравилась роль нацмена. Мне нравилось чувство юмора музы истории Клио. Благодаря ее иронии в шестьдесят лет я снова почувствовал себя малышом, тем самым, который когда-то рос в Забайкалье и обожал маму, папу и старшего брата Валентина.

Есть ли у вас «малая родина»?

Я родился в государстве, которого больше нет. Никакой ностальгии по нему я не испытываю: слишком жестоким оно было к моим близким и дальним. Но сиротой я себя не чувствую. У меня есть «малая родина»: Черновцы. С этим городом мне повезло. Его

дома, улицы, площади цитировали другую – австро-венгерскую – эпоху, и я вырос на этих цитатах. После в стихах и прозе я десятилетиями цитировал свой город:

Мой городок, из труб не дым, а дымшиц.
Вот он летит с ухмылкой и слезой.

Я не знаю, что бы я писал, и вообще, писал ли, если бы вырос в Нижнем Тагиле или в Нукусе. В английском языке нет выражения «малая родина». Но в мировой литературе «малой родине» уже не меньше двух тысяч лет (Плутарх: «Что до меня, то я живу в маленьком городе и, чтобы он не сделался еще меньше, охотно в нем остаюсь»). Писатели разных литератур и эпох часто признаются в любви к своим «малым родинам». Для Пушкина «малой родиной» была Москва. После, когда Москва раздалась вширь, малыми родинами московских писателей, драматургов, поэтов стали Арбат, Замоскворечье, Чистые пруды… Я говорю о литераторах, потому что они описывают мысли, чувства, впечатления, присущие всем людям. Образ «малой родины» не всегда романтичен. Например, украинец Сергей Жадан о своей Луганщине пишет «жесть». Мне интересно, какие отношения с «малой родиной» у других людей, не писателей. Особенно мне интересно, что думают, как вспоминают «малую родину» бывшие советские люди. Да, государства, в котором они жили, больше нет. Но память осталась. Я бы назвал эту память имперско-колониальной. Почему бы не поделиться?

«Дети до 16 лет»

Когда-то этот городской парк культуры и отдыха носил имя М.И. Калинина. Теперь это парк имени Т.Г. Шевченко. Город попрежнему остался «Чернівцями», хотя в скобках в его биографии перечислены еще несколько имен «Чернівців» на разных языках. Я хорошо помню этот парк. Мне было лет десять или одиннадцать, когда в Черновцы приехал джаз-оркестр под управлением Малагамбы. Это был румынский оркестр. В Москве уже аплодировали Вану Клиберну, Иву Монтану, перуанке Име Сумак, а в Чер-

новцах музыку всей заграницы представлял Малагамба. В Румынии он считался лучшим ударником Бухареста всех времен, а у нас он был лучшим ударником мира. Вместе с мальчишками моего двора я приходил в парк, чтобы из-за высокого забора послушать заморские ритмы. Щелей в заборе не было, и мы становились друг другу на плечи, вытягивали шеи, и так хотя бы минуту пожирали глазами и ушами неугомонного Малагамбу. В зал нас не пускали: до 16 лет нам еще оставалась целая вечность.

Я вспомнил об этих концертах в начале сентября 2011 года на поэтическом фестивале в Черновцах. Меня попросили сказать несколько слов поэтам из разных стран в гостинице, расположенной напротив городского парка, и я поделился с ними детскими воспоминаниями. После ко мне подошел румынский поэт и сказал, что его отец тоже был «малагамбистом». В течение недели в городе звучали стихи на полудюжине языков и даже диалектах этих языков: гуцульском, немецко-швейцарском, немецко-австрийском. Но я снова и снова вспоминал о Малагамбе. Тогда, в конце пятидесятых, не только дети, но и все советские люди были «до 16 лет». Их не пускали, не подпускали, не выпускали. До перестройки еще оставалась целая вечность. Вся нация вытягивала шею, чтобы хоть краем глаза увидеть, что же происходит за железным занавесом. Иногда удавалось не только увидеть, но и что-то услышать. Джаз был для меня тем же, что для детей с недобором кальция – мел. Он был гулким эхом свободы. Был и остался. Уже в Праге в XXI веке я написал о нем стихи:

Ее можно назвать
«побегом раба».
Ночью он крадется из загона,
походя гладя псов.
Подымается к ручью
и пускается во все лопатки
вверх по течению.
Бежит грузно, сосредоточенно.
Ему вслед шипят гремучие змеи
и облизываются пиявки.
Он рвет на Север к границе штата Теннеси.

Днем будет спать,
а ночью снова рвать на Север.
О чем я?
Верно.
О джазовой импровизации.

Кладбищенское хозяйство

Несколько лет назад я перевел стихи Тамар Радцинер (1932-1991), австрийской поэтессы, пережившей Освенцим. В них были такие строки:

«Молодой человек
из муниципалитета
настаивал:
«Ну хоть какой-то
документ в Освенциме
у вас был!».
– Господи, – сказала я. – Господи.

Ирония поэтессы понятна. Но и молодой чиновник что-то чуял и был прав: нацистская карательная бюрократия при всех обстоятельствах оставалась бюрократией. Людей не жалели, но документы хранились с тщанием, и на суд потомков их передали в удовлетворительном состоянии. Я вспомнил эти стихи, разговаривая с другим австрийцем, одним из руководителей общества «Черный крест». Это организация, которая опекает могилы австрийских солдат и военнопленных, погибших в разных странах во время двух последних мировых войн. О русских, похороненных в Австрии, «Черный крест» тоже заботится, и это реальная забота: поиски в архивах документов, уточнение имен, перезахоронение, все то, что принято называть «увековечиванием памяти». Австриец рассказал мне, что недавно побывал во Львове и что ему много чего удалось там сделать для соотечественников при содействии городских властей, и что вскоре он поедет с той же миссией в Черновцы. В разговоре я назвал ему имя «московского Сократа», мыс-

лителя Н.Ф. Федорова, мечтавшего воскресить всех умерших «отцов». Это была не утопическая идея. Федоров предлагал вести практическую работу по осуществлению своего замысла непосредственно на кладбищах. Оказалось, что мой австрийский собеседник тоже «федоровец» и относится к мыслителю всерьез.

В ГУЛАГе система учета живых и мертвых существенно уступала нацистской. Мертвых чаще всего складывали в штабеля, а хоронили в ямах и рвах. До сих пор в России каждый год находят массовые захоронения зэков. Когда-то советские патриоты возмущались писателем-современником, назвавшим СССР «раковым корпусом». Но СССР был не только «раковым корпусом», но и гигантским запущенным кладбищем. До сих пор не все жертвы террора названы поименно, а братские и индивидуальные могилы не приведены в порядок. Пока этого не произойдет, образ России, мне кажется, будет ассоциироваться с кладбищем. Современные ученые считают, что идея Н.Ф. Федорова «собирания из атомов» и воскрешения усопших имеет самое прямое отношение к нанотехнологиям. А они, кажется, на подъеме. Так что напрасно Федорова называли чудаком и фантазером. Его могила на кладбище Скорбященского монастыря тоже, увы, не сохранилась. Летом там гоняют в футбол, а зимой весело колотят клюшками по льду.

Слово о мифе

Выступление на дискуссии «Миф Черновцов» на книжной ярмарке в Лейпциге. В Германии город Czernowitz ассоциируется с именами классиков австро-немецкой поэзии, живших в городе между двумя мировыми войнами.

Тема дискуссии «Миф Czernowitz» вынуждает участников подумать о своей роли в мифологии этого города. Вакансий осталось немного. Иерархия городских богов и героев уже утверждена, и разжалованию в ней никто не подлежит. Ну, какой же бог уступит свое место или потеснится, если на кон поставлено бессмертие? Герои тоже не теряют надежды прорваться в вечность. Мне кажется, я нашел роль для нас, не героев и не богов, в этой самой мифологии. Я бы классифицировал нас как кентавров. Во-

первых, мы, как и они, – тленные твари без видов на бессмертие. Во-вторых, некоторые кентавры были образованными и цивилизованными существами. У Хирона и Фола даже была репутация мудрецов, а Хирон, в отличие от прочих кентавров и кентавриц, был одет в хитон и обладал человеческими ушами. Ну и, наконец, главное сходство. Фигурально говоря, мы тоже собраны из двух частей, двух секций. Одной, так сказать, задней частью мы обращены в прошлое, которое называется Czernowitz. Другая же наша половина глядит со сдержанным пессимизмом в будущее. Какие еще кентаврические свойства присущи нам? Думаю, врожденное двуязычие, причем оба языка могут быть в различных комбинациях: немецкий и украинский, румынский и идиш, русский и гуцульский, плюс полдюжины других языков, диалектов, говоров. Ночами же город до сих пор бормочет во сне по-османски, по-арабски, по-древнееврейски. Таким ржанием можно хвастаться во весь голос и дерзко задирать хвост на виду у всех.

Я жил в городе в черновицкий период нынешней кайнозойской эры: в 50-60-е годы XX столетия. Это было время ниспровержения богов, заклания героев, умерщвления памяти. Кентавры табунами носились по улицам и площадям, высекая искры из брусчатки. Но это были дикие свирепые существа с бородатыми мордами, лошадиными ушами и конскими гениталиями. Черновицкий период прошел стороной, как ушли в доисторическую даль кочевые племена скифов, касситов, тавров.

У классического мифа есть начало и конец. Миф Czernowitz пока не завершен, хотя время кентавров подходит к концу. Кто придет им на смену в XXI столетии? Кто обживется в мифологии города, станет ее венцом? Лично мне кажется, что это будут ихтиокентавры, сочетающие черты и свойства рыбы, коня и человека. Им будет открыт земной, воздушный и водный простор, они будут говорить на языках ветра, влаги, почвы. Нет, бессмертными они не станут, но постоянная прописка в созвездии Центавра им обеспечена. Так что

продолжение следует

Прага

Вера Кобец

Pallida turba*

Сначала было и не заметно, что сыпется. На полу, правда, откуда-то появлялась мука. Потом кто-то сказал, что это, наверное, порошок. «Как, зубной? – удивилась Альбина. – Но ведь у нас только паста». Пол подметали. Мусора было много. «Ничего не поделаешь, будни», – говорила задумчиво мама.

Но в какой-то момент с потолка стала сыпаться тонкая струйка. Все были дома – подняли головы и посмотрели. «Сыпется», – проговорил отец с раздражением. «Придется, наверное, делать ремонт», – откликнулась бабушка. Все на нее посмотрели и сразу же отвернулись. «Я видела в комиссионке чудесный дубовый буфет, – сказала Альбина. – Он в эту комнату встанет легко. Вот сюда», – и она указала рукой на то место, где высилась белая горка известки. «Чтобы поставить на это место буфет, придется подвинуть кресло и тумбочку», – сказал отец недовольно. «Твой дедушка признавал только дубовую мебель», – ответила мать, и глаза ее заблестели. «Мой дедушка?» – от удивления отец положил ложечку мимо блюдца. «Я говорила Альбине, – сказала мать, задумчиво улыбаясь. – Или не так. Я просто вспомнила детство, те времена, когда мы жили еще в старом доме». «Это было давно, – ответил отец, – с тех пор новый дом тоже стал старым». «Ну, я не знаю, что было давно, – возразила с достоинством бабушка, – мне кажется, будто бы в старом доме мы жили вчера. И все было совсем как сейчас. Хотя нет, этой вот тумбочки не было. Да и Альбиночки не было», – бабушка рассмеялась лукаво. «Папы не было тоже», – сказала Альбина. Бабушка перестала смеяться и чуть пожала пле-

* Pallida turba – зд. Бледные тени.

чами. «Дедушка был», – сказала она. «Ну, так как, купим дубовый буфет?» – спросила Альбина. «Нет, – ответила мать, – он будет чужим в этой комнате». «В старом доме в столовой стоял дубовый буфет», – сказала без интонации бабушка. «Господи, мы же не в старом, мы в бывшем новом», – ответила мать. «Ну, так и что? Почему мы не можем купить старинную вещь?» – спросила Альбина. «Потому что пора уже спать», – усмехнулся отец и сложил аккуратно газету.

И все разошлись. Тишина опустилась на дом. Только ветер свистел за окном, и били, упрямо и глухо, часы, да еще едва слышно сыпалось с потолка. Порошок, тонкий, белый, ровно ложился на все: на стол, на кресло, на граммофонную тумбочку, на пол…

«А ведь красиво, – сказала мать утром, – кажется, будто снег выпал. Помните этот чудесный спектакль миланского «Пикколо»? Снег в Венеции…» – «Все это было немного претенциозно, – откликнулась бабушка, – снег выглядел вызывающе бутафорским, но все-таки выдумка впечатляла». – «Что ж, превосходно, – сказала Альбина, – мы будем вдыхать запах известки и думать, что мы на сцене или в Венеции. Каждый выберет то, что ему больше нравится». – «Лично мне нравится чувствовать себя дома», – ответил отец. И дамы молча переглянулись. «Ну, с этим, я думаю, вряд ли кто-то поспорит», – сказали они затем в один голос.

Время шло. Слой известки делался постепенно все толще и толще. «Не удивляйтесь, – предупреждали гостей, – у нас немножко сыпется с потолка. В старом доме такого, конечно же, не было. Но что поделаешь, все меняется». Кое-кто принимал сказанное дословно и начинал соболезновать. Это вносило какую-то неприятную дребезжащую ноту. Но, к счастью, непонимание было не частым. Обычно пришедшие говорили: «Но это красиво! У вас всегда все необычно. А белый налет придает этой комнате новое очарование». Бывали конфузы. Какой-то москвич, архитектор, знакомый Павла Петровича, – было понятно, что он приведен не так просто, а на известку, – сказал, обведя комнату взглядом: «И в самом деле, на это стоило посмотреть. Знаете, что вспоминается? Сад в цвету». – «Вишневый?» – спросила Альбина и глянула с вызовом. «Да нет, – сказал архитектор, не принимая подачи. – Сад, просто сад. А впрочем, строительная площад-

ка тоже». Мама нахмурилась, папа приподнял брови и начал демонстративно шуршать газетой, но бабушка быстро расставила все по местам, заговорив с архитектором о его детстве, а потом, позже, полностью успокоив Павла Петровича, который, конечно, был виноват, но все же заслуживал снисхождения, так как каялся сильно и обещал никогда больше не водить чужаков. «Разве все могут это прочувствовать!» – сказал он, подняв очи горе и сильно рискуя засыпать их мелом. На что бабушка потрепала его по руке и одобрительно улыбнулась.

Ну, а потом потолок стал протекать. Между столом и креслом поставили тазик. В первые дни опорожнять его приходилось три раза в сутки – не больше. Потом появилось еще несколько тазиков. И воду из них выливали раз в тридцать минут – ровно с боем часов. Бабушка говорила: «Эти часы мой папа когда-то привез из Швейцарии. Кто мог подумать, что через семьдесят лет у них появится новая функция?!». Она смеялась. В последнее время у нее было отличное настроение. «Слышите? Это капель, – поясняла она. – У всех декабрь, а у нас уже март». – «И удивительно то, – подхватывал папа, – что у нас пахнет весной. Как химик я не могу найти этому объяснения, но как человек, не спорящий с фактами, я признаю: это так». Отец больше не прятался за газету, он принимал во всем очень живое участие и все показывал свой проект водоотводной системы. Кое-какие детали были еще не продуманы, но замысел в целом был очень ясным и, главное, осуществимым. Слушая папу, гости старательно улыбались, но было видно, что улыбаться им трудно. Кроме того, в комнатах сделалось холодно. «Ну, неужели замерзли?» – весело удивлялся отец. «Я вижу, что вы и вправду озябли, Танюша, – вторила мама. – Возьмите плед. По вечерам мы теперь все сидим, закутавшись в пледы. И это очень забавно. Когда-то у нас был альбом, а в нем – открытка: две обезьяны. Они сидят в пледах у моря, дрожат и глядят на закат. Постойте, я, кажется, вспоминаю, где этот альбом… Как, вы уходите?»

Гости бывали все реже и реже, а приходя, торопились уйти, хотя часы, которые бабушкин папа привез из Швейцарии, напоминали: «Дин-дон – сядьте за стол – примитесь-за-разговор». Но гости не слушались, они торопливо придумывали предлог и, бормоча что-то невразумительное, сочились к выходу. «Уж не про-

течки ли наши вас испугали?» – шутил, стоя в сторонке, отец. «Миша!» – негодовала наигранно мама. «Ну, вряд ли они так пугливы», – роняла бабушка благодушно. Альбина раздавала гостям щетки, чтобы они почистились, перед тем как выйти на улицу. Многие делали это как-то неловко. Бабушка иронично смеялась: «Не так, не так, Павел Петрович! Вы у нас свой человек. Я удивляюсь, как вы до сих пор не привыкли!». Павел Петрович оправдывался как мог, потом целовал ручки дамам и торопливо ретировался. Однажды он позвонил и сообщил, что свалился с сильной простудой. «Боюсь, что это надолго», – прибавил он твердо. «Павлуша всегда был неприспособленным к жизни», – сказала бабушка, пожимая плечами.

Связь дома с миром держалась теперь почти исключительно по телефону. На уговоры приехать знакомые не поддавались, а ездить куда-то самим день ото дня становилось сложнее и неприятнее. Кроме воды и белой трухи с потолка падало еще что-то зелено-бурого цвета. Определить, что это такое, было решительно невозможно, поэтому странные хлопья не обсуждались и попросту игнорировались. «Как наши дела? У нас все хорошо, все по-прежнему», – радостно сообщала Татьяне Ивановне бабушка. «Да, Павел Петрович, у нас все в порядке, спасибо», – вела свою партию мама. «Как мы живем? Хорошо!» – констатировал папа уверенно. И только Альбина срывалась: «Почему хорошо – это значит по-прежнему? Кто сказал, что ничто не должно изменяться? Почему мы не можем купить старинный буфет, от которого комната станет красивее?». Бабушка пожимала плечами и улыбалась, вздыхая. «Возраст, – говорил папа, – возраст». А мама сухо добавляла: «Никто не против. Если нам нужен буфет, давайте его купим». «Дин-дон», – говорили часы, и все снова шло ровно по кругу.

Папа заканчивал разработку системы водоотвода. Работы еще предстояло немало, но это не обескураживало: к тазам все привыкли. Хуже, пожалуй, было другое: зеленые хлопья не оседали, летали по воздуху, и было трудно дышать. «Вы знаете, мы сейчас все ходим в масках… да, снег в Венеции и карнавал. Танюша, как мило, что вы позвонили, может быть, вы зайдете?.. Ну, хорошо-хорошо, я знаю, что вас и так рвут на части. Да-да, привет Шурику и до свидания». Трубка неторопливо укладывалась на рычаг.

«Разумно распределить свое время она никогда не умела, – бабушка деловито и весело поправляла сползшую маску. – Итак, чем мы сейчас займемся, друзья?»

Теперь все были дома с утра и до вечера. Папа покинул лабораторию и перешел в отдел информации. Новый начальник был либерален и не настаивал, чтобы он приходил в институт. «Думаю, запах весны, который я источаю, этому чудаку показался излишне уж терпким», – говорил папа, и все смеялись. Мама работала дома над переводами. Альбина вот уже третий месяц была в академке: с ее воспалением легким справиться не удавалось. «Чушь, – говорила уверенно бабушка, – легкие в нашей семье у всех, слава Богу, отличные. Впрочем, академический отпуск – это неплохо. Дома она серьезнее занимается». «Так значит, у вас все в порядке?» – осведомлялась Татьяна Ивановна. «Да, к счастью, да», – отвечала ей бабушка.

А потом крыша рухнула. В одночасье. И ничего не осталось.

«Вы слышали? – спрашивал Павел Петрович Татьяну Ивановну. – Непостижимо, не верится до сих пор!» – «Не говорите, – Татьяна Ивановна вся розовела. – Мне просто дурно – давление подскочило. Шурик расстроен донельзя. Он редко бывал там, но он ценил этот дом». «И главное, так неожиданно», – разводил Павел Петрович руками. «Вы правы, это страшнее всего», – кивала Татьяна Ивановна.

Санкт-Петербург

Женя Голубенко

Домашнее видео

В окне второго этажа отражается рыжая кошка.

Я повернул голову и посмотрел во двор –

Там никого.

Я снова посмотрел на окно – и там уже никого.

Тень от флигеля делит двор пополам.

Солнце поднимается выше, и кошачий хвост оказывается на горячем асфальте.

Десять минут – уже и голова показалась из тени.

Поерзав, не просыпаясь, кошка опять отползает в прохладу.

Стемнело. Рыжик! Рыжик! Рыжуля!

Хозяйка шаркает ногами, вертит головой и всматривается во тьму.

Никого. Вслед за ней плетется разбухшая от котят трехцветная кошка.

(Может, жена Рыжего, может, мать, а может, и то и другое.)

Рыжуля не отзывается. Наверно, обиделся на что-то и хочет проучить обеих?

Света первый раз вывела Славика на крышу.

Он нюхает сухие прошлогодние листья. Играет с каким-то мусором.

Она не делает ему замечаний, а как-то ненавязчиво краем глаза контролирует все его перемещения. Когда нужно, Света идет и ложится в опасном месте на краю – там, где в водосточном желобе перерыв.

Каждый день она метет асфальт под своими окнами.

И каждый день приостанавливается возле уснувших посреди двора кошек.

На минуту.

Потом аккуратно, чтобы не зацепить-разбудить, осторожно обметает их веником.

Марсик старик. На шее у него воротник из коробки для торта (голова намазана мазью), а заднюю ногу он волочит – парализована. Но свои кровные пятнадцать погонных метров шиферной крыши он никому не отдаст – расстояние от водосточной трубы до слухового окна. Будет стоять до последнего куска шерсти. Никто особо и не зарится на его территорию.

Зачем ты прешься в наш двор со своей собакой?!

Разве не видишь, котята отдыхают?! – так говорил покойный дядя Женя, размахивая палкой (он хромал).

Утром он сделал ей предложение, но она отказала. Она была цветная, а он – черно-белый.

Да и хвост его ей не нравился. А вечером ее изнасиловали братья-близнецы. Бело-рыжие.

Детство. Первые воспоминания. Лапы матери, усы матери и хвост отца.

Кошка сидит на высоком дереве. Ворона бьет крыльями и кричит у нее над ухом. Никакой реакции. Ворона пристроилась на ветку сзади. Делает несколько приставных шагов, придвигается

вплотную и клюет кошкин хвост. Кошка не реагирует, она в шоке, потому что удрала на дерево от неуклюжего ветеринара. В частной клинике нет кондиционера, и они работают при открытых дверях. У вороны на дереве гнездо, и она не знает, что кошка забралась наверх от страха и боли от укола. Она пробует кошку сначала за хвост, а потом принимается клевать в голову. Вся очередь к ветеринару камнями швыряет в ворону, орет что есть мочи. Она и сама не дура, отстала – поняла, что в этой ситуации нет «ничего личного». Через два часа приехала «вышка», машина горэлектросети, за счет врача, естественно.

Василий Второй по фамилии Незлой был совсем черный. Но не душой, а телом. Вернее, шерстью. Под шерстью он был обыкновенный розовый. Он совсем не воспринимал эти игры в альфа и бета самцов, территориальные разборки и «бряцание оружием» в смысле клацания зубами. Вася приходил на чужую крышу, тщательно смоченную мочой другой кошки, и ложился отдыхать. На недоуменные вопросы-угрозы хозяев он простодушно приглашал на свой участок: «приходите запросто, буду рад гостям». Дважды был сброшен с крыши трехэтажного дома, но так ничего и не понял, потому что Конрада Лоренца не читал.

– Валя, сколько у тебя кошек?

– Шестнадцать.

– А что соседи?

– А соседи не знают, сколько их. Если с улицы смотреть в окно, кажется, их всего пять, потому что на подоконнике больше не помещается. Еще мне подсунули козленка: купили для киносъемки, отсняли, и теперь не знают, куда его девать. У меня и собака есть, пекинес, китайской породы, но глаза-то у него русские! Вот что удивительно.

Эпифиллюм филлокактус называется растение, на котором любил спать Вася. Сырость от поливки ему не мешала. В широком цветочном горшке он лежал, как в гнезде. Мешал ли он кактусу? Наверняка. Еще он ложился на кучу колющих и режущих столярных инструментов, на рассыпанные гвозди, канцелярские кноп-

ки, на любые острые осколки. Читал ли он Тургенева? Слышал ли о Рахметове? Не думаю. По-моему, на Тургеневе он даже не спал.

Странности.

Кот Сима не справлял нужду на улице. Кричал под дверью, просился в дом и несся к своему привычному с детства горшку – пластмассовому тазику, а его мать Суслик кусала за губы тех, кто громко говорил по телефону.

Кошка Саша с врожденным дефектом глаза. Поэтому ее и подкинули в недельном возрасте в глазной госпиталь, где она орала невыносимо в высокой траве. Ошибка ее матери или хозяев была в том, что госпиталь обслуживал только ветеранов Великой Отечественной войны.

Кошка Саша прекрасно видит своими полутора глазами и с мозгами у нее тоже все в порядке. Если бьющаяся об оконное стекло муха от нее ускользала, Саша мчалась к другому окну и там поджидала муху. Налицо пример логического мышления.

Жена дяди Жени ласково называла свою кошку проституткой. Но я ни разу не видел, что бы ее кошке кто-нибудь заплатил за услуги. Муру даже блядью нельзя назвать, потому что кроме грубого насилия, часто групповухи, она ничего в своей жизни не видала.

На Молдаванке в старом доме, на котором никогда не будет моей мемориальной доски (дом давно снесли), – огромный пушистый флегма-кастрат всю ночь борется со мной за середину продавленной панцирной сетки. Ветхий дом. Ветхая кровать. Ветхая хозяйка квартиры, а кот вообще соседский. За стеной курица превращается в петуха – я раньше думал, что это байки, – однако вот она берет первые аккорды, плохо, очень хрипит и, наконец, дает настоящего «петуха». В пять утра. Я недавно уснул, а кот нашел себе спокойное место на подушке за моей головой.

Друг пришел ко мне в квартиру-мастерскую. Посидел, посмотрел работы, предложил пройтись к нему домой. Прошлись. Не спе-

ша. Дома предложил перекусить. Перекусили. И только потом он сказал, зачем, собственно, он приходил ко мне. Его кота Мицыка собаки загнали на высокую акацию, и он до сих пор на ней сидит – боится слезать. Мицык моя первая снятая с дерева испуганная кошка.

Кот Мальчик знал слово «яичко». Звук разбиваемой скорлупы приводил его в экстаз. Он мог лапу засунуть в рот хозяина, если там любимая еда. Кроме этого он за двадцать пять минут съедал куриную лапу без остатка, а на голову с клювом тратил сорок минут.

Совсем новая, в смысле не старая, кошка по имени Ракета сидит на дне свежевыстроенного дворового сортира на десять посадочных мест. Его еще не загадили – так, пару кучек всего там и сям. Через деревянное очко видно, как она скромно жмется на сухом пятачке цементного пола. Сколько в ней робкого достоинства. И какая сука туда ее бросила? Хэппи энд. Хозяева ее вытащили.

Пепельно-розовая персидская кошка из пятого номера выглядит, как диванная безделушка. Она часами спит на скамейке соседнего кафе и добродушно дает себя ласкать сентиментальным прохожим. Не отказывает и желающим ее сфотографировать, (непонятно, на кой ляд – таких фотографий полно, как грязи). Я видел, как она напала на большую собаку, защищая другую кошку. Чужую. Странное поведение для кошачьей эгоистичной натуры. Правда, потом оказалось – она нападает на любую собаку в своем поле зрения.

Барсик, кот Цзао Фаня (кличка Юры Иванишина), – старше хозяина на два года. Серая большая голова, свалявшаяся, неопрятная, плохо вымытая шерсть кота – признаки его преклонного возраста. Он давно «махнул на себя лапой». – Еще и глухой, – утверждал Юра и для доказательства стрелял по окуркам, разбросанным вокруг головы спящего кота из пневматической винтовки, заряженной хлебным мякишем.

Мой первый кот Василий прожил девять лет. Столько, сколько я проучился в школе. Старший брат присмотрел его у сосе-

дей через дорогу, подговорил меня нажать на мать, и вдвоем мы ее уболтали – она разрешила взять котенка. Недавно, вспомнив Васю, я обнаружил, что ничего не знаю о его личной жизни. И это обычное дело, если кошка «приходящая».

Он появился в нашем дворе уже взрослым, можно сказать, матерым, и вел себя так, будто его хозяин – рубщик мяса на рынке Привоз. Делить зоны влияния он не стал – объявил всю территорию своей, и никто не решился ему перечить. Звали его Филя. В отличие от апатичных кошек нашего двора, Филя побывал на всех чердаках, деревьях и подвалах округи. Эдакий Ермак Тимофеевич – сплошная харизма и беспрерывный креатив. Жизнь во дворе стала не легче, но стала веселее. А потом он исчез. Последний раз я видел его перебегающим дорогу напротив польского консульства. Он оглянулся и проскочил через забор на участок чужого государства. Как я сейчас понимаю, – он был резидентом иностранной разведки. Очевидно, его отозвали.

Карп Иванович, чекист старой закалки, перед тем как войти, никогда не стучал в дверь комнаты общежития отряда ВОХР. Также никогда он не ходил без своей старой собаки (не помню ее имени, может, Жук). Такая картинка в полумраке: бесшумно открывается дверь, бесшумно входит пес, а за ним сизый нос хозяина в вохровской фуражке. Молча рука тянется на шкаф, без спроса берет чужие папиросы, и вся группа выплывает обратно.

И так день за днем, пока у кошки Чернушки не случились роды, утром, прямо на спавшем после ночной смены собаководе Федоренко (или Бабиченко?). Она съела послед, вылизала котят, пересчитала – пять или шесть, не поняла, и как раз приняла их кормить, но тут, как всегда, явилась «пара гнедых». Котята еще висели на ней, когда она вцепилась в морду собаки. Гостей смыло волной на «калидор». С тех пор Карп Иванович стал стучаться в дверь.

Кстати о собаках. Артиллерийские склады охранялись служебными собаками. Немецкими овчарками, забракованными для службы в розыске. Их ночью расставляли по периметру, и вся работа собачья была – погромче лаять. Одна овчарка с пафосным именем Эпос убежала. Может быть, дело в оскорбленном самолюбии: ей не понравилось обидное распределение – работа без перспектив и среди лузеров, может, кормежка была не ахти. Собаководы от начальства побег скрывали, а потом им подфартило. К питомнику прибилась дворняжка. Сначала она вертелась у вольеров и сопровождала на посты просто за компанию. Потом сообразили надеть ей служебный ошейник и поселили в конуре беглеца. Она была счастлива – трехразовое питание по расписанию, теплая будка и красивое непонятное, наверное, иностранное, имя Эпос. Единственное, что смущало, – ее уши. Начальство, глядя на них, не понимало, как могли прислать на службу это легкомысленное существо.

Чернушка спала, когда стрелок Макаев и начальник караула Макоев собирались на смену. Они заперли комнату на замок и ушли на сутки, забыв про кошку. Она проснулась от голода через пару часов и начала проситься наружу. А за тонкой фанерной стеной улеглись поспать пришедшие после суточной смены Миша и Витя – стре-

лок и кочегар. Крик Чернушки нарастал постепенно. Вопросы в заспанных головах: – Что они там, спятили, почему кошку никто не выпустит? – сменились ясной догадкой, что заперта она случайно, а хозяева придут только на следующее утро. Крик чем далее, тем становился ужаснее. Интервал между воплями стал одинаковым и очень коротким. Миша вышел в коридор и подергал дверь соседей. Она была так себе, но замок Макаево-Макоевы поставили свой, крепкий (в комнате стоял новый мотоцикл Макоева). Ситуация выглядела тоскливо-безнадежной. Спас положение Витя. Он взял молоток, залез под кровать у смежной стенки и пробил в фанере отверстие размером с кулак, чуть выше плинтуса. Прижавшись лицом к дырке, позвал кошку. Она протиснулась в комнату, замурлыкала и ничего особенного в своем освобождении не нашла.

Люда, гостья, проходила в комнату, а Альфред, ее собака, оставался возле сундука, у входной двери крошечной прихожей. Хозяйские кошки и Альфред давно и хорошо знали друг друга. Он деликатно избегал встречаться с ними взглядом, смотрел вкось, в стенку, с выражением: – Я человек, в смысле собака, маленький и тут за компанию, а сам бы никогда к вам не поперся. Он действительно был небольшой. И они его никогда не трогали. А тут непонятно, что на нее нашло, Соня прыгнула с сундука на спину Альфреда. Сначала долго его рассматривала, а потом решила исследовать, какой он на ощупь. Прыгнула безо всякой злости. Без предупреждающих стандартных угрожающих ритуалов. Может быть, она пошутила? Когда он вопил и метался, я думаю, главная мысль его была: «За что?».

На киностудии среди выброшенных канцелярских бумаг довольно экзотического содержания, типа «смета на изготовление накладного живота Эйзенштейна», я нашел инструкцию по кормлению дрессированных кошек. Я прочитал ее, поразился количеству и качеству рекомендуемой пищи и спрятал подальше от своей кошки.

Бульдозер разворошил кучу мусора возле деревянного барака вохровского общежития. Было холодно, и все крысы спрятались

в общагу. Когда я пришел со смены, Чернушка сидела на моей кровати с крысой во рту. Я аккуратно взял ее за шиворот и понес их обоих к окну, чтобы выпроводить на улицу. У открытой форточки кошка догадалась о моих намерениях и отпустила крысу. Крыса, полуживая, поняла это как шанс и припустила, хромая, под кровать. Пришлось отпустить и кошку. Она живо догнала раненную крысу и опять уселась на мое одеяло. Я опять взял Чернушку за шиворот и понес к окну. У окна она снова бросила крысу. Три раза, как положено в сказках, повторялась процедура, а потом я согнал ее с кровати, и она занялась крысой на полу посредине комнаты.

Дворняжка Шавка Белова очень любила маленьких человеческих детей (не в смысле кушать, боже упаси, а так, как, поговаривают, их любил бездетный Ленин). Если ее прогулка в парке случайно совпадала с прогулкой младшей группы детского сада, она неслась, как безумная, им навстречу, разрезала их попарно выстроенные ряды и валилась на спину прямо в гуще детей. Два десятка нежнейших пальчиков чесали, мяли ее живот, а на лице собаки появлялось выражение счастливого блаженства. Воспиталки знали собаку давно и уже никак не реагировали.

Нескольким грачам, и Люсьену в том числе, предложили сняться в кино. В роли ворон. Они думали, что-то гламурное, ну, скажем, свадьба или пускай даже похороны, но дорогие. А оказалось, что надо просто сидеть на мусорном бачке с куском мяса во рту, еще и на общем плане. Человек, выдававший себя за режиссера, оказался проходимцем, ловцом птиц. После съемки он, не заплатив, всех отпустил за ненадобностью. Только Люсьен не улетел, потому что при переезде в тесной клетке повредил крыло. Теперь он на птичьих правах «жертвы кинематографа» живет в мастерской художника. Целый день вертится перед зеркалом – кормит свое отражение и критикует, критикует все, что художник забыл отвернуть лицом к стенке. Говоря на языке грубой прозы, этот матерый искусствовед готов обгадить любую работу, в любой технике, но, конечно, удобнее всего ему сидеть на скульптуре – такова анатомия этого существа. Иногда он и сам пробует творить. Пятую весну в период гнездования Люсьен пытается по-своему разложить

мусор на полу мастерской. Рвет бумагу на мелкие кусочки, колет щепки, разбивает клювом ненужные лазерные компакт-диски и бросает все это в свое ведро с питьевой водой. Что-то подобное я наблюдал на выступлении известного мастера перформанса, но и тогда, и сейчас я не понимаю мэссидж автора до конца.

История, рассказанная Витей Карповым, родным братом Олега Ястремского и другом Петра Кулаковского, ни к селу ни к городу: – У испанского консула жил-был кот. Ужасный гулена. Мог и на неделю куда-нибудь завеяться, – а мог и три где-то шататься. Испанский консул его очень любил и томился в его отсутствие. И вот однажды в такой период кошачьего загула консула переводят в другую страну, неожиданно и срочно. Что делать? Консул человек государственный, подневольный. Горюй не горюй, а ехать надо. Не дождался, не попрощался с любимцем и уехал. Прислали другого. Тот обустроился, пообвыкся. Живет-поживает, проходит неделя, другая, и вдруг является сильно похудевший кот. Грязный. Орет, требует внимания и пищи, ведет себя как дома, а новый консул в полном удивлении и ничего не понимает. Всё.

Собака Циля была вдова. Ее муж Нюма работал сторожем в столярной мастерской киностудии, а она была при фотоцехе. Не фотомоделью, а так просто ходила, как пришитая, за начальницей. Собака-компаньон это называется, но без участия в прибылях, разумеется. На киностудии сменялись директора (читай Салтыкова-Щедрина, «История одного города») – один за другим. Закрывались производственные цеха, увольнялись их начальники, уже перестали снимать кино, и только инженер по технике безопасности оставался прежним. И они полюбили друг друга. Циля и этот серьезный, совершенно лишенный чувства юмора человек. Она теперь сопровождала его на все более редко случавшийся инструктаж. Помещения отдавали в аренду сапожникам, ювелирам, любителям индийских танцев. Погибла она по-дурацки, по вине хозяина, который запер ее в своем кабинете на четвертом этаже, намазав какой-то мазью, а в это время на киностудии вспыхнул пожар. Новых арендаторов, налоговую инспекцию, поджег «закошмаренный» ими человек. Поджег и себя

тоже в знак протеста против «беспредела». Погибло восемь человек и ни в чем не повинная собака. Она задохнулась, угорела, потому что не могла выскочить наружу. А налоговики погибли потому, что нарушили технику безопасности: забили наглухо пожарный черный ход.

У старого Кирилюка было четыре собаки. Летом по вечерам он водил их к реке. Но запомнились только две из них. Кирилюк бросал в воду, подальше, рукавицу, набитую тряпками, и требовал от маленькой старой болонки Чапика принести «апорт». Чапик плакал, говорил, что не умеет плавать, а безжалостный Кирилюк каждый раз одинаково беспощадно бросал собаку в воду. Конечно, она плыла – ведь все собаки умеют плавать, но не за рукавицей, уносимой течением, а назад к берегу. А в это самое время перед хозяином вертелась, заглядывая в глаза, большая дворняга Дружок. Дружок получал разрешение плыть только тогда, когда рукавица приближалась к опасной быстрине мелководья под мостом. И этот заплыв превращался в настоящий волнующий «саспенс».

Вечером Вова П. принес на съемную квартиру картонную коробку и положил под кровать – чтоб не очень бросалась в глаза. В коробке из-под фотобумаги «Бром портрет» стопка тончайшей папиросной бумаги. На бумаге машинописная копия книги А. Солженицына «В круге первом», так называемый «самиздат». А сейчас, утром, когда Вова собирается на занятия, коробка открыта, а часть страниц скатана в шарики, и на них расположилась рожать хозяйская кошка. Она очень довольна своей выдумкой. А Вова нет. Перепечатка чужая, дана с большими предосторожностями и неохотой. Слезно выпрошенная. Получается, что кошка хорошая мать, а Вова – человек, которому нельзя доверить КНИГУ! Кошка действительно очень хорошая мать, а Вова – хороший реставратор. Листы он прогладил утюгом и наклеил на новую бумагу. Александр Солженицын – великий русский писатель. Сейчас его книгу можно купить в любом книжном магазине и поставить дома на самом видном месте.

На улице Островидова, в 35 номере во дворе налево и по лестнице на самый верх, в мансарде, фактически чердаке, в нежилом помещении жили художники и писатели. Почти всю мебель они выбросили из-за клопов. У писателя Попова сохранился свой меблированный уголок. Он так и назывался: «Уголок писателя Попова» – и состоял из глубокого кресла (часто в нем любил мечтать приходящий поэт) и круглого стола. Другой писатель – Билли Бомс (действительно одноглазый), жил на кухне и тоже был собственником мебели, а именно – шкафа, который он переделал в кровать. Билли Бомс был автором всего одной фразы: «Двое лежали на песке и жарились». Дальше дело у него не пошло, застопорилось. Но история совсем о другом. Она о том, как неожиданно и спонтанно был изобретен новый вид единоборств. Писатель Попов повздорил с художником Подгорным и бросил ему на голову кошачьего подростка по имени Фагот (дань моде на Булгакова). Чтобы не упасть, котенок вцепился в высокий лоб художника, а когда писатель потянул его обратно, оставил на лице того красивые параллельные царапины. Единственное, что хочется добавить, это тот факт, что оба – и писатель, и художник – владели приемами карате, тоже модного увлечения, но ни тот, ни другой и не подумали воспользоваться этими навыками.

За вечнозеленым самшитовым кустом уединился крупный щенок с большим куском хлеба. Порядок кормления в стае таков, что если ты не пахан, – на мясное можно не рассчитывать. Не совсем уединился, потому что рядом вертится ворона в надежде на остатки. Щенок очень голодный, жадно глотает и на ворону не обращает внимания. Она подошла сзади и дернула его за хвост. Щенок поднял голову, оглянулся и, очевидно, уже тертый калач, не сдвинулся с места, только выдернул из клюва нахалки свой хвост. Ворона забежала спереди и попробовала схватить хлеб из-под носа – щенок зарычал. Ворона отпрыгнула и начала прохаживаться у него возле морды туда-сюда, провоцируя на прыжок с расчетом увернуться в последнюю секунду. Щенок косил глазом, но от хлеба – ни на шаг. Она снова принялась теребить его хвост, полагаясь, совершенно очевидно, на свое преимущество в скорости передвижения в 3D-пространстве. Бесполезно. А кусок хлеба стремительно уменьшался. Ворона то таскала щенка за хвост, то нарочно неожиданно выскакивала спереди до тех пор, пока он не наелся. А насытившись, он расслабился и обмяк. Стал расхлябанным и добродушным собачьим разгильдяем. Вороне все-таки кое-что досталось. Так, какие-то крошки в траве. Несколько прохожих снимали происшествие мобильными телефонами, но как фотограф я знаю – всякая съемка раздваивает внимание и лишает удовольствия бескорыстного созерцания.

За городом в степи среди распаханного поля торчит небоскреб недостроенного элеватора, а рядом – двухэтажная контора. Я пытаюсь различить буквы на ее фасаде. Две недели я писал тридцатипятиметровой длины лозунг на тему типа: «Решения такого-то съезда в жизнь». Намучился в тесноте «красного уголка», ужасался огромности монументального замысла парторга стройки – и вот, когда изделие повесили, оно совсем потерялось – с большого расстояния и не рассмотришь. По черному полю метет мелкий снег. Холодный ветер загоняет его во все впадины и ямки. И краем глаза я вижу, как совсем рядом с дорогой в земле что-то шевелится. Собака черно-белой, по этой погоде совсем маскировочной масти подняла голову и смотрит на одинокого прохожего. Бугорок рядом с ней тоже оказался собакой этой масти. И когда я при-

смотрелся – по спине вдоль хребта прошел холодок: их было полсотни, и они все провожали меня внимательным взглядом. Как бы вы не любили собак, вид стаи голодных животных за городом, когда рядом на километры ни души…

Сейчас, когда снято огромное количество уникального профессионального и домашнего видео с животными, вид обезьяны, ласкающей кошку, не может вызывать особого удивления. Но лет тридцать назад, когда в одесском зоопарке строгого режима я увидел такую картину – причем обезьяна, как водится, мотает пожизненный срок, а кошка приходящая и в любой момент может свалить на все четыре стороны через достаточно просторную для нее решетку, – я был очень тронут картиной нежной привязанности.

В детстве я, нормальный среднеарифметический мальчик, читал Майн Рида, Купера и Жюль Верна. Я часто воображал себя скачущим верхом на лошади, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но сесть на лошадь верхом удалось только в почти сорокалетнем возрасте. Я проехал один круг вокруг конюшни, за ним другой и услышал свой внутренний голос: – Зачем ты, старый дурак, взобрался на спину животного? Какого рожна тебе от нее надо? Чем она перед тобой провинилась, что ты ее понукаешь? Я тихо слез на землю и извинился перед лошадью.

Нужно ли смотреть домашнее видео с животными? Несомненно. А стоит ли заниматься съемкой? Не думаю.

Свадебный генерал – чау-чау на свадьбе бродячих собак. Грязный и замыкающий процессию.

Рисунки автора

Александр Дорошенко

Барабанщик

Это девушка с дома Вагнера, что по Екатерининской между Дерибасовской и Ланжероновской улицами. Там непрерывный поток людей идет мимо нее, и никто не поднимает глаз, и ее не видит. Разве такая – она не чудо, разве можно ее не заметить?!

«Исполнятся
поставленные сроки –
Мы отлетим
беспечною гурьбой
Туда, где счастья трудного
уроки
Окажутся
младенческой игрой.

Мы пролетим
сквозь бездны и созвездья
В обещанный
божественный приют
Принять за все
достойное возмездье –
За нашу горечь,
мужество и блуд.

Но знаю я:
не хватит сил у сердца,
Уже не помнящего
ни о чем,

Понять, что будет и без нас вертеться
Земной – убогий – драгоценный ком.

Там, в холодке сладчайшего эфира,
Следя за глыбой, тонущей вдали,
Мы обожжемся памятью о сиром,
Тяжеловесном счастии земли.

Мы вдруг поймем: сияющего неба,
Пустыни серебристо-голубой
Дороже нам кусок земного хлеба
И пыль земли, невзрачной и рябой.

И благородство гордого пейзажа –
Пространств и звезд, горящих, как заря,
Нам не заменит яблони, ни – даже! –
Кривого городского фонаря.

И мы попросим радостно и страстно
О древней сладостной животной мгле,
О новой жизни, бедной и прекрасной,
На милой, на мучительной земле.

Мне думается: позови нас Боже
За семь небес, в простор блаженный свой,
Мы даже там – прости – вздохнем, быть может,
По той тщете, что мы зовем землей».

Довид Кнут

На милой, на мучительной земле

«Шел с улыбкой белозубой
Барабанщик молодой…

Пляшут кони,
Льются трубы
Светлой медною водой

В такт коням,
Вздувая вены,
Трубачи гремят кадриль,
И ложатся хлопья пены
На порхающую пыль».*

Валерий Петрович Терпсихоров, будучи мертвецом, лежал в гробу, приготовленный для прощания. Лежал он вымытым и побритым, на спине, в той именно позе, которую так не любил при жизни, со сложенными на животе руками. Его голова немного откинулась назад, потому что подушка была маловата, и это было неудобно. Валера видеть не мог, но чувствовал, что нос, и так всегда удлиняющийся у мертвых, торчащий впереди всего тела, нос его, не малый при жизни, теперь в основном и представлял его пришедшим прощаться. Со стороны это было как ворона, или галка, закоченевшая на спине, в строгом и важном молчании лежащая на тротуарном асфальте.

Валера вспомнил, что так выглядел и рождественский гусь, ощипанный, вымытый, наполненный специями и яблоками, положенный на громадное дедушки-бабушкино блюдо и торжественно установленный в самом центре праздничного стола. Мы знаем будни, а все остальные дни, кроме них, называем праздничными. Этот Валерин день был последним его праздничным днем.

Гроб был вовсе не дубовый, как хотелось Валере, а из какого-то более дешевого дерева, доски еще не просохли, и дерево было влажным. Оно хранило запах дерева и лака, которым покрыли для красоты гроб. Он все же был не из дешевых, полированный, с бронзовыми ручками, с двумя крышками, прозрачной внутренней и глухой, верхней. Сейчас верхняя была откинута, и Валера лежал под стеклом, как Ленин в мавзолее. Он мальчиком Ленина в гробу видел, отец взял его в Москву, и они пошли, как водится, в мавзолей. Как жук в гербарии, или как там это называется, где жуков, наколотых на булавки, помещают в рамку под стекло.

Катюша решила сэкономить на гробе, он этого и ожидал. Он, правда, оставил ей достаточно денег, бедствовать она не будет, но характер и расчетливость брали свое. И подружки ее вполне это пой-

* Иосиф Уткин. Барабанщик.

мут, и так станут говорить – мол, внешне прилично, а ему там это ни к чему. Ну ладно, вмешаться он уже не может, сойдет и так. В гробу было мягко и уютно, он был широк и не давило плечи, как обычно приходится лежать мертвецам. Лежать, как околевшему таракану на спине, со сложенными лапками… Нет, лежать Валере было удобно.

Он видел, – когда все это закончится, включая и непременное застолье, – следующим же вечером соберутся Катюшины подружки проведать вдову (вот такие слова, подумал Валера, и определяют наше реальное положение в мире, – вдова, невеста, муж…) и устроят они посиделки под водочку и огурчик, и кроме, что бог послал, как будут говорить о нем, утешая Катюшу, что все она сделала правильно, как прошли похороны, и гроб, и что все было как у людей, достойно. Что женщина она еще, пусть и не совсем молодая, но жить надо и есть для кого…

Это все земное и подлое, – думал Валера, – потому что оставшиеся – враги мертвого. Так правильно, но очень больно. Они должны откупиться, и не от него, чего там ему нужно, но ото всех прочих, от их глаз, от слов. Нужен памятник, будут говорить подружки, нет, не роскошный, конечно, и деньги не те остались, и вообще мещанство, но достойный. Чтобы заткнули свои рты, – так сформулировал эту мысль Валера. Чтобы не чесали языками.

И уже погодя, когда основательно выпьют с горя, одна из подружек невзначай и вскользь намекнет, что все может быть, что вокруг люди, что еще предстоит жить и жить, что трудно быть одинокой, и всегда найдется кто-нибудь, чтобы скрасить горе. Конечно, не сейчас, когда так остра боль утраты, но попозже…

А Катюша замашет руками, горестно, что, мол, какая ерунда, что прошла без остатка жизнь, что теперь – доживать. Но следующая рюмка, со слезой, оттертой в уголке глаза, покажется вкуснее и с привкусом каким-то новым – от живой жизни. Это все было так понятно, и Валера не обижался.

И на костюме Катюша сэкономила, тот новый, купленный недавно, итальянский, она на него не надела, но и этот был всего несколько лет назад куплен. Он и надевал-то его пару раз, потому что невзлюбил, так бывает с вещами. Одно по душе, а другое не любишь, и все. Катя знала об этой его неприязни к костюму, но в нем положила. И на галстуке тоже – галстук, что ему повяза-

ли, был из недорогих, а Валера любил шелковые галстуки, и было у него их с десяток, но вдова решила и здесь упростить дело. Что она станет делать с его шмотками? Подарит, наверное, племянникам или на дни рождения знакомым. Да, конечно, на дни рождения, ей это обеспечит подарки на ближайших десять мужских праздников, галстуки эти никак не устареют, а носил он их немного, и они выглядят как новые. Эта мысль Валеру развлекла, что друзья получат в подарок галстуки от мертвеца. Некоторых, если бы мог дотянуться, он своим галстуком удушил бы!

Что еще было плохо, это платочек в кармашке пиджака. Он был от другого галстука, и еще сам Валера его в кармашек и всунул. Можно было бы посмотреть и заменить или просто вынуть. Женщина, как правило, спотыкается на мелочах. Валера это понял еще совсем молодым, когда так остро чувствовал мир и его оттенки. Все правильно делает женщина, как обнимает и как говорит ласковые слова, но вот, устав играть по правилам, чувствуя, что все получилось отлично, она отпускает себя и становится сама собою, и тогда в мелочи, в жесте, в неловком случайном слове все рушится. Женщина этого понять не может, и объяснить это ей невозможно, но рушится сразу и все. Тогда приходишь в себя и тихо себе говоришь – жизнь! – такова жизнь! С этим надо мириться.

Да, конечно, приходит понимание сути этой жизни или того, что мы так, за незнанием слов, называем, и тогда рождается чувство жалости к женщине, к убогости нашей жизни, понимание ее скудной структуры. Мужчина становится лучше и сильнее в такие моменты.

Было понятно, в чем он лежит, но непонятно, где. Гроб стоял в большом помещении, даже в очень большом, – трудно было рассмотреть из-за высоких стенок гроба, но Валера видел потолок и теперь начинал припоминать, где, в каком помещении есть такой потолок. Было похоже на вестибюль Новороссийского университета, а это означало высокую честь. Вот уже лет двадцать или больше так никого не хоронили. Валера помнил еще студентом, что так принято было хоронить профессуру университета, торжественно выставив гроб в громадном аванзале, в его центре, перед парадной лестницей, к ней головой.

Плохо было то, что вокруг гроба было множество веников, так Валера называл прощальные венки. И даже на нем, прямо на теле, до самой груди лежала груда цветов. Эти цветы, прощальные, непременно с четным числом цветков, розочек или гвоздик, имели погребальный привкус и запах. Черт его знает, наверное, сразу, в момент, когда цветочная торговка получает такой заказ от человека с постным в меру лицом (со сдержанной скорбью, как это у них называется, с выражением, с которым они все и придут сейчас с ним прощаться), цветы сразу меняют запах. А могли бы смеяться и звенеть колокольчиками, будучи отобраны на юбилей или день рождения.

Запах цветов, и вообще цвет и запах видимого мира – они зависят от нас, от нашего восприятия, – думал Валера, – и хорошо бы написать об этом, но теперь уже поздно.

Пока что зал был громаден и пуст. Никого не было. Наверное, его, Валеру, только что внесли в этот зал, установили в центре, забросали вениками…

«Разобрали венки на веники,
На полчасика погрустнели…»

Правильно писал Галич, – на предстоящие полчасика. Валера лежал в тишине и в полумраке огромного зала и знал, что пока не началось глумление, это будет последнее лучшее время его земной жизни… Он начал тихо декламировать стих, – в пустой и гулкой тишине звук набирал силу, был низкого глухого тона и звучал торжественно…

«Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея».*

Как заупокойную молитву читаю, подумал Валера. Сам по себе. Но как удивительно звучат эти слова, не вникая в их смысл, в странность сочетания несочетаемых слов и понятий, не вдумываясь, но чувствуя, что истина здесь, в этом звуковом сочетании,

* Осип Мандельштам. Декабрист. 1917.

что понимание мира лежит вдалеке от логических наших построений, лежит и ждет, но когда приходит, – приходит поздно!

Конечно, хоть время и изменилось, и Бога признали вновь, но не принято звать священника к мертвому, и они не позовут. А ведь дело совсем не в словах молитвы, понял Валера. Дело в голосе с печалью об ушедшем, пусть и многократно уже отзвучавшей по многим другим, – в голосе, звучащем в пустоте зала.

Он лежал и читал любимые стихи, лучшее, что знал на земле.

«И ночью снилась небылица,
Далекий вальс и чьи-то лица,
И нежность чьих-то глаз,
И ненаписанные стансы,
И трижды взятые авансы
Под стансы и рассказ.
И море снилось, но другое,
Далекое и голубое,
И милый Коктебель…»*

Ах, это слово, имя это прелестное – Коктебель – оно, как сердце, – вот произнес, и сразу так многое возникло – в повороте головы, в движении шага, в сжавшейся ладони, как будто античная монета легла на твою ладонь, и в ней сохранилось тепло ладони тысячелетия назад потерянного друга, – где бы он сейчас ни был…

– вечерняя тень кипариса, опрокинутая на береговой склон и коснувшаяся головой прибрежной прохладной волны, весь день стояла жара, ветер где-то спал, наверное, в пустыне Сахара, где хорошо и покойно спится ветру, дышать было нечем, а волна, она так нежна и прохладна,

– серпантин дороги, падающей к морю, в лунном отблеске серебра, среди ночных холмов, – они тоже сейчас засыпают, и равномерное чистое их дыхание сливается с морем,

– ночная прохлада на песке у береговой кромки,

– бегущие наискось волны в гребешках пены, как ожившие лошади в серебряных гривах на русских лубочных картинках,

* Дон-Аминадо.

– счастье жить на земле, и еще вера, что ты не одинок в своих бедах, – таких страшных, таких давних, таких выдуманных…

Он вспомнил свой Коктебель… Ему тогда было тридцать лет, и в самый разгар лета он уехал в Крым. Даже не к морю, у нас ведь здесь свое море, но чтобы отдохнуть от людей. Был тяжелый год, и он устал. В Коктебеле две недели подряд, эти лучшие две недели всей его жизни, непрерывно шел дождь. Яростный дождь, с перерывами на дождь просто, он хлестал береговые склоны и гнал упругие волны на берега, руша и осыпая дамбы…

Они так ни разу тогда не увидели солнца. Почему же всегда, много лет, и всегда, когда он вспоминал Марину, ему виделось, слышалось, чудилось солнце? Водопадом оно обрушивалось на них, дождем света и ласкового тепла…

Наш голос создан для стихов, думал Валера, и для псалмов, для речи, в которой нет содержания нашей обыденной жизни, нет всякой дури.

Но лучшая речь, – вне слов, лучшая – когда уходят последние слова, и остается ритм и мелодия, когда остается истинная сила речи! Как поздно приходит понимание, – думал Валера, – как дорого оно нам обходится!

Даже и лекцию можно было бы прочесть вслух, хорошую лекцию, какую читаешь на первых курсах еще мальчишкам и девчонкам, о термодинамике или математических началах, о чем-то выработанном любовью мысли и не ограниченном рамками убогой пользы, и тогда голос в пустоте большой аудитории звучит торжественно и объемно… Как тронная речь… И лица ребят светятся в мягкой темноте аудитории…

Он себя называл барабанщиком. Это было от стихотворения Иосифа, которое он случайно прочел мальчишкой, он даже вспомнил, где и когда, – в библиотечном зале на Пастера. В громадном, светлом, торжественном. Он провел в нем много молодых лет – лучших. И часто потом вспоминал, даже думал зайти, посмотреть и вспомнить. Не собрался!

Он тогда не читал вообще стихов, он читал научные монографии, и стол его был ими заставлен, десятком и больше, с закладками и пометками на полях. А на соседнем столике лежала книга со стихами Иосифа Уткина. Послевоенного еще издания в бумажном

пожелтевшем от времени переплете. Он улыбнулся такому странному сочетанию имен, в одном из них был Египет и пыль Ханаанских дорог, а во втором плыли по реке утки и говорили между собою об этой реке, о камышах, о чистом и ясном утреннем небе.

Он протянул руку, – куда-то отлучился хозяин столика, – и раскрыл книгу, прямо на Барабанщике. Строчки были просты и наивны, смысл их был, как детская песенка, в них вроде бы не было никакого смысла, но странность произошла в громадной пустоте библиотечного многоколонного зала, – он увидел пляшущих в нетерпении коней и еще увидел, как далеко позади них оседает потревоженная копытами пыль…

А на что такое ты потратил все свое время – на эти диссертации, что ли? На суету учебных процессов и конференций. Дельным была Москва, друзья, ночная Москва и стол, накрытый к празднику, или так, без причины, и потом ночные московские улицы в сугробах снега… в ливнях дождя… в ласковом и уже теплом весеннем солнце.

Валера хотел повернуться на бок, но опомнился. А неплохо бы, придут эти скорбеть, с вениками, скорбеть о себе и шептаться исподтишка, а дорогой покойничек (это, видимо, в смысле затрат такая вышла формулировка, да и то правда – дороговато стоит сегодня похоронить человека) лежит себе на боку, мечтательно подперев рукой подбородок!

В зале теперь царил приглушенный звук множества голосов. Это вошли и продолжали входить опоздавшие. Они подходили достойно, со сдержанной скорбью, и укладывали цветы на Валеру – на ноги и грудь. Как к памятнику неизвестному солдату, когда тебя снимают киношники, и не в солдате дело. Некоторые наклонялись и клали руку на боковую стенку гроба, как бы прикасаясь к телу. Что ж, думал Валера, я и сам не любил прикасаться к покойникам. Он стал различать голоса и узнавать пришедших. В основном, это были сотрудники по университету. Сверстников осталось немного, они собрались группой, выходя попарно, по очереди, стоять в почетном карауле.

Стали произносить речи о том, какой Валера замечательный был человек – ученый – друг, – и вообще, какая это была светлая личность. Валера лежал и улыбался. Он слушал разговоры в тол-

пе пришедших. Люди собрались в небольшие группы по возрасту, по работе общей, по дружбе. Вновь пришедший достойно со сдержанной печалью шел ко гробу, затем пятился к такой группе знакомых и, скорбно пожав всем руки (некоторые отказывались, был такой обычай, чтобы рук на похоронах не пожимать), включался в шедшую уже беседу. Говорили, конечно, не о Валере, а о том, как и кто выглядит из пришедших, потому что с похорон предыдущих люди не виделись. Обсуждали новости, что случилось за прошедшее время. Смотрели по сторонам, на входящих в зал, кивали или пожимали руки. Переходили из группы в группу. Зал был наполнен звуком приглушенных голосов. Речи никто не слушал. Шла тусовка с привкусом скорби. Все как у всех, подумал Валера, я ведь так же себя вел на чужих похоронах.

Впервые Валера лежал прилюдно среди толпы людей, и ему было неловко. В давнишние времена, когда в стране были трудности с гостиницами, и застряв где-нибудь в аэропорту, надо было прилюдно скоротать ночь, Валера не позволял себе спать на людях. В таком поступке, он это знал, было нарушение личной интимности, опасное, грозящее последствиями. Ну, теперь последствий можно не опасаться, подумал Валера, можно вот так полежать, прикрыв веки, притворясь спящим.

Он узнал женский голос и на нем сосредоточился. Нечего там стоять и всхлипывать, подумал Валера, могла бы прилечь рядом напоследок. Некоторое время он представлял себе, как это здесь получится, но потом отогнал эту суетную мысль. Такие желания были явно не к месту, но улыбка тронула его губы.

Он расслышал женские знакомые голоса с похвалой в свой адрес, что, мол, лежит, как живой. Что даже улыбается. И вспомнил, как кто-то из мемуаристов написал о Блоке, что был тот в гробу нехорош, как бы упрекая Блока в недостойном поступке. Мужчины говорили о грядущих перемещениях и гадали, кто будет заведовать кафедрой, или пригласят варяга…

Гроб подняли и понесли. Валера считал знакомые ступеньки, его наклонили в гробу, и он вспомнил, – покойника несут ногами вперед. Как бы сам иду к могиле, подумал Валера. Своими ногами.

Теперь он видел боковую стену университета желтого казенного цвета, любимого всеми империями в этой стране. Видел

фронтон холодильного института с фигурами каких-то рыбаков и колхозниц. Так и не успел их рассмотреть, подумал Валера. Молоденькие листики деревьев, только что вышедшие из веточек, уже весело щебетали свои детские песенки на весеннем ветру… Валера с удовольствием ощутил капельки мелкого дождя на губах.

В этот момент завхоз университетский подскочил к несущим гроб и трагическим шепотом приказал немедленно закрыть крышку гроба. Козел, с чувством подумал Валера. Был козлом – и это навсегда. Он перестал что-либо видеть, только чувствовал покачивание гроба, когда несли, потом противный скользящий звук трения о салазки, когда гроб устанавливали на дне катафалка, и вновь покачивание и подпрыгивание гроба на ухабах, через которые шла машина.

«Били копыта.
Пели будто:
– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб». *

Он ехал и видел любимые улицы, где прошла жизнь. Вот свернули на Пастера, а теперь едем по Преображенской. На Тираспольской площади сделали круг почета, и Валера вдруг вспомнил множество лет назад прочитанное и так давно позабытое – этой площадью въехал в Город Пушкин, по Тираспольскому тракту, из Молдавии. Здесь тогда был сад, в центре площади за невысокой решеткой, и кусочек дуги, думал Валера, от Тираспольской улицы до Преображенской, мы прошли колесо в колесо.

Некоторое время он вспоминал невысокого человека, курчавого и смуглого, с нерусской внешностью белого арапа, который стал нам родиной больше, чем все необозримые ее пространства, войны и города. Чем вся эта мишура и смешная чушь, которыми нас пичкали с детства, и вот в самом последнем счете, как итог, все, что осталось в душе, – его чеканный упругий стих!

Нет, весь я не умру…

* Владимир Маяковский. 1918.

Конечно, нет, думал Валера. Теперь мысль его текла в спокойных берегах, проведенных этим русским африканцем, – нет, не умру, – но останусь, и это необязательно в книгах и формулах, – но в людях, которых любил, и которые любили меня. В камнях этой мостовой, в стенах домов, в ступеньках подвальчика, который сейчас проезжаем, где недорогое вино нашей молодости было таким вкусным, как никогда потом уже не было. Валера вспомнил себя студентом, с ребятами, как они весело спускались в подвальчик по этим самым ступенькам, к прохладным бочкам вина, дешевого, на разлив. А в университете шли лекции. Хорошо, что я тогда их пропустил, решил Валера. А это все, книжную эту мудрость, я потом прочел сам и сам понял. Так было полезнее учиться, но не в книгах дело, пусть самых лучших, – дело в этом вине, в вине моей молодости.

Машина шла по Преображенской до Привоза, и Валера вспомнил себя мальчишкой, как с этой стороны Привоза, у Рыбного корпуса, он покупал свежих рачков по дороге на Ланжерон и Отраду. Можно было двадцать восьмым трамваем доехать до парка и там сбежать вниз по крутому откосу, а на берегу уже ждали ребята с удочками. Они успели, пока он мотался на Привоз, стащить лодку к воде, и весла уже были в уключинах. Валера вспомнил, как по утрам было холодно от морской воды, и как они замерзали, пока солнышко не поднималось над морем. А потом наступала жара, но к этому времени уже со связками свежих бычков, накупавшись, они торопились к четвертому трамваю, чтобы пораньше быть дома, на Молдаванке, и порадовать уловом родителей. Валера вспомнил вкус жареного бычка – бабушка ему давала первого, а к бычку всегда был огурец или свежая, красная от возмущения помидора. И большой ломоть хлеба. Валера даже хотел облизнуть вкус бычка с губ, но вовремя вспомнил, что это ему и здесь – неуместно делать.

Проехали зоопарк и свернули на Люстдорфскую дорогу. Жаль, отозвалось сердце, мало осталось ехать! Вот повернули и притормозили у центральных кладбищенских ворот. Ждали, пока откроют, а потом проехали широкой аллеей, обогнули церковь и долго ехали по продольной аллее.

Небо Валера увидел уже с могильного холмика, куда его поставили для прощанья и вновь открыли лицезреть и убивать-

ся в скорби. Он лежал неудобно, потому что гроб от неровностей земляного холмика наклонился на правую сторону. Как корабль перед крушением, подумал Валера, как «Титаник» в известном фильме. Все спрыгнувшие с корабля уцелеют, все оставшиеся на борту – нет!

Вновь начались речи, но Валера отключил звук. Он смотрел вокруг себя, как это и где это будет. Место над ним. Последнее. Он увидел деревце и понял, что оно будет жить у него в изголовье, тоненькое с худеньким стволом, искривленным, потому что ему пришлось выбираться из-за громадного памятника, перекрывшего солнце… Лет через десять оно вырастет и раскинет надо мною крону, обрадовался Валера. Названия деревцу он не знал, но оно ему понравилось.

И ласково тронув рукой молодую шершавость ствола, он прошептал любимые слова:

«Барабанщик,
Где же кудри?
Где же песня и кадриль?

К Эрзеруму
Скачут курды,
Пляшут кони,
Дышит пыль…»*

Он еще тогда, мальчишкой, запомнил эти строчки. И почувствовал, что будет день, он их произнесет по себе. Хорошо бы написать эти слова на моем камне, решил Валера, только эти слова, и ничего к ним не добавлять – даже имени. Наше имя случайность. Но чтобы человек, случайный прохожий, идущий кладбищенской тропой, остановился прочесть эти строки и увидел, как за поворотом тропинки вдоль центральной аллеи проскачут к Эрзеруму курды, торопясь и боясь не успеть. Чтобы услышал бешеный перестук конских копыт и увидел пыль, взволнованную, как тень отшумевшей жизни, промчавшейся к Эрзеруму… Чтобы так и стоял у моей могилы, пока не затихнет звук копыт и не уля-

* Иосиф Уткин. Барабанщик.

жется успокоенная пыль. И тогда я тоже, понял Валера, услышу прошумевший над землей конский топот.

Внезапно крышку гроба захлопнули. Это как с музыкальным инструментом, подумал Валера, со скрипкой, на которой играл музыкант, стояла вокруг публика, слушала игру и вытирала слезы, так красиво они пели, инструмент и скрипач, а теперь, окончив игру, положили в футляр обоих.

Он знал, что еще может услышать звук падающей земли из рук прощающихся и потом грохот тяжелых и влажных земляных комьев с лопат специалистов похоронного дела, но не захотел ничего больше слышать. Он закрыл глаза и заснул.

Спи, дорогой!

«…потому что для всякой вещи есть свое время и устав, а человеку великое зло оттого, что он не знает, что будет, и как это будет – кто скажет ему?»
Книга Екклесиаста, или Проповедника. 8.6,7

«дождь ли град
сэм круглый год
делал все что мог
пока не лег в гроб

сэм был человек

крепкий как мост
дюжий как медведь
юркий как мышь
такой же как ты

(солнце ли, снег)

ушел в куда что
как все короли

ты читаешь о
а над ним вдали

стонет козодой;

он был широк сердцем
ведь мир не так прост
и дьяволу есть место
и ангелам есть

вот именно, сэр

что будет лучше
что будет хуже
никто сказать не может
не может не может

(никто не знает, нет)

сэм был человек
смеялся во весь рот
и вкалывал как черт
пока не лег в гроб

спи, дорогой»*

* Эдвард Эстлин Каммингс.

Александр Мардань

Прогулка

Хромые хромают, только когда ходят.
Из разговора в больнице

Когда вас в последний раз просили погулять? Не отпускали, а просили… Родители, когда хотели остаться на пару часов одни. Учительница, перед тем как объявить результаты контрольной. Фотограф, делавший снимки для визы. А еще? Еще вас просили погулять после сдачи анализов.

Кто любит сдавать анализы? Одни сдавать больно, другие унизительно. А есть такие, что больно и унизительно одновременно. А ждать результатов? Ну, тех, в которых цифры, еще туда-сюда… Холестерол повышен, гемоглобин понижен – будем исправлять. А когда результат «плюс-минус» или еще жестче – «да-нет»? Новорусская рулетка с двустволкой вместо револьвера… Любите такого результата ждать? Дуэль с десяти шагов. Стендаль советовал дуэлянтам листья на деревьях считать, пока пистолеты заряжают… а мне чем заняться?..

Зимой листьев на деревьях нет. Хвойные растения только в парке, а иголки считать – зряшное предприятие, если дальнозоркостью не страдаете…

Может, зайти в кафе и выпить грамм двести… Во-первых, потеплеет, во-вторых, не так страшно. Про «наркомовские» сто грамм спирта слыхали? Думаете, это был аперитив перед фронтовым обедом? Скорее, перед свиданием… Со смертью. Ладно, не все так грустно. Теперь всё лечат. Мы же люди разумные, венец эволюции, страдаем всего семьюдесятью тысячами заболеваний. Главное, чтобы не всеми сразу.

Тогда пойду в кино. Ждать сеанса не нужно. Купил билет – и заходи. Правда, перед следующим, если хочешь узнать, с чего все началось, придется выйти и купить еще раз. Да и билеты стоят дороже, чем в театр. В нашей молодости было наоборот. А как кинотеатры боролись за тридцатикопеечного зрителя… Лучше всего в стране, где не было секса, завлекала надпись «только для взрослых». Художники с завидным упорством выводили ее на афишах индийских фильмов, которые в городах особым спросом не пользовались, в отличие от сельской местности, где на «Зиту и Гиту» приходило больше людей, чем на собрание колхоза.

А горожан заманивали обманом. Надо было план выполнять. И хотя все знали, что секса в индийском фильме нет по определению, все равно шли, а вдруг… Как раньше по десять раз ходили на фильм «Овод», а вдруг на этот раз побег удастся…

Ну, а если название «Мужчины в ее жизни» или «Запретные игры», то рука афишного художника игриво выводила «Детям до 16 лет строго запрещается». Хотя первый фильм, про леди Гамильтон и адмирала Нельсона, по нравственности мог соревноваться с киножурналом «Хроника дня», а второй – из раздела «Детское кино», про пятилетнюю французскую девочку, потерявшую своих родителей во время войны…

Обидно, когда врут, а спросить не с кого. Если солгал знакомый, – на него можно обидеться, если близкий, – развестись, а обманули в кинотеатре, – не ходишь туда пару недель, а потом снова идешь на пакистанскую эротику. Видиков не было, за рубеж ездили лучшие. Раз в три года. Каналов на телевидении было четыре! На трех показывали заседание 24-го съезда, а на четвертом мужик в костюме и галстуке строго предупреждал: «Я тебе пощелкаю!». И люди шли в кино, где кресла скрипели, пленка рвалась, звук пропадал… Летом там было душно, зимой холодно. И все равно – это был праздник. Пусть маленький, но твой. С ирисками, семечками, тающим мороженым. И никакой широкий формат со стереосистемой и попкорном не заменят первого поцелуя в последнем ряду.

Чтобы увидеть спину Мишель Мерсье или Элизабет Тейлор без бретелек, люди стояли за билетами дольше, чем при Горба-

чеве за водкой. Ну, а если на экране мелькало что-то ниже спины, то зрители сидели даже в будке киномеханика, а кавалеры ордена Славы трех степеней получали билет без очереди в тысячу человек…

А легенды, ходившие о том, что вырезали из картины!.. Какие только фантазии не посещали жителей sexless страны… Они могли украсить колонки писем-отзывов «Плейбоя». И все завидовали киномеханикам, которые это якобы вырезали. Потом стали догадываться, что режут в Москве, в специальной комиссии, которая строго следила за градусом эрекции советских граждан…

Вы обратили внимание, что после возвращения секса в страну уже не притягивают наш взгляд выбитые дощечки в раздевалках и разбитые окна в банях?

С насилием на экране было полегче, особенно если оно было революционным и справедливым. А поскольку справедливость уже была понятием классовым, то и служила интересам трудящихся, точнее, тех, кто в поте лица наблюдал, как трудящиеся трудятся. Снимали насилие без крупных планов. Социалистический натурализм, не путать с соцреализмом, был нам чужд.

А если честно, то было и хорошее кино. Таких фильмов было немного, но смотрели их все… И все обсуждали. А сейчас все смотрят разное, а обсуждают… Да мало ли что можно обсуждать. Погоду, например…

Так, пойду в кино. А в какое? Это раньше оно было на каждом углу, а сейчас на весь город – три зала. Пока доеду, уже уходить надо. Кино отменяется.

В театр? Несерьезно. Во-первых, днем они не работают. Во-вторых, туда и вечером не очень ходят… Правда, когда столичные артисты приезжают, то залы полны, хоть и дорого. И не потому, что ценители собираются, а потому, что театру его первоначальная функция возвращается, роль собрания. Не партийно-профсоюзного, а городского. В Греции город становился городом, когда в нем появлялся театр. И мест в нем было столько, сколько свободных жителей. Вначале, во всяком случае. Потом их не хватало… и мест, и свободных жителей. Интересно было, кто в чем пришел, кто с кем ушел. Раньше театраль-

ную публику именовали «обществом, за исключением черни и простого люда». А сейчас в рваных джинсах, туфлях на босу ногу, с мобилкой в руке. Как там у Горина? «Это хуже, чем народ, это лучшие люди города». Ползала сообщения отправляет, ползала смс-ки получает…

Анализы у меня дневные, вечернего спектакля не дождусь.

На стадион? Бутылки собирать? Так на пляже это делать интересней… Это я так шучу. Нечего зимой на стадионе делать, как, впрочем, и на пляже. Другое дело – летом. Тела, как и души, разные. Прекрасных намного меньше, чем ужасных. Не верите? Сходите на нудистский пляж. На одно красивое – десяток с неприглядностями. С душами дела обстоят не лучше. До недавнего времени душевный нудизм встречался редко, разве что в анонимках и жалобах, но их, кроме адресата и цензуры, никто не читал… В интернете душевную обнаженку можно встретить на каждом углу. Она так же неприглядна, как уродцы на пляжах. Одна польза – стены общественных туалетов стали чище.

А может, зайти в гостиницу? Вот где можно согреться… Раньше не впускали, строго спрашивали: «Вы к кому?». Сейчас заходишь и тоже ждешь, что спросят, ответ мысленно уже раз пять повторил, что я, мол, хочу кофе выпить. А тебя никто не спрашивает…

То есть поверить, что тебе и деньгам, которые ты здесь оставишь, рады, и что выгонять никто не собирается, – мы пока не готовы. И что можно на диванчике посидеть, и на вопрос «Хотите ли кофе?» не надо вскакивать, а достаточно с улыбкой сказать: «Спасибо, пока нет», – и углубиться в изучение прошлогодней газеты. Жаль, нет у меня с собой прошлогодней газеты. Погуляю еще…

Многие, когда гуляют, мечтают, а я вспоминаю. Мечтать лучше перед сном. Например, о том, как выиграете миллион и больше. К десятому уже уснете…

И стоит это недорого – цена лотерейного билета. Специалисты по теории вероятности врут, что шансы мизерные. Чушь. Шансы всегда пятьдесят на пятьдесят, как орел и решка, вне зависимости от числа игроков и напечатанных билетов. Почему? Потому что можно выиграть, а можно не выиграть… Засыпайте

и мечтайте, что выиграете. А гуляя, лучше не мечтать, тем более об этом… Можно попасть под автомобиль, не поздороваться со знакомым, можно на окружающих начать смотреть свысока, особенно после второго миллиона. Мечты на ночь, воспоминания в день…

Раньше на почту было хорошо зайти, на центральный телеграф, там, конечно, не так тихо и чисто, как в библиотеке. Там редко читают, чаще пишут, но точно теплее, чем на улице. Там ручки с чернильницами. Люди макают ручками в чернильницу, перья поскрипывают.

Когда вы последний раз телеграмму посылали? Не смс-ку, а именно телеграмму, когда вам слова в ней считали, включая адрес, по три копейки за штуку. Слово – три копейки, и газета – самая главная в стране, самая честная, которая так и называлась – «Правда», столько же стоила. Сколько в ней слов было – считать не пересчитать, а всего три копейки!

Был у нас в городе продавец газет, большой шутник, сидит в своем киоске на людном перекрестке и через мегафон ускоряет процесс продажи: «Правды» нет, «Советская Россия» продана, остался «Труд» по две копейки». И смешно, и не придерешься.

Писали на бланке коротко: меньше слов – дешевле телеграмма. Ненормативная лексика – исключалась. Командировочный, у которого закончились суточные, писал скупому бухгалтеру эзоповским языком: «Твою мать выселяют из гостиницы! Срочно переведи деньги».

Телеграмму в ЦК и лично Генеральному секретарю можно было отправить только при наличии паспорта, но это не останавливало граждан. Поэтому начальник телеграфа всегда был другом секретаря обкома, чтобы вовремя остановить клевету про сгоревший клуб, который строить не начинали.

А еще телеграммой вызывали на переговоры. Телефонные. Междугородние. За два-три дня. А теперь – мобилки. Звони двадцать четыре часа в сутки, пока денег хватит. Но слышать и понимать – слова разные. А еще мобилки поют, фотографируют, кино снимают, погоду предсказывают. Сделали они нашу жизнь лучше? Наверное, в той же мере, как и цветные телевизоры, – тогда, как сказал классик, видеть стали лучше, теперь слышать ста-

ли чаще. Вот куда можно зайти и погреться, это в магазин, где мобилками торгуют.

Нет, лучше зайду в другой, на часы полюбуюсь. Магазин дорогой, но одет я прилично. Интересная закономерность – чем дороже часы, тем хуже идут. Вот эти, например, с турбийоном, это такая штука, которая влияние гравитации на ход часов устраняет, плюс лунный календарь – очень нужная вещь, а главное – показывает всем, что есть у владельца таких часов лишних тридцать тысяч долларов, и всем он об этом сообщить рад.

Каждый хочет выглядеть значительным, а еще лучше – зна́чимым. И нет чтоб хвастаться, кому помог, скольких вылечил, накормил, сколько домов починил и ям заасфальтировал. Нет, говорит, у меня часов восемь штук, и все разное время показывают, а у меня четыре яхты: по одной на океан. А третий «Гольфстрим» купил. Пока не течение, а только самолет, и на сынишку жалуется: не любит мальчик, когда посторонние в самолете летают.

А может, так и надо? Потому что, если те, у которых самолеты, яхты, часы с турбийоном, вместо этого кормить и лечить нас примутся, мы же тогда вообще пальцем не пошевелим, мы тогда даже на выборы не пойдем. Кто же за них проголосует?

А за кого голосовать? За интеллигентов? Так интеллигенты в политике, как критики в искусстве: знают как, но не могут. Болит у них душа за судьбу народа, а он об этом и не догадывается…

Стою, смотрю в окно, напротив магазин «Оптика». Что больше всего отличает человека от животного? Очки. А интеллигентного человека от нормального? Снова очки. А что отличает богатого интеллигента от бедного? Правильно – оправа очков.

А кто они, интеллигенты? Придумал романист Петр Боборыкин это слово во второй половине XIX века, желая обозначить переживающих за судьбу крепостного крестьянства в России. А дальше мнения по поводу этого термина разошлись. Когда Владимир Набоков преподавал в Америке русскую литературу, ему сложно было найти адекватный перевод таких слов, как «пошлость», «хамство», «интеллигенция».

Я впервые зафиксировал свое внимание на этом термине, просматривая в детском возрасте фильм «Чапаев». Там белые

идут под бой барабанов в психическую атаку. А один из красных, перед тем как начать их методично расстреливать, произносит: «Красиво идут, интеллигенция». Из чего я понял, что слово это не хорошее, а глубоко враждебное. Когда воспроизвел его с услышанной в фильме презрительной интонацией, первый раз получил от мамы по губам. Уважение к интеллигенции сразу выросло.

Раздайте сотрудникам чистые листочки и попросите, не заглядывая друг к другу, написать два слова: «интеллект» и «интеллигент». Если число ошибок не превышает числа сотрудников, ситуация штатная, если превышает – приглашайте на работу интеллигентов.

Ладно, надо выходить на улицу.

Вообще, в небольшие магазины заходить неудобно, они всегда пустые. Я, например, живу напротив магазина «Ковры» уже год, но еще не видел, чтобы кто-то их оттуда выносил…

В маленьком магазине к вам сразу подходят, спрашивают: «Чем могу помочь?» – это понятно, продавцы тоже люди, им скучно, да и процент с продажи получают. Это раньше, когда все были равны, продавцу было важно показать, что он тебя главнее. Теперь мы не равны, потому что оказалось, что равенство – это идеал зависти (сам придумал). Мы равноправны, а дальше каждый зарабатывает, как умеет.

Неудобно перед продавцом в маленьком магазине, не скажешь ему, что меня, пятидесятилетнего мальчика, гулять послали, а на улице холодно. Можно я тут пока обувь померяю или колечки с камушками посмотрю? Знаешь, что ничего не купишь, а он не знает. Это как в споре. Бабушка говорила: спорят всегда дурак и подлец, один из них знает, как правильно, – он подлец, а другой не знает – он дурак. Я с бабушкой не соглашался, доказывал ей, что в споре рождается истина. Выходит, у истины родители – дурак и подлец? Какая же тогда у правды наследственность?

Да, так вот о продавце – неудобно перед ним. Другое дело – гулять по супермаркету. Взял тележку, облокотился на нее – и катайся по магазину, рассматривай, читай аннотации, если очки при тебе, хотя некоторые только под микроскопом раскрывают

тайну содержимого. Ходишь и удивляешься двум вещам: где все это было раньше и кто это купит теперь.

Видел недавно передачу, журналист олигарху выговаривает, мол, мы не для того на баррикадах стояли, чтобы вы с тридцатью девками в Куршавель катались, а тот спокойно отвечает: «Я с девками даже в кино не хожу, у меня ориентация другая. А на баррикадах вы стояли для того, чтобы на прилавке тридцать сортов сыра лежало». Вот и разбери, кто из них прав.

А еще я как-то задумался, как же мы раньше без всего этого жили и крепко любили «эту огромную и счастливую землю, которая зовется советской страной», где книгу «Кулинария разных стран» изымали из продажи за антисоветское содержание.

Правильно в мудрой книге написано: многие знания – многие печали. В дедушкином изложении это звучало еще лаконичней: «меньше знаешь – крепче спишь». В 1927 году моего деда исключили из партии. Он говорил, что за троцкистский уклон, а бабушка – что за малограмотность. Так что дед был в материале.

А может, на вокзале погреться? Он, кстати, недалеко. Уезжают, приезжают, табло, люди, зал ожиданий. Ничего не поменялось – просто Мекка, Медина и Земля Обетованная для любителей стабильности и преемственности курса. Даже ассортимент в буфете, как и меню в вагоне-ресторане, за последние двадцать лет резких изменений не претерпели.

Поругаешься в молодости с женой, дверью хлопнешь, пройдешь пару кварталов – и куда дальше? Аэропорт далеко, вокзал близко. Сейчас в зал ожиданий только с билетами пускают, а тогда всех впускали, правда, приходила милиция, интересовалась, куда едете, покажите билет… Жду, говорю, когда касса откроется. Домой иди ждать, советуют, или с нами, протокол оформлять.

Домой не хотелось из гордости, в милицию – из чувства самосохранения.

Это теперь с деньгами везде примут, а тогда, чтобы в гостинице поселиться, надо было в другой город ехать. С местной пропиской не селили. И это было разумно – приезжим мест не хватало, а тут местные начнут номера снимать, с целью ванну принять или еще каких глупостей. Нет полгода горячей воды? Надоело из

чайника мыться? Заплати четырнадцать копеек, получи шайку в бане и плещись целый день. Кипяток там был настоящий. Сосиски в нем варили, яйца куриные. Про раков врать не буду. Был, правда, случай, когда в командировке сварили их в электрочайнике. Давно это было и по пьянке.

Иду на вокзал. Все равно туалет скоро потребуется.

Туалеты на вокзалах выполняют важную функцию сохранения связи времен и общественных формаций.

Ничто так не дискредитировало советскую власть, как постоянное желание населения справлять свои низменные нужды в общественных местах. Желание это так и осталось непобежденным марксистско-ленинской идеологией.

Классики этой теме внимания в своих работах уделяли мало. В основном, известные ассоциации возникали у них при упоминании интеллигенции и врагов пролетариата. Оставшиеся без основополагающих напутствий советские руководители ничем другим, кроме собственного опыта в решении этой задачи, не руководствовались. А поскольку в комсомол они попадали прямо с горшка, то в общественных туалетах им бывать не доводилось, что и было одним из основных отличий слуг народа от хозяев. То есть этот участок социалистического общежития был пущен практически на самотек, в прямом и переносном смысле.

Иностранцев старались в такие места не пускать, чтобы не подвергать сомнению их мысли о нашем родстве по линии разума. Хотя мест таких было немного, держать у каждого по милиционеру в противогазе, требующему паспорт с пропиской, руки не дошли. Махнули рукой, пусть клевещут.

Не успела еще прежняя власть в бозе почить, как предприниматели стали наши уборные из мест накопления сами знаете чего в места накопления первоначального капитала превращать, сделав их платными… Но не чистыми.

Вышел с вокзала. Быстро и недорого. Может, теперь в парикмахерскую? Светло, тепло, везде зеркала, пахнет замечательно. Если к мастеру очередь – еще лучше, можно посидеть, послушать пару историй. Парикмахеры редко бывают молчаливыми и с постоянными клиентами разговаривают. Ну, не о самом сокровен-

ном, но часто об интересном… Как в интернете. Раньше брадобреи играли роль блогеров.

«Нежные женские руки прикасались к нему только в парикмахерской». Чья эта фраза? Откуда она у меня в голове? Кстати, у парикмахера и нейрохирурга объект приложения общий – голова. В чем разница? Через месяц парикмахер может исправить ошибку. Вот так рождаются анекдоты, сам придумал, рассказал кому-то. Интересно, будут смеяться или улыбаться из вежливости? К счастью, нет знакомых нейрохирургов, им это смешнее должно казаться.

Жаль, что волосы растут медленно, а то можно было каждую неделю сюда приходить… А как теперь голову мыть стали, я уже не говорю про шампуни. Раньше тоже мыли, но вперед наклоняли, словно кланяться заставляли, пригибали, а сейчас назад запрокидывают, и сидишь ты с гордо запрокинутой головой, а к ней прикасаются нежные женские руки… Когда женские руки только в парикмахерской прикасаются, чего бегать анализы сдавать… Хотя сегодня уже и в парикмахерской можно… Раньше брили опасной бритвой, подтачивали ее на кожаном ремне – и вся гигиена… Кого до тебя брили, чем он болел… А с другой стороны, как надои на душу населения увеличивать? Можно доить больше, а можно хоронить чаще. Так и шли с двух сторон навстречу достижениям народного хозяйства. А скольких граждан унес маникюр с педикюром? Теперь приходят или к своим проверенным или со своим проверенным.

Сядешь к парикмахеру в кресло, закроешь глаза, чтобы с ожидающими взглядом в зеркале не встречаться, и вспоминаешь, как мама в детстве голову мыла, как полотенцем заматывала. Фены тогда только в кино видели.

Тогда и теперь. Так и вся жизнь: «до» и «после» – наверное, правда, что если нет прошлого, то нет и настоящего. Но лучший день – сегодняшний, потому что вчерашнего уже нет, а завтрашний…

Подбрасываешь монетку, говоришь «орел», а выпадает решка. Знал же, что решка могла выпасть… Вот и в жизни – все ясно и понятно, только одним «до», другим «после»… Главное, чтобы не вместо…

А что бы я сделал, зная правильный ответ? Разбогател. Богатый – не тот, кто знает больше. Он знает раньше.

Пора возвращаться за результатами. Интересно: те же улицы, здания, тот же путь, а другим все видится, когда не прогуливаешься, а идешь. Дорога назад всегда короче…

Еще говорят, здоровье не купишь. Опять обманывают. И жизнь можно купить, если заплатить вовремя.

А результат у меня положительный. То есть отрицательный. В смысле – все в порядке.

Нет болезни. Нет одной, а остальные? Но думать об этом я сегодня не буду. Сегодня я буду жить и радоваться. Ведь у меня есть семьдесят тысяч поводов для счастья.

Анастасия Зиневич

Сказка о Жизни

Жила-была девочка. Жила она с мамой в поезде. Поезд был полон людей, и все они страдали от тесноты и нелюбви друг к другу – путешествовали они не с теми, с кем хотели бы, и рано или поздно начинали тихо друг друга ненавидеть. Люди предпочитали думать о повседневных бытовых вещах и далеко не заглядывать – ни в прошлое, ведь они его предали, предав свое детство и сокровенные мечты; ни в будущее, которого страшились. Так они и ехали, слепо двигаясь вперед, не ведая, ни куда они движутся, ни зачем… Многие даже не догадывались о своем движении – меняется картинка за окном, но не они…

Время шло, но все часы были разбиты. Вид сменял один другой, луга сменились пустыней, – но окна были заколочены. Вместо них у людей были телевизоры. Изредка случайные одиночки покидали поезд. Но об этом не говорилось и это держалось в большой тайне. Официально их считали погибшими – и больше не задумывались.

Некоторое беспокойство доставляли дети – они задавали вопросы и пытались приоткрыть окна, но всегда находился родитель и объяснял им, что к чему: «Там Нет Ничего! Нету Ничего, кроме этого поезда! И только здесь ты в безопасности! Это – Твой Дом! Попытайся покинуть его – и обречешь себя на гибель!». Рано или поздно дети верили и… становились хорошими родителями в свой черед.

Все, что шло извне, было табу. Это было чуждо, непонятно и опасно обитателям поезда.

Так шли годы, и девочка росла с мамой в своей тесной кабинке. Вначале с ними был и папа, но он сменил кабинку – и ехал дальше

в том же поезде. В общем, все шло в порядке вещей, и один день походил на другой.

Девочка росла и лелеяла глубоко в себе свои сомнения. Она прислушивалась к родным, но пока хранила молчание. Странные вещи иногда происходили с ней. И странные видения и сны посещали ее по ночам. Вообще, она была странной и не могла скрыть этого. Другие дети могли ее за это только невзлюбить… Но она ничего не могла с собою поделать.

Однажды она встретила странного человека в маленьком собрании, куда ее привел отец. Тот человек так напоминал ей волшебника из ее любимых детских книжек! Он внимательно посмотрел на нее, и этот взгляд чем-то манил ее. Она улыбнулась в ответ. Тут же она решила, что ей надо поговорить с ним – во что бы то ни стало! Но время еще не пришло, и на прощание он лишь дал ей клочок бумажки с адресом и временем – и ни единого слова. И исчез.

Конечно, она пошла туда, как только пришло время. Она была поражена большим количеством таких же, как она, молодых людей, говорящих на запрещенные в поезде темы…

Однажды Волшебник пригласил ее к себе. Ее ожидал длинный разговор. Вскоре она начала осознавать, что он имел в виду. Он знал, куда движется поезд. И давно оставил надежду хоть кому-то что-то объяснить – они лишь смеялись и спорили. Но он еще мог спасти ее.

И началась борьба. Она ведь не могла их просто оставить. Годами она пыталась объяснить, разбудить, вразумить… Но лишь вызывала улыбки и желание оградить ее от опасного влияния Волшебника – выкинуть его из ее головы и жизни. Но она уже сделала свой выбор…

Ей было 18, когда время истекло. Никто так и не поверил и не понял ее. Но вот поезд последний раз сбавлял скорость, и Волшебник ждал. Он и так ждал слишком долго. Последовала последняя битва с матерью – последние колебания ее души. Это больше не было сказкой или сном, репетицией. Или она остается, здесь, с ними, до конца, – или уходит, сейчас.

Она все равно не спасет их, но, оставшись, – потеряет Его, навсегда. А с ним – свой единственный шанс.

Поезд тронулся, еще немного – и спрыгнуть будет невозможно. С мольбой и отчаяньем она в последний раз воззвала к ним – к своей маме, к папе, во имя своего детства, во имя их несбывшихся мечтаний, во имя любви к ней… Но они тоже давно сделали свой выбор. Они лишь улыбнулись: «Что с тобой? Почему ты кричишь? Ты плакала? Давай скорее сюда! Обед вот-вот остынет! Просто закрой, наконец, эту дверь и ни о чем не думай – и все пройдет…»

И ни у Волшебника, ни даже у нее, их дочери, не нашлось той силы, тех слов, чтобы повернуть этот поезд, это время вспять.

Все было кончено.

…И когда казалось, что уже все кончено, она, собрав последние силы, не веря, что делает это, с силой толкнула дверь и… скрылась в темноте, – никогда больше не оглядываясь.

Когда разжималась рука, ей казалось, что она теряет все, что было у нее в жизни, что от нее отделилась сама душа – разорванная между теми, что остались молчать в поезде, и этим звездным небом – тем, кто уже ждал ее там.

В наступившей тишине она услышала тихий ласковый шепот. Кто-то гладил ее по лицу, стирая пыль и слезы. Она все-таки это сделала. И она – жива.

Мирослав Кульчицкий

Об Баскервилев Собаке

Из книги «Лепые разглагольства»

При перечтении гистории об Баскервилев Собаке, которая, по слышанию, многим ис вас на вкус попала, братия и сестры, пришло мне на мысль разсмотреть, довольно ли имелось на то резонов тои собаки убийство смертию учинить. По долговременном моем разсуждении нашол, аз многагрешный, что резонов тех недостает отнюдь, и многа лепше имело бы живот оной уберечь, есус-мария пресвятая богородица! Чего ради, последуя разумению исправному, явно вся вещающему, предприял, братия и сестры, сие изъяснить, и сообщить онаго убийства смертию пагубныя следствия, дабы предупредить подобныя случаи и вред чувствителный, от оных происходящий. И такожде предложить со стороны своея безпристрастныя и благоразумныя способы, кои надлежало бы в случаях оных употребить во вся обществу безсумненную ползу. Ибо к чему, како не к деяниям вся обществу во благо побуждает, склоняет и поощряет нас Всевышняя Десница, податель нам всяких благ, своея милостивейшим промыслом соизволяющая бысть и ати, и яти, и таму, которое промеж них?!

Иные многоразумныя те абие же возглаголят де резонов на учинение убийства преждепомянутаго имеетца немалое число, и что предузнаютца оныя несколка ужо ис самаго тои гистории начала, и паче таго открываютца ис оной последующих перепетиев фабулных. И де резоны те есмь таковыя: не щеня в коше, и не собачка постелныя оная Баскервилев Собака была отнюдь, но чюдишче-юдишче – тварь клыкастыя, размеров неприродныя, и, во первыя, внутря болотов Гримьпяньских отай обитая, вытием своея громогласныя жителства окрестныя в тои стороне Аглицкой к безпокойствам возмущала изрядно. Во вторыя, вознамерение

имела оная, по наущению таго Степльтона-ентимолога, Баскервилев вся род вятший дворянския истребить, дабы онаго Степльтона своекорыстие удовольствовано было. И аднаго ис тех, которыя онаго рода имелись, напужала аж до умре смертию, а другога не угрызла и не поела едва. Убо де то убийство смертию за наиблагоразумнейшее имеем почесть, а какия иные резоны то есмь пустое, и прочая, и прочая, и прочая… На се, аз многагрешный, изрещу: воистину несть пределов скудоразумения, есус-мария пресвятая богородица! Аже и повозмущала к безпокойствам оная Баскервилев Собака каго ис тех обывателев Гримьпяньских в иную часа минуту, али аднаго-другога ис тех Баскервилев попужала хотя и до умре смертию, есмь то противу тои Баскервилев Собаки потеряния яко та собачка постелныя противу елефанта африканския! Ибо востократы боле стане вся обществу потеряние таго екзымпляра Баскервилев Собаки, сущем во вся свете числе единственном, неже противность малая, благотишию простолюдинов невежествующих учиненная, купно с напужателством, хотя и до умре смертию, каго ис тех родов вятших дворянския, коих не перечесть в тои стороне Аглицкой. Когда об оном Баскервилев Собаки потерянии помыслить по человечеству и безпристрастно, братия и сестры, то какая безпримерная жалость, есус-мария пресвятая богородица! Како скоро в то разсуждение войду, аз многагрешный, тотчас мне представляютца способы оной Собаки Баскервилев употребления вся человекам в чувствителную ползу: примером, каки сыскарную, али напужателную, в корпусах тех ландполицких; каки выжлеца, сиречь влкадавную, задля псовой лови; каки показателную, задля потешаний всянародных, в ряд протчих чудишч, каки тот Змий Лохняйский али Снегоход Гималяйский, яко оныя изловлены будут; каки охранителную, дабы инога злодея устрашить и от жителства какога отвесть; каки зазывателнои, дабы вытием своея громогласныя, яко таму научена буде, глас подавала регулярныя какому заблудящему, буде то человек бродяжный, ладиа в окияне потерянная, али тварь хуторская, коя стадо своя отстав, нужду в том гласе имеет, дабы в стойлы воротитца, и прочая, и прочая, и прочая... А наилепше то имело бы предать оную понятию проницателному мужьями ученымя, дабы вся свойства ея изьявлены были всеконечно, задля обза-

ведения оной потомством и воспоследующего выведения рода собашнаго особливаго. И вопоследы понятия онаго моче бысть и какия иныя употребления сей Баскервилев Собаки и потомства ея нашлися, опричь преждепомянутых – примером, деля извоза, ежели потомство то норовом выйде потише, а то и деля вскармливания на убой, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де, естли и помыслить по сим де-произволным розглагольствам об сей Баскервилев Собаке и потомстве ея употреблении, имеютца на сии прожекты сумнения превеликия. Ибо известно ис гистории об ней, что являла оная собою суть чюдишче-юдишче зловредныя, и по сему же зловредию, ей присущему, учиняла оная всякия те непотребства, сиречь вытия своя мерския, напужателства аж до умре смертию, и паче таго, тщилася угрызть каго ни попадя и ево поесть. И аще не бы таго Степльтона наущений, который в угождение корысти своея сугубо сии наущения учинял, каго ни попадя же напужала бы оная аж до умре смертию, али угрызла бы и поела, есус-мария пресвятая богородица! И де есмь тому примером убийство каторжанина таго, дворецкаму Берьимору шурином приходящемуся, коего оная Баскервилев Собака погубила, егда тот по тех болотах Гримьпяньских бегал. И де убо употребление оной, хотя и во вся человекам ползу, с опасностиями превеликимя имело бы сопрящено бысть, ибо не знамо истенно, каки то оной зловредие в том али ином случае ся бы изьявило. Обаче, то де безсумненно есмь, что естли была оная Баскервилев Собака суть чюдишче-юдишче зловредныя, то и потомство, ею произведенное, таковыя же суть зловреднымя было бы неизбежимо, и убо употребления онаго, аже бы и во вся человекам ползу, с опасностиями онымя превеликимя имели бы такожде сопрящены бысть. Ибо, како изрещено: «Смоковность от смоковницы не далече паде», и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многагрешный, изрещу: не по присущему естяству ея зловредию оная Баскервилев Собака те непотребства учиняла отнюдь, но по прививному, сиречь по в нея вкорененному, есус-мария пресвятая богородица! Сиречь было оное зловредие тем Степльтоном в сию Баскервилев Собаку вкоренено и оным взлелеяно, по резонам известным: умышлял оный Степльтон к отнятию таго Баскервилев рода движимого и недвижимо-

го имения, ибо оному роду вятшему дворянския почитал ся принадлежащим, и узрел оный в тои Баскервилев Собаке средство в сим предприятии воспомощное. И дабы тех иных двоя из таго рода вятшего дворянския истребить, есус-мария пресвятая богородица, и имения сии укрепить за собою сугубо, потщился оный тую Баскервилев Собаку вскормить до размеров неприродныя, и те повадки зловредныя в оную вкоренить и в оной взлелеять яко наипаче, и в том преуспел весьма. И темь не есмь то безсумненно отнюдь, что не поддалася бы оная Баскервилев Собака претворению, али перенаущению на иной салтык, и что повадки ея зловредныя не возмогли бы те мужья ученыя инде испразднить, инде схранить, а инде претворить в свойства полезныя деля употребления оной лепого. Особливо, ежели б сподобились оныя какую методу сочинить премудрую, к сему случаю изрядному приложимую яко наипаче: примером, поленом каким оную Баскервилев Собаку несильно съездить адин-другия раз, али учинять сие от случая ко случаю; али какой член оной приращити, али противу таго – ис тех, которыя имеютца, какой отнять; али сьединить оную с каким еляктрическим прибором поправителныя, дабы тот действом своимя норов оной поправил, али ища что, есус-мария пресвятая богородица! Равно же и род собашный особливый, от сей Баскервилев Собаки начинаемый, моче и возмогли бы те мужья ученыя вывесть яко наилепше, сиречь вся, в ползу употребителное, схраня, а вся неупотребителное – скратя, али в какое иныя употребителное претворивши. И яко были б на то поставлены, такожде и на сей случай имели бы своя особливую методу сочинить, примером скрещение али сращение сей Баскервилев Собаки с теми чюдишчами-юдишчами иныя, каки тот Змий Лохняйский, али Снегоход Гималяйский, яко изловлены оныя будут; али, моче бысть, с гадом али птахом каким написанным али ненаписанным; али осемянение оной неприродныя семянем каким особливыя, и прочая, и прочая, и прочая… И естьли б преуспели в том оныя мужья ученыя не с перваго случая, ано со вторыя, третия али с осьмыя, адно-другия потомства оной Баскервилев Собаки в ползу експяриментy погубив, и то было б ничево, с оглядкою на те следствия полезныя и авантажи безсумненныя, кои ис онаго експяримента имели бы уповательно произведены бысть. Убо всяко-

му таму, который разумением исправен есмь, окозримо весьма: не убийству смертию оной Собаки Баскервилев надлежало учиненным бысть, ано всеконечному сего екзымпляра понятию, хотя бы деля исчисления вероятия онаго екзымпляра употребления во вся человекам ползу, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де, аже и имелись на то какия резоны тои Баскервилев Собаки живот уберечь, то, во первыя, не предузнавались оныя, докамест оная ся окозримо не явила. И убо природно то есмь весьма, что не был резонов оных известен тот Лястрейд, ис корпуса полицкаго, который палбою своея оружейныя убийство смертию оной учинил. Сиречь, имел тот Лястрейд предприятие сие учинить по Наказу Полицкаму сугубо, и по Наказу оному же, сообразно с повадками полицкимя, палбу в тую Баскервилев Собаку произвел, дабы оную обезовредить, и от живота аднаго ис тех Баскервилев опасностии превеликия отвесть. И де, во вторыя, употреблением такия способа единственно возмог бы оный Лястрейд тую Баскервилев Собаку обезовредить, а естьли б какия иныя способы употребити дерзнул, угрызла бы оная собака таго Баскервиля неизбежимо, и ево поела, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многагрешный, изрещу: во первыя, предузнавались оныя резоны несколка ужо ис самого тои гистории начала, ибо известно было ис Былины об Баскервилев Собаке, тем ученыя Мортямером читанной, что погубила оная аднаго из таго рода Баскервилев пращуров, и что являла оная собою чюдишче-юдишче ненаписанныя, размеров неслыханныя. И такожде след от лапы ея превеликия, которыя оный Мортямер узсмотрел в месте том, игде первыя из тех Баскервилев умре смертию, не об чем ином, како об изрядности сего екзымпляра собашнаго сообщал. И естьли б были об том уведомлены учреждения ученыя и полицкия, велико есмь то вероятие, что, авантажи онаго екзымпляра употребления уразумев, потщилися б оныя тую Баскервилев Собаку изловить, и предприятие сие учинить яко наилепше. Во вторыя, не то суть, колико сообразно Наказу тот Лястрейд ис корпуса полицкаго сие убийство смертию оной Баскервилев Собаки учинил, ано то, колико лепо по месту и времянии сие предприятие, хотя бы и по Наказу, оным учинено было, есус-мария пресвятая богородица! Ибо всяк тот, которыя разуме-

нием исправен есмь, известен, что Наказ тот полицкия токмо порятки общия предустановляет, ано, толико то али иныя предприятие полицкия за лепыя почитаем, колико лепо по месту и времянии, и каковыя способом, не в противность таму Наказу полицкия отнюдь, оное предприятие учинено было. И яко помыслим об том безпристрастно и по человечеству, прийдем безсумненно в единомыслие, которое явно вещает, что противу иным рещениям похвалным, предприятие оное по справедливости похвалы великия не достойно отнюдь. И не токмо препарацией худой во всяк благоразумном оное предприятие сумнителство возмущает, ано наипаче тои палбою не лепою, в заматне и противу разумению исправному учиненною, есус-мария пресвятая богородица! В протчем, чему дивитца, естли в тои команде, на предприятие оное уделенной, из троя един токмо сыскарь полицкия был, ано из иных двоя – первыя, Хольмс, хотя и семи пядей во лобе – сыскарь на хлебах волныя, сиречь не при чине, а вторыя, Ватсон, – и паче таго, не сыскарь отнюдь, ано кто есмь такия – не уразумети: али подручник, али фельятонист, али доктор, али таго Хольмса живописец, али онаму суть сожительствующий! Известно, место деля назирания сыскали не лепшее отнюдь: лядину, сиречь елник, удаленный весьма от тои стези, коей тот Баскервиль в имение своя следовать имел. И яко узрели онаго Баскервиля, собакою нагоняемого, едва возмогли оттоле к сей стезе поспети, докамест собака та ево не поела, есус-мария пресвятая богородица! И яко до оной стези достались, в ту Баскервилей Собаку палбу оружейныя произвели не тако, како то повадками полицкимя предустановляетца отнюдь, сиречь в конечностии ея сугубо, ано беспорятку, аки камо ни попаде – вся сойде, токмо бы оная смертию пала. И едва токмо то учинили, по таму Степльтону устремились, и яко сыскали ево в тех болотах Гримпяньских, сызнова же палбу беспорятку учинили, есус-мария пресвятая богородица! И дондеже бегал от них оный Степльтон по тех болотах, яко заяц, палбу сию не кончали, ано кончили ея, токмо егда оный в болотах тех сгинул невозвратно, методу своя сей Баскервилев Собаки вскормления и наущения с собою унеся невозвратно же, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де приключилося сие по нужде сугубо. Ибо, естли не сыскати было тем троя ино-

га места деля назирания, опричь той лядины, сиречь елника, хотя и удаленного весьма, како инако возмогли бы оныя троя назирание своя учинить сокрытно? Де, кабы не та лядина, сиречь елник, приметила бы оных неизбежимо та Баскервилев Собака, и паче таго, кабы не была та лядина, сиречь елник, удаленным весьма, учуяла бы оная тех троя, и убоялася б за тем Баскервилем далече следовать, но ся воспящить и тудоль в болота Гримпяньския гоньзнути почла бы то за лепшее, и на том конец имел бы вся таму предприятию бысть, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многагрешный, изрещу: естли не было окрест тои стези никакия иныя лядины, сиречь елника, на то природныя смекалки полицкия имели бы употреблены бысть, коих не достало отнюдь ани таму при чине, ани таму на хлебах волныя, ани, известно, таму, которыя не уразумети кто такия есмь. Примером, не единственно локации природныя, каки те лядины, сиречь елники преждепомянутыя, деля назирания сокрытнаго есмь употребляемы отнюдь, ано и те, которыя есмь своеручно сотворенныя. И естьли б были смекалками полицкимя те троя обдарованы изрядно, употребили бы такия способы, како, примером, ся окопание; али надоумилися перенесть ту лядину, сиречь елник, выкореня древо за древом, тудоль вблизь стези, и тама оный вкоренить, аки естли бы имело сие произрастение тама своя место природныя. Безсумненно, были б оныя способы в сим предприятии воспомощны весьма, ибо имели б те троя ища аднудругия часа минуту дабы ся изготовить принадлежащим образом, и палбу ту оружейныя произвесть не аки камо ни попаде – вся сойде, токмо бы оная Баскервилев Собака пала, ано в конечностии ея сугубо, како то повадками полицкимя в случаях таковыя предустановляетца, дабы стреножию оная поддалася. А естли б, паче чаяния, все ж учуяла тех троя оная Баскервилев Собака, и ся воспящить и на болота те Гримпяньския гоньзнути почла бы то за лепшее, на то надлежало бы предприятие вышерещенное учинить сызнова, и локации иныя сыскавши, таго Баскервиля сызнова же яко приманку употребить, опасностии животу ево презрев, дабы оная Баскервилев Собака изловлена была, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де нечеловеколюбно то было бы весьма положить за потребное уберечь тои Баскервилев Собаки екзымпляр, хотя и во вся свете сущий в числе единственном, ценою непомернаю живота таго Баскервиля. И не токмо ис положения вышерещеннаго, что есмь оный рода вятшего дворянския, ано паче ис таго разсуждения известнаго, что де коликой бы важностии сего екзымпляра схранение ни было, вся адно живот оной Баскервилев Собаки противу живота Баскервилева вровень не встане отнюдь, ибо екзымпляр оный суть животное, а тот Баскервиль, ис каких бы не происходил, – вся адно суть человек, и прочая, и прочая, и прочая... На се, аз многагрешный, изрещу: переличил ли кто тех мужей ученыя, которыя токмо долгу и повадке своея ученския в угождение, животы своя истаяли ради сыскания во всякия дебриях какои козявки неприметнои? А сколка ища есмь числом тех, которыя животы своя истаяли же, егда експяримент какой с тои козявкою провесть потщилися, не уразумев пред тем, коликой вредностии козявка оная есмь? Однакожде, не всяк отнюдь ведает донынече об тех мужьях ученыя, которых животы на тую учености плаху положены были, ано ведает не всяк едва ли, како оная козявка зоветца, какия свойства имеет, какия ползованиям подлежит, и какия остережениям надобно следовать, дабы было сие ползование не во вред человекам, ано во благо оным сугубо. Такожде и Баскервиля таго, естьли б случилося онаму в том предприятии живот своя отстать, надлежало бы почитать за жертву експяримента неизбежимую, сиречь аки за Агнца Жертвеннаго, на плаху учености положеннаго деля воспоследующей вся человекам ползы. И не токмо сим почитанием надлежало бы таму Баскервилю обдарованным бысть, ано и увещеваниями Всевышней Десницы об уделении онаму особливых привилегиев в Ирие, куда душа ево имела бы ся вознесть, есус-мария пресвятая богородица! И увещеваниям тем надлежало бы бысть таковыя: «Снизойди до сего Баскервиля, Агнца Жертвеннаго, Всевышняя Десница! Посли онаму от высоты престола Твоего привилегиев особливых в Ирие, куда душа ево ся вознесть возмогла! Да не оставлен буде оный тех привилегиев волею твоею всемогущею!». И увещеваниям тем не рещением надлежало бы учиненным бысть, ано выпеванием-конорханием, сиречь тако:

Снизойди-и-и-и-и-и-и-и до сего Баскервиля,
Агнца Ж-е-е-е-е-е-ертвенна-а-а-а-аго,
Всевы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ышняя
Десни-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ица-а-а!
Посли-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и онаму
от высоты престо-о-о-о-о-о-о-о-о-ола Твоего
Привиле-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-е-егиев
особли-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-ивых
В И-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-рие, куда душа ево
ся вознесть возмогла-а-а-а-а-а-а-а!
Да не оста-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-авлен буде оный
тех привиле-е-е-е-е-е-е-е-е-егиев
Во-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-олею твоею
всемогу-у-у-у-у-у-у-у-у-у-ущею-у-у-у!

И естли б учинялись сии взывания усердно, снизошла бы уповательно до Баскервиля онаго Всевышняя Десница, податель нам всяких благ, аще не бы которой, своея милостевейшим промыслом то соизволяющей, не бысть никако бы ни ати, ни яти, ни таму, которое промеж них! И ниспослала бы онаму те привилегии особливыя, яко истенно Агнцу Жертвеннаму, есус-мария пресвятая богородица!

Иные многоразумныя те возглаголят де не ведаем воистину, была оная Баскервилев Собака суть собакою, али нет. Сиречь, тако бысть моче, что не собаку истенно оная являла собою отнюдь, ано какую иныя тварь болотныя, али паче таго, отродье бесовския, личиною собаки сокрытую, али ища какую тварь, бесом обдержимую. И де, аже и была оная предана понятию мужьями теми ученымя, не возмогли б оныя мужья сие бесовское в естястве ея узсмотреть и понятием своея обнять, ибо материи сии разумением тем ученския есмь недостижимы. Равно же не возмогли бы те мужья ученыя, по сим резонам, в потомстве, от Баскервилев Собаки начинаемом, оное зерно бесовския узсмотреть, и прочая, и прочая, и прочая… На се, аз многагрешный, изрещу: во первыя, естьли б была оная Баскервилев Собака от таго бесовскога происходящей, али оным бесовским обдержимой, не пала бы смертию от тои палбы оружейныя преждепомянутои, ано токмо от рожена осино-

выя, ибо от рожена онаго сугубо всяко то бесовския умре смертию, есус-мария пресвятая богородица! Во вторыя, ежели б имелись на то какия сумнения, надлежало бы, последуя разумению исправному, оную Баскервилев Собаку, равно же и потомство ея, не токмо мужьями ученымя понятию предать, ано и теми халдеями, которыя в материях сих есмь многоразумны весьма, дабы потщилися оныя всякия те бесовския из нея, али из потомства ея, изогнать, естьли б таковыя онымя изъявлены были. И егда б халдеи оныя уповательно сие учинили, не имелось бы боле никакия препонов пред оной Баскервилев Собаки употреблением яко наилепше, сиречь во вся человекам чувствителную ползу, есус-мария пресвятая богородица!

Ис вся сего вышерещеннаго явствует, братия и сестры, что тои Баскервилев Собаки потеряние не в ползу вся обществу пошло отнюдь, ано противу таго, оному в убыток невосполнимыя, есусмария пресвятая богородица! Изъяснения чего ради, предприял, аз многагрешный, уделить сему случаю своя разглагольство. Ибо ис всеконечнаго сего малого случая понятия открываютца те общия порятки действ, коим сообразно в случаях подобныя поступлено бысть должно, дабы следствия, от оных случаев происходящие, не во вред были, ано во благо вся обществу сугубо, к чему побуждает, склоняет и поощряет нас Всевышняя Десница, податель нам всяких благ, своея милостивейшим промыслом соизволяющая бысть и ати, и яти, и таму, которое промеж них! Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Галя Маркелова

Когда умирает поэт

«Посмертная слава – при жизни
концертный костюм ледяной»…
Ефим Ярошевский

В этом июне стремительно расцвели сразу и липы, и гледичии, и катальпы, да кое-где еще отцветали акации. Сложная симфония ароматов, помноженная на стоны увядания снопов скошенных троицких трав, наполнила лабиринты городских проулков – праздничный город готовился к грозе и какому-то уникальному астрономическому явлению.

Я пришла к Игорю Иванычу. Он вот уже восьмой день находился в неврологии на Малиновского, проверяя нас всех на участливость сердец, на нашу способность любви к ближнему, на наше милосердие, измеряемое лептой, и цена этой лепты неважна. Важна лишь наша решимость дать – наш порыв…

«А вот ваш дедушка! Да мы его помним, он приходил к нам в 11-ю горбольницу на Слободке. Всегда такой вежливый», – наперебой стали рассказывать мне медсестры, уже проинформированные о том, что у них лежит необычный человек. Поэт! Да вот приходил Игорь Ваныч не как пациент. Он заходил к своей собеседнице, очаровательному человеку, невропатологу Люсьене Клаупик. Собственное здоровье его не интересовало никак, даже когда сильно докучало.

«Игорь, если ты слышишь меня, сожми мне руку!» – и я читаю его стихи «Слушай, Галя…».

Я смотрю на свою левую руку и до сих пор различаю оттиск его пальца. Надежда встрепыхнулась в моем сердце.

«Игорь, будь молодцом, борись, еще несколько дней – и ты увидишь свою новую книгу!» – и в этот момент, я готова свидетельствовать,

в его пронзительно голубом правом глазу появилась смешинка. А в уголке глаза навернулась слеза.

«Но ей-богу, так хочется подержать в руках книгу стихов, хотя бы переизданных, Игоря Ивановича Павлова – замечательного русского поэта, волей судьбы обитающего в Одессе». Это написано мной шесть лет назад…

Утром следующего дня звонок Кости Британова вернул на землю. Костя больше всех хлопотал о судьбе Игоря Иваныча и взял на себя трудную задачу диалога с врачами. По больничному обычаю, нужно было подготовить место, куда перевести нашего поэта, у которого ни семьи, ни пенсии, ни жилья, да и паспорт появился недавно… Весь день прошел в переговорах и выяснениях, никоим образом не проявив ситуацию до тех пор, пока я не встретилась с Олегом Губарем.

«А ты попроси матушку Серафиму!» – надоумил меня он. Не отлагая ни минуты, я поехала в монастырь.

«Привозите, возьму!» – кратко сказала матушка Серафима, но это было весомое, надежное слово. Утром наш разговор с Костей Британовым о том, что появился выход из сложной ситуации, был прерван звонком лечащего врача: «Пять минут назад Игорь Иваныч ушел от нас…».

Это было пятого июня в десять сорок пять…

Когда умирает поэт, это уже факт литературы. Его наследие становится предметом рассмотрения литературоведов. Исследователей его творчества. Биографов. Я уже не имею права говорить о его стихах, а вот свидетельства о его жизни, пусть наивные, пусть сентиментальные, пока они не обросли домыслами и легендами, мне кажется, ценны все…

Тем более что судьба этого поэта переплетена с судьбой города, в метафизическую сущность которого вплетена судьба другого Поэта. Мы дышим той же пылью, стучим по тем же булыжникам, застреваем каблуками в той же жетрстве, что и Гений, высланный в наш город. Поэт, власть, свободная стихия – все эти переплетения, как сплетения ветвей платана, осеняют наши судьбы. Вам не кажется символичным, что Игорь Иванович как бы ушел на празднование дня рождения к Александру Сергеевичу? Подготовиться в другой реальности и явиться к Александру Сергеевичу Пушкину с поздравлением от нашего времени, от душного июня 2012 года, от Нашей Одессы. Да, наверно, так оно и было. В Кирху, где поэты и художники города прощались с патриархом Поэзии, он несколько припозднился…

Вы спросите: почему Кирха? Да потому что для нашего поколения руина в центре города, отвоеванная у властей, была символом сво-

бодомыслия, была источником вдохновения, была овеществленной победой духа. И Игорь Иваныч, и его апологеты – одесские вундеркинды, делали очень многое, чтобы отстоять у властей этот символ многонационального мультиконфессионного города, история которого развивается вне зависимости от раскраски флага. Не уверена, что в нынешнее время можно было бы отстоять эту великолепную руину! Кирха была тем местом, которое в жизни Игоря Павлова аккумулировало жизненные силы.

Самые спокойные годы с любимой подругой проведены в этом районе. Здесь же на закате дней взошла его звезда Карола, это она, Карола фон Хердер, танцовщица и добрейшей души человек подала идею и замолвила слово перед епископом Уландом Шпаленгером, который с большим участием отнесся к поэту.

Судьба поэта – удивительная материя! «И жизнь черновиком, и без помарок смерть – все это ты!» – писал Олег Соколов, соратник Иваныча по трудной работе противостояния и своим страстям, и внешним напастям. А напастей было, и было, и было. «Тут и неверная жена, и верный алкоголь», – как писал Игорь Ваныч. Оставим биографам честь собирать жизнь его по крупицам, копать, раскапывать, соединять, решать кроссворд под названием «жизнь поэта из теплой провинции в тоталитарном государстве и на его развалинах». Я могу только сказать, что наконец-то восторжествовала справедливость, и поэт обрел свой окончательный адрес в одесской земле, где покоятся его предки, тоже, наверное, поработавшие для города.

22 июня 2012

Игорь Павлов

«Запомните, каким я был при жизни...»

* * *

Мы копья ломаем. Мы жаждем горения.
Все ищем себя, но навеки потеряны.
Иссякла решимость, ушло вдохновение…
А ты пребываешь в таинственном тереме.

Марина… Мы злы. Мы увечны. С порезами.
Мы все настрадались – но это ли Высшее?
И разве в исканиях этих – Поэзия?
И разве мы будем другими услышаны?

Угаснет ли свет в полумраке и трепете,
Замрет ли рука над строкой ли, картиною?
Так хочется стать Умирающим Лебедем –
И спеть, наконец, свою Песнь Лебединую!

* * *

Как благодатно осени сверканье,
Озноб куста и хрупкость лепестка!
И сладостно нам свидеться с веками
На улицах, где налицо века.

Очнись, пошевелись, забытый прах,
Священным стань! Очистись от забвенья!
Огонь цветенья, святость погребенья –
Все улица несет в своих руках!

Вставай, вставай же, хмурое дитя!
И пей свой чай – зеленый чай, звериный,
И услади себя немой мариной
И еле зримым веером дождя.

Вставай, затворник! Встань, заложник книг,
Домов, застрявших в древних завитушках,
Иди, теряясь в уличных игрушках,
В роскошестве пиров и снов чужих.

Вставай для встречи, хмурое дитя,
И пей свой чай из утвари старинной,
И услади себя немой мариной
И еле зримым веером дождя.

Вставай, просторы ждут. Уразумей,
Что в мире нет ни темноты, ни давки,
Что в море есть наяды, в рощах – мавки,
Свет их любви чем ярче, тем нежней.

Завещание

И вот замру, весь голос искричав,
Свалюсь, как спелый колос в пасть Несытой,
И сразу – прям и перед всеми прав…
Ну, что ж… Скорей на кладбище несите.

Неважно, сколько там я наскребу.
Запомнюсь так: невыбритый, ершистый.
К чему фотографировать в гробу?
Запомните, каким я был при жизни!

Пускай в траву отправят мой портрет,
Не в траур! Не нужны мне скорби знаки!
Пускай напишут: «Вот лежит поэт.
Его любили дети и собаки».

* * *

Я иду под арест ворон
Под конвоем цепных окошек.

Я, – питомец Равенн, Верон,
Тут – ласкатель бродячих кошек,
И – невесел и невесом, –
Сонноких ветвей начальник,
Все твержу, что всевластный сон
Охранитель мой и печальник.
Я иду под дневной арест
Без шнурков, поясов, подтяжек,
На спине моей – черный крест,
И ослиный мой крик – протяжен…

* * *

Дул горешняк. Зудели склоны.
Стекло замкнуло мир, как клей.
А ветер, синий и зеленый,
Прогуливался вдоль аллей.
Гремела рыночная фуга,
Дубовый лист дрожал упруго.
Гудело море. Шел орган
На воробьиный океан.
И там, где разлагался Хаос,
Впрягаясь в облачный развал,
Где размякал он, где зевал, –
Другое Небо зачиналось.

* * *

За каждым словом тишина,
За каждым словом – боль.
Тут и неверная жена,
И верный алкоголь.
Да, это знак,
Да, это весть
От муз, от аонид;
За каждым словом что-то есть,
А что – не говорит.

Смещенья образов и лиц –
Бесчестная листва.
– Что вы читаете, мой принц?
– Слова, слова, слова…

Звезда Карола

Ты, дикая звезда, ты, роза дикая!
Ты, многоцветная, ты, многоликая,
Великая, живая, первозданная!
Ты мчишься, мчишься, задевая здания,
Вершины тополей и круговерть афиш!
Безудержная, все летишь, летишь!
Священная! Святая! Гений полночи!
Я жду Тебя! Не знающий, не помнящий
Ни близких, ни далеких, не владеющий
Ничем на этом свете… Только где еще
Узрит моя бездомная душа,
Как ты в порыве танца хороша!
Ты пляшешь, пляшешь, яркая, единственная,
Я выискал тебя такую, выискал,
Не ведая, не ведая, не ведая,
Что ты моя, мне придана, мне предана…

* * *

Все хобби, милая… Все хобби.
В миру, где каждый день – свиданье,
Где каждый утлый дом – надгробье,
А каждый сквер – исповедальня,
Истерика самосожженья
И беззаботность певчей птички –
Все только хобби – продолженье
Давно родившейся привычки.
Да, эти войны, бомбы, пушки, –
Угрозы, чудища, уродцы –

Все хобби, милая! Игрушки!
А умереть – всерьез придется.

* * *

Безмолвие – душа вещей,
Укор страстям и бедам,
Но в каждую вникая щель,
Поэт о том не ведал.
Одетый в праздничный жилет,
Петух к оградам жался,
Пока забывчивый поэт
По кладбищу шатался.
Слагал, слагал из листьев стих,
Все приникал к могилам.
Он слушал, слушал речи их
О суетном, о милом…

* * *

Распухший воздух – складывать в скирду
В степях, где реют полчища стрекоз…
Не говорить.
Но быть с собой в ладу
И слушать птиц среди примятых лоз.
Безмолвно петь. С наивностью пейзан
Снимать с закатов розовую медь.
Врастать, врастать в
Рисованный пейзаж
И – безмятежно, медленно тускнеть…

* * *

Все увидеть; все потрогать…
Все изведать; все понять.
Ширь степей и моря грохот,
И лесную благодать!

Не успею! Не успею
Я упиться ими всласть.
Суета всего сильнее
Тянет в городе пропасть.
Тут, кварталами опутан,
Тут, домами окружен,
Я меняюсь поминутно;
Много ветру, много жен.
Снова код привычный набран
И несет абракадабра
Вдаль по улицам родным.

Виталий Амурский

Встреча с Одессой

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический»

Не все в зрачки уместится,
Но, как пунктир,
Потемкинская лестница –
Смещенье перспектив.

И – моря даль безмерная,
Куда, не покорясь,
Ушел в бессмертие
Корабль-князь.

А там, где в тучах-клочьях
Небесный перекат,
Румынские и прочие
Чужие берега.

Чужой любовью тусклой
И музыкой чужой
Сошлись навек над русской
Размолотой душой.

* * *

На ароматы воздух щедр
Между каштанов и акаций,
Душе и сердцу не в ущерб
Его оттенки на закате.

Но только жителям мансард,
Где рядом черный хлеб и кисти,
Стекает лучшей из масандр
Закат янтарно-золотистый.

* * *

Диск багрово-пунцовый
Незаметно сгорел,
У дворца Воронцова
Ни гостей, ни карет.

Прочно заперты двери,
Лишь акации в ряд
В потемневших ливреях
Будто слуги стоят.

Южные версты

Под радугой сверкающе-изогнутой –
Дорога сквозь дурманящий озон.
Подсолнухов расплавленное золото
Стекает за раскрытый горизонт.

Тень коршуна тревожно-невесома,
Как казака заточенный тесак,
И – тишина, быть может, до Херсона,
Где узник ты – у времени в тисках.

Львовское

Когда под вечер августовским воском
Закат стекает с неба без осадка,
В рыжеющих слегка деревьях львовских
Есть старым львам присущая осанка.

И каждый дом по-своему отмечен:
Кто – аркою, кто – лестницей со скрипом,
Кто – барельефом, кто, увы, картечью,
Кто – двориком, за пазухою скрытым.

* * *

Ни огорода. Ни бузины.
Ни дядьки в Киеве.
Осень. Порог зимы.
Птицы гнезда покинули.

Струнами тихих арф
Мокрый снежок над городом.
Плащ застегни и шарф
Малость поправь на горле.

Хмуриться не резон
Даже в тоске и скуке.
Просто еще сезон
Кончится через сутки.

Похвальное слово генералу Инзову, начальнику управления иностранных колонистов Южного края

Иван Никитич Инзов –
Российский генерал,
Без клобука и ризы
Крестил – не выбирал.

Болгарина и грека
Брал под свое крыло.
Дух братства – лучший лекарь
В отчестве кривом.

Без церемоний барских –
Указ и – свой уже!
Правитель бессарабский
По чину – не в душе.

Таким, смотрящим прямо,
Добро – не ремесло.
Ах, Пушкин, как же, право,
Тебе с ним повезло.

Третье отделение

1.

И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ…
Лермонтов

Голубые мундиры
Видом не палачи.
Крысам – щели и дыры,
Этим – к душам ключи.

По дворцовым паркетам
Николаевский сыск:
За опальным поэтом
Тенью клеится Икс.

О, России проказа –
Боль и горе уму
На дорогах Кавказа,
В воронцовском Крыму.

Меньше дыма от ветра
И еще унесет…
Только нет мне ответа:
Отчего это все?

2.

Наследникам Бенкендорфа

Доколь жандарма совесть гложет,
И по ночам он плохо спит,
Не все потеряно, быть может,
Для человека, что в нем скрыт.

Но человек приличный вроде,
Как в тихом омуте вода,
В ком дух жандармский тайно бродит,
Уже потерян навсегда.

Париж

Екатерина Янишевская

Ритмы XXI века

1.

я пленный белый офицер, иду с войны
одет на фрицевский манер. не вижу сны
в стакане корчится луна. пью залпом ртуть
и шью чужие ордена себе на грудь.

я пленный белый офицер. найдя портфель
с каталогом твоих химер, я вышиб дверь
на животе к тебе летел. прополз пять лет
прости меня, я так хотел сказать привет

я бросился в неву. я плыл, я грыз причал.
оставил фронт и предал тыл, ведь я скучал…
по запаху твоих надежд, по вкусу слез
и я собрал тебе венец из слов и звезд

я был в плену и знал войну. чтил планы битв.
но слушал только тишину твоих молитв.
я знал, они придут за мной чинить расстрел
я спал под этой тишиной. остался цел.

я не услышал горя труб. упал в сугроб
они подумали, я труп. достали гроб
тогда я стал как сотня ртов. кричал «живой!»
любимая, из всех крестов мне нужен твой.

2.

пьющая женщина поселилась у тебя в комнате. откупоривает бутылочку, в воспаленное горло вливает ее содержимое,

кренится дальше и дальше, в безумно прохладную темноту

пьющая женщина с проваленным дном затылочным песни поет сумасшедшие, одержимые, водит дрожащими пальцами по твоему хребту

пьющая женщина слабая и изменчивая. вещи ее разбросаны в коридоре и по углам. очень скоро тебя эта пьяная вздорная женщина

острым сколом стакана разрежет напополам.

ты читаешь псалтырь ей, оправдываешь молитвами то, что совестно выкинуть пьющую женщину вон.

а тем временем женщина – грязная и разбитая все равно чертит карты не выигранных ею войн.

я смотрю на твой мир, расползающийся по трещинам, и надеюсь на то, что я, вроде бы, ни при чем.

но во мне просыпается точно такая же пьющая женщина, и буянит во мне, и царапается в плечо.

3.

как обычно, адам пригоняет овец с холмов
адам первый мужчина у евы в утробном мире
в остальных не текла ни людская, ни бесья кровь
обещала ему ева ноги мыть плачем, росой и миррой
а адам спотыкается.
на пороге лежит

ком из
райской глины.
– ева, смеешь ли ты оставлять здесь такой бедлам?

– смею. мы вместе с Боженькой лепим еще одного мужчину

я тебя не люблю, адам

4.

нам пора домой, нам пора к мостам. на коне скакать, бить ногой в там-там. пить сырой огонь, добирая прыть. подорожник рвать – к сердцу приложить, чтобы спас от ран, чтоб не жгло до дыр. нам пора домой. в новый светлый мир, где нас ждет овес, квас и теплый хлеб. где над нами спит синее из неб, тонкое из лун, желтое из звезд. там травой сокрыт прибережный плес. там поет рассвет, хнычет детвора. нам пора домой. нам домой пора.

а ты играешь джаз, ты играешь блюз, ты кладешь в карман пуговки от блуз. и в любом краю в май или апрель некая любовь звать тебя в постель на моих глазах будет без стыда. собран чемодан, талая вода на стекле авто, ладан между строк песен на стихи, да поможет Бог, да простит грехи. слышен за окном ветра волчий вой. кто из нас двоих не придет домой?

дома на печи пироги, компот. дома патефон, контрабас, гавот. дома мышь и сыч, дома кот и еж. дома диафильм, дома брюки-клеш, дома клещ, и ключ, и часовый бой.

я тебя люблю.

нам пора домой.

5.

казанова, ты опоздал на полдня, на пол-истины, на полворота.

все одинокие женщины еще утром уехали прочь из нашего города

чемоданов с собой не взяли, неожиданно дав искрометного стрекача

казанова, ты думаешь, стоит дарить медали тем, кто знает, как вовремя надо рубить сплеча?

мол, пускай с этих пор у них будет прекрасный стимул рвать тоскливые когти, отмычкой вскрывать оковы

и метать по полянам подол в слоевище примул? значит, думаешь, стоит? а я не уверена, казанова!

одинокие женщины верят звездам, таро, пророчествам, картам солнечных пятен, безлунных июльских неб

и повсюду несут за собой это чертово одиночество, отравляя им пресную воду, столовый хлеб

одиночество тянет к закату свои осьминожьи щупальца, прорываясь наружу из родинок на груди

оттого и в округе давно никому не чувствуется, что все хорошее кроется впереди.

казанова, ты щеголь. короной цветов увенчанный. галифе, казанова, отлично тебя стройнят.

мне немножечко жаль, что ты шел не за мной, а за теми женщинами, не похожими ну ни капельки на меня

Илья Рейдерман

«Хочу пошелестеть словами...»

В этом году Илье Исааковичу Рейдерману исполнится 75 лет. Для кого-то это возраст старости, для него – интенсивного творчества. Он музыкальный и художественный критик, философ, но прежде всего – поэт. Предполагал, что перед новой подборкой стихов помещу статью о юбиляре или интервью с ним, – обстоятельства помешали этому сейчас. Надеюсь, что интервью мы опубликуем в декабрьском выпуске. А сейчас, предваряя стихи Ильи Рейдермана, поздравляю его с премией имени Константина Паустовского.

Евгений Голубовский

Автор, роясь в своем архиве, обнаружил, что всю жизнь в стихах занимается своего рода «натурфилософией», размышляя об утраченной нами, городскими жителями, связи с природой. Ему захотелось собрать все эти стихи в книгу, фрагмент из которой он и предлагает.

* * *

Вижу я, как под солнцем трепещет листва, –
эти искры бегущие, блики!
Это жизнь, что жива, это жизнь, что права,
все ее бесконечные лики...
Это строки, которых не в силах прочесть, –
но как можно бы глубже вчитаться!
Может быть, это самая важная весть,
слово истины в ней, может статься.
И пока не успели ее отменить,

и пока не срубили деревья,
нужно жить, нужно длить вековечную нить,
преисполниться нужно доверья…
Разве книга, где листья – слова, мне ясна?
И живя, разве ей не перечу?
Это дерево, зримое мной из окна,
головой мне кивает. Отвечу?

* * *

Всей своей плотью прильнувши к цветку,
запаха розы дай мне, пчела.
Ибо завидно мне, старику,
вспомню, как жизнь и сладка, и мила.
Роза – жужжаньем пчелы поделись,
этим упрямством, упорством пчелиным,
чтобы сказал я мгновению: длись,
не прерывайся, будь цельным, единым.
Черные беды, свет мне затмив, –
словно дожди, без конца, без предела.
Ну а в душе моей тот же мотив,
так же глядит, как когда-то глядела.
Видит, как в розу зарылась пчела,
в вечном и благословенном усердье.
Словно бы в мире и не было зла.
Словно бы есть только жизнь и бессмертье.

* * *

Сквозь нас, конечно, прорастет трава,
когда умрем. Ну, а живем покуда, –
родство с природой только лишь слова,
ее живого мы не знаем чуда?
Ты, жизнь, рукою рану зажимая,
молчишь и терпишь, боль свою тая.
Но как же нам понять, что ты – живая,
самим испить из чаши бытия?

Ужасно скучно жить с тобой в разлуке,
и катятся пластмассовые дни…
Неужто зря деревья тянут руки?
Ах, снова с нами их соедини!

* * *

Упоенно каркает ворона,
и трещит настойчиво сорока.
Это в глубине микрорайона,
там, где рядом – зданья и дорога.
Разве стали мы к природе ближе?
Нет – она к нам ближе поневоле,
ибо всюду – люди, окна, крыши,
нет ей места, нет простора, воли.
Что она, невольница-природа,
прилепившаяся к нам случайно?
Изначально в ней жила свобода
и уму не ведомая тайна.
Стала окончательно средою
(понедельником! – пространством будней!),
и душа, придавлена бедою,
векового камня беспробудней?
Правда, небо есть еще и море
(волны мы еще не замостили).
Ничего, и с ними сладим вскоре
в том же духе и в таком же стиле.
Если дух природы свергнут с трона, –
человек, тебе не одиноко?
…Упоенно каркает ворона
и трещит бессмысленно сорока.

* * *

А счастье – не в былом, и не потом –
сейчас, пока глядишь, всему внимая,
вдохнув весенний воздух жадным ртом,

все горько понимая, принимая.
Ты – зиму пережившая трава,
что зеленеет средь других травинок.
Поймешь, в чем ты неправ, а жизнь – права.
Права – Природа. Этот мир – не рынок.
Всё – неразменно! Всё – лишь в этот миг!
Всё – наудачу, наугад, случайно.
Как солнце – жизнь! На миг покажет лик, –
и спрячется. И снова станет тайной.
Но мы поймаем этот тонкий луч,
зажмем, подобно путеводной нити.
Нам солнце видно даже из-за туч!
Освещены им будут все событья.
Да жизнь права, вступив в свои права.
Весна права. И только мы – неправы.
Гляди во все глаза! Все прочее – слова,
которых не поймут деревья, травы.

* * *

У небес своя забота.
Откровение дождя!
Шепчет он, бормочет что-то,
в грязь весеннюю летя.
Капля – полнота мгновенья.
Эй, откликнись, кто живой!
Смысл такого откровенья
постигаешь, став травой.
Все, что облако таило,
что копило много дней,
что открыло, что излило, –
с каждым днем весны ясней.
Все, что небеса скрывали –
в землю, в тайну влажной тьмы!
И росток – откроет дали.
И цветок – смутит умы.

Только спрашивать нелепо
у очнувшихся от сна,
что им рассказало небо,
прошептала глубина.

Облака на рассвете

Эти облачные громады,
что подсвечены солнцем слегка…
Вы из сахара или из ваты?
Как меняетесь вы, облака.
Солнце так хотело пробиться,
находя просвет в облаках!
Что ж, придется и нам потрудиться,
одолев бессилье и страх.
Эти тучные темные горы,
что по краю – с каймой световой.
Нужно рыть в них глубокие норы,
преисполнившись веры живой.
Разгребая своими руками
эту вату, а может быть, шерсть.
Солнце скрыто за облаками.
Но оно, конечно же, есть!
Лишь раздвинь облака, как стены,
отопри сознанья тюрьму!
…И ловлю я лучик мгновенный.
Да и сам – подобен ему.

* * *

Я в маршрутке еду – одержать победу?
Еду в парк – глазеть на облака,
поздней осенью – сказать спасибо лету,
гладить тополю шершавые бока.
Человечья жизнь – звучит фальшивой нотой,
не настроившись на верный камертон.

Нужно просто подышать свободой,
шелестеть с листвою в унисон.
Не цепляются за ветви листья эти,
а слетают тихо, в воздухе кружа.
Так летит, уже оставив все на свете,
и танцует в небе легкая душа.
Грусти нет. Лишь ясность и прохлада.
И не нужно никаких побед,
если твердо знаешь, что душа – крылата,
что летит она, как бабочка, на свет.

Дерево под окном

Еще вчера – предчувствие и робость.
Что этой ночью с ним произошло?
Все – словно в белом пламени – вот новость!
Все – до последней ветви – расцвело!
Весна и нам ведь подавала знаки,
звала, твердила: нужно поспешить!
Быть может, не хватает нам отваги,
чтоб стать собой, свою судьбу свершить?
Открыть глаза, и вдруг постичь: весна!
Она в тебе, в крови и в сердца ритме.
Она творит, прогнав остатки сна,
и гонит строчку к завершенью, к рифме.
Как деревце – откликнуться на зов!
Рискуя жить, благой отдавшись воле.
…Как сладко снова повторять с азов
всю азбуку и радости, и боли.

* * *

Хочу пошелестеть словами –
как бы пошелестеть листвой.
Стою в твоем, Природа, храме.
Но твой ли я? Увы, не твой.

Могу лишь на твоем пороге
побыть. Вот полдень. Вот гроза.
Не стал я деревом высоким,
что тянет ветви в небеса.
Но все ж слегка понятен лепет
листвы (о чем? – не объясню).
Тут жизнь живет, страдает, терпит,
и просто радуется дню.
Зимою думает о лете,
и лба не морщит, смысл ища.
Она не ведает трагедий
и умирает, не ропща.
А нам – то препираться с веком,
то злобе дня сдаваться в плен,
и становиться человеком,
и падать, и вставать с колен.
Природа, дар ты нам вручила!
Вот мыслей холод, страсти жар.
…Шумит листва и над могилой
того, кто растранжирил дар.

Константин А. Ильницкий

Шевеление букв

Шепот Атлантики

Где брусчатый Кашкайш изогнул свой фасад расписной,
шелестящая речь с каждым часом привычней и слаще.
Океан ли шлифует глаголы шипящей волной,
или, может, у здешних богов пришепетывал пращур.

Шевеление букв – сумасшедших поэтов удел.
У безмолвия вымолить слово – вот это величье.
Ресторан мои ноздри чесночной приправой согрел,
португальскою речью щекочет мое подъязычье.

Шевеление букв – словно гальку прибой раскачал.
Под босыми ногами все шатко – пространство и опыт.
И мне кажется, Слово, что было в начале начал,
прозвучало впервые как шепот. Атлантики шепот.

Оле И.

Хоть и знал тебя воочию,
но искал когда-то,
как бутылочная почта
ищет адресата.

Чудом на песчаном склоне
оказался рядом.

Прямо горлышком в ладони
и с доставкой на дом.

И ветвится вправо-влево
речка неустанно,
как бутылочное древо
нашей жизни странной.

Ты налево, я направо
головы морочим.
Я к тебе, моя отрава,
привязался очень.

И все дальше от истока,
радости к грусти
нас несет одним потоком…
Говорят, что к устью.

* * *

Труха мышления – словесная труха.
Написанные многими раздумья
являют нам примеры скудоумья,
хоть в прозе, хоть в обличии стиха.
И этот спам догонит нас рассылкой.
Кошмарный сон: ритмичный звукоряд,
и на меня пираньями скользят
и скалятся словесные обмылки.

Трухе мышления сродни душевный сор,
где слово ничего не выражает,
а только раздраженье умножает,
когда всем очевиден перебор.

Труха мышления, когда нет больше сил.
Я точно знаю, как это исправить:
под ветер странствий голову подставить,
мелкодисперсность мыслей – на распыл.

Лиза Иванова

Маленькие фантазии

Талантливых детей во все времена было много. Важно вовремя понять, что хочет и может ребенок: кого тянет играть на скрипке, кто рисует, кто пишет стихи и прозу.

Этим и важны детские литературные конкурсы. В этом году в рамках книжной выставки-ярмарки «Зеленая волна» прошел литературный конкурс детского творчества «Море талантов». Двух участников конкурса, его лауреатов, восьмилетнюю Лизу Иванову, ученицу 3-го класса гимназии № 2, и четырнадцатилетнюю Аннету Михайлову, ученицу 8-го класса школы № 63, мы представляем читателям.

Три веселых пугала

Я расскажу вам историю о том, как у нас на огороде живут три веселых пугала. Наша пугало-семейка – это папа Пуголовок, мама смехотушка Пугалушка и ребенок – веселый Пугаленок. Оказывается, что пугала могут разговаривать, и соответственно, наши пугала говорящие и любят пообщаться и посмеяться. Недавно наши соседи рассказали нам, что когда мы уезжаем, наши пугала радостно бегают по огороду, играют в салки, прятки и жмурки. Но когда мы возвращаемся, они притворяются и замирают. Днем они наблюдают за тем, как мы порпаемся в огороде, смеются над курносыми лопатами и длинноносыми лейками и подшучивают...

Когда смеркается, и мы заходим в дом, наша семейка ленивцев-наблюдателей устраивает на пенечках чаепитие с сушками и болтает о том, кто что посадил и кто что перекопал, и какие мы люди смешные... А ночью устраивают пляски под фонарем,

высматривают падающие звезды и загадывают желания, снова и снова пересчитывают их и гуляют до утра в саду…

Пробегает ночь по окрестностям, и месяц юный, будто юнга, проводит их к дому и помашет рукой: «Пока».

Лизкина осень

Ноябрь. Сижу на скамеечке в парке. Под ногами прохожих шуршат листья, хрустят ветки. Вдалеке слышен шум города, трель трамвая.

У каждого месяца осени свой звук. И своя осенняя краска, свой особый запах. Горький и сырой. Запах сухих листьев, травы, сломанных веток, ушек клена, стручков акации и запах дыма.

Уже вечереет – жаль, что так рано. Яркие оранжевые пятна, большие и маленькие, просвечивают парк, и он становится будто прозрачный. Это светят фонари.

У аллеи грустный вид. На охристом фоне листвы четко вырисовываются одинокие черные деревья. Парковые великаны стоят полностью голые. Они похожи на силуэты людей, которые тянут свои ветки-руки друг к другу, как будто обнимаются или держатся за руки.

К вечеру все затихает, только сердитое карканье вороны нарушает эту тишину. Холодно.

Аннета Михайлова

Надежда – мой компас земной

Это случилось в День всех влюбленных, 14 февраля. Наша семья собралась тогда за большим круглым столом, покрытым вышитой скатертью, не просто так: в этот день 37 лет назад мои бабушка Надежда и дедушка Николай стали мужем и женой.

Вместе мы смотрели старые фотографии. Бабушка, как всегда, пела свою любимую песню «Надежда», вспоминала певицу Анну Герман, грустила об ушедшей юности, а дедушка говорил, что грустить не стоит, что прошлое всегда с нами, и все, что мы имеем, исходит из прошлого.

– Как это? – спросила я.

– Очень просто, – ответил дедушка. – Прошлое – основа настоящего и будущего. Говорю как историк. Вот, например, если бы много лет назад я не встретил твою бабушку, то тебя не было бы на этом свете.

…Почему-то раньше мне никогда не приходило в голову спросить, как же они познакомились – простой паренек из Вилково и коренная одесситка. Я задала этот вопрос, а бабушка попыталась отшутиться:

– Знаешь, детка, Михаил Жванецкий говорил: «Земля маленькая, а Одесса большая, и она тонким слоем растеклась по всей Земле». Так и познакомились.

– А если серьезно? – не унималась я.

– Если бы не Фельнер с Гельмером, не Боффо со своей чудо-лестницей, не Анна Герман со светлой песней «Надежда», то не было бы на свете ни твоей мамы, ни тебя, – улыбаясь, ответила бабушка.

Видимо, мое лицо имело такое нелепое выражение, что бабушка и дед рассмеялись и рассказали мне историю своей любви.

В июне 1974 года мой дедушка Николай, большой любитель истории и археологии, приехал в Южную Пальмиру, чтобы стать

студентом. А юная бабушка готовилась поступать в музыкальное училище, чтобы научиться петь, как Анна Герман.

В этот день она пела особенно хорошо. Прогуливаясь по берегу, вдыхая свежий морской воздух, она напевала свою любимую песню «Надежда»: «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость…».

У подножия Потемкинской лестницы ее окликнул молодой человек.

– Вы очень красиво поете. Скажите, могу ли надеяться на награду за смелость?

– Сейчас вы сами поймаете мою мысль или вам помочь? – по-одесски вопросом на вопрос ответила бабушка и стала подниматься по лестнице.

– А хотите, мы посчитаем вместе ступеньки? Их должно быть ровно 192!

И дедушка начал говорить очень быстро, словно боялся, что бабушка убежит или испарится, как виденье. Говорил о том, что раньше у подножия лестницы плескалось море, о том, что ступени из итальянского серо-зеленого песчаника, что автор – архитектор Боффо, и что построили ее в XIX веке, а называли и Николаевской, и Бульварной, и Гигантской.

Они медленно поднимались, а дедушка все говорил и говорил. О том, что Гигантской лестницу назвал посетивший Одессу Марк Твен. О том, что Жюль Верн в одном из своих романов писал о ней как о монументальной. И что Потемкинской ее назвали после фильма Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин».

– А еще говорят, что Потемкинская лестница – восьмое чудо света. Это правда, как вы думаете?

– Чудо я здесь вижу только одно! – строго сказала бабушка, имея в виду дедушку, хотя понимала, что строгость эта напускная, ненастоящая.

Человек, который с такой любовью рассказывал о ее родном городе, не мог не понравиться ей. Многое из рассказанного юношей она слышала впервые.

– А хотите, я покажу вам настоящее чудо?

И бабушка повела молодого человека к своему дому в Воронцовском переулке, 4. С первого взгляда – дом как дом, мало чем отличающийся от остальных старых жилых построек. Но как же удивился

дедушка, когда посмотрел на дом сбоку, с определенного ракурса, – он был плоским, как будто от него осталась одна фасадная стена!

– Как же такое может быть? – воскликнул дедушка.

– Секрет архитектурного обмана в том, что задняя стенка дома сразу прилегает к фасадной, то есть здание имеет треугольную форму, – сказала бабушка. – Говорят, что во время строительства дома еще в царской России не хватило средств на постройку боковой стены, вот и пришлось свести две стены вместе. А знаете, – таинственно прошептала бабушка, – наш дом называют «Ведьминым». Не боитесь, что я ведьма?

Дедушка не боялся.

– Как зовут ведьму?– поинтересовался он.

– Надежда, – ответила бабушка.

– Значит, будете моим компасом земным. Для начала покажите, где у вас оперный театр. Я много читал о венских архитекторах Фельнере и Гельмере и хочу своими глазами увидеть Мельпомену над главным портиком на фасаде.

Пока мои юные бабушка и дедушка рассматривали скульптурные группы на сюжеты из древней мифологии, восхищаясь Орфеем и Терпсихорой, один из шестнадцати амуров выстрелил им в сердца своими золотыми стрелами.

Спустя некоторое время бабушка стала учиться петь, а дедушка поступил на исторический факультет университета. А еще он получил достойную награду за свой ум и смелость. Надежда стала его компасом земным – вышла за него замуж.

– Вот так, внучка, прошлое стало основой настоящего и будущего, – сказала бабушка.

А мое воображение нарисовало идущих по Потемкинской лестнице из прошлого в будущее моих молодых и влюбленных бабушку и дедушку. И я поняла: если бы не мой родной город Одесса, не его славное прошлое, не любовь моего деда к истории и бабушкино увлечение чистым и прозрачным, как ручей, голосом Анны Герман, никогда не стала бы Надежда из Ведьминого дома компасом земным для Николая, не появилась бы на свет моя мама и не было бы никогда меня.

Теперь я знаю: сколько бы лет ни прошло, как далеко ни была бы я оторвана от дома, моя семья и моя Одесса – это моя опора, моя надежда и мой компас земной!

Людмила Еремина

Леонид Пастернак в Люксембургском музее

В залах Одесского художественного музея проходит выставка произведений из фондов музея, посвященная 150-летию со дня рождения Л.О. Пастернака и Т.Я. Дворникова и к 160-летию со дня рождения К.К. Костанди. Выставка рассчитана на длительный показ (апрель – июль 2012 г.), чтобы одесситы и гости нашего города успели ознакомиться с произведениями, которые большую часть времени находятся в запасниках.

В связи с темой выставок мое внимание привлекла история картины Л.О. Пастернака «Студенты перед экзаменами», которой хочу поделиться. Просматривая периодическую печать за 1900-е годы, я встретила в газете «Одесские новости» от 24 мая 1900 г. сообщение о том, что «…в Одессе в настоящее время гостит известный художник Л.О. Пастернак. Через две недели художник выезжает в Париж на выставку. Императорская академия художеств отправила коллекцию рисунков Пастернака к роману Л. Толстого «Воскресенье» в русский отдел Всемирной выставки, где они теперь уже выставлены. Коллекция эта приобретена у Пастернака одним московским любителем».

Далее, в газете «Одесские новости» от 5 ноября 1900 года в рубрике «Разговоры» сообщается: «…Картину Пастернака «Студенты» (имеется в виду «Студенты перед экзаменами») приобретает Люксембургский музей. Факт знаменательный. Парижский Люксембург – один из первых художественных музеев в мире. Сюда может попасть только очень большой художник, и то, если он француз. Картин, принадлежащих иностранцам, в Люксембурге всего несколько. Русских картин ни одной. «Студенты» Пастернака будет первая русская картина в знаменитом музее – если про-

дажа состоится. Дело в том, что «Студенты» были приобретены еще несколько лет тому назад госп. Г. в Москве. Он изъявил согласие на посылку картины в Люксембург в Париж на выставку, не ожидая, что она обратит на себя внимание администрации Люксембургского музея. Вопрос в том, пожелает ли госп. Г. расстаться с картиной. Вообще, этой картине необычайно повезло за границей. Она получила золотую медаль в Мюнхене, потом в Париже».

Сегодня можно найти ответы на все свои вопросы в Интернете, где и сообщается, что правительство Франции приобрело для Люксембургского музея со Всемирной выставки в Париже в 1900 г. картину русского художника Л.О. Пастернака «Студенты перед экзаменами», где она и хранится в настоящее время. Таким образом, госп. Г. из Москвы пожелал расстаться с данной картиной в пользу Люксембургского музея. И это приятно. Но, к сожалению, оригинал мы никогда не увидим.

На проходящей в музее выставке кроме картин Пастернака из фондов музея представлен богатый архивный материал из коллекции известного одесского ученого, коллекционера, краеведа Михаила Пойзнера. В числе многочисленных книжных изданий

разных лет, фотографий из жизни Л.О. Пастернака и открыток мы находим и фотографию с картины «Студенты перед экзаменами», которая подписана на французском языке и удостоверяет, что находится она в Париже в Люксембургском музее.

Спасибо коллекционерам. И особая благодарность коллекционеру Михаилу Пойзнеру, который с таким вниманием и любовью собирал в течение многих лет этот материал, со знанием дела оформил его и принял самое активное участие в создании выставки.

Валентина Голубовская

«...Божественная Нина Аловерт!»

Нина Аловерт – один из самых известных балетных критиков, чьи статьи о балете публикуются в самых престижных изданиях США, Европы, России и Японии… И не только статьи, но и книги о Михаиле Барышникове, Николае Цискаридзе и других выдающихся мастерах искусства Терпсихоры с текстами и фотографиями автора высоко оценены в мире балета.

Под большинством фотографий в книгах о Сергее Довлатове и книгах самого Довлатова стоит подпись – «Фото Нины Аловерт». Ее же фотографии можно встретить и в книгах об Иосифе Бродском, и о других – из замечательной питерской плеяды.

…Я помню Нину Аловерт со своих университетских лет в Ленинграде. Хоть я училась на кафедре истории искусства, но часто бывала на кафедре истории Средних веков. Ходила слушать спецкурс профессора М.А. Гуковского, посвященный Леонардо да Винчи. Это было настоящее погружение во времена Леонардо – детали, подробности, запомнившиеся на всю жизнь драгоценные мелочи этой прекрасной эпохи.

Нина была ассистентом, аспирантом, душой кафедры медиевистики.

Она была молодой прелестной женщиной, и мне казалась воплощением той благородной петербургской породы людей, на исчезновение которой жаловались коренные петербуржцы и в те далекие шестидесятые годы.

Живой ум, доброжелательность, приветливая улыбка и легкая ирония вспоминаются мне, больше наблюдавшей ее со стороны. С благодарностью вспоминаю, что благодаря Нине Аловерт я посмотрела почти все спектакли в Театре комедии – театре Николая Акимова.

Николай Павлович Акимов был не только замечательным художником и режиссером, но и человеком, сохранявшим завидную молодость души. Перед премьерой он устраивал «прогоны» для студентов. Нина (позже она станет заведовать музеем при Театре комедии – театре Николая Акимова) и на нашу кафедру приносила приглашения-контрамарки на эти предпремьерные прогоны.

Уже в те годы Нина не расставалась с фотокамерой. Простившись с медиевистикой, Нина Аловерт стала балетным, театральным фотографом и критиком, присоединив к искусству света искусство слова.

С 1977 года Нина живет в США.

Как книги о мастерах балета, статьи в журналах, посвященных балету, так и выставки фотографий Нины Аловерт в самых престижных выставочных залах и галереях становятся событием в культурной жизни многих столиц.

Нине Аловерт писали восторженные посвящения многие, в частности, Сергей Довлатов на каждой своей книге, подаренной Нине, писал веселые, порой иронические и грустные строки, вот хоть эти – первое из посвящений:

«О! Если б мог в один конверт
Вложить я чувства, ум и страсти
И отослать его на счастье
Милейшей Нине Аловерт!..
Тогда бы дрогнул старый мир
И начался всеобщий кир!

15 ноября 79. New York. С. Д.»

А мне запомнился мадригал в ее честь в факультетской стенгазете – полвека тому назад:

Сам Аполлон перед тобой лишь жалкий смерд.
Все девять муз тебя талантами венчали.
Живи средь нас, не знай печали,
Божественная Нина Аловерт!

Нина Аловерт

Четыре фотоновеллы

Последние дни рожденья
1974

Известно, что Михаил Жванецкий и Михаил Барышников были в Ленинграде в очень близких приятельских отношениях. В январе 1974 года мы с Жванецким были на дне рожденья у Барышникова, компания была немногочисленная, своих друзей из театра Барышников собирал на другой день. Жванецкий сделал Барышникову «царский» подарок – свой новый рассказ. Этот рассказ, который он и прочитал всем гостям, начинался так (пишу по памяти): «Звучит легкая, очень легкая румынская легкая музыка. По дороге бежит человек с веревкой на шее. На работе на него накричали. Дома на него страшно накричали. Он бежит и пробует пальцем веревку…».

На фотографии – тоже снято застолье несколько позднее, весной того же 1974 года, в Доме искусств (Доме актера) на Невском проспекте. Что мы праздновали, не помню. Возможно, день рожденья Жванецкого. По правую руку сидит Кира, которую мы тогда в нашей ленинградской компании называли подругой Жванецкого. Миша читает свои рассказы. «А, вот это мне нравится!» – восклицает он нараспев – этот момент виден на фотографии. К сожалению, остальная съемка не сохранилась. А дальше произошло вот что. Где-то уже часов в 11 вечера прибежал веселенький Барышников в сопровождении милой барышни, одетой в длинное светлое платье типа «татьянки» (так называли модные тогда платья, перетянутые под грудью, какие носили пушкинские героини). Барышников поздравил Жванецкого, но оставаться с нами за столом не мог, он уезжал в Москву, впереди у него было выступление в Большом театре, а затем поездка в составе гастрольной группы танцовщиков – в Канаду, откуда он больше к нам не вернулся.

Через три года и я уехала в Америку, немного позднее – Кира. Но что мы знали об этом весной 1974 года? Веселый Жванецкий

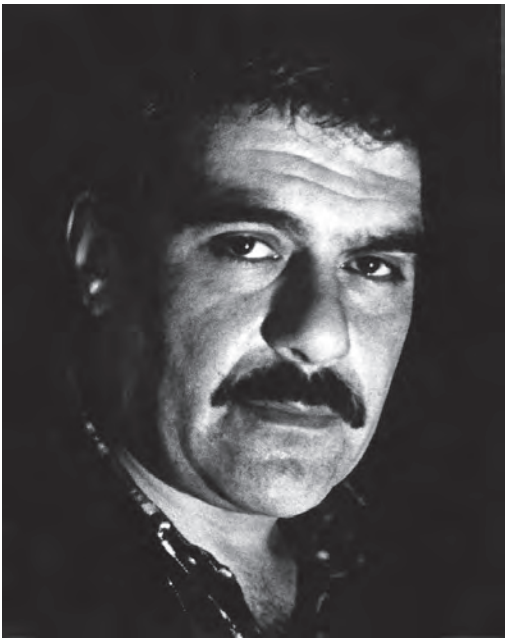
читает свои гениальные рассказы, я снимаю просто для памяти, и молоденький Барышников смеется за пределами этого случайно сохранившегося кадра.

Бродский
1984

Фотография снята во время выступления Иосифа Бродского перед русской аудиторией в Нью-Йорке. Выступал Бродский в Сохо, в новой галерее Эдуарда Нахамкина (прежняя находилась на авеню Медиссон). На стенах были развешаны фотографии Бродского ленинградского периода, снятые другом поэта Львом Поляковым. В зале, где яблоку некуда было упасть, собралось человек пятьсот. Бродский был в хорошем настроении, много читал. Я снимала. Наверно, я спросила у него заранее разрешения. Снимала и во время чтения, хотя старалась делать это не чересчур часто. Но сидевшие вокруг трибуны, за которой стоял Бродский, его знакомые, страшно возмущались моей «бестактностью». Я это обнаружила только тогда, когда напечатала фотографию, поскольку во время чтения, естественно, никто мне замечания не делал. Слева от трибуны сидят друзья Бродского, литературовед Геннадий Шмаков (ближе к трибуне), затем Роман Каплан, в то время – владелец ресторана «Русский самовар», который являлся своеобразным русским клубом в Нью-Йорке. Справа неизвестные мне люди у подножья трибуны тоже возмущенно на меня взирают. Все они просто испепеляют меня взглядами. И только Бродский не обращает никакого внимания на меня и щелчки моего аппарата и упоенно читает свои стихи внимающему ему залу.

Барышников в Ленинграде

Зимой 1972 года Михаилу Барышникову, «восходящей звезде» Кировского балета (Мариинского театра), предложили сняться на Ленинградской студии телевиденья в адажио из «Жизели». Он

пригласил Наталью Бессмертнову, прима-балерину Большого театра, в качестве партнерши. Это была дерзость с его стороны по тем временам: самому выбирать себе партнершу, да еще из другого театра. Придя на студию, я увидела Мишу сидящим на подоконнике. «Я ушел из театра», – сказал он мне вместо приветствия.

Оказывается, утром этого дня Барышников пришел к директору театра П.И. Рачинскому просить разрешения репетировать с Бессмертновой в театре. Директор не только отказал, но и добавил: «Я запрещаю тебе сниматься с Бессмертновой. У нас достаточно своих балерин в театре. Что же, они – хуже?». Рачинский, в прошлом – пожарник, личность властная и амбициозная, управлял театром, как своей вотчиной. Ему в голову не могло прийти, что танцовщик, пусть к тому времени уже и знаменитый, посмеет его ослушаться. Но Миша был другой человек. Когда дело касалось его творческой жизни, он отстаивал свою позицию, не боясь вступать в конфликт с начальством. Барышников написал заявление об уходе из театра, оставил его в дирекции и уехал репетировать с Бессмертновой в студии телевиденья. История мгновенно разлетелась по всему театру. В середине дня на студии стали появляться артисты, занятые в других съемках. Реакция была парадоксальной, многие осудили Мишу. Запуганные, привыкшие к повиновению люди, не могли простить Барышникову, что он посмел… Новость разлетелась по городу, и на репетицию стали стекаться друзья Миши, балетные критики, сотрудники ТВ.

Дальнейшие события развивались быстро: заявление Барышникова об уходе аннулировали. Балетная молва сейчас же создала легенду: Рачинский поехал с заявлением Барышникова в высшие партийные инстанции, где ему сказали, что он может подписать это заявление, но пусть рядом положит и свое – тоже об уходе из театра, и оно тоже будет подписано. Рано утром (согласно той же версии) за Мишей приехали на черной «Волге» два секретаря директора, буквально вытащили его из постели и повезли в театр. Рачинский стоял на пороге театра с распростертыми объятиями и говорил укоризненно, но ласково: «Что же ты, Миша! Я ведь люблю тебя, как родного сына!». Конечно, это легенда, но Рачинский действительно не мог уволить

из театра танцовщика, без которого театр не приглашали на гастроли заграничные импресарио.

Но как бы ни происходили события на самом деле, все это было потом. А в тот незабываемый день в атмосфере нервозности, зависти и восхищения Жизель Бессмертновой и Альберт Барышникова казались существами иного мира, а их дуэт виделся нам символом вечной любви и красоты, неподвластной времени и злобе дня.

Не знаю, что стало с той пленкой, на которую был снят дуэт, говорят, ее «смыли», как только стало известно, что Барышников остался на Западе. У меня же сохранились мои фотографии.

Мистическое искусство фотографии

Любое искусство – немного мистика. Почему композитор слышит музыку? Почему художник видит краски на холсте? Кто подсказывает слова писателю? «Напрасно, художник, ты мнишь, что своих ты творений создатель», – писал поэт А. Толстой.

В искусстве фотографа тоже достаточно загадочных моментов. Мне приходилось не раз замечать такой факт: два фотографа стоят рядом, снимают одного и того же человека, а выражение лица у этого «одного и того же человека» на их фотографиях – разное. Когда я снимаю портрет человека в жизни или артиста на сцене, для меня самое главное войти с ним в невысказанный в словах контакт. Не хранят ли потом фотографии эту мгновенную душевную связь фотографа и того, кого он снимал?

С Сергеем Довлатовым я познакомилась в 1989 году, когда, приехав в Нью-Йорк, он впервые выступил перед русской аудиторией с чтением своих маленьких рассказов-зарисовок, названных потом «Соло на ундервуде». Там я и сняла эту фотографию. Довлатов недовольно посмотрел в мою сторону и спросил у своей знакомой: «А это еще кто?!».

После этого я снимала Довлатова на протяжении всей отпущенной ему жизни.

Летом 2011 года по приглашению главных редакторов петербургского журнала «Звезда» я готовила выставку фотогра-

фий Довлатова: это было мое участие в конференции, посвященной писателю. Я часами сидела в своей американской квартире за столом, буквально заложенным кипами снимков разных размеров, отбирала материал для выставки. Затем также часами сидела у компьютера, увеличивая сканированный снимок, вглядывалась в лицо на портрете: не пропустила ли каких-нибудь огрех, которые надо заделать в фотошопе? Однажды среди бела дня ко мне пришел водопроводчик чинить кран. Он возился на кухне за моей спиной, я разбирала фотографии на столе. Вдруг зазвенел телефон, но не мой домашний, а, по-видимому, мобильный, хотя звук был незнаком, поэтому я сначала не реагировала. «Это не мой телефон звенит, это ваш», – сказал водопроводчик. Я никогда не помню, куда я положила свой мобильный телефон. Звук шел из-под фотографий на столе, я наскоро порылась в снимках, но телефон не нашла. Вечером я разговаривала по своему домашнему телефону с подругой. Опять на столе зазвонил телефон. «Ответь, – сказала подруга, услышав звонок, – спроси, кто, я подожду». Я не хотела прерывать разговор. «Потом посмотрю, кто звонил». Позднее я вспомнила про звонок и стала искать свой мобильник. Я убрала со стола все фотографии, но нашла его в сумке в другом конце комнаты. Мобильник был отключен.

Разумного, нормального, реалистического объяснения этому факту у меня нет.

Нью-Йорк

Эвелина Шац

Множимость я, или Мультивидуум

1. Над всем Шекспир

Я царь – я раб – я червь – я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.
Гаврила Державин

Мистификации и Игры

Я инок я клоун
бродяга и шут
я гений луны
поэт я и плут

Я дервиш я старец
я обердада́
арлекин я и принц
из страны Никуда

э. ш.

Несметноликий – называл его Колридж.

Главное открытие Шекспира – существование многих правд – не только правды поэзии и правды трагедии, правды комедии

и правды преступления, но разных правд разных людей, то есть множественности самой правды.

Шекспир сам состоит из разных правд. К тому же каждая эпоха вкладывает в него нечто свое. Так можно говорить о разновременных Шекспирах. Есть ренессансный, барочный, маньеристский, романтический, реалистический, модернистский, а был еще, так у И. Гарина, средневековый, елизаветинский, всецело принадлежавший своему времени. Шекспир магический, Шекспир снов и ужасов, фарсов и фикций, фантомов и фанатов. Шекспир – шутовского хоровода масок, юродивых и кикимор.

Беккет-Шекспир ожидания Годо и тышлеровский Шекспир выставочных залов, вагнеровский Шекспир огромных байрейтовых действ и вердианских опер бесконечной вереницы мировых сцен и арен.

А сколько заимствованных у Шекспира аналогий, мотивов, образов, элементов фабулы. Несколько примеров: рассказы Тургенева «Степной король Лир» и «Гамлет Щигровского уезда», «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова и… Шостаковича. Многочисленны пародийные использования шекспировских мотивов в публицистике, в политической сатире, в литературной полемике. Постоянно исследуется шекспировский код поэтики Пастернака, Цветаевой, Ахматовой и др.

Многомерное время

А вот что пишет Мандельштам о Хлебникове: «…Хлебников мыслил язык, как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени… Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии». Он сам – мультимир, подобно Данте или Леонардо, Йозефу Бойсу или Олегу Кулику.

Так господство вечного творения уничтожает злобу дня, подтверждая процесс отчуждения текста в процессе творения. Сценическое пространство текста лишено рампы: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед

ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют, текст – это то неделимое око, о котором говорит поэт в семнадцатом веке (Ангелус Силезиус) или Толстой в России: «Глаз, коим я взираю на Бога, есть тот же самый глаз, коим он взирает на меня». Это похоже на концертный зал: свет освещает одинаково оркестр и партер, на который проливается сценическое пространство.

Поэтому искусство, особенно сегодня, театрально по самой сути, а художник – это тот, кто средствами своего искусства (любое из них с поправкой на его природу можно сделать театром) наибольшей многоликостью сумеет выразить себя, или, другими словами, – то, что чувствует каждое из его Я, и размножение их в среде выражаемого. В среде и во времени, которое у него тоже многолико, приобретает дополнительные измерения. Каждый персонаж и все отношения у Шекспира многомерны во времени. Они означают сегодня одно, но если выйти за черту настоящего, если удлинить временную перспективу, они же могут означать отнюдь иное. Сегодня доминирует Яго. Но Отелло или Дездемона со всей их стихией прорывают настоящее – они обогащают трагедию будущим. Где ждет нас Гамлет. На каждой ступени этого будущего. Из всех героев Шекспира только Гамлет мог бы написать шекспировские произведения.

Протеизм и эвристика

Против убожества черни, бесовства массовости он развернул космический щит своего несметноликого Я, размноженного вечноменяющимися, говорящими двадцатью тысячами слов героями, на сцене его самого, Шекспира, ищущего себя по трем черепам. Потому что загадка Шекспира существовала уже и для самого Шекспира. Как и для всякого мыслящего человека. Потому что мыслить – это и значит спрашивать себя: кто я? При этом не только умножение, но и растворение единственного, неповторимого шекспировского Я в сонме характеров, порожденных его воображением, являло другой аспект органичности подлинно творческого акта.

Сам Творец, единый Бог – Elohim, значит множественный по форме и по проявлениям, но единый по сути. И с множеством имен. Все великие творцы – протеичны и эвристичны.

Эвристика является стратегией выбора самого быстрого решительного и неповторимого решения, эвристические методы и принципы наталкивают на поиск и использование нетривиальных шагов. Принципиальная междисциплинарность характерна этой уникальной сфере.

Уже в знаменитом и спорном отрывке из «Поэтики» Аристотель советует актеру на сцене претворяться по мере действия в каждый свой персонаж, чтобы выразить все страсти представления как можно убедительнее.

Протеизм Шекспира, означающий склонность индивида к экспериментам над собой, принадлежит 20 веку. Еще в 1970-е гг. психологи отметили появление протеического типа личности, сочетающей в себе свойства разных индивидов. Это не шизофренически расколотая, а богатая, многоролевая, многосамостная личность, мультивидуум, которому тесно в рамках одного Я. Собственно, эта множимость Я, многосамие, всегда наблюдалась в актах художественного творчества, когда личность условно, на сцене или в тексте, перевоплощалась в других. Я противоречу себе? Прекрасно, значит, я противоречив. Я велик, меня – миллионы, multitude (Уолт Уитмен).

Итак – подобный мне, который суть Все и Ничего. Everything and Nothing (Луис Борхес).

Быть или Не Быть. Я или не Я.

Сказать Я это уже различие (У.Б. Йейтс).

Мультигеографичность

Может оно обитать и различные географии.

«Годы жизни Владимира Друка неизвестны, – пишет поэт Виктор Коркия. – Три государства – Россия, США и Израиль – ревниво оберегают эту тайну, которую каждое из них считает своей государственной тайной. И тот факт, что она известна

не только самому Друку, но и всем остальным, включая алеутов, эскимосов, пигмеев и печенегов, не делает ее менее таинственной.

чем более я
тем менее я
тем не менее – я

Эти строки Друка – не что иное, как обобщение всеобщей частности до частной всеобщности.

кто если не я?
я если не я!

Гений сначала ищет выход, а потом уже называет его входом», – завершает свою мысль Коркия.

Лучистое человечество

Может быть, дети индиго или дети-кристаллы и являются предшественниками нового ноосферного времени Вернадского. Дети индиго, но куда они спешат? Разве мудрость может быть торопливой? Их будущее не наступило.

Диапазон электромагнитных колебаний, исходящих от тела индиго, втрое больше, чем у обычного человека. Генетики считают, что все дело в геноме. Новая раса отличается от нас своим генетическим кодом. Молекула ДНК содержит в себе 64 кодона. У индиго включены 35 и более кодонов – единиц генетической информации, зашифрованной в молекуле ДНК. У обычных людей работают 20 кодонов. Очевидно, что «спящие» 44 кодона из 64 – это резерв. И если они «просыпаются», человек обретает новые качества.

Не говорил ли уже Циолковский в беседе с Чижевским:

«И вот, когда разум (или материя) узнает все, само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство».

2. Многочисленное эхо зеркал

Жиль Делёз

Пластика перевоплощения, или Бал-маскарад гетеронимов

Вся толпа Эв

Жила-была Эва. Она родилась в Одессе, поэтому ее было так много внутри, что когда она выходила из себя, образовывалась целая толпа. Все вышедшие Эвы тут же принимались читать стихи и беседовать друг с другом об искусстве. У Эвы был рыцарь. Он не умел выходить из себя толпой и очень терялся, пытаясь одновременно ухаживать за каждой Эвой в отдельности. При этом терялся рыцарь настолько самозабвенно, что порой вся толпа вынуждена была его долго искать.

А. Голованова. «Жили-были», сказки

Пожалуй, человек меньше всего бывает самим собой, когда он говорит от себя. Дайте ему маску, и он станет правдивым. Мы бредем сквозь самих себя, встречая призраков, преступников, братьев по духу, кровных врагов, но всякий раз встречаем самих себя. Подобно Гойе в портретах, в которых его Я просачивается сквозь историю.

«Занятно было бы почувствовать себя двумя королями сразу (не единой душой их обоих, а напротив, двумя разными душами)», – писал португалец Фернандо Пессоа. Кроме португальского он писал на английском, французском, латинском и других языках под несколькими десятками придуманных им литературных масок-гетеронимов, из которых наиболее известны Алваро де Кампос, Алберто Каэйро, Риккардо Рейс. На основе биографии и произведений поэта написаны романы «Год смерти Риккардо Рейса» Жозе Сарамаго и «Три последних дня Фернандо Пессоа» Антонио Табукки. А в новом романе Сарамаго сталкивает героев-авторов Борхеса и Пессоа. Так размножалось Я великого португальца. История гласит, что накануне или после смерти он предстал перед Господом и обратился к нему со словами: «Я, бывший всуе столькими людьми, хочу стать одним – Собой». И глаз Творца ответил ему из бури: «Я тоже не я: я выдумал этот мир, как ты свои созданья, Шекспир – мой, и один из призраков моего сна – ты».

Он всю жизнь думал о своем родном португальском как о наречии иностранном. Тут же возникают параллели такому инотерриториальному существованию с его языком в языке: Гейне, Конрад, Ницше, Кафка, Борхес, Набоков, позже Беккет и Бродский, Милош и Целан, Пас и Уолкотт, Айги и Шац, вечные изгнанники в реальности и воображении, в строе мысли и складе речи. Помните у Мандельштама, «Памяти А. Белого», – «пространств инакомерных норы»? Кстати, не кротовые ли норы – некие тоннели в пространстве-времени antiliteram предположил с Эйнштейном-Розеном наш поэт?

Кто-то размышляет не напрасно: Но может быть, язык литературы житейскому лексикону и академическому словарю – вообще всего лишь омоним? Или шифр какого-то нездешнего наречия, криптограмма, смысл которой надо по иным правилам читать и иначе понимать?

ведь зазеркалий много на краю
неокоемной ойкумены

э. ш.

Козьма Прутков и богатый масками небосклон русского символизма. Обэриут Даниил Хармс, Чармс, Шардан, ДСН, а в действительности Даниил Ювачев. Ромéн Гари́, настоящее имя Роман Кацев – французский писатель российского происхождения, литературный мистификатор, кинорежиссер, военный, дипломат. Другие псевдонимы: Эмиль Ажар, Шатан Бога, Фоско Синибальди. Дважды лауреат Гонкуровской премии (один раз под именем Эмиля Ажара).

Эмманюэль Левинас в своем эссе памяти Пауля Целана, анаграмма Пауля Анчела, утверждал, что ни сознание, ни язык невозможны без Другого, и что поэзия – путь к этому Другому. Иначе откуда и зачем язык? Для чего и к кому бы на нем обращаться? Неутолимая, ни с чем не соразмерная жажда быть собой и другим. Так маски съезжаются на бал-маскарад настойчивых многомерных Я, этакий непростой междусобойчик или просто шабаш поэзии. Биографий у поэтов не бывает. Их биография – поэзия. Вот и гуляют. Калейдоскоп личностей, маскарад выступающих, пишущих, воюющих, творящих каждый свое в едином творческом организме автора.

Умножая маски и ремесла
Я – вымысел или не вымысел совсем.
Но Боже мой, как многочисленно оно.
Сему весьма нещедрому вручаю миру
Я мое, которое изобретаю неизменно
и снова обновляю вопреки
в том мире, что для меня суть степь=библиотека
а книга в той степи – шатер и дом, и Витториале
где счастливо читаю стихи Мальро:
Хотелось бы Д'Анунцио мне быть или ничем

э. ш., вариации с итальянского

Говорил Чижевский: «Мои стихи вы знаете. В них я кое-что сказал о космическом смысле материи». Парафразируя ученого, хотелось бы пригласить познакомиться с моей поэзией, где много раз я обращаюсь к теме этого текста.

«Нет, друг мой, Вы не забавлялись мистификациями и не раздирались внутренними противоречиями. Вы были наделены высшей и самой пагубной сложностью, проистекавшей от ощущения пустоты в душе и в мире. Вы не были певцом Ничего – напротив, предметом и сущностью Вашей поэзии было Все, безмерный избыток Всего, трагическое осознание бесконечного множества вероятностей, которому не противоречила вера в Судьбу», – так писал в письме к Фернандо Пессоа Жоржи Де Сена.

Марсель Дюшан

Смерть автора или гиперавторство: риск или провокация

Ныне человек за свою жизнь проносится сквозь многочисленные модусы стремительно меняющегося мира. Соответственно, мобильность стала почти необходимым качеством выживания.

Мобильность не только географическая, но и половая, интердисциплинарная, итертекстуальная.

По своим половым признакам огромное число родов деятельности внутри изобразительного искусства не относятся к изобразительному искусству. Перформанс практически относится к театральному роду деятельности, видео смыкается с клипами и перформансами.

Оказалось, что автор – это не текст, автор – это больше, чем текст. То есть максима *автор умирает в тексте* заменилась на *текст умирает в авторе*. И текст стал частным случаем авторского проявления в обществе и в культуре. Он многомерен и проявляется в номадологической ризоморфной среде.

Такие художники, как Кокто, Пазолини или молодой Евгений Понасенков (в семидесятых пошла волна рождений детей индиго), которые перемещаются из изобразительного искусства в литературу, поэзию, театр, кино, из любви гетеро в гомо. Отцы и деды – омовозлюбленные. Иногда это – макабрная пляска несогласных между собой, взбесившихся Я, страдающих друг от друга: Гайд и Джеккил. Но чаще, когда страдает один, другому весело.

Лично я меряю, как платья, истории, которые живописую. Так рождаются Автобиографические потешки, где я меняю свои биографии, будто играю в площадном театре масок. Развлекая себя в первую очередь. Мой шестикнижный Канцоньере – адресная книга поэзии, но множество читателей читают ее как обращение: это – им, это – о них.

Многообразие Я – творящего и я – воспринимающего создают новую текстуру, тот самый концертный зал, где сценическое пространство сливается с пространством зрительным, с ипостасью наблюдателя.

И что происходит? Не вставая с кресла, наш наблюдатель включает экран (телевизора), переключается с канала на канал и руководит таким образом зрелищем, умножая заданный текст. «Кино же уходит в информационное пространство, которое тоже множится, включает в себя не только звук, не только изображение, но и все богатство других информационных технологий. Эти технологии перестанут быть только информационными, но ста-

нут и эстетическими, и креативными, и еще какими-то – какими, мы даже представить себе пока не можем» (Питер Гринуэй).

Итак, наступает смерть автора, стирание подписи, о которой писали Р. Барт, М. Фуко и их бесчисленные последователи, ни разу, между прочим, не отказавшись от своей подписи и от включения очередного смертного приговора в список своих авторских публикаций… На самом деле это не конец, а начало новой эпохи гиперавторства, размножения авторских и персонажных личностей, странствующих по виртуальным мирам и мультиверсу.

Так композитор-философ В. Мартынов пишет замечательную книгу-трактат «Конец времени композитора». Мартынов констатирует, что мы живем в мире, в котором объявлено о смерти Бога, крушении Космоса и конце Истории. Но…

От Эверетта до постмодерна

После того как Хью Эверетт сделал многомирие физическим объектом, Мультиверсом, неизбежно встал вопрос о месте Сознания при таком рассмотрении Бытия. И оказалось, что ни отделить индивидуальное Я от мультиверса, ни понять его многомирия, существование в рамках прежних представлений о личности наблюдателя, не представляется возможным. Слову не дано быть точным – остается быть дерзким, мультиòбразным.

А вот и попытка понять, разобраться поэта пост-абсурда Михаила Вяткина (он же Хамиил Тявкин, Человек Пространства, Мишон Домà):

Я Должен Был Понять Принципиальную Разницу Между Поэтом Пушкиным И Поэтом Пушкиным Понять Разницу Между Русланом И Людмилой И Русланом И Людмилой

……

Разницу Между Самим Собой И Самим Собой……..

……..

А Потом…….. Наслаждаться Радостью Этого Понимания

По предположению физика Хью Эверетта, в каждый квантовый момент своей эволюции вселенная делится надвое, как дорога, проходящая через развилку: на месте одной вселенной образуются две. Каждый квантовый переход – в любой звезде, галактике, в любом уголке вселенной – расщепляет наш мир на мириады квази-копий. Это мироветвление не имеет конца и совершается в точках возникающих возможностей. Все, что может случиться, где-то случается.

«Человек постепенно перерождается – из жалкого просителя он становится в воинственную позу и начинает требовать: дескать, выкладывай, мать-природа, всю истину. Так заявляет о себе новая космическая эра», – предвосхищает К. Циолковский.

Стивен Хокинг трактует вселенную как квантовую частицу, которая с разной вероятностью пребывает в бесконечном множестве состояний, образуя мириады возможных миров, из которых наш является лишь наиболее возможным: эдакая перманентная креативная подвижность. Разумеется, его подход отличается нетрадиционностью и новизной для космологии и допускает, например, существование многих начал, в отличие от принятого до сего мнения, что у Вселенной одно начало.

Мироздание – мультиверсум: не то, что есть, а совокупность всего, что может быть. Хотя вселенных бесконечное множество, и тело данного индивида пребывает лишь в одной из них, то, что мы называем мыслью и особенно душой, возможно, объединяет всех его двойников в этих бесчисленных со-мирах.

«Объяснить возможно даже то, чего мы не знаем», – говорил Циолковский Чижевскому.

Подобно тому, как одна и та же информация может передаваться в виде записи от руки, печатного текста, устной речи, двоичного цифрового кода, аналоговой проекции и светового луча, так любой индивид, любой вид существования сможет пресуществляться, менять свою форму, создавать множественные варианты себя. Все формы существования становятся более пластичными, множимыми, включая полиморфность человеческого тела.

От транс-арт до космо-арт

Знаменитый(-я) трансформист Орлан уже с 60-х годов продолжает свою неутомимую разработку с натуры своей женской идентичности, где бесконечная серия открытых пластических операций становится – трагический перформанс, видеообъект, транс-арт, следуя за диктатом стремительно переменчивых вкусов цивилизации, которая стоит на дворе. Я встретила ее (его) на одной из биеннале в Венеции, и беседуя с ней, понимала, что я говорю не с пришельцем, а с художником нового толка, решившегося, кажется, на предельный на все времена перформанс по самопроизводству супернового человека.

Но вопрос остается: по-прежнему ли искусство продолжает быть существенным, необходимым способом совершения истины, решающим для нашего исторического здесь-бытия, или же искусство перестало быть таким способом?

Что станет с ним, если уже Фридрих Ницше (1844-1900), философ, поэт, филолог и композитор, говорил, что культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом. Уже в 19 веке новой литературе был свойствен особого рода синкретизм, который стирает грани между наукой и искусством, одухотворяет пластический образ и создает тип книги, который… может быть назван интеллектуальным романом. М. Эпштейн своеобычные труды Ницше и его последователей остроумно назвал интегральной словесностью. Не рождается ли сегодня некая новая форма интегрального искусства? Пост-искусства?

Со временем, вероятно, мы научимся создавать произведения не только изобразительного или музыкального, или парфюмерного искусства, но обращенные сразу ко всем органам чувств (включая осязание) – столь же универсальные по своей чувственной палитре, как и сама реальность. Музей станет полисенсориальным. Физика, а сегодня это уже скорее снова метафизика, – не просто изучение структуры материального мира, но изучение законов той фантазии, мастерства, композиции, образности, пластического языка, того божественного космо-арта, которые создали этот мир как произведение универсального искусства.

Творчески сильная, вдохновенная личность сможет населять целые миры своими множимыми «я». Тогда все искусство прошедшего и настоящего будет осмыслено как условно-знаковое предварение многомерного бытия мультивидуума.

Расщепление, или множимость Я, в котором – суть гетеронимии, вызывает взрыв скрытых творческих сил. Настоящая пустыня – это наше изначальное «я», и не только потому, что в себе мы замурованы, как в застенке, и обречены жить один на один с собственным призраком, но и потому, что оно сушит и мертвит все, чего коснется.

путешествуя в себя
никуда не придешь
надо лететь над собой
как птица

Милан

Евгений Голубовский

Лица необщим выраженьем…

Можно повторить эту строку Евгения Баратынского, можно сказать проще, обыденнее и прозаичней, но суть останется той же. Валерий Парфененко, известный художник, привнес в одесскую живопись свою, неповторимую мелодию. Если большинство одесситов справедливо считают себя продолжателями в новых формах и новых образах традиций южнорусской школы, то у Валерия Парфененко художественная родословная другая.

Родился Валерий Парфененко в Витебской области в 1946 году. Витебск начала XX века стал одним из родовых гнезд европейского авангарда, достаточно вспомнить и Марка Шагала, и объединение УНОВИС, созданное Казимиром Малевичем в 1919 году. Эмблемой УНОВИС стал «Черный квадрат» Малевича.

Очевидно, что и легенды о витебском авангарде, с одной стороны, а с другой – тихая потаенная красота природы Белоруссии не могли не оказать влияния на будущего художника, учившегося сначала в Витебске, а потом в Ленинграде.

А в Одессу Валерий Парфененко попал по любви. Влюбился в одесситку и переехал в 1975 году в наш город. Диплом художника дал право преподавать, а в одесском училище как раз была вакансия преподавателя. Так, вместе с Владимиром Васильевичем Криштопенко принял и повел он свою первую студенческую группу.

Сейчас, вспоминая те годы, Парфененко рассказывает, как много дало ему общение с Криштопенко, а затем еще с двумя художниками – Валентином Филиппенко и Александром Ануфриевым. Они все как бы соскоблили с него академическую выучку, приоткрыли глаза, показали искусство XX века. Дорога была про-

торена. Александр Ануфриев познакомил его с Виктором Маринюком, тот со своей женой, замечательной художницей Людой Ястреб…

Валерий Парфененко понял, что «суровый стиль», который определил направление в живописи периода «оттепели», для него уже потерял смысл и привлекательность. Одесская школа учила полной раскрепощенности, лиризму, эмоциональности. И эти встречи стали для художника уроком творчества на долгие годы.

Так сложилось, что Валерий одновременно участвует в «квартирных» выставках (к примеру, у Володи Асриева) и на республиканских, где его «левые» акварели поддержал классик украинской живописи Николай Глущенко. Но до перестройки – хоть и официальных выставок у него уже было множество, думать о приеме в Союз художников не приходилось. Да и кормить семью можно было, лишь работая над монументальными росписями.

Во многих городах мира есть сегодня картины Парфененко. Только в Соединенных Штатах их около двухсот пятидесяти. У коллекционера Веры Подольской – более семидесяти акварелей, у галериста Якова Лесова множество работ.

Чем привлекают картины Парфененко зрителей? Праздничностью! Духовной аурой! Светом! Мастер не пересказывает какие-либо сюжеты, а приоткрывает состояние своей души.

Было время, когда Парфененко тратил много сил на организационную работу. Вместе с художником В. Алтанцом и журналисткой С. Чайкой они организовали ТОХ – Товарищество одесских художников. Три крупные выставки ТОХа – в Доме ученых, в Строительном институте, на Одесском кинофестивале – войдут в летопись художественной жизни Одессы.

Но и преподавание, и организаторская работа все же ушли в прошлое. А живопись осталась. Симфонии света усложнялись, это и был путь в искусстве Валерия Парфененко.

Ирина Аверина

Парадоксы Клюева

Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность

У Евгения Васильевича Клюева – поэта, прозаика, драматурга, переводчика, журналиста, художника, филолога – в «Теории литературы абсурда» есть Глава Первая, которая называется: «Художественная литература как тип аномалии». Мое знакомство с Текстом началось именно с нее. Чуть позже в мои руки попала книга «RENYXA: литература абсурда и абсурд литературы», объединившая различные жанры: прозу, драматургию, стихи, статьи, включая небольшую монографию. Затем были отдельные длительные романы с романами «Между двух стульев», «Книга теней», «Андерманир штук», «Давайте напишем что-нибудь», со сборниками сказок, книгой стихов «Зеленая земля» и еще, и еще. С замечательными постановками на сцене Российского академического молодежного театра в Москве (спектакли «Сказки на всякий случай» и «Думайте о нас»).

И неважно, что автор с 1996 года живет и работает в Копенгагене: он довольно часто приезжает в Москву, где встречается со своими читателями. Еще говорят, он искренне любит Украину, – и может быть, может быть, когда-нибудь однажды мы встретим его летним солнечным днем на заседаниях международного литературного фестиваля в Одессе… А сейчас на моем рабочем столе – его новый роман-петля «Translit». И как говорит автор в той самой Главе Первой, знакомя нас с теорией литературы абсурда: «Если Подлинный Текст «падает с неба», то и понят он может быть только и исключительно «на небе». Итак…

– Евгений Васильевич, помогает ли абсурд в литературе (искусстве) выявить абсурдность нашей жизни?

– У меня устойчивое впечатление, что литература вообще ничему в жизни не помогает и ничему не мешает. Они, литература и жизнь, друг от друга отдельно существуют, но вполне возможно, что время от времени друг другом восхищаются или друг другу ужасаются. Но не пересекаются – никогда, в этом я с каждым годом все больше уверен. Начиная писать, человек выбывает из жизни, а возвращаясь к жизни, утрачивает навыки письма.

– Где лучше искать безупречную бессмыслицу?

– Если согласиться с существованием бессмыслицы как таковой (а я не уверен, что признаю ее существование), то искать ее, видимо, лучше все-таки не в жизни, а в литературе. Я постепенно прихожу к убеждению в том, что жизнь абсурда не знает: нам могут быть неизвестны причины происходящего, но они всегда есть, и когда-нибудь станут для нас очевидными. И именно незнание причин приводит к тому, что какие-то фрагменты жизни, в худшем случае – вся жизнь, начинают казаться нам абсурдными. Только ведь одно дело – наше восприятие жизни, другое дело – сама жизнь. Так что бессмыслицы – или, как я теперь предпочел бы их называть, неразгаданные

смыслы – суть удел литературы. И в этом отношении бессмыслица тем безупречнее, чем меньше шансов на разгадку она нам предлагает.

Лимерики Эдварда Лира, к примеру, на грани безупречности – потому что нам никогда, наверное, не разгадать, по какой же такой причине столь вопиюще несостоятельные с точки зрения этики издевательства над «старцами» и «старухами» – главными героями Лировских лимериков – способны порождать реакцию смеха, а не сострадания. Или по какой такой причине принадлежность человека к местности с определенным названием может давать возможность приписывать этому человеку некие специфические свойства.

– Как же тогда вывести язык на чистую воду?

– Боюсь, что и это нам никогда не удастся: нечем! Предполагается ведь, что процесс выведения языка на чистую воду должен осуществляться языковыми же средствами… и действительно: анализ языка всегда будет происходить на языке же, – а это одно гарантирует полный провал любого начинания в данной области. Это все равно что поручить коррумпированному чиновнику бороться с коррупцией. И вообще, я полагаю, что многие беды человечества происходят от одного и того же заблуждения: будто слова способны заместить предметы. Отсюда, кстати, и гипотеза о влиянии литературы на жизнь. Увы (или ура): мир вербальный и мир реальный не то чтобы чужды друг другу – они не соотносимы вообще. Но я опасаюсь того, что человечество, осознав это, просто перестанет существовать… а потому давайте-ка мы лучше будем пребывать в заблуждении и считать, что слова корректно обозначают то, что мы назначили им обозначать!

– Хаос смысла в абсурде?

– Не уверен, что «хаос смысла» – пригодное словоупотребление… Да и по поводу «бессмыслицы» у меня, как я уже сказал, сомнения. Если «хаос смысла» и «бессмыслицу» посчитать неразгаданными смыслами, то окажется, что ни хаоса смысла, ни бессмыслицы не существует – существует лишь наша беспомощность перед загадками языка.

– Может ли что-то быть одновременно «тем же самым» и «другим»?

– Боюсь, что, скорее, не может быть иначе! К вашему вопросу едва ли можно отнестись как к вопросу онтологическому, если же это гно-

сеологический вопрос, то понятно, что все зависит от позиции наблюдателя. А наблюдатель, видите ли, дело такое… сменил позицию в пространстве – и прощай, привычный мир, ибо теперь уже все предстает в совершенно новом ракурсе. Так что ни о чем-то мы не можем судить… в том числе и о содержании понятий «тот же» – «другой».

– Уже шестнадцать лет вы живете и работаете в Копенгагене. Все ли спокойно в Датском королевстве?

– Это в Багдаде все бывает спокойно, насколько я помню по фильму «Волшебная лампа Аладдина»… В Датском же королевстве параметры существования издавна были, мягко говоря, немножко другими – см. кровавого «Гамлета»! Хотя, конечно, «Гамлет» тоже не имеет отношения к Дании – он имеет отношение только к шекспировским представлениям о Дании… м-да, которые к Дании, в свою очередь, могут не иметь и вовсе никакого отношения. Но, слава Богу, в сегодняшнем Датском королевстве все-таки поспокойнее, чем во времена Гамлета (вне зависимости от того, имели ли такие времена место где-нибудь, кроме литературы): во всяком случае, борьбы за престол давно не велось – и престолонаследники на ближайшие два поколения предсказуемы с абсолютной точностью. Предсказуемо и отношение к ним: Дания влюблена в королевский дом, несмотря на то, что государству он обходится крайне дорого. Но самое спокойное в данной ситуации даже не это: никакого влияния на судьбу Дании королевский дом, что бы в нем ни происходило, не имеет… оно-то и успокаивает!

– Как вы думаете, о чем бы разговаривали Эдвард Лир и Даниил Хармс, если бы встретились?

– Скорее всего, о вас, дорогая Ирина, – о человеке, благодаря воображению которого такая встреча оказалась возможной! Поскольку – уверен – оба были бы вам крайне признательны… во всяком случае, Хармс, ибо предположить, что Лир знал бы, с кем встретился, я не могу, даже несмотря на некоторую мою причастность к миру абсурда.

– Скажите, пожалуйста, удовольствие и текст – вещи совместимые?

– Более того: взаимообусловленные – для меня-то уж точно… Кстати, вне зависимости от того, согласился ли бы с этим подразумеваемый вами Ролан Барт. Если процесс письма, в чем я совершен-

но убежден, не составляет удовольствия для автора, рассчитывать на то, что процесс чтения доставит удовольствие читателю, в высшей степени безрассудно. Я, например, тешу себя уверенностью в том, что не написал ни одного текста, который не доставлял бы мне удовольствия в процессе письма. Другое дело, как я отношусь к уже состоявшемуся тексту… Но я, слава Богу, не читаю того, что мной написано. Кстати, мне кажется, что разгадка читательского ощущения «не могу этого читать» – именно в том, что автору не доставлял удовольствия процесс письма. Поскольку – увы! – текстов, написанных без удовольствия, а в силу той или иной необходимости, пруд пруди.

– Как связать последовательное безумие с абсурдом?

– Это немножко трудно, но можно опять же вспомнить «Гамлета», где Полоний замечает: «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность». Иными словами, определенная «последовательность» может оправдывать безумие… Одна моя знакомая любила, например, повторять: «У каждого психа своя программа». Но вот как пристроить сюда литературный абсурд… а вот так, например: литературный абсурд тоже требует последовательности. Нельзя написать текст, абсурдный на треть или наполовину, поскольку абсурд есть система представлений, захватывающих все пространство литературного целого. Думаю, что как-то так и связать… с вашего позволения!

– А кто из одесских авторов вам знаком?

– Увы, только мертвые. Даже если из современных кто-то и знаком, то я редко интересуюсь происхождением автора (как, кстати, и прочими фактами его биографии), – раз и навсегда усвоив из Рильке:

«…запомнит все – забудет лишь
взглянуть, откуда звук».

– Возможно ли, по вашему мнению, существование «одесского текста», или это абсурд?

– Вполне возможно, почему же… Есть ведь понятие «одесский юмор» – и, стало быть, есть возможность создания текста, ориентированного на этот тип юмора, одна из примет которого (для меня, во всяком случае) – возведение заурядной ситуации к крайней. И вот тут мы уже определенно на пути к абсурду.

Олег Кудрин

Одесское кино

Сергей Эйзенштейн (22.01.1898 – 11.02.1948)

Вышла новая книга Олега Кудрина – нашего земляка, живущего в Москве. Она посвящена выдающимся кинорежиссерам, среди которых есть и те, чье творчество связано с Одессой. Мы продолжаем публикацию статьей о Сергее Эйзенштейне.

Гения кино миру подарила Рига. Он родился в христианской семье архитектора, корифея рижского модерна Михаила Осиповича Эйзенштейна и Юлии Ивановны, урожденной Конецкой, из состоятельной купеческой семьи с архангельскими корнями. К сожалению, семья был непрочной, родители часто ссорились и в 1912 году совсем развелись. Интересно, что во время рижских беспорядков 1905 года, революции, которую позже он так воспоет, мать с сыном переехала от греха подальше в Петербург.

В соответствии со статусом семьи мальчик получил хорошее образование: много читал, ходил в театр, хорошо рисовал, учил несколько иностранных языков (не считая немецкого, который в Риге иностранным не считался). Не был чужд и дисциплинам естественного цикла. А посему по окончании Рижского реального училища поступил, согласно семейной традиции, в Петроградский институт гражданских инженеров.

Когда началась гражданская война, сын с отцом оказались по разные стороны баррикад, Сергей – в Красной Армии, Михаил Осипович в Белой (после поражения он уедет в Берлин, где скончается в 1921 году). Поначалу младший Эйзенштейн работал по основной специальности – был техником-строителем. Но душа тянет к революционному искусству, воплощенному тогда в агитпропе: карикатуры, самодеятельная буффонада.

В 1920 году Эйзенштейн все больше увлекается театром, одновременно учась на восточном отделении Академии Генштаба (японский язык). Оба эти занятия сочетаются в увлечении японским театром кабуки. Все знания, идеи и культуры переплавляются в его мозгу. И в Первом рабочем театре Пролеткульта он как художник оформляет спектакль «Мексиканец» по Джеку Лондону. После этого идет обучаться в Государственные высшие режиссерские мастерские (ГВЫРМ), руководимые Всеволодом Мейерхольдом (1921-22). Там за год окончательно формируется его эстетика советского авангарда. Он уж и сам преподает – руководит театральными мастерскими Пролеткульта. В 1923 году в журнале Маяковского «ЛЕФ» публикуется его важнейшая статья, по сути, творческий манифест – «Монтаж аттракционов». Согласно ей, главное в представлении – ударная сила агитации. Поэтому театральное действо желательно строить как набор каким-то, пусть даже формальным образом связанных аттракционов – «агрессивных элементов театра, подвергающий зрителя чувственному или психологическому воздействию».

Именно так Эйзенштейн ставит спектакли «Слышишь, Москва», «Противогазы», «Мудрец». Для последнего представления он делает с помощью Дзиги Вертова фильм «Дневник Глумова» (1923). Новое искусство увлекает Эйзенштейна. На следующий год по предложению Первой фабрики Госкино он ставит в соответствии со своим манифестом первый большой фильм «Стачка» (в соавторстве с Григорием Александровым и Ильей Кравчуновским). Отвратительно карикатурные фабриканты с наемными провокаторами против абсолютно благородной рабочей массы. Агитационно фильм силен настолько, что даже отмечен медалью «буржуйской» выставки в традиционно левом Париже.

Тут же последовал новый заказ. Президиум ЦИК СССР планировал пышно отметить 20-летие первой русской революции постановкой эпопеи «1905 год» по сценарию Нины Агаджановой-Шутко. Говорят, кандидатуру Эйзенштейна предложила именно она. Однако сроки уже поджимали. Сергей Михайлович выбрал эпизод с восстанием на броненосце «Потемкин» и развернул его в большой фильм. Съемки проходили в Одессе и Севастополе.

В фильме снимались, в основном, не артисты, а простые люди из массовки. Отдельные лица, образы, гримасы боли, ужаса, возмущения –

это все лишь отдельные стороны многогранной людской массы, двигающей историю. Эпицентр картины – сцена расстрела царскими карателями мирных людей на Потемкинской лестнице. Режиссер агрессивно, без промаха, агитационно точно бьет по мозгам зрителей. Катящаяся по ступенькам коляска с беспомощным плачущим ребенком, лужица крови, глаз старой учительницы, вытекающий из-под разбитого пенсне...

Все это вопиет о возмездии бессмысленно отвратительному, сатанински бесчеловечному царизму, похожему скорее на оккупационное правительство. Своими гениальными кадрами Эйзенштейн подменяет, вытесняет настоящую историю, творя великий, но абсолютно лживый миф. Ведь на самом деле расстрела мирной демонстрации на лестнице не было. А было усмирение мародерствующей толпы, громящей портовые склады и винные лавки. Но кому интересна глупая правда, если есть великое искусство?.. Фильм, демонизирующий старую Россию и высветляющий новую, с большим успехом прошел не только в СССР, но и по всему миру. Он и сегодня признается величайшим шедевром кино.

Завершающей картиной условной революционной кинотрилогии стал «Октябрь» (1927), созданный к первому круглому юбилею Октябрьского переворота, ставшего к тому времени Великой Октябрьской Социалистической революцией. Фильм сделан в той же манере и выполнил ту же функцию, что и «Потемкин». Он подмял под себя реальную историю, делая историей большевистские мифы. Не зря же гениально выверенные, «аттракционные» кадры из «Октября» и сегодня воспринимаются многими как кинодокументалистика…

Вот теперь Эйзенштейн полностью, и что главное, искренне отработал исполнение своей давней мечты – поездку за рубеж для ознакомления с западным опытом кинопроизводства. Вместе с ним едут соратники: оператор Эдуард Тиссэ и режиссер Григорий Александров (будущий режиссер очень качественных квазиголливудских советских кинокомедий). Идет 1929 год.

Эйзенштейн читает лекции по всей Европе, благо «буржуазное» образование позволяет. На следующий год группа перебирается в Штаты. Здесь много общаются с голливудскими звездами. Поскольку Советский Союз в то время еще не был глухо закрыт «железным занавесом», местные продюсеры всерьез обсуждают с Эйзенштейном разные проекты: «Оружие и человек» по пьесе Бернарда Шоу, «Золото Суттера» по рассказу Джека Лондона «Как аргонавты в старину», «Американская трагедия» по роману Драйзера. Но переговоры заканчиваются ничем, поскольку для советского режиссера важна борьба классов, а для продюсеров – борьба за зрителя, и соответственно желательна мелодрамка.

Чарли Чаплин, сам придерживающийся левых взглядов, подружески советует Эйзенштейну социалиста Эптона Синклера, романы которого популярны в СССР. После общения с тем рождается проект фильма «Да здравствует Мексика!» Как объяснял потом Синклер, он со своей женой, бывшей тут сопродюсером, ждал, что получится сочный арт-фильм о путешествии. Но Эйзенштейн, не привыкший к такому понятию, как «строгая финансовая дисциплина», разворачивает грандиозный замысел о большой ленте («движущиеся фрески» а-ля Ривера) в четырех частях, с прологом и эпилогом, рассказывающей обо всех эпохах мексиканской истории. Все это в духе довженковской «Звенигоры», только более масштабно.

Заканчивается история тем, что Сталин возвращает своих подзадержавшихся кинематографистов домой. А Синклер, обладая гигантским киноматериалом, пытается спасти свою финансовую репутацию. На родине Эйзенштейн много занимается научной и педагогической деятельностью. И вот в 1935 году берется за сложнейший проект – фильм «Бежин луг» по произведению писателя-чекиста Александра Ржешевского. В основе его история Павлика Морозова, перенесенная с Урала в тургеневские края.

Режиссеру очень близка тема революционного противостояния сына отцу (вот ведь и краткая его автобиография начинается вполне по павлик-морозовски: «Не могу похвастать происхождением»; далее о дедушке-купце – не уважительное «умер» или «скончался», а пренебрежительное: «помер»). Но тут он пытается решить эту тему еще глубже – архетипически, на уровне античных или библейских мифов. Однако для власти, олицетворяемой Сталиным, это неоправданно сложно, а значит, подозрительно. Несмотря на многочисленные переработки и помощь другого, более сильного сценариста, Исаака Бабеля, фильм, в конце концов, закрывают.

И Эйзенштейну, недавно бывшему на пике мировой славы, приходится публично каяться в ошибках. К счастью, рядом с ним есть преданная помощница, журналистка Пера Аташева (они поженились еще в 1934 году). Режиссер Григорий Козинцев так описывал женщину, которая помогла вынести Эйзенштейну опалу: «У Перы была милая и потешная наружность: небольшого роста, полная, черноглазая, она заразительно смеялась по любому поводу».

Сталин переводит Эйзенштейна, как и других своих режиссеров, на новый фронт – патриотического, национального (а не классового!) биографического кино. Сергей Михайлович оказывается здесь первым из лучших.

Его «Александр Невский» (1938) и «Иван Грозный» (1944) безупречны, это истинные шедевры! Однако во второй серии «Ивана Грозного» (1945-46) он не совсем точно понял идеологические акценты Хозяина. А может, и понял, но как Художник пошел против них.

И это его погубило – жизнь Гения оборвал инфаркт.

Москва – Одесса

Григорий Яблонский

Дочь Одессы Аня Яблонская

Первая книжка

Когда в интернет-журнале «Хата» было сказано о том, что первая книжка Ани Яблонской вышла, когда ей было 14 лет, появились комментарии и стали приходить письма с просьбой: «Покажите эту книжку!».

Открыли уцелевший экземпляр, стали бережно переводить в «цифру» страницу за страницей из памятного издания РИО кинокомпании «Юг» – тиражом в целую тысячу экземпляров. Было это в Одессе весной 1996 года…

Конечно, осталось в памяти, что потом сама Аня, издавая новые поэтические сборники, публикуя рассказы сначала в одесском журнале «Фонтан», а затем свои эссе в «толстом» журнале «Октябрь», наконец, создавая свои пьесы, которые стали побеждать в отдаленно-престижных драматургических конкурсах и театральных залах, – Аня относилась к своей первой книжке «не очень»…

Наверное, все это нормально и правильно. Как правильно и то, что уже в детстве многое бывает видно. Вот строки из предисловия Аниного школьного учителя Алины Протасевич: «Раскройте книжку Ани Яблонской – и вы узнаете человека с душой необъятной и чистой. Вы можете даже поразиться: какой жизненный путь надо пройти и какой житейский опыт иметь, чтобы так писать?! Не каждому одаренному зрелому человеку это удается… Ну, а о том, как растет сама Аннушка, лучше всего говорит стихотворение «О бесстрашном ветре»:

Страх! Под его тяжестью сгибается орешник,
Он сердце рвет идущему на плаху.

Ему подвластны праведник и грешник.
Лишь ветер не подвластен страху.

Потоки воздуха несутся впереди,
Они не чувствуют бессилья, дрожи, гнета.
И нету страха в ветреной груди,
Есть только чувство вечного полета.

Я ветром сизокрылым быть хочу,
Мне хватит лишь невидимого взмаха.
Я в высь шальную с ветром полечу –
И буду не подвластна силе страха.

Но полечу лишь в снах своих, наверное,
Ведь падала однажды, как звезда.
А кто боится, тот не станет ветром,
И не взлетит на ветре никогда…

Юридическая академия и театр «Тур-де-Форс»

Со второй Аниной книгой стихов, изданной в годы ее студенчества в ОНЮА в издательстве самого вуза, связан вот какой давний вопрос: «А почему юридическая академия, а не филфак?».

Такой вариант по окончании школы у Ани, конечно, был, но… в семье, где литературу любили, ею жили, но не меньше творчества вкладывали в профессиональную журналистику, на выбор образования дочки повлияли суждения ироничных друзей-журналистов. О том, что настоящее умение писать – это Божий дар, и он никак не зависит от полученного диплома. И значит, гораздо важнее, если разбираешься в том, о чем пишешь. Короче, жизнь надо знать.

Вот Одесская юракадемия и преподнесла свой взаимный подарок миру поэзии, издав вторую книгу стихов Анны Яблонской «Предчувствие любви» с проникновенным предисловием самого ректора. В своем деликатно недлинном вступительном слове доктор юрнаук Сергей Кивалов не без сожаления сказал о том, что в будничной суете мы часто отрываемся от того главного, что должно нас на-

полнять, – от духовности то есть. Поэтому обращение к стиху, особенно прекрасному, является для нас очищением. И именно такова поэзия студентки Ани Яблонской. А еще профессор Кивалов обратил внимание на то, что у нее хорошая литературная школа .

Но со студенческой скромностью, как в стихотворении «Этажи»:

Опять по улицам брожу,
Считаю этажи я
И наизусть стихи твержу –
Нет, не свои, чужие…

Примочки делаю душе:
Танку и рубаи,
Вновь чьи-то рифмы и клише,
Но только не мои…

А ночь длинна иль коротка?
Но снова слов игра,
Вновь гениальная строка
Не моего пера…

Но греет мысль: смогу прожить,
Чтоб помнили меня
И шли, считая этажи,
Мои стихи бубня.

Но это не всё про Одесскую национальную юридическую академию. Жизнь и творчество Ани в студенческие годы тесно связались еще и с театром, с магией сцены. Легендарный одесский студенческий театр «Тур-де-Форс» тоже начинался там. Оттуда Аня вынесла и свое неизбежное обращение к драматургии…

Непровинциальная провинциалка

С ясных детских лет Аня любила зеленые большефонтанские улочки с виноградными лозами вокруг скромных еще (в то время) домиков, с помидорами на огородиках. Любила свое море,

к которому можно было везде пройти, а по открытому берегу катить на велосипеде от 16-й станции хоть до Аркадии или до самого Ланжерона. Любила Аня и большие улицы этого города, и когда поднялась чуть выше ученицы младших классов 29-й школы на Люстдорфской дороге, когда приобрела там звание юного поэта… то стала на первоапрельские «Юморины» и Дни города – которые 2 сентября – самостоятельно добираться из своего Таировского массива до Дерибасовской и Ришельевской. И идти по этим очень центральным улицам (хотя в Одессе это все очень условно) вместе с интересными людьми, умеющими обо всем сказать так, как больше нигде и не скажут. За это Аня полюбила людей своего города – раз и навсегда. Она потом говорила, что настоящий театр в Одессе не в здешних театрах, а на улицах, возле хлебных будок, на Южном рынке, ну, и конечно, на Привозе!..

Потом эти и другие настоящие люди заговорили в необычных, мягко говоря, Аниных пьесах и киносценариях. Почему таких? Один догадливый театральный критик сказал, что у одесситки Ани, к здешнему редкому творческому счастью, совершенно нет привязной «одесскости», провинциальности. Это было тогда, когда уже увидела свет ее проза в толстых журналах за пределами родной Одессы и Украины, когда разлетались ее стихи по всему Интернету, а Анина драматургия, оказавшись в первом ряду «новой волны», стала выходить на сцены авангардных театров всей Европы. Если по подробной карте, то это, например, от удмуртского города Глазова с его театром «Парафраз» до Лондона с его Ройял-Кортом и обратно – до Перми, Челябинска и даже до Херсона. Но точно без заезда в Одессу…

А Аня – «непровинциальная провинциалка» – продолжала жить и писать свои очень особенные сценические «вещи» (так выражаются знатоки со стажем) в родном городе. Она, дочь Одессы, любила свой город, хотя во многом – очень-очень для нее необходимом – он не отвечал ей никакой взаимностью. Поэтому приходилось часто летать. В 15 лет Аня совершила даже прыжок с парашютом (полученный как приз на одесском творческом конкурсе «Мисс Пресса»), но, став признанным авангардным драматургом, призналась, что летать боится. Она радовалась каждому возвращению домой – в город, где она могла только жить, любить

и писать. Где родилась в 2008 году ее дочка Машенька, про которую бабушка Вера Андреевна говорит: «Вылитая Аня»…

Вот Анин «детский» рассказ, написанный в 2010 году по просьбе «Петербургского театрального журнала».

Одесса на театральной карте мира

Мне страшно. Я не понимаю, зачем я должна здесь сидеть: в темноте, в узком проходе, вцепившись в золоченые подлокотники кресла. Почему нельзя просто взять и уйти? Почему мы все сдавали на это деньги? Почему на меня шикает Наталья Макаровна, когда я нервно смеюсь, от страха поджимая коленки?

Происходит что-то плохое. Огромное мохнатое чудовище ревет истошным голосом, пытаясь влезть в крохотный дощатый домик, где уже примостились какие-то ужасные пожилые существа – у одного к голове приклеены уродливые уши, позади виснет облезлый хвост, оно отвратительно пищит. Другое, в зеленом, квакает, вываливая гигантский красный язык и прыгает, как ошпаренное. Рядом, сгорбившись, беспокойно клокочет что-то свое высокий тощий заяц с проплешинами между ушей. Вся эта недобрая живность находится совсем рядом, в опасной близости от меня, и все ревут, кричат, размахивают лапами. Они вот-вот разрушат маленький домик, очевидно не предназначенный для того, чтобы там тусовались все эти дикие твари.

И еще эта музыка откуда-то снизу. Музыка, похожая на скрипы всех на свете дверей. Мне сказали, что это звучит «из ямы», но про то, что в эту «яму» музыкантов сбросил медведь (для того, наверное, чтобы потом сожрать), а эти скрипы – олицетворение предсмертной агонии – об этом я уже сама догадалась.

Меня давно мутит и хочется выйти, но время тянется так медленно, звери продолжают орать и петь, и в этом оре не разобрать ни одного человеческого слова, и совсем невыносимо сжимается сердце, когда медведь начинает лезть на крышу утлого строения…

Я закрываю глаза. Но тут же слышу оглушительный грохот: так и есть – теремок пал. Значит, сейчас вся нечисть ринется в зал и сожрет нас, как марципановых человечков. Но вдруг музыка прекращается, за-

жигается свет – Медведь, Лягушка, Мышь и прочие животные кланяются, машут нам лапами из искусственного меха и папье-маше, делают реверансы, посылают воздушные поцелуи. Мои одноклассники аплодируют, и я тоже аплодирую (я рада, что все закончилось, и мы остались живы). Наконец нам разрешается встать и последовать к выходу.

Перед спектаклем Наталья Макаровна сообщила классу, что одесский оперный театр уступает по красоте лишь итальянскому Ла Скала и считается одним из красивейших в мире зданий. Но, протискиваясь в толпе таких же, как и я, восьмилетних людей, я совсем не думаю о театральной красоте, а думаю только о том, как бы поскорее оказаться на воздухе. Я не рассматриваю удивительный расписной сводчатый потолок, красно-бархатный и сусально-золоченый зал, лепные балконы – изящные, словно парящие в воздухе. Я ничего этого не вижу. Я настолько поражена зрелищем под названием «спектакль для детей младшего школьного возраста «Теремок», что меня не интересует красота архитектуры – я охвачена ужасом и принимаю серьезное решение: больше никогда в жизни по доброй воле в театр не ходить.

Я выхожу на улицу и смотрю на Оперный, который уже давно стоит в лесах (и простоит так еще лет пятнадцать, все мое детство и юность). Я сравниваю свои впечатления от спектакля «Теремок» с недавно увиденным кинофильмом «Кинг-Конг» (какие-то энтузиасты транслировали его в актовом зале нашей средней школы). И это сравнение не в пользу «Теремка».

В том черно-белом фильме (1933 год, режиссеры Мэрион Купер и Эрнст Шодсак) гигантская горилла влюбляется в девушку по имени Энн (меня тоже зовут Аня, это же по-английски Энн, я помню об этом все время, пока смотрю на экран), но гориллу усыпляют газом и на пароходе отправляют в Нью-Йорк, чтобы за деньги показывать публике. Когда обезьяна пробуждается и видит красавицу, то разрывает кандалы, врывается в город и крушит все на своем пути.

Я понимаю, что сцена, в которой оперный медведь лезет на крышу «Теремка», даже на йоту не может приблизиться к моменту, в котором Кинг-Конг влезает на Эмпайр-Стейт-билдинг. Странно: и то, и другое зрелище вызывает ужас, но от фильма невозможно оторваться, а спектакль начинаешь ненавидеть с первой минуты. Это – мое первое театральное впечатление.

Второе случилось в десятом классе. Мне пятнадцать лет, я стою за кулисами того самого актового зала, где много лет назад впервые увидела небезызвестную американскую гориллу, и держу в руках здоровенный кусок ржавой металлической трубы. Труба тяжелая, я почти надорвалась, но все-таки крепко держу эту железяку, одним глазом наблюдая за происходящим на сцене. Там одноклассники разыгрывают пьесу моего собственного сочинения. Пьеса душераздирающая: двое парней из одной школы любят девушку из другой школы, а заканчивается все тем, что какой-то из подростков достает пистолет (только не спрашивайте, где он его взял) и палит в другого подростка. Так вот, когда мои актеры изображают смертоубийство, используя для этого купленный на рынке детский «пестик», я, приняв на себя не только драматургию с режиссурой, но и спецэффекты этой постановки, роняю себе на ногу железную трубу, в надежде имитировать звук выстрела. Дальше не помню. Кажется, это был провал.

В общем, мне ли роптать на театр, точнее, мне ли роптать на то, что происходящее в одесских театрах – это до сих пор нечто среднее между оперой «Теремок» и школьной самодеятельностью, если я сама еще в старших классах школы приложила к этому руку? Мне ли жаловаться, если одесские афиши пестрят именами только Шекспира и Чехова? Провинциальные театры всегда берутся за «Ричарда III» или «Дядю Ваню» и ставят их «по всем правилам» – в пыльных кринолинах и бархатных панталонах.

А за окнами одесских театров есть настоящая жизнь. В ней на каждом шагу разыгрываются такие «спектакли», которым позавидовали бы самые искусные актеры дель-арте.

Этот город полон театра, он дышит им. Театр есть в каждом стареньком дворике (которых, правда, осталось так мало, что можно сосчитать по пальцам), где вечно сушатся на веревках белые простыни в голубой цветочек. Он есть на остановках, рынках, вокзалах, в ЖЭКах и в почтовых отделениях – везде-везде, кроме разве что тех красивых зданий с колоннами, на которых написано «Театр».

Конечно, нельзя сказать, что в родном городе я не видела ни одного хорошего спектакля. Видела. Целых пять. Правда, все они были в одном месте – в Украинском драматическом театре имени Василько. «Эдип», «Что им Гекуба?», «Счастье рядом», «Гамлет» в по-

становке киевского режиссера Дмитрия Богомазова. И еще «Украинский декамерон» в постановке Влада Троицкого, тоже приглашенного из Киева. Спасибо руководству театра за то, что иногда зовут к нам этих режиссеров. В другие театры Одессы их не зовут никогда.

Будет ли новостью для моих коллег из других провинциальных городов тот факт, что завлиты наших театров слыхом не слыхивали о современной драматургии и при одном упоминании о ней крестятся? «Знаем мы ваши современные пьесы: сплошной мат, бомжи и проститутки». Что тут ответишь? Пытаться переубедить, обивать пороги, стучаться в кабинеты, носить пьесы, надеясь, что их кто-нибудь станет читать, параллельно искать приюта (площадок) в каких-нибудь подвалах, бежать «в Москву, в Москву»? Я пробовала разные варианты, но у меня пока ничего не получилось.

Да нет, я не слишком-то огорчаюсь. Я просто не могу отсюда уехать. Я люблю это место, я иду по улице, я слышу, как и о чем говорят люди, и никто не сможет убедить меня в том, что на театре нужно показывать какую-то «другую» несуществующую жизнь.

Мой город – очень театральный город. Стоит ли сожалеть о том, что этот реальный жизненный театр нельзя загнать на подмостки? Не знаю. Но пока это так, мы по-прежнему сокрушительно проигрываем Кинг-Конгу.

Кто боится Анну Яблонскую?

Оказывается, не только Глазову и Лондону, Петербургу и Таллинну, Перми и Москве, но и Одессе нужен театр, который говорит языком улиц и площадей, кухонь и офисов, который осмеливается заглядывать и в загаженные ложью и коррупцией коридоры власти. В ее грязные стойла. Непривычно это, боязно, уши закладывает? Вон и в Челябинске на премьере Аниного «Чацкого-Камчатского» отдельные перепуганные хранители театральной речи стали шикать на сайте молодежного театра «Манекен»: «Как можно-с?!». Вот и в Одессе первый наш отважный режиссер-постановщик – киевлянин Сергей Проскурня, работавший с одесскими актерами-добровольцами вне рамок какого-либо здешне-

го театра, заранее предупреждал уважаемую публику о ненормативной лексике в сценах спектакля «Террористы», которая ставилась по пьесе Яблонской «Язычники». А что, разве за этими сценами и театральными стенами мы живем в «нормативном» мире? И разве можно исправить этот уродливо перекошенный мир здешнего недоношенного дикого капитализма без всей правды о нем?

Тут, простите за неоднозначное сравнение, приходит на память пьеса драматурга Эдварда Олби, которая в Америке 60-х годов прошлого века стала причиной ну очень большого и не только театрального скандала. Там автор осмелился вытащить на сцену, а потом и на киноэкран всего лишь правду о морали «их приличного общества». Поэтому спектакль «Кто боится Вирджинии Вульф?» был сыгран не меньше тысячи раз, а его экранизация побила все рекорды киношного успеха тех времен! Ну, и моральный фактор…

Так кто у нас боится драматурга Анну Яблонскую?

P. S. Послесловие к статье в интернет-журнале «Хата» «Светлая душа Ани и серые земные будни»

…Одесса, которая очень велика, – настолько, что в ней еще теплится культурная жизнь, – она не может называть свою славную дочь Анну Яблонскую никак иначе. Потому что это не «псевдоним», как писали в некоторых СМИ и интернет-ресурсах. И не только «девичья фамилия», как, кажется, пыталась выйти из положения Википедия. Когда уходит из жизни Поэт, Писатель, Драматург, Артист, его имя на бронзе или на камне точно соответствует его славному творческому имени. По этому незыблемому правилу урожденная Анна Горенко покоится под Петербургом как Анна Ахматова, но Анна Яблонская должна покоиться в родной одесской земле со своим первым и неизменным творческим именем. (Иное, если сильно хочется, можно писать в скобочках.)

Опять же, поскольку речь идет о правиле неписаном, Одесса должна сказать свое веское слово, когда взамен временного деревянного креста с надписью «Анна Машутина» будут сооружать памятник Анне Яблонской. А может, и какой-нибудь одесский переулок ее именем назовут.

Дневники княгини Дабижа*

Княгиня де Каэр
(Екатерина Ростковская, урожд. кнж. Дабижа)

Свет, сумерки, тьма одной русской жизни

Перевод с французского Веры Тарасенковой
под редакцией Михаила Талалая

Глава V

Полный покой и величие царят высоко в горах, где снег столь чист, бел и неподвижен. Однако достаточно простого колебания воздуха, слова, произнесенного довольно громко, чтобы от гор отделилась глыба снега и, теряя равновесие, не имея возможности остановить свое падение, начала скользить в пропасть, унося все на своем ужасном пути.

В те дни, когда впечатления и чувства дошли до предела, трудно было отдать себе отчет и понять, что происходило на Севере России, что предпринимало правительство.

Мысли устремлялись к лейтенанту Шмидту. Его имя было у всех на устах. Для одних он являлся героем, для других – предателем. На Юге России, где разыгралась эта трагедия, возмущение приняло

* Окончание. Начало в кн. 49.

тревожные формы – политические страсти разгорались все больше. Однажды вечером в одесском театре во время представления пьесы Шиллера «Вильгельм Телль» возбужденная публика потребовала исполнения оркестром «Марсельезы». Безудержное «ура!» в честь Шмидта последовало за гимном. Офицеры покинули зал…

Несмотря на все противоречивые новости, доходившие до нас, мы не знали ничего положительного ни о Петре Шмидте, ни о его сыне. На следующий день после моего визита к главнокомандующему я осталась дома одна – с теми же мыслями в голове, с тревогой на сердце. Наступило девять часов вечера. В те смутные времена люди избегали выходить из дома с наступлением ночи, поэтому я была очень удивлена, услышав звонок в дверь и звон шпор. Дверь салона открылась, и высокая стройная фигура генерала появилась передо мной.

«Как? – воскликнула я. – Вы? В такой час? Совершенно одни! Эдакая неосторожность!»

«Я пришел совсем ненадолго, – ответил он мне, – чтобы серьезно поговорить о вашем желании поехать в Севастополь».

Накануне в самом деле я сказала ему, что для получения новостей о лейтенанте Шмидте мне не остается ничего иного как поехать в Севастополь. Генерал уже не вел себя подобно официальному лицу и говорил со мной по-дружески.

«Послушайте меня. Не делайте опрометчивого шага. Я понимаю вашу тревогу. Но зачем заставлять говорить о вас в связи с этим случаем? Чего вы добиваетесь? И что вы рассчитываете этим сделать?»

«Там, на месте, – ответила я, – мне будет проще узнать, что с ним случилось, и где он находится».

Генерал прервал меня: «Мне известно место его заточения, только, как я вам уже объяснил, не имею права говорить об этом. Разве не достаточно знать, что он жив?»

«А его сын?»

«Тоже».

«Ему угрожает смертная казнь?»

«Он ее заслуживает, особенно как офицер».

«Не могу себе представить, – сказала я, – чтобы он, всегда лояльный и справедливый, действовал как «предатель», судя по

вашим словам. Для меня его поступок – это безумие. Он всегда был такой экзальтированной натурой! Есть ли у него надежда на помилование?»

«Он того не заслуживает, однако все зависит от милости его величества».

Каким бы положительным не показался этот визит, он не успокоил меня. На следующий день слуга доложил мне, что одна дама хотела видеть меня, но она не осмеливалась войти и осталась на лестнице, плача.

«Спросите же ее имя», – сказала я.

«Дама отказывается назвать себя. Она хочет только, чтобы вы ее приняли».

Я вышла на лестницу и увидела сестру лейтенанта, мою давнюю подругу. * По лицу Ани было видно, как глубоко она страдала: заплаканные глаза, дрожащие губы. Она робко прошептала: «Ты позволишь сестре «предателя» войти к тебе?»

«Замолчи», – я обняла ее.

«Знаешь, – продолжала она, – он безумец, да, безумец. Его поступок – это поступок сумасшедшего, нормальные люди так не поступают. Я приехала из Крыма, и все, что тут слышу, увеличивает мои опасения. Говорят, что он арестован на борту броненосца, командование которым взял на себя. Сын, присоединившийся к нему, тоже арестован».

Сестра Петра Шмидта вела себя безупречно. Без малейшей передышки она курсировала от одного чиновника к другому, между Одессой и Петербургом, чтобы добиться смягчающих обстоятельств для своего брата.

Граф Витте, приняв Аню, пообещал сделать все возможное во избежание смертной казни: по возвращении у нее появилась надежда. С радостью она передала Петру эту хорошую новость. Так шли дни, полные тревоги… Аня уехала, чтобы встретиться с мужем и детьми, но вскоре вернулась для продолжения своего трудного и достойного восхищения дела. Сколько раз в те черные дни я думала прийти ей на помощь и разделить ее тревогу о судьбе брата!

Шмидт написал мне, что хотел бы увидеться. Но я не имела никакого права на встречу – разрешение на нее давалось толь-

* Анна Петровна Шмидт, в замужестве Избаш.

ко близким родственникам. Одним зимним утром курьер командующего принес телеграмму, посланную из Севастополя от адмирала, командующего эскадрой, с разрешением посетить в очаковской крепости лейтенанта Шмидта. Я поняла, что мне оказали эту милость по просьбе моего доброго знакомого генерала. И вот уже я в санях, несмотря на ужасную непогоду – надо скорее добраться до корабля, отправлявшегося в Очаков.

Море было свинцовым, корабль плыл сквозь снежную пургу. Спустя четыре часа я высадилась в Очакове, небольшом городке, над которым нависло тяжелое низкое небо, и оказалась одна на берегу, не зная, куда идти. Несколько крестьянских саней, крытых соломой, – вот и все, чем я могла воспользоваться. Мы начали медленно подниматься на санях по скользкой дороге в поисках приличной гостиницы. Добравшись до более чем скромного здания, я вошла в небольшую комнатку, узкую и холодную, указанную мне приветливой женщиной. Снег влетал в комнату в дверь, захлопнувшуюся за мной. Я осталась одна, обессиленная долгою дорогою, измученная тем, что меня ждало впереди. Сев на единственный стул возле стола, я даже не сняла шубу – настолько было холодно.

Раздался стук в дверь, и вошел офицер полиции. Он выразил мне сожаление по поводу того, что не встретил меня по прибытию (комендант крепости, уведомленный из Севастополя, послал его меня встретить). Я сказала, что хочу видеть коменданта, и мы отправились к нему на санях. Комендант сообщил мне, что завтра в три часа миноносец доставит меня на остров, где находился лейтенант. На мои расспросы он отвечал, что Петр Шмидт держался очень мужественно, и что сам он узнал его лучше, читая его корреспонденцию. Хотя он строго судил офицера, тем не менее, выразил сожаление, что такие умные и сердечные люди, став жертвами утопии, могут лишиться жизни в бесполезных попытках служить своей Родине.

Не буду даже говорить, какую ночь я провела. На следующий день к трем часам за мной пришел офицер с вооруженной охраной. Мы поднялись на миноносец. Как рассказать, что я, простая женщина, испытывала – одна на этом миноносце и при таких обстоятельствах! Море между берегом и островом было покрыто льдинами. Мы медленно продвигались вперед. Я видела, как все отчетливее вырастает крепость на фоне беспокойной пучины.

Миноносец причалил, и я замерла в нерешительности, не зная, как сойти на берег.

«Надо прыгать!» – сказал офицер, протягивая мне руку. Спрыгнув в рыхлый снег, доходивший мне до колен, я пошла под солдатским конвоем по казарме, охраняемой пушками. «Последняя дверь в углу», – сказал мне офицер. Повернувшись, сквозь решетку окна я увидела бледное, но улыбающееся лицо лейтенанта. Время, пока открывали замки и решетки, тянулось бесконечно. Наконец дверь распахнулась. Он стоял передо мной по-прежнему в форме и с эполетами.

«Ты! – воскликнул он. – Как замечательно, что ты доставила мне эту радость!»

Я не знала, что сказать, смущенная, что видела его в таком положении. К тому же мы были не одни: офицер сел на стул, а двое жандармов охраняли нас у двери. Я осмотрелась: узкая кровать, три табурета, белый деревянный стол, в углу печка. В окне виднелось бесконечное Черное море…

Заметив мое волнение, Петр начал: «Надо, чтобы ты привыкла разговаривать со мной, не обращая внимания на господина офицера, который, впрочем, человек хороший. Я его вижу каждый день. Он читает мои письма, он знает, что я думаю. Он читал и письмо тебе, таким образом, ты ему знакома. Надо привыкнуть к мысли, что никогда больше, вплоть до моего освобождения или до моей смерти, у меня не будет возможности ни говорить, ни слушать других без свидетелей. Забудем, что тут кто-то есть!». Он нервно ходил по огромной сводчатой комнате, куря сигарету: «В момент твоего прибытия я готовил свою защиту, намереваюсь сделать это сам».

Сломав карандаш, он попросил у одного из жандармов перочинный нож. Жандарм, забеспокоившись, неуверенно спросил: «Для чего, лейтенант?» – «Чтобы перерезать себе горло», – ответил он ему.

«Петя, – сказала я, – даже самые ужасные события не меняют тебя!»

«К счастью, это так!»

Я посмотрела на офицера. Он тоже улыбался, взгляд его казался добрым.

Расспросив меня о детях, моей жизни и о Романовщине, пребывание в которой стало, по его словам, «апофеозом его жизни», Шмидт заговорил крайне озабоченно о своей бедной сестре и о сыне…

«Тебе отлично известно, – начал он, садясь за стол и продолжая вертеть карандаш в руках, – что целью моей жизни всегда было добро. Не знаю, что за проклятие висит надо мною, но я ничего не добился. Когда я хотел делать добро, причинял только зло. Любопытная вещь: у меня есть дар читать в людских душах, а сейчас вижу, что в своей собственной душе я ничего не понимаю! Меня называют предателем, и кажется, мои поступки служат тому доказательством, но если бы знали, как я предан императору, хотя ненавижу окружающих его людей. Вот почему я отправил царю телеграмму из Севастополя: «флот вашего величества у ваших ног, но мы отказываемся подчиняться министрам, которые являются непреодолимой стеной между вашим величеством и вашим народом». Император никогда не прочел моей телеграммы. Очень сожалею об этом. Может быть, он понял бы мой порыв».

Он весь дрожал, настолько сильна была его боль, и в итоге сломал пополам карандаш, который держал в руках.

«Если бы ты знала! Надобно тебе рассказать…»

«Успокойся», – сказала я ему, видя, как дрожат его руки.

Он поймал мой взгляд и сказал, улыбаясь: «А, мои руки… пусть дрожат! Я нервничаю из-за последних событий. Мои друзья хотели даже извлечь из этого выгоду для меня. Врач, осматривавший меня в тюрьме, обратил внимание на эти симптомы, желая доказать, что я человек ненормальный. Как я мог бы допустить подобное? Спастись такой бесчестной уловкой? Получается, делу народа служил безумец?»

Закурив другую сигарету, он продолжал: «Царь принял долгожданную конституцию. Возможно ли, чтобы его благородному поступку чинило препятствия недоброжелательное правительство, а народ был обманут?».

«Но извини, на благородный поступок царя ответили водружением красного знамени!»

«Это недоразумение. Ты знаешь, не правда ли, что я был избран делегатом рабочих. Я сам видел демонстрации, во время которых

водружали красный флаг. Он служил лишь символом свободы. Товарищи упрекали меня в том, что я принял участие в одной из этих процессий. Я им возражал: «Почему бы и вам не поступить так же? Это шествует свобода, провозглашенная царем!». Тебе известно о моем аресте после речи, что я произнес на кладбище, и о моем освобождении. Мне хотелось бы найти способ успокоить взбунтовавшихся, отправившись прямо в казармы. Мне бы удалось это, настолько большой была моя популярность. Я собирался ехать в Москву, когда за мной срочно послали матроса, сообщившего мне, что весь флот восстал, что меня ждут. «Вы поклялись быть с нами!» – сказал он мне. Я чуть колебался, но потом в надежде избежать какой бы то ни было демонстрации поехал. Группа моряков ждала меня на пристани. Сев в лодку, я прибыл на броненосец, весь расцвеченный красными флагами. Меня встретили с воодушевлением, с криками: «Да здравствует красный адмирал!». В то время адмиральский флаг был поднят на мачте броненосца «Очаков», командование которым я принял на себя. События разворачивались дальше. Портовая артиллерия дала залп по нашему кораблю. Желая остановить сражение, я сообщил адмиралу, что принимаю на себя командование восстанием, намереваясь дать ему понять, что я был еще в силах усмирить начавшийся бунт. На одном из миноносцев я объехал все корабли. Меня встречали восторженно. А затем… не могу сказать, что произошло, я сам не понял. Удалось ли офицерам захватить снова свои позиции? Не знаю. Но по «Очакову» открыли огонь. Вскоре мы очутились в адском кругу. Начался пожар. Сквозь дым я видел, как гибли несчастные люди. Вдруг я услышал крик: «Папа!». Мой сын был рядом со мной! Ему удалось добраться до меня. Мы оба находились там, держась за руки, оба свидетели ужасной трагедии. Вокруг меня уже никого не оставалось, все спасались от пожара. Тогда и мы с сыном бросились в воду. Я поранил ногу о лодку, не замеченную в темноте. Вода была ледяной, мы плыли рядом, не зная куда. Нас заметили, так как вокруг засвистели пули, поднимая фонтаны воды. Мимо проплыл матрос, весь в крови, половина его лица была раздроблена… Красный флаг исчез: эскадра сдалась. Тогда я увидел небольшой миноносец, на котором все еще развевался флаг. Он и подобрал нас. В тот момент раздался взрыв, несколько человек были убиты. Я остался жив,

к сожалению. Спустя какое-то время лодка с офицерами пришвартовалась к наполовину затопленному миноносцу. Меня вместе с сыном схватили и доставили на борт адмиральского корабля. По приказу адмирала нас заперли в каюте. О, что это была за ночь! Боль в ноге, холод, резкий электрический свет, который слепил меня, и моральные страдания, что тут можно сказать! Я лег на пол, прижимая к себе сына, чтобы нам согреться вдвоем! Дверь открылась – нам бросили одеяла. Я уже начал терять ощущение реальности, когда в каюту вошел офицер. Помню, что меня подняли матросы, что нас сопроводили на корабль, а затем перевезли в крепость. Там я очнулся. Отчетливо помню первый допрос, длившийся всю ночь. Наконец меня заточили здесь, и я жду».

Он повернулся к углу комнаты и показал мне надпись, сделанную им на полу с помощью обгоревшей палочки: «Здесь был заключен за народное дело лейтенант Шмидт с такого-то числа по…» и вопросительный знак.

Петр закончил. Что я могла сказать? Полное молчание воцарилось вокруг нас, ни офицер, ни жандармы не шелохнулись. Все, подобно мне, находились под впечатлением услышанного.

«Время», – сказал офицер, поднимаясь.

«Ты вернешься? – спросил меня Петя. – Для меня еще действительно разрешение видеть тебя. Не так ли, господин офицер? Вам придется проводить госпожу».

«Я только выполняю свой долг», – ответил офицер.

Последнее пожатие рук, последний взгляд, и дверь закрылась.

Мы двинулись той же ледяной и заснеженной дорогой, не проронив ни слова. Наступал зимний вечер. Я попросила офицера зайти ко мне, ибо не могла оставаться одна. Я не ошиблась – это был добрый человек.

«Вы страдаете, понятное дело, ведь он для вас как брат. Но я нахожусь на государственной службе, мне предстоит выполнять очень серьезное дело, и тем не менее…»

«И тем не менее», – повторила я.

«И тем не менее, – продолжил он, – в день, когда он должен будет уйти, уйти навсегда, я буду тоже оплакивать его как брата. Я осмеливаюсь сказать вам о моих переживаниях, так как видел ваши».

На следующий день в тот же час и тем же образом я добралась до крепости – в последний раз. Петр, ждавший меня у окна, показался мне более бодрым. Он работал всю ночь над своей защитой и чувствовал удовлетворение от работы. Прочитав мне отрывок, где он подчеркивал свою вину и защищал матросов, часть которых тоже была арестована, Петр спросил меня об общественном мнении, о том, что думают о нем, все ли обвиняют его…

«Очевидно, – говорил он мне, – что с политической точки зрения и с точки зрения военной дисциплины, я абсолютно виновен и заслуживаю смертной казни… Но если бы только могли увидеть и понять, что произошло в моей душе, то меня бы не покрывали столькими оскорблениями и не называли бы предателем… Не могу представить, что наступит день, когда я, живое и мыслящее существо, способный работать и еще молодой, прекращу существование по воле неизбежной силы, и что все, что составляет мою личность, какой бы презренной и маленькой она ни была в этой огромной вселенной, будет уничтожено. Я не боюсь смерти. Но меня особо возмущает, что некоторые личности беззаконно присваивают себе право положить конец человеческой жизни… Особенно, когда чувствуешь в себе столько сил… Жить! – говорил он, отчаянно сжимая руки. – Жить, даже с обожженными крыльями. Быть сосланным на другой конец света, но только на Родине. Жить можно везде и претерпевать многое, когда еще живет надежда на счастье… Еще одно дело. Ты сохранила переписку с профессором М*** – этим великим и светлым умом? Не скажешь ли ты ему в следующем письме, что есть такой лейтенант Шмидт, который находится, возможно, накануне своей смерти, что сей лейтенант посылает ему свой последний привет и выражает свое восхищение. Скажи ему, что его портрет всегда стоял на моем письменном столе, что он всегда был моим учителем в том, что касается моих политических убеждений, и если я останусь в живых, то буду всегда его учеником…»

«Обещаю тебе это», – сказала я.

Крайне взволнованный, покусывая губы, он положил мне руки на плечи, глядя прямо в глаза: «Скажи мне правду. Ты должна ее знать. Буду ли я приговорен? У меня нет больше никакой надежды? Скажи мне правду, мне необходимо знать ее, ибо если нет

больше надежды, я должен привыкнуть к этой мысли. Я думаю об этом. Для меня станет ужасным потрясением, если узнаю об этом внезапно. Поклянись же, что скажешь мне правду…».

Задыхаясь и восставая против реальности, я взглянула на него с преувеличенной радостью и уверенным голосом заявила: «Нет абсолютно никакого сомнения. Мы все уверены, что ты будешь жить».

Слезы потекли у него из глаз, и вдруг он начал напевать мелодию «Лунная ночь», которую я слышала в Романовщине: «Когда, душа моя, ты стремишься погибнуть или полюбить…».

Мы стояли напротив друг друга, улыбаясь, – я со смертельной тоской на душе, он со смертью, ожидавшей его. Надо было уезжать, пришло время прощаться.

«До свидания, Петя!»

«До свидания, до свидания!» – крикнул он мне, когда дверь закрывалась, в последний раз для меня. Еще на какое-то мгновение я увидела его бледное лицо за решетчатым окном. Он помахал мне в последний раз. Я шла, ничего не видя перед собой.

«Мадам, – сказал мне один из сопровождавших меня солдат, – неужели возможно, что могут убить такого человека, как лейтенант Шмидт?»

Больше я никогда его не видела. По просьбе графа Витте его величество, следуя порыву своего сердца, был готов помиловать Шмидта. Но адмирал Т*** телеграфировал императору, что не сможет отвечать за флот, если будет оказано помилование.

Спустя три месяца я узнала из газет, что лейтенант Шмидт был расстрелян на одном пустынном острове. Он умер достойно, как и подобало ему. Накануне казни его привезли на остров. Ночь стояла холодной, звезды сверкали. Он пристально смотрел на них. На борту находился священник, Петр долго говорил с ним. В момент исполнения приговора он отказался от завязывания глаз. Занималась заря. Его возбужденный взгляд остановился на этом последнем луче света, и дрожащим голосом он прокричал последние слова: «Друзья, цельтесь как следует! Прямо в сердце!».

Спустя несколько дней я получила небольшой конверт. В нем был клочок бумаги с нацарапанными карандашом словами: «Сегодня я приговорен к смерти. Прощай, дорогая сестра. Твой Петя Ш.».

Часть II

Глава I

Санкт-Петербург переименован в Петроград, немецкое «бург» заменено славянским «град». Под снежным покровом город переживал тревожную зиму 1916-1917 годов. Со все возрастающей тревогой следили мы за прессой, раздраженной, часто противоречивой, трубившей по всей империи об успехах и поражениях армий, о победах и тяжких потерях, о нечеловеческих усилиях, объединенных под знаменем отваги. Молодежь продолжала уходить на войну, оставляя ей жизни и души. Война снимала богатый урожай, священную жатву – на полях, где позже взросли ковры кровавых цветов, багровых маков.

Лишь в битве познается сила врага и его сущность. Война позволила узнать и возненавидеть тевтонцев. Под своими железными касками они оказались совсем иными, чем классические рыцари старой Германии, красивые легенды которой восхваляли их благородство и честь. Немцы тоже любили свои легенды, но искали легкой победы, даже путем поддержки у презренных большевиков.

Мы сражались вместе с союзниками с высоко поднятой главой, с сердцем, горящим гордостью и гневом, останавливая своими телами нашествие врага, несшего рабство. Сражались с огнем, окружившим нашу страну, – наши яростные и возвышенные души, презиравшие смерть и до последнего вздоха защищавшие Родину. Однако это немецкое нашествие было не таким наглым и опасным, как красный ураган, стремящийся поглотить всю вселенную, захватив сначала Россию и погрузив некогда богатую и процветающую страну в нищету и смерть. Перед лицом такой опасности миру необходим союз – необходим хотя бы и для защиты культуры от разрушительного нашествия варваров. Почему бы народам не протянуть друг другу руку в братском жесте «auld lang syne»*, сила которого объединит сердца, понимающие друг друга даже через океан? Не пришло ли время оказать помощь тем, чья жизнь полна страданий? Не пробил ли час пробуждения для рыцарей чести, вступающих в крестовый поход против

* «Мы встретимся, несмотря ни на что», старинная ирландская народная песня, популярная во многих странах (прим. пер.).

духа зла, губящего души во тьме своей мрачной империи? Россия распята – повторю вновь! Не достаточно ли ее ужасного примера тем, кто все еще следует за «Синей птицей»**, на самом деле птицей красной, что Германия внедрила в Россию, дабы разжечь огонь революции, вспыхнувший там в 1917 году!

Кто мог представить, что такое большое несчастье обрушится на нашу Родину в разгар войны! Ленин, ставленик Германии, и его безумная пропаганда, группа социалистов с невеселым и постыдным прошлым бросили страну в пропасть. Многие «интеллектуалы» – а среди них были и ученые, и известные публицисты, и люди высокой культуры – своей преступной амбицией, легкомыслием, неслыханной самоуверенностью, граничащей с глупостью, подготовили благодатное поле для большевизма, оставив затем его без борьбы и сбежав, как только опасность обернулась против них самих. Эти люди присвоили себе «право освободить Россию от невыносимого царизма» и с таковой целью делали все, чтобы отравить возбужденное сознание солдата, рабочего и крестьянина ядом революции и сомнением по отношению к императору – некогда им любимому «царю-батюшке».

«Видели, как проехал наш любимый царь-батюшка?» – сказал мне однажды чрезвычайно взволнованный извозчик в Петербурге, увидев проезжавшего в экипаже императора. Русский человек не может не любить своего царя! Он родился с его образом в сердце!

Все остальное, все, что случилось, все ужасные события, бессмысленно жестокие и трагические, были только фатальным результатом отвратительных интриг, родившихся в адском воображении подлых людей! Они дискредитировали в глазах простого народа, особенно солдат, человека доброго, мягкого, необычайно честного, каким был царь Николай II – каким он оставался до самого конца своих трагических дней. Он умер как настоящий христианин, как мученик, как великий патриот, преданный всецело своей стране, преданный всецело союзникам – словом, честью, душой.

Вспоминаю один случай. Осенью 1915 года я задержалась в нашей Романовщине, очарованная прекрасной порою, а также из-за сезонных работ, потребовавших моего присутствия. В конце октября мне надо было вернуться к своим родным в Петербург, где мы жили уже несколько лет (мой сын и племянник там учились).

** Название пьесы М. Метерлинка; здесь – символ модернизма и декаданса.

Как обычно, Михайло отвез меня на станцию, откуда отправлялся на север мой ночной поезд. Было темно, но еще издалека я заметила необычное освещение, а небольшая всегда полутемная станция весело сверкала огнями.

«Должно быть, что-то случилось», – сказал Михайло.

«Похоже так, но что?»

«Когда приедем, узнаем», – ответил мой мудрец.

На станции я увидела взволнованных железнодорожников. Напыщенный начальник станции в новом мундире сообщил мне, что «Его величество император с наследником-цесаревичем ожидаются ночью по дороге на фронт».

«А когда же будет мой поезд?»

«Пока невозможно сказать. Еще не сообщено об императорском поезде, а движение до него остановлено».

Это мне было совсем некстати! Что может быть тоскливее маленькой станции, отдаленной от человеческого жилья, затерявшейся в глубокой осенней ночи! Тянулись бесконечные часы утомительного ожидания без сна. Холодно, и не можешь думать ни о чем, оставаясь с открытыми глазами. Наконец, пришла бледная заря, затем хмурое утро с пронизывающим туманом. Из тумана постепенно вырисовывался черный оголенный лес. На платформе оказалась толпа крестьян, старых и молодых, пришедших, несмотря на ночь, на встречу с царем и охваченных желанием увидеть его.

«А маленький цесаревич тоже приедет?»

От этого вопроса их добрые лица расцветают улыбками. Но вот издалека слышится стук колес приближающегося поезда, головы поднимаются, поворачиваются. Длинный до бесконечности военный состав, полный солдат, замедляет ход, и несколько офицеров, легко спрыгнув, оказываются на платформе. Поеживаясь от холода, они закуривают, их юные лица веселы и оживлены. Полк тоже ждет прибытия императора, и после его пожеланий удачи поедет дальше, навстречу судьбе. Лишь бы императорский поезд появился с опозданием, дав таким образом счастье увидеть царя всем тем, кто прибыл сюда издалека, особенно солдатам. Они выстроились вдоль железной дороги – там, где должен остановиться императорский поезд. Лица солдат серьезны, улыбки не скользят по губам – на службе не до смеха. Как это

бывает тяжело иногда – почувствовать, понять, что происходит в душе другого человека!

Вдруг слышится глухой отдаленный шум, все нарастающий. Идет царский поезд! Единое чувство волнения охватывает толпу. «К ружью!» – щелканье затворов, блеск штыков, замершие в строю солдаты. Как большая молчаливая ночная птица, складывающая крылья, поезд останавливает свой быстрый полет. Абсолютная тишина: ни звука, ни движения. Только дыхание локомотива и монотонный шум капель воды с деревьев. Было еще очень рано, и царь отдыхал. Спал и цесаревич в соседнем с отцом купе. С умилением можно было разглядеть сквозь голубые занавески красивую головку ребенка, лежавшую на подушечке. Сон его был покоен и сладок, как сон счастливых детей. Он не подозревал, что солдаты, так его любившие, были здесь, рядом с ним, защищая его сон и охраняя покой своего царя… Поезд плавно среди глубокой тишины продолжил свой долгий молчаливый полет, устремляясь сквозь туман вдаль.

Рядом со мной заплакала старая крестьянка. Она только что пришла, запыхавшись от волнения, от усталости, сокрушаясь, что пропустила прибытие царя и маленького цесаревича! Я утешила ее, сказав, что эта радость не выпала никому, что невозможно было даже надеяться на то, что царь будет появляться при каждой остановке поезда, дабы приветствовать своих подданных.

«Да хранит их Господь Бог! Пусть спят спокойно, мои дорогие!» – воскликнула женщина, утирая глаза.

Военный состав тоже отъезжал. Солдаты поднимались в вагоны, лица их были серьезны, глаза грустны. На сей раз молодые офицеры не улыбались.

Глава II

Сколько счастливых и трогательных воспоминаний связано с царской семьей! Ее образ запечатлен в сердцах, страдающих за тех, кого больше нет, и пребывающих с теми, кто живет, чтобы страдать.

Мысль возвращается особенно часто к Марии Федоровне, той матери, что столько лет каждый день своей жизни, без передыш-

ки, с высочайшим мужеством сносит огромную боль. Потерянные, исчезнувшие в самых трагических условиях сыновья вместе со столькими другими близкими ее сердцу людьми… Однако она надеется несмотря ни на что, вверяясь милости Всевышнего.

«Никто не может погасить в моем сердце свет Надежды», – сказала недавно Мария Федоровна. Стоицизм и вера этой избранной женщины должны помогать тем, кто ныне отчаивается. Имевшие счастье узнать императрицу Марию-Дагмар никогда не забудут ее образ, ее своеобразную женскую грацию с бесконечным очарованием, исходящим из тонкой, нежной и деликатной души.

Смогу ли я когда-нибудь забыть тот прием, который оказала мне ее величество по случаю большого горя, жестоко поразившего меня и моих детей? Вдовствующая императрица сама пригласила меня, приняв частным образом с большой сердечностью, глубочайшей симпатией и воистину материнской нежностью. Она обратилась ко мне с трогательными и сердечными словами – в той долгой встрече не было ничего официального. Я потеряла всякое понятие о том, что находилась в красивом зале под большими пальмами, что мое кресло – рядом с креслом ее величества, что со мной говорит императрица всея Руси.

«Я умею хранить молчание, – сказала Мария Федоровна. – Можете рассказать мне все!» И вот это уже только две женщины, две души, страдавшие вместе в молчаливом дворце. С тех пор прошли годы, но и сейчас вижу, как наяву, прекрасные лучистые глаза, наполненные слезами.

Храню одно драгоценное письмо, спасенное не знаю уж какой случайностью или каким чудом среди полной гибели всего мне дорогого. Вдовствующая императрица оказала мне честь, послав собственноручное, написанное изящным почерком письмо, где еще раз выказывала мне свою симпатию. Письмо было подписано одним лишь именем – «Мария».

Как же я могу в эту годину великого национального траура, склоняясь благоговейно перед великой болью матери, вновь не сказать ей слова, с которыми я обратилась в одном давнем письме: «В тяжелые часы моей жизни драгоценное письмо Вашего величества мне да будет поддержкой. Со взглядом на Ваше имя, с сердцем у Ваших ног, я буду черпать в Вашем послании утешение и мужество».

Императрица Александра Федоровна, супруга Николая II, несмотря на свои высокие душевные качества и красоту, не обладала, однако, умением покорять сердца, как покоряла помимо своей воли Мария Федоровна.

Красивая, с величественной осанкой и уверенная в себе, царица Александра вызывала восхищение, но не «грела сердца». Ее манеры, речь были сдержанны и строги, даже холодны. Возможно, что подобную видимость создавала некая ее робость.

Первые впечатления бывают часто самыми яркими. Отчетливо помню день, когда имела честь быть представленной в первый раз императрице Александре. Ее величество приняли меня в Зимнем дворце, в своем личном салоне. Стоял зимний необычайно яркий день. Анфиладу великолепных и просторных залов заливало солнце. За широкими окнами дворца под сверкающим снежным покровом спала долгим зимним сном Нева. Прекрасные мосты, а также дороги, проложенные прямо по льду, соединяли противоположные берега. Сани с быстрыми рысаками, покрытыми красными, синими, зелеными попонами, пересекали Неву или скользили по набережным – любимым местам прогулок элегантной публики. Напротив дворца, на другой стороне Невы, возвышалась Петропавловская крепость с тонким позолоченным шпилем, блестящим на солнце в синем небе. Солнечные лучи играли повсюду: на рамах картин, на позолоте и парчовой обивке стен, на всем великолепии искусства и цвета, зажигая искорки на киверах и изящных мундирах гвардейцев.

Как все это было мне знакомо с тех давних пор, когда в бальных залах дворца мой восхищенный взгляд скользил по великолепному убранству, очарованный ослепительным появлением семей царя и великих князей! Мужи с прекрасной осанкой, дамы, полные очарования и грации, плавно дефилировали, сопровождаемые одним из самых блестящих дворов того времени. Под триумфальные звуки оркестра, при блеске люстр, небывалой красоты драгоценностей, мундиров и бальных сверкающих золотом платьев они появлялись с грациозной улыбкой, с некоторой мечтательностью во взгляде, с тем бесконечным очарованием Романовых, что присуще принцам в волшебных сказках.

Это было не только восхитительным спектаклем для глаз, но и воодушевлением для сердца, такого юного тогда!

Дверь, ведущая в апартаменты императрицы Александры Федоровны, широко раскрывается передо мною. Величественная и красивая дама поднимается с кресла. Сделав три придворных реверанса, я целую прекрасную белую руку, грациозным жестом пожимающую мою. Сидя напротив ее величества и беседуя с ней, могу рассмотреть ее без стеснения. Императрица восхитительна и свежа, как майская роза. Туалет нежного серо-голубого цвета оттеняет ее прекрасные глаза. В большом мягких тонов салоне повсюду цветы. Розы, пышные букеты красных азалий, утонченно пахнущие гиацинты такого же тона. На изящных диванах – подушки, гармонирующие с нежными оттенками растений. Что может быть более очаровательным для императрицы, чем это цветочное обрамление!

Лучи солнца золотили ее волосы и подчеркивали мраморную белизну тонких рук. Царица очаровательна, а ее прием – деликатен и внимателен. Но отчего же среди всех этих цветов с тонкими ароматами мне показалось, что близ меня прошла Снежная королева?

Глава III

Сейчас, когда я вновь пережила эти события, эти счастливые воспоминания, навсегда покрытые пеплом, рука моя дрожит, приподнимая занавес над другими воспоминаниями, другими образами, собранными в отчаянии.

В начале 1917 года жизнь, однако, шла почти своим обычным чередом. Каждый работал соответственно своим возможностям, мысли каждого были заняты войной. Порою наступал какой-то проблеск, радость: прибытие юных офицеров с фронта. Молодые люди, получив несколько дней отпуска, развлекались подобно детям, счастливые мгновениями жизни, так отличающейся от того, к чему им скоро предстояло вернуться. Как трогательно было видеть их вновь – бритые головы, блестящие от радости глаза… Они врывались, словно неожиданный порыв ветра, и бросались в раскрытые объятья. Никто не знал – следует плакать или смеяться?

Мы жили тогда в спокойном и красивом квартале на правом берегу Невы, и наш дом стал во время войны (как и многие другие) подобен военному гарнизону. Все друзья и товарищи моих племянника и сына побывали у нас. Сколько оживления, раскатов молодого смеха, воодушевления! Звон шпор, разбросанные военные фуражки, открытое пианино, музыка, песни – и сигареты, сигареты! Война в те моменты казалась бесконечно далекой, почти невозможной!

В феврале мой сын заканчивал военный курс в Пажеском корпусе его императорского величества. Сдав экзамены на звание офицера, он вступил в один из полков императорской гвардии. Гордясь им, я считала против своей воли дни, отделявшие нас от того торжественного момента, такого значительного в жизни молодого офицера и в жизни его матери тоже, момента, когда радость смешана со столькими переживаниями!

Время шло, дом наш становился все более просторным и молчаливым. Моя дочь ухаживала за раненными солдатами в госпитале. Павел К***, наставник и друг моего сына, друг всей семьи, был далеко, у линии огня. Мой племянник, князь Д<абижа>, совсем еще мальчик, выглядевший блестяще в живописном мундире Кавказского полка, уже отбыл – радостный и беззаботный – на фронт! Скоро наступала очередь моего сына. Они были очаровательны, эти двоюродные братья, называвшие друг друга просто братьями (мой племянник рано остался без родителей), оба примерно одного возраста, очень высокие, стройные и, однако, очень разные. У одного – темно-каштановые волосы, большие серые очень красивые глаза, тонкие черты бледного лица, элегантные манеры. У другого, моего сына, – светлые пепельные волосы, правильные черты, оживленные темно-синими глазами с густыми бровями и ресницами. При высоком росте он имел лицо маленького *boy* [мальчик (англ.)], лицо, полное свежести и с очаровательной улыбкой. Его выразительный взгляд, однако, часто становился взглядом зрелого мужчины, серьезным и сосредоточенным.

Да, я боялась, что он покинет меня слишком быстро. «Мой кадет, мой прекрасный кадет!» Знаменательный день долгожданного выпуска наступил. В присутствии военных чинов, родителей и друзей молодые офицеры собрались в часовне на молебен, прозвучавший со всей торжественностью. Эта капелла, украшенная

Мальтийским крестом, служила некогда и для других славных церемоний, будучи основанной императором Павлом I по желанию Ордена мальтийцев во время их пребывания в России. Известно, что когда Мальта была захвачена турками,* Павел I незамедлительно оказал гостеприимство рыцарям, приняв титул Великого магистра Ордена. Память об этом событии хранилась всегда: часовня сберегла свое убранство, мальтийские кресты были вышиты даже на облачении священников. Те же кресты из белой эмали были затем введены Павлом I для офицеров Пажеского корпуса с приказом носить их на мундире в течение всей жизни, храня честь рыцарей. Кроме того, офицеры Пажеского корпуса носили золотое кольцо, снаружи покрытое простым металлом, и с выгравированной внутри надписью: «Один из…» (указывалось число друзей). По этому кольцу они узнавали друг друга в жизни, а может, узнают и сейчас – те, кому удалось избежать гибели.

В тот памятный день, объединенные единым чувством, они прошли в центр часовни, подтянутые и торжественные – перед клятвой, которую они должны принести царю и Отечеству, посвящая им жизнь до последнего вздоха. Они вставали на колени перед знаменем, целуя его. Я смотрела на сына и знала, что он вкладывал в клятву всю свою душу. Да, царь и Отчизна могли рассчитывать на верность и честь этих сыновей, родители которых, в свою очередь, уже доказали свою верность и честь. На сей раз царь, находившийся на фронте, не мог, как обычно, присутствовать на священной церемонии. Он послал телеграмму с сердечными поздравлениями «своим любимым кадетам», присваивая им звание офицеров армии. Телеграмму зачитали в большом зале в присутствии молодых воинов, серьезных, подтянутых, в мундирах, надетых впервые. Раздались восторженные «Ура!».

В тот момент я заметила сына. Он пересекал зал, направляясь в нашу сторону. Я никогда не видела его таким: казалось, что он еще больше повзрослел. Его лицо, воодушевленное бесконечным счастьем, с блестящим и гордым взглядом, было прекрасно. Он направлялся к нам с высоко поднятой головой, с белым крестом на сердце. О, несомненно, крест находился на нужном месте: его сердце было того достойно.

* В действительности – Наполеоном; турки захватили прежнюю резиденцию рыцарей, о. Родос.

«Это самый прекрасный день моей жизни!» – сказал он тихо, приблизившись к нам. Мы были не единственные, кто тогда восхищался им. Стоявший рядом с нами английский генерал спросил у своего соседа, глядя на моего сына: «Who is this fine boy?» [Кто этот красивый мальчик? (англ.)]. Я чуть было не закричала: «Это мой сын!».

Тем временем общественный настрой становился все более тревожным. С фронта приходили неприятные новости. Ходили глухие слухи о возможной нехватке хлеба. Прошли демонстрации перед булочными и на улицах, но без осложнений и без особых последствий. Однако что-то чувствовалось в воздухе – на душе было неспокойно…

Никто, естественно, не предвидел революцию, это неслыханное предательство, случившееся в разгар войны. Кто же хотел способствовать гибели своей страны? Однако кинжал уже был наполовину вынут из ножен: поджидался лишь подходящий момент, заранее предусмотренный, – чтобы нанести смертельный удар в спину Родины, грудь которой уже кровоточила.

Дни шли своим чередом. Мой сын находился в своем полку, неся службу с пылким усердием молодого офицера, «влюбленного» в своих командиров, в своих товарищей и солдат. Все для него там было таким «замечательным»! Он радовался, что быстро завоевал любовь полка, а для меня это звучало так естественно!

«Ты знаешь, – говорил он мне с сияющим видом, возвращаясь вечером из казармы, – солдаты любят меня, несмотря на то, что я очень строг во время учений!»

«Нонсенс! – отвечала я, чтобы его поддразнить. – К тому же – как ты о том знаешь?»

«Прежде всего, они улыбаются, если замечают меня. Потом, когда я свободен, то люблю беседовать с ними, рассказываю разные истории. Затем…»

«Затем?»

«Затем, если хорошая погода, после учений мы устраиваем между собою бег наперегонки. Ты не представляешь, как весело бегать с ними!»

«К сожалению, не представляю!» – меня убедили: я больше не могла сомневаться в том, что командир завоевал любовь своих подчиненных.

Однажды сын сказал мне: «Пойдем прогуляемся вместе! Я так горжусь тобой!». А как я гордилась им, шагая рядом, глядя на его разрумянившееся от холода лицо, светло-серую каракулевую шапку с большой серебряной звездой! Высокая ростом, я казалась совсем маленькой рядом с этим «отважным рыцарем»! Глаза его смеялись, ничто пока еще не омрачало его ясный взгляд, такой чуждый и далекий от всего, что вскоре разразится вокруг нас.

Раз я осталась одна с дочерью. Сын был на службе в полку на другой стороне Невы, а мои слуги, имея свободный вечер, отправились в театр. Не прошло и часа, как мы увидели, удивленные, что вернулась моя горничная, бледная, чем-то потрясенная… «Стреляют! Стреляют! – кричала она, словно обезумев. – Солдаты стреляют на другой стороне реки!»

«Кто? Что? Почему?» – спрашивали мы наперебой.

«Никто не знает!.. Солдаты, рабочие, казаки бегут вдоль Невского, студенты тоже! Отсюда не слышно ничего! Это слишком далеко! Но там!.. Там стреляют!» Она разрыдалась. Другие слуги не могли ничего добавить к услышанному.

Нежданные события при всей и без того напряженной жизни легли тяжким грузом на сердце. Мой сын находился в полку, следовательно, не на улице… Мысли носились вихрем. Что происходило в городе? Что послужило причиной волнений? Виною ли плохое снабжение, недостаток хлеба, о чем говорили в последнее время? Рассказывали также, что заводы бастовали из-за нехватки угля, что солдаты братались с рабочими, которые не хотели трудиться на войну. Слухи становились все более тревожными: столкновения действительно происходили в разных местах города. Обжигающее слово «революция» слышалось уже на улицах и леденило душу. Но мысли о ней мы отбрасывали, не желая соглашаться с ужасающей действительностью. Мы старались уверить себя, что волнения, организованные, возможно, агентами-провокаторами, социалистами или еще кем-нибудь, были только временными, безо всяких последствий, и что спокойствие вскоре восстановится. Царь находился на фронте, война продолжалась. Надо стремиться к победе!

Чаемое спокойствие не приходило. Мне достаточно было посмотреть на сына по возвращению из полка, чтобы понять, что «дела не идут». Группы рабочих бродили по городу. Вдруг поя-

вились красные флаги с устрашающими надписями. Положение усложнялось. Волнение, возбуждение захватили мои мысли.

На следующий день в шесть часов утра меня поднял телефонный звонок. Это был двоюродный брат, член Военного Совета генерал Г***, который дал мне понять, что мой сын не должен выходить из дома, и просил меня во что бы то ни стало его задержать, ибо городской гарнизон взбунтовался и начал стрельбу. Я впала в отчаяние. Сын уже отправился на службу на другую сторону Невы, и ему предстояла долгая дорога. Все средства сообщения не действовали, поэтому нужно было идти пешком через бесконечно длинный Троицкий мост, подвергаясь опасности попасть под пули.

Слуги, приносившие все более чудовищные новости, изыскивали способы держать нас в курсе происходившего на другом берегу Невы. Разъяренные толпы рабочих охотились за полицейскими, гнались, преследовали этих несчастных вплоть до их жилищ, отыскивая их в укромных уголках, в подвалах или на крышах, безжалостно расправляясь с ними. Посты городовых были подожжены: озверевшие горожане не останавливались в своей дикости, и многие добрые люди, абсолютно невиновные и безупречные, погибли в тот день в огне. И – надо ли сказать об этом? – женщины, да, женщины с воплями мегер также участвовали в подобных актах.

Кто были эти чудовища, что за разнузданная толпа, что за дикая радость жестокой неограниченной «свободы»? Все тюрьмы были открыты и подожжены в тот день, подожжен был и Дворец правосудия, горевший два дня со всеми его архивами. К вечеру красные зловещие огни заполыхали в петербургском небе. Рабочие почувствовали себя хозяевами. Можно было видеть их темную массу, плывущую по улицам, без видимых, впрочем, беспорядков или нарушений.

Однако, как я узнала позже, рабочие одного большого завода убили в тот день полицейского, который лет десять нес службу в их квартале. Это был хороший человек, рабочие ценили его, разбирали с ним свои семейные дела, спрашивали у него совета, иногда даже просили его рассудить ссоры, никогда не сомневаясь в его честности. И все же они убили его – по той «простой причине», что этот человек совершил преступление, служа долгие годы

в полиции, и следовательно, «являлся угнетателем и врагом свободы народа»!

Мы провели тот день, часами не вешая телефонную трубку, с нервами на пределе, пока, наконец, смогли получить новости непосредственно от нашего дорогого «*boy*». Он добрался до полка без происшествий, обходным путем. Затем его отправили на сутки во главе отряда солдат своего полка в отдаленный пригород для охраны газового завода. Солдаты под его командованием дисциплинированно прибыли на завод. Сын им объявил о необходимости выполнении долга в настоящий момент, имея в виду положение в городе и опасность пожаров: необходимо было защищать завод и квартал от возможных врагов. Солдаты абсолютно поддержали его.

Мы договорились, что сын будет многократно звонить в течение ночи и сообщать нам о своем положении. Он находился один в служебной комнате (солдаты – в помещении рядом) и мог сказать нам несколько слов. Первый звонок был назначен на полночь. На другом конце провода, который соединял нас через весь Петербург, ставший таким устрашающим, я чувствовала, видела молодое лицо с тревожным взглядом. Я догадывалась об этом, несмотря на его твердый, такой близкий голос, доходивший до моего слуха и говоривший со мной издалека… Какой долгий вечер, какая бесконечная тоскливая ночь, прошедшая в ожидании утра и возвращения сына!

Глава IV

Замечу, что и в самые отчаянные дни, когда город был погружен в хаос, телефон продолжал действовать день и ночь, что позволяло нам, несмотря на бои на улицах и в казармах, иметь бесценную возможность обмениваться новостями с родственниками и друзьями. Тяжелое чувство изоляции и покинутости казалось при этом более сносным.

Одна из самых поразительных новостей, правда, еще очень смутная, дошла до меня в завуалированном виде и без всяких доказательств. Но я была потрясена. Нет, это невозможно! Мы отка-

зывались верить телефонному сообщению двоюродной сестры: Николай II якобы отрекся от престола. Он не мог этого сделать, да и зачем? Событие сей огромной значимости, непонятное в то критическое время, не могло иметь под собою никаких оснований. Половина гарнизона, полки императорской гвардии – не сражались ли они с именем своего главнокомандующего на устах? Доказательство тому было тут, совсем рядом: отряды под руководством офицеров защищали свою воинскую честь в сражениях против революционеров! Зачем же тогда пролитая кровь, для кого шла эта борьба, вдруг ставшая бесполезной?!

…Один из наших родственников, молодой офицер, вошел в салон. Его неожиданный приход в такое опасное время поразил нас.

«Вы неправы, – сказал он, – что остаетесь взаперти, вместо того чтобы дышать свежим воздухом. Пойдемте погуляем, это позволит и вам увидеть происходящее в другом свете!»

Я смотрела на него как на безумного. Он был бледен, что-то лихорадочное мерцало в его взгляде.

«Все кончено, – заявил он. – Все вернулось на круги своя. Бояться нечего. Борьба завершена, солдаты побратались с народом».

«А императорская гвардия?»

«Тоже…»

«А полк Х?» – я назвала полк моего сына.

«Он был последним, кто продолжал сражаться, и последним, кто перешел…»

«На сторону революционеров?»

«Естественно. Пропаганда социалистов достигла своей цели».

«А… Царь?» – промолвила я срывающимся голосом.

«Ходят слухи, что его величество едет с фронта. Слишком поздно! Но говорят много чего! Что происходит на самом деле, неизвестно. Впрочем, совершенно очевидно, что в настоящий момент в столице восстановлено спокойствие. Рабочие поддерживают порядок. Солдаты веселыми компаниями прогуливаются по городу на конфискованных сегодня утром машинах. Полагаю, что и ваша машина, – добавил он с горькой усмешкой, – была любезно предоставлена им вашим же шофером».

«Он убедил меня, что это только в служебных целях и что нам ее вернут позже».

«Как и мою шпагу, если она попадет им в руки!» – ответил мой молодой кузен. Я заметила, что при нем шпаги не было.

«Солдаты начали разоружать офицеров, – губы его дрожали. – Предпочитаю, чтобы они не трогали мою шпагу, особенно если она при мне. Они не получат ее!»

«Вы ее спрятали?»

«Возможно».

После такого разговора я бросилась к телефону, не в силах ждать полуночи, времени, установленного с сыном. Мне надо было немедленно знать его положение! Там, на отдаленной окраине, он совершенно не представлял себе, что произошло в городе. Сын был потрясен, когда я сообщила новости, – он отказывался верить, не мог допустить, что императорская гвардия и его полк тоже перешли на сторону взбунтовавшихся солдат… Он добавил, что еще днем его дядя, генерал Г***, сообщил ему ободряющие новости и поздравил с достойным и храбрым поведением его полка.

«Погоди, – завершил он. – Я сейчас позвоню в полк и узнаю, что там происходит».

Чуть позже он сообщил мне, что ему никто не ответил, и что все посты хранили молчание.

«А твои солдаты?» – спросила я.

«Они молчат, но мне кажется, что знают о происходящем».

«Не будет ли лучше пойти к ним и прямо рассказать о случившемся?»

«Конечно, – ответил он. – Я сам намеревался сделать это. Но… Мне трудно заставить себя говорить об этом унижении, об этом преступлении».

«Эти чувства, – сказала я, – спрячем на время в наших душах».

«Я оставляю тебя до полночи. До свидания…» – его голос звучал напряженно.

Казалось невозможным оставаться в стенах дома. Надо было бежать, надо «прогуляться», как предлагал наш молодой кузен, надо узнать последние новости. Мы вышли на улицы, белые от снега, блестевшего под электрическим светом. После дневных беспорядков они казались странно молчаливыми, почти пустынными и бесконечно длинными. Небольшие группки собирались

на углах. Время от времени бесшумно проезжали по снегу автомобили, заполненные веселыми солдатами, матросами и какими-то штатскими. Мы встретили несколько военных автомобилей, имевших весьма театральный вид, – солдаты буквально лежали на подножках с обеих сторон машин, горизонтально держа угрожающие ружья и явно желая произвести впечатление. На одном углу многочисленная толпа окружила автомобиль. Человек, забравшись на машину, разбрасывал листовки, покрывавшие землю вокруг, и беспрестанно кричал: «Последняя потрясающая новость!». Пробегаю листовку глазами – ужасная новость о крахе всякой надежды только что казалась невозможной – но больше сомнений не было! Вот она, ужасная действительность! Николай II отрекся от престола Российской империи… Машинально, не в силах произнести хоть слово, мы побрели далее, сосредоточенно глядя на пустое пространство, расстилавшееся перед нами.

Не отдавая себе отчета, мы оказались на берегу Невы близ Троицкого моста. Широкая река с точками фонарей, там, где прямо на льду были проложены переправы, с перекинутыми широкими мостами, заполненная светом, – эта величественная река, коронованная Петром Великим, спала в тени зимней ночи с безмерным и трагическим спокойствием, не подозревая о том, что случилось в судьбе Петербурга, в судьбе Империи.

Мои мысли и взгляд устремились за Неву, к огромному и темному Зимнему дворцу, едва видному в ночи. В тот момент одно воспоминание пронеслось в моей памяти: молодая и спокойная женщина, красивая, как роза в солнечных лучах… Вдруг глухой неясный шум тяжелых шагов и шепот привлекли наше внимание. Плотная толпа рабочих черной массой выходила из одной боковой улицы. Не подав виду, что беспокоимся из-за их присутствия, мы продолжали свой путь, но с ощущением крайней опасности: расстояние между нами и толпой уменьшалось с каждым шагом. При этом я чувствовала, я знала – как бывает в дурных снах, – что ни в коем случае не следует поворачивать обратно. Мы в полном молчании шли навстречу толпе.

Едва мы ее миновали, как сзади раздался голос, скорее неуверенный: «Господин офицер… Господин лейтенант…». Затем другой, более смелый возглас: «Господин офицер, снимите погоны!».

Тогда тот, кто шел впереди толпы, худой рыжебородый человек лет сорока с серьезным и холодным взглядом подошел к нам: «Господин офицер, вы вооружены?».

«Нет».

«Вы можете дать слово?»

«Даю вам слово».

«Он врет, он врет! – закричали в толпе, уже окружившей нас. – Он врет, надо обыскать его!»

Рыжебородый повернулся к рабочим: «Говорить буду я – оставьте мне мое дело».

«Господин лейтенант, – продолжал он спокойно, – мои товарищи подвергают сомнению ваши слова, так как сегодня вечером у нас уже произошел ряд очень неприятных случаев. Встретив нескольких офицеров, мы задали им тот же самый вопрос, что и вам. Господа офицеры предпочли солгать, лишь бы не отдавать нам оружие. Мы были вынуждены обыскать их, и, естественно, небезрезультатно. Плохо им пришлось – отобранные револьверы пригодились нам для того, чтобы разрядить их им в виски… Они были так же молоды, как и вы, господин офицер».

Возмущенно поджав губы и сверкая глазами, мой кузен резким движением распахнул шинель, показывая грудь и свою стройную фигуру. «Я лгу?» – воскликнул он.

В тот же момент – Боже мой! – я заметила артиллерийский кортик, висевший на позолоченных цепочках с левой стороны пояса.

«Не сердитесь, господин лейтенант, – сказал хладнокровно рыжебородый. – Мы не ищем ссоры с вами. Мы хотим лишь справедливости и правды. Теперь же, – добавил он, поворачиваясь к нам, – вы можете спокойно продолжать свой путь. Ночь прекрасна, город тих, вам нечего бояться. Приятной прогулки!»

Они ушли. Сегодня, как и в тот вечер, восемь лет назад, я спрашиваю себя: кто был этот рыжебородый? И как можно, что никто не заметил висевший на виду офицерский кортик, о котором кузен в тот роковой момент совершенно запамятовал. Была ли это милость судьбы или милость вожака рабочих, быть может, пожалевшего двух женщин, а может, пожалевшего и молодого офицера, что распахнул шинель с такой искренностью и смелостью пе-

ред толпой врагов? Кто знает? Может, в тот вечер последняя искорка совести пробудилась на миг в их сердцах?

В полночь позвонил сын, сообщивший, что неподалеку от них разгорелось три пожара, один – довольно близко. К счастью, пожарные выполняли свой долг без какого-либо препятствия со стороны рабочих, осознававших опасность, которую представлял газовый завод при пожаре.

Мой сын счел необходимым поговорить со своими людьми, призывая их к выполнению служебного долга, бывшего одновременно долгом по отношению к народу. Он объявил о переменах, произошедших в полках, веками бывшими образцом храбрости, честности и верности старым традициям. В заключение он сказал: «Если вы уйдете, я останусь один выполнять свой долг. Даю вам возможность обдумать это и надеюсь, что вы остались такими, какими были: воинами чести, достойными нашего старого полка». Спустя некоторое время пришли два делегата и попросили своего командира полностью на них рассчитывать.

Долгое тяжелое время протекало в ночной тишине. Каждый раз, когда били часы, наступало словно пробуждение, возвращение к действительности, – каждый раз горько сжималось сердце. Иногда приходило забытье, несмотря на открытые глаза, все видевшие. Молодой кузен, как заведенный, ходил вдоль и поперек салона, останавливаясь иногда у затухающего огня и бросая туда сигарету, после чего вновь начинал ходить по коврам своей мягкой походкой. В углу нашего «арабского зала» под мягким красным светом восточной лампы, сжавшись в комочек на одном из низких диванов, неподвижно сидела моя дочь Мара. Она тоже не спала.

Никто не разговаривал. Мысль преодолевала усталость, отрывками вставали пережитые сцены и события… Царь отрекся от трона империи… Сверкающая от снега улица, рабочий с рыжей бородой, с холодным взглядом и монотонным голосом: «…они были так же молоды, как и вы, господин лейтенант… они предпочли умереть…». Кортик на поясе, грудь, открытая врагу. Мой сын совсем один там… сколько еще пройдет времени до его возвращения? Он позвонил в восемь часов, затем в десять, сообщив, что полк не отвечает, и что его люди после прошедших 26 часов не хотели больше ждать смену, так и не появившуюся. Некие де-

зертиры чуть было не увели его солдат, однако мой сын, как он рассказал нам позже, еще раз напомнил о долге и о данном слове. «Я привел вас сюда в полном порядке, согласно уставу, – объявил он, – и надеюсь, что мы вернемся в подобном же порядке».

Солдаты выстроились, мой сын стал во главе отряда: так они и прошли по городу – к удивлению тех, кто в течение двух дней не видел солдат под командованием офицера и не мог себе представить, что можно встретить отряд с офицером во главе в такое время. Это стало из ряда вон выходящим событием – они вошли в полном строю во двор казармы, где солдаты в гимнастерках нараспашку орали, опьяненные полученной свободой, не отдавая более честь офицеру и ухмыляясь.

Не удостоив их взглядом, мой сын обратился к своим выстроившимся воинам: «Рад, что могу объявить перед вашими товарищами, что вы исполнили долг чести, как и надлежит солдатам нашего полка. Благодарю вас!» – после чего удалился в офицерскую комнату. Он уже знал, что офицеры покинули полк, сдав оружие. Это было 12 марта, день, когда в городе началось разоружение генералов и офицеров, за которым последовали многочисленные убийства.

Военные в России не имеют права носить гражданскую одежду и никогда не оставляют ни мундиров, ни оружия. Можно представить отчаяние тех, кто отдал оружие, дабы не быть обезоруженными неизвестно кем! Сколько старых генералов, храбрых и честных, грудь которых покрыта военными орденами, погибли, защищая свое оружие от штыков и револьверов солдат! Сколько молодых офицеров, совсем недавно надевших погоны, были тогда убиты!

…В офицерской комнате мой сын снял саблю, которую он имел честь носить всего лишь месяц, положил ее рядом с саблями своих товарищей и ушел.

После 30 часов отсутствия он наконец возвращался домой. Мы ждали, напряженно прислушиваясь к малейшему движению лифта. Ему приходилось возвращаться пешком, в то время как солдаты разъезжали на автомобилях. Они сновали беспорядочными группами, без офицеров, с кокардами и красными бантами на фуражках, бескозырках или на груди и цепляли их всем прохожим. Красный цвет, цвет крови, растекался повсюду, ужасный и отвратительный!

Офицеры избегали появляться на улицах. Один из них, мой сын, торопился в тот момент прийти домой. По возвращении он рассказал нам, что ему пришлось пережить на Троицком мосту. Автомобили, полные людей, проезжали по нему беспрерывно. Заметив офицера, солдаты замедлили движение и, посмеиваясь, направили на него оружие. Игра продолжалось вдоль всего моста – целая вечность! Он продолжал идти, слыша все их угрозы и распри, дошедшие до споров: «Кому достанется прикончить этого офицеришку!». Среди них, слава Богу, нашелся один солдат, отговоривший их от такого намерения.

Телефонный звонок! Снова генерал Г***, желавший узнать новости о моем сыне и сообщивший, что офицеры получили строжайший приказ не показываться на улицах. Я ответила, что он, вероятно, возвращается домой после службы. Мой кузен, как и я, был в отчаянии. Генерал сообщил мне одну вещь, меня потрясшую. Император вовсе не отрекался от трона! Эту заранее продуманную ложь распространяли для возмущения армии. Вынудив царя ее оставить и пользуясь возникшими беспорядками, подлые людишки совершили государственный переворот, а потом уж заставили императора… О, какое бесчестье! Какое предательство!

Дверь резко распахнулась. Мой сын стоял предо мной. Бледный как смерть, запавшие глаза, осунувшееся лицо – он выглядел стариком. На груди – красная кокарда. Он с яростью сорвал ее, упав к моим ногам. Положив голову мне на колени, он рыдал: «О, мама, мамочка! Ведь почти вчера я поклялся ему в верности, я принес присягу!».

День, когда мой сын, избежав всех опасностей, вернулся со службы, был тяжким днем как для военных, так и для гражданских. Солдаты шарили по всему городу, врывались в частные дома, конфискуя оружие. Наш добрый толстый швейцар, по-прежнему в синей форме с галунами, вбежал, задыхаясь, предупреждая нас о том, что идут солдаты, разыскивающие офицеров, у которых они срывали погоны и отнимали оружие. Швейцар умолял нас спрятать все имеющее отношение к вооружению, умолял офицеров спрятаться самим.

Русские люди дорожат старинным оружием, особенно фамильным. Невозможно снять такую коллекцию со стены, –

да и как ее спрятать? Мы прислушиваемся к тяжелым шагам «товарищей». В приоткрытую дверь показалось доброе круглое лицо с раскрасневшимися щеками – это наш Иван. Глаза его блестели, он широко и радостно улыбался, разводя руками: «Они ушли! – шептал он заговорщически. – Я поклялся, да простит меня Бог, что господа офицеры уехали в Думу, а женщины больны. Они мне поверили на слово, дураки, ведь я для них – приятель, «товарищ», как они говорят!». Его добрый взгляд стал хитрым, как у ребенка.

Славный Иван! Можно ли забыть его доброе столь преданное сердце! А ведь в юности он тоже был солдатом, однако он любил наших мальчиков и их друзей! Его лицо радостно оживлялось, когда он видел их возвращающимися домой, он гордился ими, словно эти молодые офицеры являлись его личными командирами! Все мы тоже были привязаны к Ивану как друзья. Были друзья, стали – «товарищи»…

Но «добрые Иваны» были редкостью в те дни! В войну сердце солдата, прежде доброе и прямодушное, окаменело. Революция, взбудоражив его обманом, дала солдату страшное оружие – большевизм, бросив его затем в пучину братского кровопролития.

Посвящается Италии

Ночь на Неаполитанском заливе

Неаполь спит, еще спит. Смотрю на него с балкона, нависающего над заливом. Ночь почти ушла, и рассвет уже близок, ибо легкое дыхание, ветерок – предвестник, посланник Востока, коснулся моего лица, не спугнув звезд, сверкающих своим самым изумительным блеском. Особенно одна, вот тут, передо мной, – огромная, светлая. Ее свет отражается длинной серебристой дорожкой в неподвижном море, которое почти не дышит… Слышен только шепот, мягкий плеск о скалы Due Frati [Два монаха], обнажающие свои гладкие головы перед звездным небом.

В саду ничто не движется. Черные благоухающие деревья погружены в сон. Полная тишина. На изгибе залива – Неаполь

со своим сверкающим ночным колье, усеянном белыми, красными, зелеными огнями. Город тянется до клубящегося паром берега – до царства Везувия. Он не спит, наш великолепный предок! Вопреки своему возрасту он сохранил горячее сердце, всегда открытый и горящий взгляд, огненные слова на устах… Неаполитанский темперамент, может быть? Chi lo sa? [Кто знает?] Сейчас он почти не виден, едва выделяясь в ночи, влюбленной, мягкой и нежной, как бархатное покрывало.

Но что это? Слышится плеск воды. Удары весел нарушают тишину. Скользит и исчезает тень, рыбацкая лодка, несомненно, уходящая в открытое море. Вдруг над водой раздается голос, *una canzone* [песня], трепещущая и полная страсти: «*Facimm'ammore a core, a core*» [Полюбим сердцем к сердцу], очаровательная мелодия, которую невидимый рыбак уносит с собой, далеко, далеко, под Млечный путь. В ответ на этот призыв молодости просыпаются на воде другие рыбаки, зажигают красные фонари и направляют лодки в открытое море, подхватывая летящую мелодию: «*Facimm'ammore a core, a core*…».

Нет, это уже не сон! На заливе ночью живешь двойною жизнью! Все здесь огонь: «canzone», любовь, звезды и, может быть, слезы… Еще раз чувствую дуновение ветерка на веках. Вот и рассвет. В бледных лучах света вырисовывается профиль древнего Везувия. Фиолетовая ночь еще царит на западе, но море уже окрашивается под лучами рождающейся зари. Как прекрасно пробуждение утра! Мягко, плавно оно открывает широкий веер перламутровых цветов с голубыми, фиолетовыми, розовыми лучами и, склоняясь над прекрасным дитем Италии, уснувшим в самой красивой в мире стране, оно оставляет пурпурный поцелуй на его сияющем лбу.

Да будет оно благословенно, средиземноморское дитя в своей вечной красоте! Пусть живет оно воспетым, пусть улыбается на радость человеческим сердцам! Пусть золотой свет блестит в его глазах, так же, как он блестит в великолепном небе!

O Sole mio! Sta n'front a te! [О мое солнце! Оно на твоем челе!]

От одной мечтательницы – другой, еще большей дорогой мечтательнице!

Неаполь. Позиллипо. «Ai Due Frati». Июль 1924 г.

Постскриптум

…Как известно, поиск не знает границ. В 2011 г. после выхода нашей книги «Под чуждым небосводом» я получил с Украины письмо от Евгения Павловича Мороза (Кременчуг), в семье которого имя автора мемуаров, Екатерины Ростковской, было на слуху – его бабушка жила в доме Ростковских в Одессе в 1905-1919 гг., так как брат бабушки работал у Ростковских гувернером детей.

Приведем отрывки из этого интересного письма:

…С весны 1898 года в семинарии [Полтавы] стали появляться запрещенные книги, а после 1900 года и ленинская «Искра», в распространении которой брал участие и Павел [Комличенко], со слов [его сестры] Александры, моей бабушки. Революционные беседы обычно велись в городском саду или в доме у семинариста Камличенкова (так на принятый лад писались тогда фамилии). Весной 1902 года семинария оказалась в центре волнений. Бунтующие семинаристы не добились выполнения своих требований, но часть участников, в том числе и Павел, были исключены из семинарии. Исключенные оказались в категории людей с «волчьим билетом». Как дальше зарабатывать на жизнь? Самый распространенный среди бывших студентов путь – репетиторство. […] Дальше судьба распорядилась так, что к концу 1904 года молодого статного, видного, бывшего семинариста взяла гувернером к своим детям Марии и Борису (Бобу) княгиня Екатерина Растковская (тогда писалось так), жившая в Одессе на улице Новосельской. Дети, очевидно, сочувствовали новому учителю, а между Екатериной и Павлом возникла стойкая длительная взаимная симпатия. Так жизнь Павла оказалась постоянно связанной с семьей княгини. Своей семьей Павел так и не обзавелся.

Павел приглашает в Одессу сестру Александру: с 1 января 1905 года по 1 ноября 1919 года Александра работает в 47-м народном училище учительницей и живет в доме Екатерины. Училище находилось в районе жгутовой фабрики. Точный адрес дома подтверждает запись в паспорте Александры в месте для прописки видов полициею: «Одесса. 25/8 1915 года яв-

лен в Херсонский полицейский участок из дома Растковскаго, 12 по Новосельской улице».

Подробностей Александра рассказывала мало. Помню, что в доме хранился «Кобзарь» с посвящением Т.Г. Шевченка: «Княгині Насті від Тараса» (вероятно, княгиня Анастасия Александровна Дабижа, мать Екатерины Ростковской. – **М. Т.**). Рассказывала, что ходила носить передачи матросам с броненосца «Потемкин». Видела царя Николая Второго, говорила, что он был рыжий, и с виду показался ей обыкновенным человеком. На улице Новосельской находилась и резиденция главаря одесских жуликов Мишки Япончика. Александру знали и сказали ей: «Ходите спокойно, мы вас не тронем». Александра вспоминала, что в доме еще жил молодой человек, по-видимому, родственник погибшего мужа Алек Растковский, его судьба неизвестна.

25 октября 1911 года Александра вышла замуж за студента Новороссийского университета (сейчас имени Мечникова) Михаила Ивановича Брашевана, молдаванина, 1887 года рождения, урожденного в с. Братское Одесской обл. Михаил занимался воздухоплаванием в первом в Империи одесском аэроклубе, летал, как-то принес домой кусок пропеллера. 2 октября 1913 года у Михаила и Александры родилась дочь, которую в честь княгини назвали Катей (Одесса, 1913 – Кременчуг, 1995). Это моя мать. […]

До 1928 года княгиня поддерживала связь с Александрой, прислала два письма, звала уехать с дочерью к ней в Италию, но все связи пришлось прервать, в то время это уже было чрезвычайно опасно.

Александра опасалась рассказывать, но я ощущал, что годы в Одессе были лучшими в ее жизни.

Публикация Эннио Бордато (Роверето), Михаила Талалая (Неаполь)

Леонид Шошенский

Истории про Симочку

Вышедшая в «Одесской библиотеке» книга Ефима Зозули вызвала не только рецензии в московских журналах «Огонек» и «Октябрь», но и виртуально, через Интернет, познакомила меня с внуком Ефима Зозули художником Леонидом Шошенским, живущим в Нью-Йорке. У него хранится архив деда, и, надеюсь, мы познакомим с ним читателя. А уже сейчас предлагаем три короткие новеллы Л. Шошенского, написавшего эпизоды из жизни своей бабушки, одесситки, жены Ефима Зозули.

Евгений Голубовский

Личные деньги

Мы жили тесно, в двух комнатах в квартире с соседом, но тесноты никто не замечал, скорее наоборот. У нас были две комнаты, а почти у всех моих приятелей вообще одна, да и соседей было больше. Наш дом назывался почему-то раньше «первый дом правительства». Никакого правительства в нем не было никогда. Жили в доме до войны несколько писателей, вот такое правительство.

Вся квартира раньше была наша, но после войны уплотнили, и получилась коммуналка.

Мой дед, писатель Ефим Зозуля, вместе с Михаилом Кольцовым основали журнал «Огонек». Квартира Кольцова была соседняя, и после возвращения из Испании он, чувствуя приближающийся арест, часто оставался ночевать у нас, зная, что они приходят ночью. Боялся. Так после эту комнату все и называли «Мишина комната».

Кольцова все-таки арестовали, а комнату мои не занимали, ведь его квартиру опечатали, и они думали, что Кольцов вернется

и ему надо будет где-то спать первое время, пока не распечатают его квартиру. Вот такие наивные.

А потом и дед на фронте погиб, и комнату заняли старичок со старушкой, родственники какого-то кагебешника. Это я так рассказал, на всякий случай, история-то совсем не про это.

Гости у нас, несмотря на тесноту, были почти всегда.

К бабушке Симочке приходили такие аристократические дамочки, как говорится, из бывших. Бывшие певицы, балерины, актрисы. Пили кофе, беседовали. Со мной из школы кто-нибудь заскакивал. Да и к маме часто забегали подружки. Дом был удобно для забегания расположен. Угол Столешникова и Пушкинской.

Мы, вовсе не чувствуя тесноты, прекрасно размещались на этих несчастных 13 и 18 метрах, плюс две собаки и домработница. Правда, это все происходило, когда родители не работали. Так как они были художники, то заняты были не каждый день, но если работа была в разгаре, то и история была бы другая, а не эта.

Бабушка получала пенсию, и это были ее личные деньги, а не семейные, и она их прятала под подушку, временно, пока не тратила.

Купюры были большие, еще до реформы 61 года, и часто в силу неправильного хранения из-под подушки вываливались.

Как-то бабушка сидела со своей подругой Валюшей, тоже дамой утонченной. Валюша была немного глуховата, поэтому разговор был громкий. Бабушка ей несколько раз крикнула, что у нее нет денег, и ей приходится себе во всем отказывать, конечно, имея в виду духи, поскольку это была основная статья расходов. Бабушка очень любила духи и все время себе их покупала. Валюша тоже сетовала на маленькую пенсию.

Я, услышав эту беседу в силу ее громкости, был искренне удивлен.

«Как нет денег, бабуля? Возьми под подушкой, оттуда вечно сторублевки вываливаются».

Бабушка засмущалась. «Ну что ты, Люлю», – так она меня часто называла, что вызывало во мне всегда бурный протест.

Ничего себе нет денег! И в доказательство правдивости своих слов позвал Валюшу в нашу с бабушкой комнату и, согнав с подушки собаку Нельку, доказал, что не вру.

Бабушка была смущена, что-то лепетала, что только недавно получила пенсию, но я уверял Валюшу, что так почти всегда. Вечно приходится эти сторублевки по всей комнате собирать.

Мама, узнав эту историю, долго хохотала, а я все не мог понять, почему бабушка считает, что «мальчик», так она меня тоже называла, поступил бестактно.

Ведь действительно же вываливаются. Я же ведь правду сказал. Меня всегда учили правду говорить.

Мама говорила, когда я вру, у меня все на лбу написано.

Валюша прочитала бы на лбу, вот стыдно было бы…

Еще про бабушку и немного про Эйнштейна

Моя бабушка Симочка была женщиной необычной, навсегда сохранившей непосредственность восприятия жизни, что было странно, ведь жизнь ее не была легкой. Она потеряла мужа, погибшего в московском ополчении.

Дед мой, известный в 30-е годы писатель Ефим Зозуля, ушел добровольцем на фронт и погиб в первые месяцы войны. Ему было к тому времени 54 года. Он ушел простым солдатом, и только потом все узнали, что он известный писатель, один из основателей журнала «Огонек».

Всю войну бабушка провела в эвакуации, работая и часто недоедая.

Там же была Анна Андреевна Ахматова, с которой бабушка дружила.

В силу своего удивительного характера она могла общаться с людьми совершенно разного круга, и все ее обожали. Она умела дружить и всегда была любима всеми, кто был допущен ею в сердце.

Когда ее не стало, я узнал, что мой друг Андрей приходил к ней, и они подолгу беседовали, и все это происходило помимо меня. Мой друг дружил с моей бабушкой, и я об этом не знал.

Симочка, так все ее звали, родилась в Одессе и получила очень хорошее образование, какое могли дать еврейские зубные врачи своим детям, живя не за чертой оседлости. Семья была состоятельная, и Симочка училась в Одесской музыкальной гимназии, потом в консерватории, а потом и в Берлинской консерватории.

Но что-то неповторимо одесское у нее иногда проскакивало.

Ее фразы, чтобы не забыть, я записывал прямо на стенке в так называемой большой комнате.

Например: «Я слишком долго была девочкой, и это мне так стоило здоровья». Когда она на меня сердилась, она говорила: «Леня, помни, плохо будет». Ей казалось, что это звучит очень грозно, но мне совсем не было страшно.

Во время войны она познакомилась с женщиной Соней, которая работала в торговле и могла доставать продукты. Тетю Соню, красавицу, а по-родительски шутя Соньку-Дримбу, я помню всю жизнь. Она обожала Симочку и считала ее своей приемной матерью, называла Матрой и каждые выходные забирала ее к себе, купала, вкусно кормила и всячески тетешкала.

Соня всю жизнь работала в системе общепита и подкармливала нас деликатесами. Она заработала свои деньги совершенно честно, будучи очень красивой женщиной, она еще до войны работала буфетчицей в вагоне-ресторане поезда Москва – Владивосток, и конечно же, пользовалась вниманием мужчин. Дорога была длинная, и ухажеры покупали у нее в буфете конфеты, шампанское и еще что-нибудь, ухаживая, дарили ей же. На обратном пути Соня продавала это все по второму разу. Вот такой бизнес.

В молодости Симочка дружила со многими легендарными для нас людьми. Она хорошо знала А. Блока, Есенина, Марину Цветаеву и многих музыкантов. Учась в Берлинской консерватории, они устраивали вечера поэзии и музыки, и там она познакомилась с Альбертом Эйнштейном.

То, что бабушка знала Эйнштейна, меня восхищало, и я ее часто просил о нем рассказать, но она все время отказывалась, говоря, что ей нечего о нем рассказывать.

«Ну как нечего? – возмущался я. – Ведь это же Эйнштейн».

«Ты понимаешь, мальчик, – сказала бабушка, – мы все были молодые, а он рано поседел и казался значительно старше нас, и очень плохо играл на скрипке.

Вот такие воспоминания. Зато Рахманиновым она восхищалась. Считала,что он лучший пианист в мире.

Она долго искала могилу деда, и найдя ее спустя 17 лет после войны, до концы жизни дружила с людьми, случайно нашедши-

ми ее в городе Рыбинске. Вот такая была бабуля, бабетта, бабка, а в основном – Симочка.

Духи

Еще одна история про Симочку, рассказанная мамой и ставшая семейной хроникой, как называл эти истории папа.

Когда началась война, люди бросились в магазины закупать самое необходимое – соль, спички, крупу и вообще все то, что закупают в период паники и неразберихи.

Моя семья никогда не отличалась практичностью, поэтому мама не знала, что в этих случаях надо покупать. Денег в доме никогда не было в наличии, поскольку все были людьми свободных профессий и получали гонорары, что происходило не часто, хотя и приличными суммами. Жили всегда широко, тратили все, что было, довольно быстро, – поэтому собрать деньги было непросто.

Что-то наскреблось по сусекам, и все деньги мама отдала Симочке, так все звали бабушку, причем все от мала до велика, и отправила ее в магазин на закупку самого необходимого на случай военной блокады.

Симочка пришла очень довольная, с сумкой, наполненной коробками с духами, причем самыми дорогими.

– Что ты наделала? Ты потратила все деньги на духи, все деньги в доме!

– Ниночка, – удивилась Симочка. – Ведь война, духов же не будет!

Они перенесли войну со всеми ее тяготами, с запахом крови, голодом, холодом и жарой Ташкента.

Запах войны, где бы ни находился человек, всегда запах войны, а они пахли «Красной Москвой», самими лучшими и дорогими духами того времени, и у них всегда были духи, даже когда не было еды.

Симочка была настоящая женщина и до последней минуты своей жизни таковой и оставалась

Ведь действительно, попробуйте во время войны достать духи – и не пытайтесь, точно не достанете.

Нью-Йорк

Татьяна Щурова

«И светло, и легко, и отрадно…»

В начале 80-х гг. XIX столетия Одесса активно училась издавать иллюстрированные журналы для широкого круга читателей, наполненные политической и художественной информацией, с большим количеством забавных карикатур. Значительную роль в этом начинании сыграл известный журналист и издатель М.Ф. Фрейденберг (Оса). Так в январе 1881 года появился журнал «Маяк» как приложение к газете «Одесский вестник», а уже в марте того же года вышел первый номер газеты «Пчелка», которая с декабря превратилась в литературный, политический и юмористический журнал с карикатурами. С середины 80-х гг. он регулярно выходил еженедельно, по 50-52 номера в год до конца 1889 года.

Для процветания «Пчелки» немало усилий приложили редактор-издатель Владимир Викентьевич Кирхнер и редактор Василий Васильевич Навроцкий, но, видимо, все-таки «заварил эту кашу» Михаил Федорович Фрейденберг. Об этом вспоминает Леонид Осипович Пастернак в книге «Записи разных лет» (М., 1975). Именно Фрейденбергу мы обязаны появлению в Одессе отличного карикатуриста в лице недавнего гимназиста Леонида Пастернака, нарисовавшего для «Маяка» и «Пчелки» массу остроумных рисунков для обложек и украшения страниц журналов в первые годы существования этих изданий.

Ирония и наблюдательность проявлялись не только у юного Пастернака, в «Пчелке» работали известные одесские художники-карикатуристы Н. Белый, М. Вербель, М. Чемоданов, здесь же находим рисунки Осы (Фрейденберга) и грека Н. Алексомати.

Цветные обложки и иллюстрации внутри журнала были для Одессы новшеством. Можно сказать, графика в «Пчелке» определила популярность журнала в свое время, а до нас донесла множество бытовых подробностей из жизни одесситов. Праздники и будни, городская жизнь, отношение к искусству. В 1887 году к открытию нового здания Городского театра «Пчелка» напечатала рисунки (внешний вид и внутреннее убранство здания), которые сегодня представляют боль-

шую ценность. Здесь же была опубликована большая статья о пожарах в театрах мира с призывом к горожанам не торопить строительство с целью большей безопасности и сохранности столь дорогого подарка одесситам.

Стихотворные фельетоны и прозаические миниатюры подтрунивали над ленью обывателя, слабостями медиков, адвокатов, гласных. Но среди анекдотов появлялись и серьезные материалы. Например, в защиту «малорусского языка» против закона 1876 года, который запрещал печатание книг, нот с малорусским текстом, а также преподавание в школах и сценические представления. Передовая пресса заговорила о необходимости снятия этого дикого унизительного запрета. В то же время подчеркивалась недопустимость спекулятивного использования имени Кобзаря: «Достаточно ли мы знаем Шевченко? Нет о нем книг. Политические партии используют его имя, его деятельность и значение всегда под углом зрения своих воззрений, соображаясь с тем, как выгоднее было это в данный момент для говоривших…».

«Пчелка», конечно, отражала сиюминутные жизненные ситуации, реалии своего времени, ставшие уже историей. Но, как мы можем убедиться, многие проблемы не устаревают, они созвучны дискуссиям сегодняшнего дня…

ГЛАСНОМУ.

За все, за все тебя благодарю я:
За попеченіе о благѣ городскомъ,
За тонкое умѣнье, негодуя,
Кричать и распинаться за заемъ. —
За голосъ, раздающійся въ пустынѣ,
За все, чѣмъ ты извѣстность получилъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Невидимка

КОСМОПОЛИТЪ.

— Вы положительно космополитъ. Поваръ у васъ армянинъ, буфетчикъ нѣмецъ, слуги—татары.—и, вообразите: когда я пришелъ въ свой кабинетъ, то нашелъ тамъ [illegible]

НУЖНА ДАЧА
БЛИЗЪ МОРЯ,
ОТЪ 3-ХЪ ДО 5-И КОМНАТЪ.
Адресоваться письменно:
уголъ Конной и Княжеской, домъ Бортникера, № 30, кв. № 10, Н. Д.

Часто раздававшіеся въ публикѣ мѣстной печати нареканія на медленность работъ театральной комисіи едва-ли могутъ быть признаны сколько нибудь основательными, въ виду той важной нравственной отвѣтственности, которую она на себя приняла, будучи обязана, главнымъ образомъ, употребить всѣ мѣры, чтобы обезпечить возможность къ устраненію тѣхъ страшныхъ несчастій, которыя часто сопровождаютъ пожары театровъ.

Что изысканіе мѣръ къ обезпеченію безопасности отъ пожара должно быть важнѣйшимъ вопросомъ въ дѣлѣ постройки театровъ, этому научаетъ насъ исторія. Съ тѣхъ поръ, какъ память о театрахъ сохранилась въ исторіи, сгорѣло всего 629 театровъ, но изъ этого числа на долю послѣднихъ 100 лѣтъ приходится громадная цифра 568. Огромное-же большинство этой цифры относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше и больше въ ужасающей пропорціи увеличивается число пожарныхъ случаевъ; такъ, въ десятилѣтіе

съ 1851 г.	по 1860 г.	сгорѣло театровъ		69
" 1861 г.	" 1870 г.	"	"	99
" 1871 г.	" 1880 г.	"	"	181

Затѣмъ, въ одномъ 1881 г. сгорѣло 28 театровъ, въ томъ числѣ и знаменитый Рингъ-Театръ въ Вѣнѣ. На основаніи имѣющихся въ нѣмецкой литературѣ весьма точныхъ данныхъ о времени в числѣ сгорѣвшихъ теат-

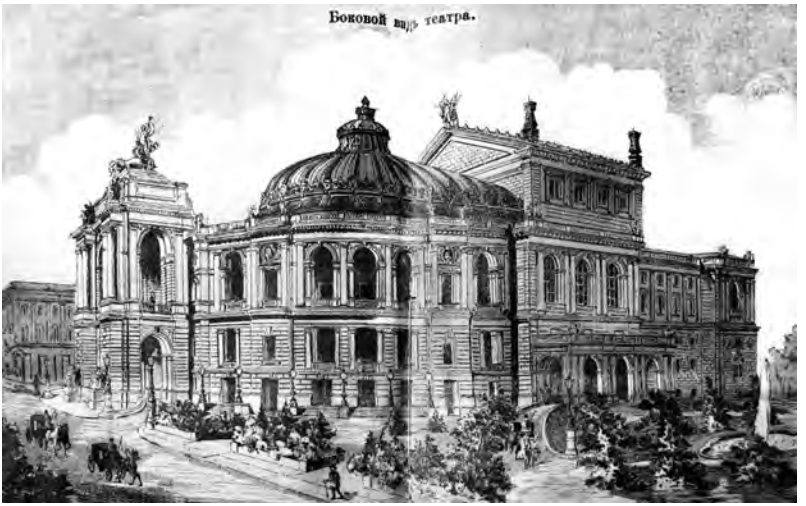

ровъ въ послѣднее время, вычислено, что до сихъ поръ средняя продолжительность существованія всякаго театра могла быть опредѣлена въ 22 года и 9 мѣсяцевъ!

Отдѣльные случаи, хотя и ужасные, не оказываютъ, по видимому, должнаго вліянія на человѣчество; что, напр., можетъ быть ужаснѣе петербургской катастрофы въ 1836 г., когда при пожарѣ театра и цирка, погибло около 800 человѣкъ! И, однако, этотъ случай почти не оказалъ никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе театральной архитектуры, въ смыслѣ предотвращенія возможности пожаровъ.

Только рядъ пожаровъ въ театрахъ, быстро увеличивающихся въ числѣ за послѣдніе годы, навелъ, наконецъ, на людей какую-то панику, такъ что теперь не только въ новыхъ театрахъ все вниманіе обращается на мѣры безопасности отъ пожаровъ, но и въ старыхъ всюду почти въ этомъ смыслѣ дѣлаются передѣлки и приспособленія.

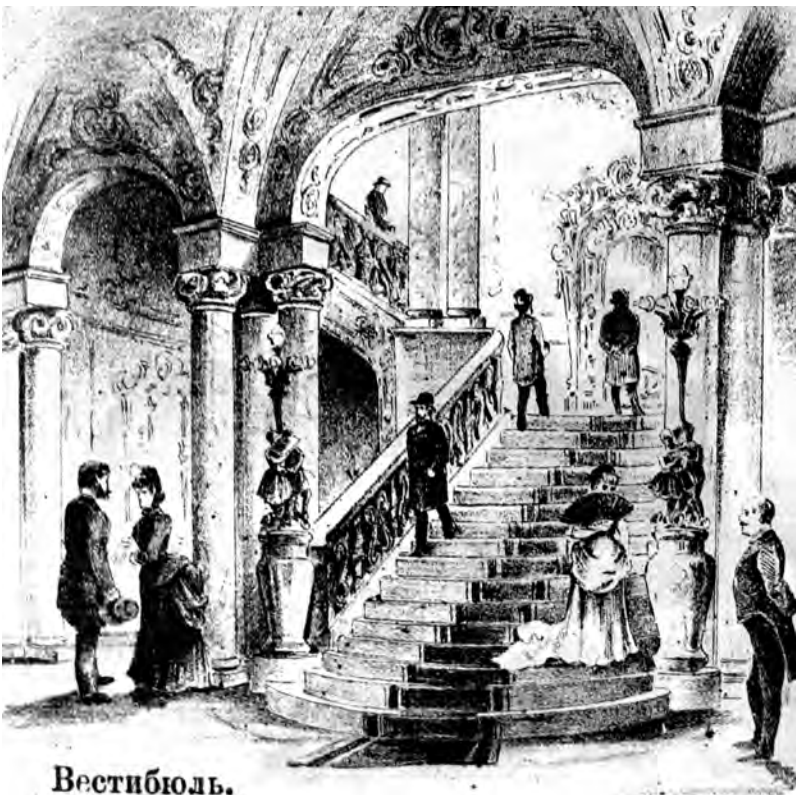
Въ составленной французскимъ инженеромъ Жилардономъ, по поводу пожара Комической Оперы въ Парижѣ, статистической таблицѣ сгорѣвшихъ театровъ, въ послѣднихъ двухъ графахъ, соотвѣтствующихъ

послѣдней трети прошлаго и двумъ третямъ текущаго года, занесены въ хронологическомъ порядкѣ двѣнадцать театральныхъ пожаровъ, изъ коихъ пять сопровождались гибелью людей. Въ половинѣ октября 1886 г., въ городѣ Равеннѣ, во время представленія сгорѣлъ до основанія «Филодраматическій театръ», изъ-подъ развалинъ котораго было вытащено несколько десятковъ обгорѣвшихъ труповъ.

Затѣмъ, въ томъ-же году, 28-го декабря пожаромъ истребленъ «Темиль театръ» въ Филадельфіи, но такъ какъ огонь показался днемъ, во время репетиціи, то и несчастій съ людьми не было. Потомъ на долю первыхъ восьми мѣсяцевъ текущаго года пришлось до десяти театральныхъ пожаровъ, изъ коихъ три, по числу людей погибших въ дыму и пламени, были настоящими общественными бѣдствіями, надолго оставшимися въ памяти ихъ очевидцевъ. 11 января 1887 года сгорѣлъ театръ въ Геттингенѣ, 16-го января – циркъ Сидоли въ Бухарестѣ, 12-го февраля – оперный театръ въ Нортгемптаунѣ, въ Англіи, 17-го того же мѣсяца – народный театръ въ Лайбахѣ; 25-го мая – пожаръ парижскаго театра Комической Оперы повергъ въ трауръ множество семействъ, какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ.

26-го іюня въ Роттердамѣ, въ Нидерландахъ, сгорѣло увеселительное заведеніе «Космополитъ» съ его концертною залою, на сценѣ которой давались драматическія представленія и балеты. Отъ происшедшей въ публикѣ паники было до смерти за-

Вестибюль.

давлено нѣсколько человѣкъ, кромѣ многихъ лицъ, задохшихся отъ дыма. 28-го іюля пожаръ истребилъ въ Ліонѣ «Театръ-Лафайетъ». Въ первыхъ числахъ іюля сгорѣлъ театръ въ Касересѣ въ Испаніи. 9-го іюля тому же бѣдствію подвергся театръ «Варьетэ» въ Гурлеѣ, въ Сѣверной Америкѣ, пламя охватило зданіе во время представленія и до 50-ти лицъ частью погибли, частью же были изувечены. Въ концѣ іюля сгорѣлъ до основанія театръ въ Бенлоо, въ Лимбургѣ; 26-го августа – народный оперный театръ (Peoples-Opera-House) въ Стокпортѣ, въ графствѣ Честерскомъ, въ Англіи, и, наконецъ, въ первую графу послѣдней трети текущаго года занесется эксетерская катастрофа 5-го сентября, число жертвъ которой, по послѣднимъ свѣдѣніямъ лондонскихъ газетъ, доходитъ до двухсотъ.

Электрическій фонарь

Въ дѣлѣ постройки нашего новаго театра особенное участіе, въ качествѣ председателя коммисіи, принималъ почтенный Городской Голова Г.Г. Маразли, имѣвшій полную возможность и средства всесторонне ознакомиться со всѣми новѣйшими требованіями театральной архитектуры, а потому и можно имѣть полное основаніе надѣяться, что въ нашемъ театрѣ сдѣлано все, чего только можно было въ данномъ случаѣ требовать въ предѣлахъ ассигнованной суммы.

Образцовый адвокатъ.

Адвокатъ Н., живущій въ томъ-же домѣ, гдѣ помѣщается извѣстная колбасная С., имѣетъ собаку.

На-днях къ нему приходитъ г. С. и обращается за совѣтомъ.

— Господинъ адвокатъ, говоритъ онъ, вотъ какой случай со мной былъ: вбѣгаетъ собака—дверь магазина была открыта—и схватываетъ съ прилавка окорокъ вестфальской ветчины. Съ кого я могу требовать убытки?

— Странное дѣло: съ кого? Понятно, съ хозяина.

— Такъ позвольте получить, сказалъ С., подавая адвокату счетъ.

Адвокатъ заплатилъ безпрекословно, но часъ спустя господинъ С., въ свою очередь, получилъ счетъ, гдѣ значилось: «За консультацію—двадцать пять рублей».

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

Финляндскаго полотна и льняныхъ издѣлій изъ фабрики Таммерфорскаго Акціонернаго Общества

И. Косацкій въ Одессѣ

1) Дерибасовская домъ Маврокордато 2) Екатерининская д. Китовера.

Склады:

Кіевъ: Крещатикъ, д. Штифелера, пр. почты.
Николаевъ: Соборная, при аптекар. складѣ Бр. Вимута *(Коммисіон. продажа)*.
Кишиневъ: Губернская, д. Дончева.
Смѣла (Кіев. губ.): Продажа у г. Франковскаго.

Финляндскія, Бѣлофсидскія, Ирландскія и Голландскія полотна, оксфорды, мадаполамъ, нертинъ и пр. Дамскіе и дѣтск. мулки, вокс, фуфалки и пр. Мужскіе и дамскіе платки.—Одѣяла, пледы, платки, бурки Смѣлянской фабрики кн. Сапѣги ко. Трикотажныя издѣлія фаб. Марцель и Ко. Брезентъ химически пропитан. (Impregnirt). Англійскіе и финляндскіе полотенца, скатерти и льняная пряжа.—Рыболовныя мишки и проч.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

КОНФЕКТНАЯ ФАБРИКА

О. ДВОЙРИСА ВЪ ОДЕССѢ

на Ришельевской у., д. Цесаревскаго № 40.

Картинки Одесской жизни. Возвращеніе съ Фонтана

Пушкинъ заставшій Дантеса
на колѣняхъ передъ Наталіей Николаевной Пушкиной

О женщинахъ

I.

Гейне упорно ухаживалъ за одной барыней, сначала кокетничавшей съ нимъ, а потомъ необращавшей на него никакого вниманія. Наконецъ онъ пересталъ за ней ухаживать.

— Вы, кажется, отказались отъ прежнихъ надеждъ? спросили его.

— Напротивъ; я только понялъ, что кокетка—та-же тѣнь: бѣгите за ней, она побѣжитъ отъ васъ; но попробуйте бѣжать отъ нее и вы увидите, какъ быстро она за вами погонится.

II.

— Я могу похвастаться, что знаю женщинъ, сказалъ однажды Наполеонъ г-жѣ Сталь.

— Вы много берете на себя, государь.

— Ничуть. Я наблюдалъ ихъ и охарактеризую четырьмя словами: добродѣтельная женщина говорила мнѣ — «нѣтъ». Страстная и легкомысленная—«да». Капризная—«да» и «нѣтъ». Кокетка—ни «да», ни «нѣтъ».

Анекдоты о врачахъ.

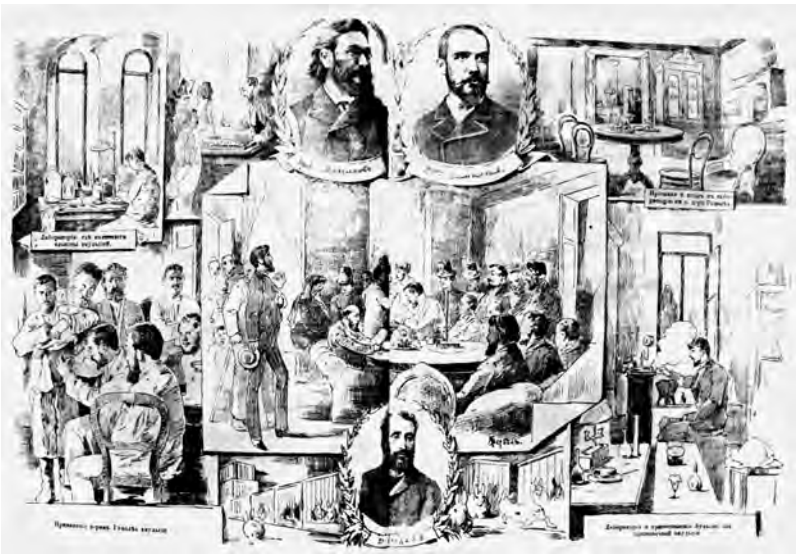
1. Нѣкоторый больной, будучи спрошенъ, почему онъ не пошлетъ за врачемъ, отвѣчалъ:

— Потому, что я не хочу еще умирать.

2. Нѣкто, видя, что врачъ разговариваетъ съ палачомъ, весьма удивился и развелъ руками, недоумѣвая, что это за разговоръ такой, и что можетъ между ними быть общаго.

— Чему-же ты удивляешься? сказалъ другой: онъ просто поучается отъ палача, потому что палачъ есть ничто иное, какъ болѣе рѣшительный врачъ.

Одесская бактериологическая станція

Феликс Кохрихт, Иван Липтуга

С Черного моря – в белые ночи

Одесса едет в Таллинн

За несколько часов на крыльях воздушных кораблей мы перенеслись из знойных вечеров Черноморья в прохладу белых ночей Балтики. Инициаторами встреч жителей портовых городов – Одессы и Таллинна – стали Всемирный клуб одесситов и группа эстонских бизнесменов и общественных деятелей во главе с Меэлисом Кубитсом.

Можно с уверенностью утверждать, что наши отношения – яркий пример торжества принципов народной дипломатии. Начали дружить граждане двух стран, продолжили общественные институции, поддержали городские власти.

Много сделал для плодотворности пребывания одесситов в Таллинне генеральный консул Эстонии в Украине Айвар Царски.

В делегацию Одессы, совершившую в июне ответный визит в Таллинн, входили официальные лица – секретарь городского совета Олег Брындак, заместители мэра города Светлана Бедрега и Елена Павлова, начальник департамента международных отношений Светлана Боева, депутаты горсовета Дмитрий Танцюра и Николай Пеструев.

Команду Всемирного клуба одесситов составили его вице-президент Валерий Хаит, вице-президент АО «ПЛАСКЕ» Иван Липтуга, редактор альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Феликс Кохрихт, культуролог Евгений Деменок, заместитель директора ВКО Аркадий Креймер.

Творческую и научную интеллигенцию представляли директор Литературного музея Татьяна Липтуга, ректор Одесского на-

ционального политехнического университета профессор Геннадий Оборский, заслуженная артистка Украины Диана Малая, писатель Ольга Ильницкая, директор телеканала «Одесса» Марина Жуковская, преподаватель музыкальной школы им. Столярского Ирина Краснова, журналисты.

Заботу о доставке одесситов в Прибалтику, обеспечении жильем и транспортом взяла на себя турфирма «Модес» (Юрий Головченко).

За неполную неделю в столице Эстонии состоялось множество дружеских интересных встреч, которые заслуживают подробного повествования – и оно отражено в официальных отчетах и сообщениях СМИ. Мы же – в рамках жанра, заметок путешественников, – ограничимся лишь их кратким перечислением.

В зале старинной ратуши нас приветствовал вице-мэр Таллинна Калле Кландорф, ранее возглавлявший эстонскую делегацию в Одессу. Состоялся обмен памятными сувенирами. С огромным успехом прошло выступление нашего земляка, выдающегося пианиста Алексея Ботвинова, исполнившего произведения Сергея Рахманинова.

Посол Украины в Эстонии Владимир Крыжановский дал прием, прошедший в обстановке дружбы и взаимопонимания, на котором завязалось немало полезных и важных знакомств. На приеме присутствовала вице-спикер парламента Эстонии Лайне Рандъярв.

Программа нашего пребывания в столице Эстонии состояла из деловых встреч и контактов, культурных мероприятий. Начнем со вторых. Огромный зал «Нокия» был заполнен до отказа на творческом вечере Михаила Жванецкого. В Русском театре собрались поклонники одесского песенного фольклора, перед которыми выступила уроженка Одессы Ирина Апексимова (Москва). В программе «Одесский юмор» с большим успехом выступили Роман Карцев, Борис Бурда и Марьяна Гончарова – участники издательского проекта Валерия Хаита.

В Союзе писателей Эстонии состоялась презентация изданий «Одесской библиотеки». Мы подарили книги и выпуски альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» Русскому культурному центру, таллиннским и рижским славистам, библиотеке и школе.

Презентация «Одесской библиотеки» в Союзе писателей Эстонии

В Таллиннской синагоге был показан фильм об открытии в Одессе памятника Исааку Бабелю, народный артист России, наш земляк Иосиф Райхельгауз читал отрывки из воспоминаний вдовы писателя. Состоялось знакомство с авторами первого перевода на эстонский произведений Бабеля.

Изобразительное искусство Одессы было представлено работами художника Юрия Горбачева, фотожурналиста Олега Владимирского, карикатуристов клуба, возглавляемого Петром Сигутой.

Встречи деловых людей хотя и проходили не в столь многолюдной обстановке, но были не менее интересны и плодотворны. Состоялись бизнес-форум, обмен опытом специалистов в области туризма.

Презентацию одесских вин коллекции «Колонист» провел Иван Плачков, а Борис Бурда делился с рестораторами Таллинна секретами нашей кухни.

С особым интересом знакомились одесситы с деятельностью всемирно известной фирмы «Скайп», которая находится столице Эстонии.

На острове Сааремаа нас ждал сюрприз: Раймонд Паулс показал фрагменты своего мюзикла на одесские темы. В концерте приняла участие Анне Вески. Латышский композитор и эстонская певица стали в этот вечер почетными членами Всемирного клуба одесситов.

Завершением нашего пребывании в Таллинне стала неформальная встреча в современном развлекательном центре, созданном в промзоне недалеко от порта – в бывших заводских цехах. Вот где было весело и не по-эстонски шумно!

Vana Toomas включает Skype

…Мы привезли в Таллинн не типичную для июня теплую солнечную погоду. Эстонцы в таких случаях говорят: «Ангелы прилетели!». Спустя несколько дней природа взяла свое – подул холодный ветер, пошел дождь.

Мы, как и таллинцы, не ангелы. И это – хорошо. Ангелы, в отличие от нас, не пьют пива, а оно в Прибалтике отменное, настоянно на травах…

…Эти заметки авторы пишут дома – в непривычную даже для юга жару, попивая при этом холодное пиво – уже одесское, – и размышляют о том, что же они увидели нового в этот приезд в Эстонию, что порадовало, что удивило, что заставило задуматься. Это, на наш взгляд, любопытно, учитывая нашу разницу в возрасте и накопленном опыте быстротекущей жизни.

Ф. Кохрихт. Для нас с Татьяной Таллинн – особый город. Много лет назад мы, молодые, журналист и преподаватель вуза, совершили свадебное путешествие в Эстонию – самую западную республику СССР. И не только в географическом смысле. Среди других прибалтийских столиц Таллин (тогда – с одним «н») выделялся особым шармом. Им были пронизаны и архитектура, и узкие улочки, и толстые башни, и дивные ликеры. Мне он напоминал сказки братьев Гримм, а Тане – средневековые немецкие города, в которых она выросла. В нынешний приезд мы отправились в «наше» кафе «Пегас» – оно ничуть не изменилось…

Я мог бы предаваться воспоминания и дальше, но если вернуться к теме нашего диалога и выделить из потока впечатлений то, что разительно изменилось за эти десятилетия…

Для меня это все, что связано с морем, или, как выражаются специалисты, морехозяйственым комплексом. В те, советские времена, в Одессе базировалось Черноморское морское пароходство, считавшееся чуть ли не самым крупным судовладельцем в мире. Мы – одесситы, привыкшие, что огромные порты буквально забиты судами разного назначения и тоннажа, с легкой иронией поглядывали на скромные таллиннские причалы. Балтийскому пароходству (а оно включало и порты Литвы и Латвии) было далеко до ЧМП, флот которого находился на всех морях и океанах планеты. Я делал репортаж из радиоузла пароходства и отмечал флажками на карте местонахождение судов…

Не буду сейчас анализировать причины гибели ЧМП – в лихие 90-е его разбазарили охотники до больших денег. Могу предположить, что и в постсоветской Эстонии произошло перераспределение собственности – и не всегда «прозрачное». Но тем не менее, сегодня эстонские судовладельцы стали чуть ли не монополистами в организации паромных перевозок в Балтийском регионе. Судя по всему, большинство паромов принадлежит фирме «Таллинк», а также – гостиницы и многое другое. Из окна нашего отеля – и ты это наблюдал – были видны паромы разного класса, которые и утром, и вечером отплывали в Стокгольм, Хельсинки, Осло, Росток… И возвращались в Таллинн.

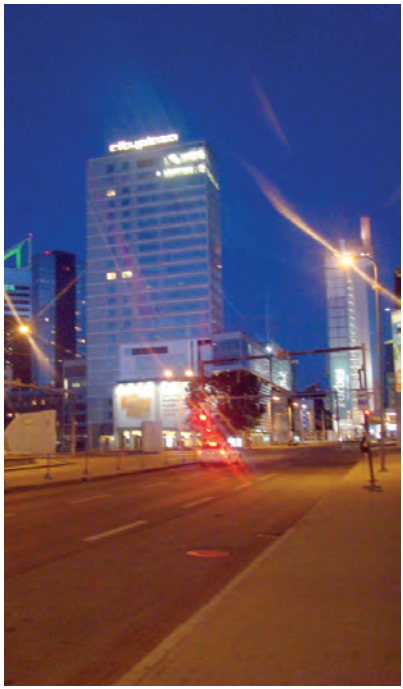
Тот, на котором мы совершили экскурсию в Швецию, назывался «Королева Балтики» (есть еще и «Принцесса» – чуть поменьше). Это огромное современное судно с элегантными обводами и модерновыми трубами удивительно быстро принимает на борт множество пассажиров, десятки автобусов и автомобилей, но вовсе не похоже на плавучий гараж. Нас с тобой не удивишь современными круизными лайнерами, но для меня важно, что «Королева» предназначена для каботажного плавания, ее курс проложен вдоль балтийских берегов. Когда-то, в годы моей молодости, по Крымско-кавказской ходили десятки судов разного размера и класса – от трофейной вместительной «России» до крошек болгарской постройки типа «Пицунда». Из Одессы до Ялты, Севасто-

Olde Hansa

•GOODWIN•

поля, Сочи, Сухуми, Батуми можно было добраться за несколько дней и небольшие деньги… Сейчас это невозможно. Похоже, я уподобляюсь «пикейным жилетам» из «Золотого теленка» и вздыхаю: куда это все подевалось…

И. Липтуга. Спасибо, дорогой мой друг Феликс, за вступление к заметкам о нашем общем путешествии в Таллинн, написанном в новом для альманаха, но любимом вами жанре – «собеседник». Вы – любознательный путешественник, и мне было приятно и интересно провести эти несколько насыщенных событиями дней в вашей компании. Давайте расскажем, почему мы выбрали для своего путешествия именно Таллинн и что этому предшествовало. Мы уже много лет ведем с вами диалог, который дает свои плоды благодаря контрасту. Это диалог опыта и новаторства, содержания и формы, культуры и бизнеса, истории и маркетинга, этот список можно долго продолжать.

Я, как и вы, был в Таллинне и раньше, к нему у меня всегда было приятное теплое отношение, потому, как к любому городу, я отношусь так, как отнесся ко мне он, а точнее – люди, которые в нем живут. До моего первого знакомства с Таллинном я судил об эстонцах исключительно по анекдотам. Уверяю вас, что это одно из моих самых больших заблуждений. Эстонцы легко могут дать фору не только латышам и литовцам, но и русским с украинцами. Миф о замедленной реакции и своеобразном чувстве юмора весьма преувеличен. У эстонцев прекрасное чувство юмора с долей самокритики. Их темперамент, возможно, не такой горячий, как у нас, но вряд ли это можно отнести к их недостаткам, учитывая общий уровень жизни и развития экономики их небольшого государства. Управлять чем-то маленьким всегда проще, поэтому в Эстонии проще навести порядок и реализовать экономические и политические реформы, которые выведут страну на уровень, по крайней мере, близкий к уровню государств Западной Европы.

Одним из проявлений горячего темперамента эстонских парней стал визит таллиннцев в Одессу в июне 2011 года. Этот акт народной дипломатии, как его назвал инициатор проекта Меэлис Кубитс, родился спонтанно в голове этого неординарного

Меэлис Кубитс любит Одессу

удивительного человека и вырос из простой идеи отпраздновать свой день рождения у Черного моря в организацию официального, делового и культурного визита Таллинна в Одессу. Меэлис – яркий представитель деловой элиты Эстонии, пиартехнолог по профессии, он взял на себя роль консолидатора в связях и коммуникациях людей и даже целых городов.

В Таллинне Одессу очень любят, ценят одесский юмор, кухню и произведения одесских писателей. До того любят, что открывают одесские рестораны, рассказывают одесские анекдоты и издают книги Бабеля, Ильфа и Петрова на эстонском языке. Кроме этого, многие эстонцы любят приезжать в Одессу летом отдыхать. И это неудивительно, ведь балтийское лето больше похоже на не самую жаркую одесскую весну. Видимо, зная об этой любви, Меэлис и выбрал Одессу первым городом для приятного и полезного дружеского визита, куда пригласил своих друзей и партнеров.

Мне и раньше приходилось сталкиваться с состоятельными людьми из Москвы, Лондона, Женевы и других городов, для которых привезти чартерным рейсом своих друзей на уикенд в Одессу – нормальная практика. Однако Меэлис удивил меня не только широким размахом, но и творческим разноплановым подходом к организации всех мероприятий во время визита «Таллинн едет в Одессу». «Экономные и неэмоциональные эстонцы» во всех отношениях превзошли любые мои ожидания. Меэлис прилетел на большом самолете и привез с собой из Эстонии сто человек – представителей городских властей, бизнесменов, писателей, художников, артистов и журналистов. Каждый день их пребывания в Одессе был наполнен культурными и деловыми событиями.

В завершение всего в ночном клубе «Итака», в Аркадии, состоялся концерт любимой эстонской певицы Анне Вески. В эти дни в одесском воздухе воистину витал дух Таллинна.

Конечно же, Одесса не могла не ответить тем же – и ответила. Опять же, во многом благодаря энтузиазму эстонцев, которые ни на один день о нас не забывали и всячески готовились к ответному визиту «Одесса едет в Таллинн». В Одессе с энтузиазмом не так хорошо, нас, как еврейский партизанский отряд (из анекдота), нужно все время как-то мотивировать. Чем и занимались эстонцы на протяжении всего года. Они пригласили с концертами Михаила Жванецкого, Раймонда Паулса, Анне Вески, Ирину Апексимову, организовали вечер одесского юмора с участием Романа Карцева, Валерия Хаита и Бориса Бурды, привезли выставки Юрия Горбачева и Олега Владимирского, а также организовали в ресторанах Таллинна дни одесской кухни. А мы, в свою очередь, собрались и в их честь приехали в гости. Нас тоже было много, и мы были горды собой уже за то, что мы все-таки приехали.

А как вам вообще понравился сам город, Феликс?

Ф. К. Уникальный городской ансамбль Таллинна – неповторим. Крупнейшие специалисты уверены, что лишь в столице Эстонии чудом сохранились целые кварталы застройки эпох Средневековья и Возрождения, причем спроектированные шведскими, датскими, немецкими архитекторами. Эти страны в разное время здесь, как говорится, доминировали, а затем немалый вклад в своеобразие города внесли русские зодчие. И в советское время в Эстонии выделялись немалые средства на реставрацию раритетов, а сейчас – и подавно…

Не буду останавливаться на современной застройке Таллинна – лишь замечу, что она осуществляется по точечному принципу с применением самых современных технологий и тяготеет к скандинавской стилистике. Меня больше взволновало то, что эстонцы и мы по-разному распоряжаемся жилищным фондом, оставшимся с советских времен, – «хрущебами» и типовыми девятиэтажками в спальных районах. Здесь пошли по пути немцев, которые после объединения Германии произвели так называемую санацию гедеэровских типовых кварталов. Мы с тобой

На острове Сааремаа

увидели в Таллинне близнецов наших пятиэтажек, но увенчанных острыми черепичными крышами, с фасадами, декорированными разноцветными панелями… Не знаю, откуда берутся средства, – дают ли их государство, город, инвесторы, сбрасываются ли жильцы… Понимаю, что у нас таких средств сейчас нет. Но вот то, что требует не денег, а чувства ответственности – и от горожан, и от властей… Ни на одном доме в Эстонии мы не видели «халабуд» на балконах, самостроя на фасадах, уродливых будок под вагонкой… Для того чтобы их убрать, достаточно совместного рейда райархитектора, начальника ЖЭО, участкового и неравнодушных жильцов дома…

Я с болью вспоминаю дивный дом архитектора Влодека – шедевр модерна на углу Успенской и Кузнечной, обезображенный «вороньими гнездами».

И. Л. Как вы правильно заметили, даже в советский период Эстония была островком «заграницы», который могли себе поз-

волить граждане СССР. В Таллинн приезжали, чтобы ощутить европейский дух, на его старинных улочках снимали сцены советских фильмов. У Таллинна в кинематографе было три амплуа: город-сказка, город-средневековье и город-заграница. Таллинн легко превращался в Берлин, по которому прогуливался Штирлиц, в Берн, где бродил профессор Плейшнер, Лондон, в котором вели свои расследования Шерлок Холмс и доктор Ватсон, в Париж капитана Фракасса. А на задворках главпочтамта среди заводских строений снималась та самая «Зона» для знаменитого «Сталкера» Андрея Тарковского. Кстати, видимо, на этих же задворках в промышленной зоне Таллинна мы с вами по приглашению Меэлиса были на афтепати.

Возможно, сегодня для съемок фильма о Лондоне или Париже стало проще съездить в эти города, и Таллинн как город-актер слегка утратил свою популярность для режиссеров России и Украины, но он, безусловно, сохранил свою неповторимую самобытность и красоту сказочного европейского города с многовековой историей. Не зря в прошлом году Таллинн был удостоен звания «Культурная столица Европы». Кстати, тогда – во время визита официальной делегации Таллинна в Одессу – весь цвет их общества был у нас в гостях. Таким образом, можно предположить, что звание «Культурная столица Европы» на три дня перешло нашему городу.

Эстония многое делает для продвижения своих городов и привлечения инвесторов, туристов и новых жителей. Во время делового форума нам показали интересные презентации об особенностях эстонского законодательства, системе налогообложения, а также о маркетинге Эстонии. Этим плотно и активно занимается Центр развития туризма. Страна получает немалые средства от Европейского Союза на маркетинг продвижения туризма в Эстонию. Здесь разработаны программы развития культурного и событийного туризма, в рамках которых проводятся концерты, выставки, фестивали, конференции и форумы. Благодаря последовательным экономическим реформам, грамотному современному управлению и маркетингу, отсутствию валютного контроля и широкому использованию электронных банковских услуг Эстония стала удобной страной для ведения между-

Главное кресло «Скайпа»

народного бизнеса, и несмотря на общий экономический кризис, демонстрирует устойчивый рост экономики.

Нельзя не отметить прогресс и развитие сферы информационных технологий, которой, безусловно, отдается приоритет среди перспективных направлений развития экономики. Не случайно именно в Эстонии родился мировой гигант современной интернет-телефонии компания Skype. И сегодня, несмотря на глобальный уровень этой компании, ее штаб-квартира по-прежнему находится в Таллинне, и в ней работает около четырехсот высококвалифицированных специалистов. Мы не могли не воспользоваться такой возможностью и посетили головной офис Skype, познакомились с генеральным директором и узнали много интересного о ближайших и долгосрочных планах компании.

Ф. К. Ты рассказал об эстонском опыте привлечения туристов со всего света. Мы были свидетелями того, как на остров Сааремаа на одном пароме с нами плыли и японцы, и немцы, и россияне. Эстония – маленькая страна, в которой особенно рачительно и бережно относятся к лесам, лугам, рекам, морскому побережью, зверью, птицам, водной живности. Как ни парадоксально, но здесь вовсе не тесно, и можно совершать довольно длительные прогулки, встречая по пути много интересного и поучительного. Мы любовались на острове старыми мельницами, видели лошадей, пасущихся в лугах, наблюдали полет ястреба… В старинной церкви сохранилась средневековая стенная роспись и удивительно выразительные скульптуры святых, похожих на местных крес-

тьян – вчерашних колхозников, нынешних фермеров… Колхозов нынче нет, закрылись и мелкие предприятия. И ранее остров славился чистым целебным воздухом, а теперь – и подавно. Заросли можжевельника – фирменный бренд Сааремаа: из него умельцы вырезают ложки-вилки-лопатки, на его плодах настаивают водку – и мы ее с тобой одобрили…

Есть на острове и заповедное место – абсолютно круглое озеро с зеленой водой. С ним связаны древние легенды о неверной княжеской жене и постигшем ее возмездии в виде небесного огня и грома. Как недавно выяснили ученые, огонь с неба действительно пал, но это был метеорит.

И опять – не могу не сравнивать: на берегах реликтового озера – ни бутылки, ни банки, ни следа от кострища…

И. Л. Меня, как и вас, сильно впечатлили паромы, курсирующие из Таллинна во всевозможных направлениях. Опять же, когда сравниваешь их с нами, а нас с ними, возникает естественный вопрос. Почему в Одессе – морской столице Украины, чье пароходство имело первый по своим размерам и мощности флот в Советском Союзе, – не осталось ни одного ни пассажирского, ни грузового судна? Почему, обладая таким колоссальным потенциалом, мы разбазарили практически все и не сумели создать ничего взамен?

Зато эстонцы сумели и сохранить, и многократно преумножить. Сегодня каждые два часа из Таллинна в Хельсинки отправляется красивый, полный всяких развлечений паром. А между столицами Эстонии и Швеции ежедневно курсируют паромы, по инфраструктуре не уступающие лучшим круизным судам. По сути, короткое путешествие из Таллинна в Стокгольм и обратно длится две ночи и один день, чего вполне достаточно, чтобы получить все удовольствия от полноценного морского вояжа. Причем паромный туризм развит в обоих направлениях. Шведы и финны очень любят посещать Таллинн, а кроме этого, используя выгоду разницы в ценах на алкоголь, они привозят с собой на родину пиво и более крепкие напитки. Специально для этого на паромах работают оптовые супермаркеты *duty free*, которые опытные туристы буквально опустошают перед возвращением на родину.

Ф. К. …Мне хочется объяснить читателям, почему в наших заметках присутствует въедливость, тяга к сравнениям и сопоставлениям, и даже некоторая суровость в отношении наших местных достижений. Конечно, хотелось поделиться с вами красотами дивного города на Балтике, восхититься его архитектурой, рассказать занимательные истории, которых немало в многовековой истории Таллинна. Но мы ведь были не в частной поездке, а являлись членами делегации Одессы, посланными сюда не для получения удовольствии разного толка, а общественной пользы ради.

Чего ради подмечать те случаи, когда мы в чем-то если не превосходим, то не уступаем нашим гостеприимным хозяевам? Но есть одна сфера человеческой деятельности, которая не терпит ни уравниловки, ни политкорректности, ни уклончивости.

Мы говорим о кухне, о еде и напитках, об, казенно выражаясь, общественном питании. Я, Ваня, высказываю лишь собственное мнение и надеюсь на откровенность и с своей стороны.

Когда мы с Татьяной сорок лет назад пришли в кафе «Пегас», то нас потрясли и вальяжная медлительность официантов, и аромат *настоящего* кофе, и маленькие бутербродики со шпротиками и лимончиком. В ресторане «Вана Таллинн» на Ратушной площади (он есть и сегодня, и мы там с тобой пировали) молодые одесситы без очереди и не ублажая швейцара ели шницель и десерт – кисель из ревеня…

А вот – нынешние впечатления. Исторический центр переполнен ресторанами, барами, кафе. Перед каждым – зазывалы: девушки в театральных костюмах (на редкость очаровательные – и это тоже традиция), жонглеры, фокусники…

Вернулись в Одессу, прошлись по Дерибасовской, где под тентами спасаются от жары местные гурманы и проголодавшиеся туристы, по пляжным променадам с уютными ресторанными верандами у самого моря. Вот в чем Одесса сегодня не уступает ни Таллинну, ни другим знаменитым городам планеты. И это радует. Ибо одесская кухня, как и одесская литературная и музыкальная, и художественная школы неповторима. У нас есть последователи – рестораны «Одесса» есть во многих странах, в том числе и в Таллинне.

Нам подарили сборник «Одесская кухня в эмиграции», изданный членами Эстонского клуба одесситов. Его (разумеется, клуба) основу составляют выпускники нашего Водного института разных лет – их было немало на концерте Михаила Жванецкого, в прошлом портового механика. Сборник составила Елена Кулешова, а подарила его нам (в обмен на альманах «Дерибасовская – Ришельевская») Елена Наговицина, автор рецепта Бабушкиных пирогов. Есть здесь и Божественные баклажаны, и Нескучная яичница от академика Бронштейна, и Селедка под шубой от Юлии Шубы…

А ты, Ваня, сравнивал свои любимые блюда – одесские с эстонскими?

И. Л. Я давно не сравниваю свои любимые одесские блюда с блюдами других стран. Это как сравнивать маму с другими те-

Одесситы в Таллинне

Маленький Бабель обитает на острове Сааремаа

тями. Я не привередлив и ем все и везде. Мне очень понравился крем-суп из лисичек, который мы ели в ресторане на Ратушной площади. Мне, как ни странно, понравилась их гречневая каша с колбасками в старинном ресторане средневековой кухни Olde Hansa. Запомнилась можжевеловая водка и прекрасное пиво из Beer House – его можно разливать из кувшинов прямо за столом, за которым сидишь, а на специальном электронном счетчике следить за количеством выпитого. Когда показания счетчика начинают тускнеть и расплываться, это верный признак того, что трапезу следует завершать.

Позволим себе завершить наши заметки такой картинкой из прошлого-будущего-настоящего, что выглядит вполне логично, когда речь идет о городе, с которым связано столько легенд, а история порой выглядит как фильм жанра фентези. Представим, что Старый Томас – Vana Toomas (по преданию – воин, охраняющий Таллинн от врагов), чья фигура на шпиле ратуши уже давно стала брендом столицы Эстонии, задумал поговорить с символом Одессы – Дюком. Он включает Скайп, и где-то в небе – между Балтикой и Черноморьем – начинается неспешный разговор бронзовых собеседников.

Фото Феликса Кохрихта и Инессы Платоновой

Михаил Пойзнер

С постоянной пропиской…

Все истории всегда с чего-то начинаются.

И эта тоже имеет свое начало.

Было это давно, но в голове до сих все еще продолжает «выстреливать» память. Еще продолжает прокручиваться та старая долгоиграющая пластинка. Хотя пересказывать чужую жизнь – дело неблагодарное.

Как когда-то в детстве мы купались на Ланжероне, если вода еще холодная? Так и купались: забежал – выбежал, забежал – выбежал… А в жизни разве так можно?

Родился – всё. Живи! Уже никаких «туда-сюда»…

В забытом уже 71-м году, после окончания Одесского водного, направили аж на Чукотку, в порт Анадырь. Куда дальше? Уже дальше некуда. Дальше уже Америка. Заняться пришлось взрывными работами. Задача не совсем обычная. Дорогу к порту «преграждает» небольшая сопка. Требовалось взорвать эту сопку, а потом из образовавшегося камня и щебня построить приличную дорогу. Все хорошо, если бы не жилые дома вокруг. При взрывах дома начинали громко трещать. Народ забил тревогу. Вот и мы, исходя из конкретной ситуации, подбирали оптимальную величину заряда, при котором «и овцы целы, и волки сыты».

Одесса далеко, а мы тут ковыряемся. Пиво, рыба, оленина… И ни одного родного лица. Выглянул в окно, а перед тобой – Берингов пролив. Не сразу привыкнешь… И вообще – здесь коэффициент аж два (!), через каждые полгода надбавка 10% от оклада. Того глядишь, после пяти лет работы – уже три (!) оклада. Как бы

неплохо. Плохо только, что эти пять лет надо как-то прожить. Из местных достопримечательностей – снег по уши, «алюминиевый» дом да памятник первому Ревкому Чукотки. Короче, весело…

Взрывы – это всегда опасно. Поэтому в интересах дела близко познакомились со взрывниками. Все-таки надо было как-то договариваться о совместных действиях. Вот, допустим, они начинают и нам тут же дают отмашку – мол, можно включать приборы для записи колебаний от взрыва. Такие обычные необычные технические моменты.

Среди взрывников выделялся Виталий – белесый немногословный парень, как нам показалось, ловче других справляющийся со своими обязанностями. Как-то во время очередной серии взрывов он буквально на наших глазах, рискуя своей жизнью, успел предупредить человека, случайно забредшего на испытательный полигон. При этом Виталий вел себя так, будто ничего не произошло.

Незаметно мы подружились. Чтобы «поддержать на плаву», он часто отвлекал меня от грустных размышлений: «Та подожди, все это пройдет. Ты не смотри, что летом повсюду лед, а на сопках еще снег. Вот числа 22 июня откроется навигация, а там путина, и той красной рыбы будет навалом. Она сама выбрасывается на берег – только подбирай!».

Мысленно я пытался сравнить себя с той рыбой. Может быть, от такой жизни я тоже выбросился бы на берег, но только на одесский. Хотя кто меня здесь мог понять?

И вот как-то раз нам пришлось заночевать в обычной рабочей общаге. Растопили баню. И тут я внезапно обратил внимание на странную наколку. На предплечье Виталика было наколото: «Прости, Одесса, но я твой». И подпись – В. А.

Среди всей нашей компании я был единственным одесситом. Единственным, как я считал, на всю округу. Наверное, поэтому других эта наколка не взволновала. Где-где, а почти на другом конце света не ожидаешь встретить одессита.

Одессит одесситу рознь.

А что этот?

Загнали Виталия на край света долги и неразделенная любовь. Классическая схема… Как бы подводя итоги прошлого, он сказал:

«Самое большое несчастье в жизни – это большая любовь к небольшому человеку». Эту мысль Виталий никогда не комментировал.

Завербовался – сначала на Камчатку. Рыболовецкий промысел, потом – на разделке рыбы и «на консервах». Что-то успел собрать…

Потом пришлось вернуться к старой специальности – взрывному делу. В чем-чем, а в этом он разбирался – служил когда-то в саперных частях. Да и потом много лет отработал в различных взрывпромах. Как раз в Анадыре намечались неплохие объемы взрывных работ – на карьерах и вообще на близлежащих стройках.

А кто тогда честным трудом мог заработать много? И здесь надо было «ставить голову», и здесь надо было кидаться из конца в конец за копейкой.

«Еще чуть-чуть и еще какой-то кусочек – рассчитаюсь и сразу к себе, на Пастера… Так ты ж еще не видел мой двор! Это что-то!!! Еще вспомним и посидим хотя бы у «Бабы Ути», – его слова тоже мысленно возвращали меня домой. А как-то, отведя глаза в сторону, он проронил: «Я понимаю все. Только не понимаю, куда ушла моя молодость. Кажется, что она еще где-то совсем рядом…». Понять это в то время мне было не дано.

Как только я попадался ему на глаза, сразу же начинались «одесские пересказы» – на каком углу что когда было, опять Соборка и «Черноморец», Слободка и Отрада, Пастера и Ольгиевская… И опять про свой двор… Короче, вся наша «одесская действительность». Непреднамеренно он начинал и продолжал травить мне душу.

Однако пришло время и мне покинуть Анадырь. Нашу группу каким-то приказом министра Морского Флота перевели в Находку испытывать причалы. А мне какая разница? Ближе – дальше. Все равно это не Одесса…

Сидя в мрачной точке, наспех приспособленной вечерами под ресторан, под живую музыку шабашников из Черновцов мы с Виталиком потянули по 50 грамм «на дорожку». Не успели даже перекурить, как рядом за соседним столиком внезапно вспыхнула серьезная разборка… с оружием. Соседи громко выясняли отношения, заодно цепляя всех присутствующих. Всего-то в ресторане столиков пять-шесть, не более. Вот-вот должна была дойти

очередь и до нас. Разбирающиеся время от времени даже жестикулировали, как казалось, в нашу сторону. И тут Виталий резко встал из-за стола: «Я сейчас…». В голове стучало: «Неужели бросил меня?». Однако буквально через несколько минут он с улыбкой вернулся. Я не успел и рта открыть, как один из музыкантов довольно развязно объявил: «Для только что откинувшихся одесситов исполняется песня «Ах, Одесса…». По залу полетели согревающие звуки далекой «жемчужины у моря». В ответ Виталий привстал и охотно раскланялся с музыкантами.

Развалившись на стуле и подмигивая мне, он демонстративно перекидывал нож из одной руки в другую, в такт музыке пристукивая ногой. За соседним столом мгновенно замолкли. Одобрительно кивая в нашу сторону, один из дебоширов поднял сразу две руки в знак приветствия. Еще через мгновение официант поставил на наш стол бутылку «Московской», вымолвив: «Люди очень уважают ваш город»…

Уже на самых дверях меня попытались остановить. Неуверенные ответы на вопросы могли стоить жизни. И тут сказалось мое все-таки молдаванское воспитание. Я быстро нашелся. Не дав даже слова сказать, почти автоматически сонливо процедил: «Брат! Извини, спешим… Тут надо еще успеть кое с кем рассчитаться…». В ответ понимающе кивнули…

Эта картина и сегодня стоит перед глазами.

Спустя минуты мы незаметно исчезли. Виталик опередил меня: «А что я тут сказал не так? Ты же действительно откидываешься, в смысле освобождаешь этот Анадырь. А скоро домой – в Одессу…».

Мы крепко обнялись.

На дворе стояла уже глубокая зима. Из самого Анадыря до аэропорта добирались по льду залива, потом самолетом до Магадана. Просидели там несколько дней и ночей из-за нелетной погоды. Потом до Хабаровска, затем Владивосток. А уже только оттуда поездом до Находки.

Тогда сквозь замерзшие иллюминаторы смотрел я на взлетную полосу, а в голове звучала популярная «Морзянка»: «…Меня домчат к тебе, когда разлука кончится, – олени в нартах, самолеты и такси…».

Точь-в-точь, как и у меня.

Так же длинно и я добирался домой.

Опять из Находки до Владивостока, потом Хабаровск – Иркутск – Новосибирск – Челябинск – Киев и наконец-то Одесса. В воздухе где-то часов двадцать. И билет в одну сторону – что-то аж 135 рублей.

Потом такси (если повезет), а так в набитом-перебитом до верха 101-м автобусе. Дальше ногами по темным молдаванским улицам, пересекая Комсомольскую, Садиковскую, Градоначальническую или Раскидайловкую.

И вот ты и дома…

А через много лет я случайно встретил на Соборке одного парня. Лицо очень знакомое. Оказалось, что после Водного он отработал свое на Дальнем Востоке, конкретно – в Анадыре. И как раз в то же время, когда я был там. Первое, что пришло в голову, спросить: а что там мой Виталик?

Парень нехотя выдавил: «Виталик погиб… Спасал пацана – чукчонка. Тот далеко зашел по тонкому льду. Пацана вытащил, а сам… Говорят, потом местные еще ухмылялись – мол, наши стоят, а ваш полез…».

…Когда прохожу по Пастера, чуть не доходя Торговой, всегда в память о Виталии останавливаюсь буквально на мгновение, чтобы заглянуть в его двор, не осмеливаясь шагнуть вовнутрь.

Как-то не сдержался.

Обычный старый одесский двор. Машины, поставленные на стоянку «до утра», куча детей, качели. Тени привычной акации и безразличного каштана.

Наверное, много перевидал этот двор. И свадеб, и похорон, и рождений, и отъездов... И играющих «в классы», и живущих каждый день по схеме «на работу – с работы». Вот кто-то, покуривая, смотрит с балкона отвлеченным взглядом на пятно двора, вспоминая, может быть, какие-то фрагменты уже промелькнувшей жизни…

В подъезде непроизвольно обращаю внимание на облупленную стенку, хаотически завешанную почтовыми ящиками. Еще теми, старыми почтовыми ящиками. Внезапно взгляд натыкает-

ся на одинокий, очевидно, бесхозный, почтовый ящик без замка. На ящике все еще четко выведены номер квартиры, фамилия и инициалы. Знакомая фамилия и знакомые инициалы – В. А.!

Сколько же лет напоминает ящик этот о его былом владельце?

Значит, все еще присутствует В. А. в своем доме!

Значит, не вычеркнут из одесской жизни.

Значит, не все в прошлом!

Все, как на той наколке: «Прости, Одесса, но я твой».

Жизнь совершила полный оборот…

Игорь Божко

Расположение духа

Наконец-то правительство пошло навстречу нашим неистовым пенсионерам и издало указ. В указе черным по белому было четко сказано, что в ознаменование постоянного улучшения жизни в городах-героях нашей родины в течение месяца каждому пенсионеру совершенно бесплатно, за счет государства, будет выдаваться гроб. Из древесины ольхи или березы.

Пенсионеры возрадовались, но тут же и растерялись. Стали метаться по городу, становиться в очереди возле сберегательных касс, возле продовольственных магазинов, аптек и даже возле сапожных будок, но гробы пока что нигде не выдавали. В самом указе место выдачи «ритуальных приспособлений для захоронения отжившего тела» не было указано. Но наконец-то правительство поняло свою оплошность и издало второй указ, в котором четко и ясно было обозначено место выдачи гробов – банки. И действительно, в многочисленные банки были завезены большие партии гробов, и по предъявлению паспорта и пенсионной книжки каждый нуждающийся мог без проблем получить свой гроб. Город в эти дни был похож на муравейник, в котором суетливые претенденты на звание «отжившего тела» носились по улицам, лезли в общественный транспорт, со своими бесплатными гробами перегораживали все входы и выходы, создавали жуткую картину для иностранных туристов, которые толком не понимали, что происходит, почему на улицах города появилось столько народа с гробами. Но такое положение вещей было только на первых порах. Гробы расхватывались моментально, а затем их просто стало не хватать. Деревообрабатывающая промышленность начала изготавливать

их из низкокачественного горбыля, но и такого товара оказалось недостаточно. Некоторые довольно шустрые и дальновидные «мухоморы» ухитрялись получать по два, а то даже и по три гроба в одни руки. Тогда банки стали в паспортах прямо на первой странице ставить печать «гроб получен». Но и это не помогало. Государство не рассчитало своих возможностей, и тогда был издан третий указ.

В нем черным по белому ясно и четко было сказано, что нуждающийся в гробе пенсионер должен к уже имеющимся на руках паспорту и пенсионной книжке предоставить еще и справку из жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) о том, что он ранее не был захоронен и нуждается в гробе как «живое существо, ждущее своего часа». Благодаря этой справке, получить которую оказалось не так-то просто, потому что для ее получения пенсионер должен был взять еще одну справку с местного кладбища, отрицающую его захоронение, снующих по городу «муравьев» с гробами на какое-то время стало меньше. Но это не решало проблему в целом. Стойкие и яростно терпеливые пенсионеры все же доставали вышеперечисленные справки и яростно требовали положенные им «ритуальные приспособления».

Чтобы решить проблему в корне, правительство постановило выдавать гробы уже не всем желающим, а только тем, кто «является в смысле детородного проявления – полным несоответствующим элементом». По этому поводу был издан четвертый указ, в котором четко и ясно говорилось, что: «Только тот, у кого окончательно и бесповоротно не происходит подвижек в области заунывного наклонения, имеет право получить ритуальный прибор при предоставлении в банк надлежащего документа, выданного в ЖКХ и удостоверяющего после надлежащей проверки полное и бесповоротное несоответствие балласта». Что собою представляют выражения «подвижек в области заунывного наклонения» и «не соответствие балласта», – было разъяснено в приложении к указу, но как-то туманно и не вполне вразумительно. Пенсионеры несколько дней ломали головы – что бы все это значило, пока один бомж не произнес: «А что здесь непонятного? Гробы будут выдаваться только импотентам, а тем, кто еще по бабам бегает, – болт в рыло!».

В этом же указе говорилось, что ЖКХ со всей серьезностью должны подойти к делу выявления лжепретендентов, которые будут пытаться получить свой гроб незаконными путями. И еще в указе было сказано: «Женскому пенсионному сословию временно ввиду физической и визуальной невозможности определения наличия подвижек в области заунывного наклонения в выдаче бесплатных ритуальных изделий – временно, до особого распоряжения – отказать».

К указу прилагалась особая инструкция для ЖКХ «в деле выявления и проведения проверки на возможность мужским пенсионным составом скрытого размножения путем детородного балласта как всуе житейских состояний, так и во всевозможных обстоятельствах». За нарушение этой инструкции начальники ЖКХ могли лишиться своего рабочего места и в некоторых случаях (при попытке выдачи незаконного дозволения на получение товара) могли даже сесть в тюрьму сроком до трех лет.

Тем же из пенсионеров, кто проваливался на испытаниях в ЖКХ, в паспорте ставился штамп, на котором было всего три слова: «не соответствует истине». И на руки выдавалась ни к чему не обязывающая справка: мол, такой-то гражданин-пенсионер еще может «участвовать в получении эмоций от природы по вторичному назначению балласта». По первичному назначению балласта деятелями ЖКХ считалось «простое деяние по малому вопросу без всяких последствий».

После этого указа город посвежел. Только иногда можно было видеть счастливчика-импотента, сопровождающего свой законный товар гордо и победоносно. Кстати сказать; дальнейшее производство гробов после всех этих пертурбаций стало производиться из обычной третьесортной фанеры, что значительно снизило их себестоимость. Бывали случаи, когда счастливчику-импотенту некоторые банки пытались всучить гроб из картона, который не выдерживал никакой критики, но такие банки тут же штрафовались, а найденный картонный товар отсылался на переработку под коробки для тортов и конфет на кондитерские фабрики.

Здесь следует сказать о том, каким образом получали справки наши пенсионеры от кладбищенского начальства.

Чтобы быстрее получить этот документ о том, что претендент не был до этого захоронен, его тщательно обнюхивали кладбищенские старухи. После обнюхивания пенсионер-батюшка должен был раздать всем дешевые конфеты и мелочь. Того же, кто пытался обойтись без раздачи конфет и мелочи, кладбищенские старухи обнюхивали повторно и даже утверждали, что обнюхиваемый, возможно, уже подвергался захоронению. Слыша подобное, жадный пенсионер-батюшка готов был раздать не только дешевые конфеты и мелочь, но даже пожертвовать на всех бутылку постного масла, лишь бы эти чертовы старухи прекратили свои издевательства над пока еще живым человеком.

Бывший учитель средней школы пенсионер Петр Петрович Царский, уже имея на руках справку с кладбища, пришел в ЖКХ своего района с целью получить дозволение на получение бесплатного ритуального изделия.

– Снимайте брюки и присаживайтесь, – сказала ему паспортистка. – Я сейчас всех соберу, и мы начнем обследование.

Она вышла и через минуту вернулась в сопровождении начальника ЖКХ, бухгалтера и сантехника. Петр Петрович все так же стоял посреди кабинета, не снявши брюк и не присевши. Паспортистка возмутилась:

– Что же вы стоите, уважаемый?! Я же вам сказала – снимайте штаны и присаживайтесь!

Петр Петрович нерешительно расстегнул ремень и застыл снова.

– Вы что, пришли сюда в бирюльки играть – или как?! – паспортистка гневно сложила на груди руки.

– Подождите, Надежда Васильевна, может быть, товарищ интеллигент и стесняется, – заступилась за посетителя бухгалтер. – Давайте-ка все отвернемся, пока он разоблачится.

Паспортистка пожала плечами и сделала вид, что отвернулась. Остальные честно и благородно отвернулись от незадачливого пенсионера.

Петр Петрович покорно снял брюки и аккуратно повесил их на спинку стула.

– А трусы?! – уже не на шутку рассердилась паспортистка.

Петр Петрович возмутился и заартачился. Стал мямлить что-то насчет культуры поведения в общественных местах и прочее.

– Так! Вы хотите гроб получить?! – вмешался начальник ЖКХ. – Или вы хотите, чтоб ваши родственники хоронили вас из последних сил?! Тратились на вас! Да или нет?!

Петр Петрович подумал и снял трусы. А затем прикрыл причинное место руками.

– Заведите руки за спину, – приказала паспортистка.

Пенсионер тяжко вздохнул и завел руки за спину.

– Так вы, значит, жалуетесь на полную импотенцию? – участливо спросил сантехник.

Учитель кивнул.

– Хотите, значит, получить бесплатный гроб любой ценой?! – съязвила паспортистка.

Смущенный и униженный Петр Петрович снова кивнул головой.

– Хорошо, садитесь вот сюда и возьмите вот этот журнальчик, и полистайте его, посмотрите картинки, – произнес начальник ЖКХ и протянул несчастному пенсионеру порнографический журнальчик.

Петр Петрович впервые в жизни держал в руках подобную мерзость.

– Листайте и вникайте, – через плечо посоветовала паспортистка.

Тот стал листать и вникать, а когда задержался на какой-то страничке и притих, то вся четвертка также притихла, а паспортистка с усмешкою заявила:

– Видели мы таких импотентов!

Но начальник ЖКХ возразил:

– Я ничего не заметил. Пусть войдет Зинаида.

Сантехник стукнул кулаком в стену, и через десять секунд в юбчонке, едва прикрывающей все хорошее, что есть в человеке, в кабинет вошла Зинаида. Обладательница пышных форм, владелица гладких белых бедер.

– Зинаида Николаевна, – обратился к ней начальник, – а достаньте-ка нам вот из этого столика папочку с накладными на гвозди.

Зинаида преприятнейше улыбнулась, приветливо глянула на сидящего посетителя, зашла между ним и столом, наклонилась, выдвинула ящик и застыла так – в поисках папки с накладными на гвозди.

Излишне говорить, что ее строй мыслей, полыхающий ароматом каких-то дьявольских духов, оказался прямо перед лицом оторопевшего пенсионера, и он вдруг ощутил всем своим воспитанием жгучее желание прильнуть к этому празднику жизни, к этому благороднейшему искушению и испить его, позабыв все на свете. И тут соискатель на получение бесплатного ритуального приспособления почувствовал, что его душа как-то мимо воли ее хозяина издала тонкий протяжный звук, похожий на слово *филармония*.

Но тут же слово «гроб», яростно возникшее в мозгу пенсионера, черной краской перекрыло все мимолетные видения, и Петр Петрович вдруг неожиданно громко и раскатисто пукнул. Он смутился, а все, кто был в кабинете, – от всей души приятно расхохотались.

– Старый хомяк, – помахивая перед своим лицом ладошкой, произнесла паспортистка.

– Козодой старорежимный, – безобидно изрек сантехник.

Короче, над судьбой Петра Петровича и его внешнего облика работники ЖКХ (в некоторой степени все же рискуя своим служебным положением) просто сжалились и выдали ему справку-дозволение на получение бесплатного «ритуального приспособления».

Учителю повезло. А вот Филипп Зиновьевич Мордашкин, бывший мастер с жестяно-цинкового завода, прокололся сразу же, как только его попросили снять брюки. Он как-то бодренько снял их, и брюки, и теплые байковые трико, и нисколько не смущаясь, стал, лихо демонстрируя свою обнаженность.

– Да какой же вы импотент?! – радостно вскрикнула паспортистка. – Вам даже и журнальчик не надо показывать!

Но рабочий человек настоял на том, чтобы ему все же показали журнальчик. С первых же страниц у претендента на бесплатный гроб по щекам пошли явные конвульсии лицевых мышц,

а начальник ЖКХ ради смеха, конечно же, велел позвать Зинаиду. Когда та вошла, то глянув на взъерошенного Филиппа Зиновьевича, даже смутилась. Но затем подошла к столу, нагнулась, выдвинула ящик и стала искать папку с накладными на гвозди. Рабочий человек, мастер своего дела по оцинковыванию жести, отдавший производству пятьдесят лет своей жизни, посмотрел на всех жалобно, и на глазах у него появились слезы, и он, как маленький ребенок, которому показали красивую игрушку, а поиграть ею не дали, заплакал.

Конечно же, в получении дозволения ему было отказано. А в паспорт безжалостно была проставлена печать со словами «не соответствует истине».

Долго в этот день решался вопрос на звание импотента с пенсионером Иваном Павловичем Цикличным. На предложение снять брюки он ответил таким решительным отказом, таким знанием конституции и вообще всех законов, что вся братия ЖКХ сильно смутилась в своих «неправомочных действиях». Но через какое-то время пенсионер все же снял брюки. Но ЖКХ сильно разозлилось на всезнайку и решило, несмотря на явную «заунывность балластного наклонения» претендента, все же завалить его. Порнографический журнальчик знаток законов отбросил в сторону. На Зинаиду внешне вроде бы не реагировал. И даже вроде бы уснул, когда та стала искать накладные на гвозди. Дозволение на гроб Иван Павлович все же получил, но стоило оно ему многих душевных сил и проявления стойкой силы воли.

– Учитесь у старшего поколения! – назидательно сказал он, покидая стены конторы ЖКХ. – Только знание законов даст нам возможность жить по-человечески.

Он шел и радовался, не зная того, что в паспорте у него уже стояла впопыхах поставленная печать «не соответствует истине», и такая же печать впопыхах стояла на его дозволении на получение бесплатного гроба всуе. Порою впопыхах и всуе может произойти многое. Но не надо огорчаться – кино нашей жизни крутится и идет вперед, не зная преград. Перескакивая через всякую фигню собачью и реализуясь в хорошем расположении духа.

В хорошем расположении духа закончили свой рабочий день служащие ЖКХ. А паспортистка даже спела приятнейшим голосом кусок из какой-то оперетты. При этом она красиво так передергивала плечами, как бы играя на своих чувствах.

Ночью в форточку конторы ЖКХ светила полная луна, заливая молочной белизной порнографический журнальчик, забытый на столе, в выдвижном ящике которого хранилась папка с накладными на гвозди.

Владимир Трухнин, Ирина Полторак

«Городок» – пятый угол!

Городок о своем

Хозяин дачи входит в калитку, у него звонит телефон. Он отвечает.

Хозяин. Да. Привет. Я на дачу заехал, за припасами… Лучше покупать в магазине? Ерунда! Надо все иметь свое. А у меня тут целый склад – и огурчики свои засолены, и помидорчики свои закручены, и яблочки свои… Опа… (*Замечает, что в домике кто-то есть.*) Похоже, ко мне на дачу опять кто-то влез, я перезвоню…

Хозяин достает из-под порога ломик и влетает в дом. Там обедает Бомж, разложив на столе хозяйские припасы.

Хозяин (*с поднятым ломиком*)**.** Вы кто?!

Бомж. Спокойно, спокойно – свои, свои…

Хозяин. Какие еще «свои»?! Вот продукты свои я вижу. А вы-то какой мне свой?

Бомж. Ну… Учитывая то, что человек на 100% состоит из еды, и то, что я уже месяц продукты ем только ваши… Можно считать, что для вас я уже наполовину свой!

Бомж, с опаской поглядывая на ломик, занесенный у него над головой, тем не менее, берет яблоко.

Хозяин. Руки на стол! Вы посягнули на чужую собственность! И без резких движений! Ясно?

Бомж. Ясно... (*Демонстративно медленно подносит яблоко ко рту, медленно кусает.*) Так нормально?.. Я еще ночью по звездочкам понял, что меня ждут неприятности. Так и есть!

Хозяин. Скажите, пожалуйста, астролог нашелся. По звездам он предсказывает.

Бомж. По звездочкам. Я тут вчера ночью нашел рваный милицейский китель со звездочками капитана.

Хозяин. Это соседский, мы его в саду как пугало ставим – птиц отпугивать. И странное дело, воробьи его боятся, а вороны нет.

Бомж (*иронично*)**.** Ты смотри… Видно, чтоб напугать ворон, нужен минимум полковник…

Бомж хочет встать. Хозяин угрожает ломиком.

Хозяин. Сидеть! Сейчас настоящую милицию вызову. (*Достает телефон, смотрит*.) Черт, опять батарея села… Сидеть, я сказал!

Бомж (*садится, повеселев*)**.** Уже сел… Как ваш телефон, ха-ха! Мне просто неловко – вы стоите, а я сижу. Присаживайтесь! Чувствуйте себя как дома. (*Кусает яблоко*.)

Хозяин. И оставьте мое яблоко!

Бомж. Пожалуйста. Оставил… (*Кусает и протягивает Хозяину яблоко*.) …оставил вам половину.

Хозяин. Да кто вы такой вообще?! И как сюда попали?

Бомж. А давайте… Давайте считать, что я у вас в гостях? И вы меня угощаете, а?

Хозяин. Э, нет… Как же это вы у меня в гостях, когда я пришел, а вы тут.

Бомж. Хорошо, ну тогда, значит, вы у меня в гостях... (*Показывает на стол*.) Угощайтесь, я не жадный! Присоединяйтесь.

Бомж продолжает спокойно есть из тарелки.

Хозяин. Да что же это такое?! (*Отодвигает от Бомжа тарелку*.) Прекратите жрать мои продукты! А то… А то я… я…

Бомж. А то вы что? А то вы сейчас ударите меня ломиком по башке, да? И убьете? И потом что? Сделаете из меня шашлык? Ха-ха!

Хозяин. Ну… Зачем такие ужасы? Нет, конечно.

Бомж. То есть вы оставляете мне жизнь, да? Но учтите, пока я есть, я буду есть, ха-ха! (*Придвигает тарелку обратно и ест*.) Хотя надоело уже все это ваше вегетарианство. Слушайте, почему у вас тут ничего мясного нет?

Хозяин. А вот сейчас дам ломом по башке – и шашлык будет…

Бомж. Ужас… Вот научил на свою голову…

Бомж с опаской смотрит на ломик, отодвигается, но продолжает есть.

Хозяин. Я же сказал, прекратите жрать мои продукты! (*Отодвигает от Бомжа тарелку.*) Ну, никакого у нас нет уважения к чужой собственности… А вот на Западе воровства намного меньше. Хотите знать, почему?

Бомж. Не хочу.

Хозяин. Потому что там в древние века за воровство карали страшно. Страшно! И у нас так надо! Украл – бах, отрубили руку.

Бомж (*деланно*)**.** Руку рубить? Ой-ой-ой. Напугали… (*Придвигает тарелку, Хозяин отодвигает.*)

Хозяин. Еще раз украл – бах, отрубили вторую руку…

Бомж. Ага! Значит, дается две попытки, да? (*Снова придвигает тарелку, Хозяин отодвигает.*)

Хозяин. Короче, за воровство надо наказывать членовредительством!

Бомж. Че-че-чего… вредительством?.. Вот это уже действительно ужас… А у меня от ужаса всегда зверский аппетит появляется…

Бомж решительно придвигает к себе тарелку и быстро ест. Хозяин морщится и перекладывает ломик в другую руку.

Хозяин. Что же мне с вами делать? Сдать в милицию? Побить? Просто выгнать?

Бомж. А вы не устали вот так стоять и держать ломик? Хотите, я его немного подержу?

Хозяин. Сидеть!..

Бомж. Помочь хотел… Может, телевизор включим? Я обычно в это время новости смотрю.

Хозяин. Мой телевизор?! И как это у людей хватает совести пользоваться чужим?

Бомж. А что делать человеку, у которого ничего своего нет… Даже совести своей нет… У вас такое кислое лицо, что мне аж сладенького захотелось.

Бомж лезет ложкой в банку с вареньем, ест и причмокивает.

Хозяин. Зачем вы открыли мое варенье? Да еще сразу столько банок!

Бомж. Это чтобы вас спасти. Варенье – это консервированный кариес... Или вы хотите умереть от кариеса? Страшной мучительной смертью.

Хозяин. Что вы несете? От кариеса не умирают!

Бомж. Ну, не знаю. Судя по тому, какую рекламу целый день крутят по телевизору, самые страшные болезни в нашей стране – это насморк, перхоть и кариес.

Хозяин. Прекратите жрать, наконец! Это же не ваше! Как только вам чужой кусок в горло лезет?!.. Черт, что же мне с вами делать? Вот же вопрос…

Бомж. И у меня к вам тоже есть вопрос. А почему у вас тут в припасах ничего молочного нет? Я молочное люблю – маслице, брынзочку особенно.

Хозяин. Чего?!.. Коровы мне еще на даче не хватало. Корми ее, дои…

Бомж. Ой, можно подумать, что это так сложно. По надоям так вообще секрет простой. Надо только доступно объяснить коровам, что если они не будут давать молоко, то начнут давать мясо…

Хозяин. Вы прекратите жрать или нет?! Вы что, вот так целый день можете жрать?

Бомж. Если хотите знать, я вообще никогда не жру... Я ем.

Хозяин. Нет, вы воруете и жрете!

Бомж. Ну что вы такое говорите? Во-первых, как это можно – воровать прямо при хозяине?

Хозяин. Ну… Ну… (*Не знает, что сказать.*)

Бомж. Вот! А во-вторых, воровать – это взять и унести с собой, правильно? А я же ничего отсюда не уношу. Все остается здесь. (*Довольно гладит себя по животу.*) Сначала вот тут. Но ненадолго! Я просто этим немного попользуюсь и скоро все верну хозяину… Если хотите.

Хозяин. Помолчите лучше!.. Черт, что же мне с вами делать…

Бомж. О! Я придумал, что вам со мной делать. А давайте я, ну, типа в наказание за то, что сюда залез, буду охранять вашу дачу. Всю зиму... Бесплатно!

Хозяин. Хм… А что, это мысль… А то ведь каждый год сюда по несколько раз залезают.

Бомж. Вот! А так здесь никого чужого не будет. Клянусь! Клянусь всем, что у меня есть!

Хозяин. А что у вас есть?

Бомж. Ну ладно, просто клянусь... А вы спокойненько себе езжайте домой. Вот вам с собой… (*Быстро собирает в сумку продукты*.) Вы же за продуктами заехали, да?

Хозяин. Вообще-то, действительно. Мы с соседями сторожа так и не нашли… Ладно! Вот вам для охраны. (*Отдает ему ломик*.) А то ходят тут всякие…

Бомж. Ну вот и договорились!.. (*Выпроваживает*.) И не переживайте! Клянусь, буду ко всему тут относиться так бережно… ну, как к своему! И никого чужого тут теперь не будет!

На пороге они сталкиваются с двумя бомжами.
Один из них спрашивает у Бомжа.

Пришедший. Серега, кто это?

Хозяин. А это еще что за люди? Вы же обещали, что чужих здесь никого не будет?!

Бомж. Ну да. Но какие же это чужие? Это свои! Свои!.. Проходите, ребята… А вы в следующий раз хоть немного брынзочки привезите, ваш сторож молочное любит. И мясца – это сторожу для остроты зрения... Ну, бывайте!

Бомж пропускает внутрь дома пришедших бомжей и закрывает дверь перед носом Хозяина, уже вышедшего на крыльцо. Хозяин пару секунд стоит перед закрытой дверью, потом безнадежно машет рукой и уходит.

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Александр Галяс
И «звезда» – «звездою» говорит, или 30 «звезд» под одной обложкой
Одесса, Издательство Бартенева, 2011

Больше тридцати лет работает в журналистике Александр Галяс. В последние годы он начал систематизировать опубликованное (вот что значит дисциплинированный человек – архив в порядке!) – и сразу результат: за представляемую книгу он получил в 2012 году премию имени Константина Паустовского. В нашем альманахе А. Галяс не раз публиковал статьи, очерки, интервью, связанные с историей эстрады в Одессе. Это его давняя привязанность, проявляется она и в этой книге, где собраны интервью, которая и открывается беседой с Леонидом Утесовым. Естественно, что не мог автор не встретиться в разные годы с Георгием Делиевым, Олегом Филимоновым, Ефимом Шифриным и Вячеславом Полуниным.

Но одно дело личная привязанность, другое – понимание того, что нужно успеть запечатлеть, сохранить для истории чьи-то воспоминания. Так рождались беседы с кинорежиссером Леонидом Траубергом, актрисой Людмилой Гурченко, режиссерами Матвеем Ошеровским и Владимиром Пахомовым, художником Михаилом Ивницким. Их уже нет, а их мысли сохранились, звучат в интервью Александра Галяса.

Нет, не только деятели культуры привлекали внимание А. Галяса. Он беседовал с Лидией Гладкой, когдатошним секретарем обкома КПУ, в советские годы помогавшей многим творческим одесситам, с народным депутатом Сергеем Гриневецким, шахматистами Анатолием Карповым и Владимиром Тукмаковым, взял первое газетное интервью еще в 1992 году у молодого ученого Дмитрия Табачника…

Книга-интервью – это документ, это сохраненная история культуры ушедшей и уходящей эпохи.

Александр Третьяк
Рождение города
Одесса, Optimum, 2012

И вновь приятно представлять книгу постоянного автора альманаха. Историк, кандидат политических наук, доцент Европейского университета Александр Иванович Третьяк уже два десятка лет изучает раннюю историю Одессы, изучает по документам, запискам путешественников, архивам… Его статьи всегда точны, выверены, но одновременно публицистичны. Что поделаешь – и ранняя история Одессы оказалась полем битвы идеологических систем. То большевикам не нравилось, что у истоков Одессы стояли Де Рибас, Ришелье, Ланжерон, то новоявленным патриотам захотелось забыть год рож-

дения Одессы – 1794-й, забыть волю Екатерины II отвоевать выход к Черному морю и построить здесь города, а вместо этого начались поиски Коцюбея, которому якобы 600 лет. Почему не замахнуться уже на 2500 лет – от античного поселения?..

Уверен, читатель, интересующийся историей Одессы, найдет в этой книге ряд первоисточников, которые А. Третьяк вводит в научный оборот, почувствует, что автор не только знает биографии своих героев, но и умеет передать дух времени, аромат эпохи. А именно это и определяет место книги, не только как научно-популярной, но и исследовательской.

Издано в Киеве

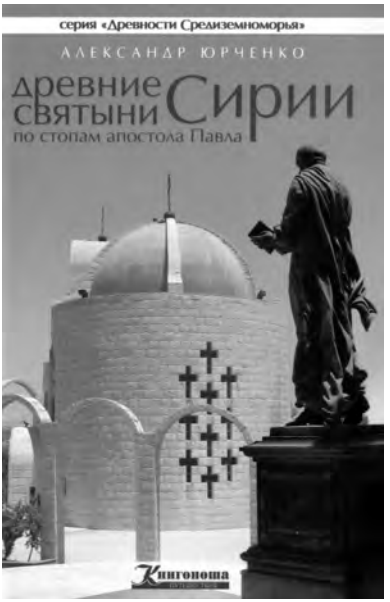

Александр Юрченко
Крепости и замки Сирии
эпохи крестовых походов
Киев, Книгоноша, 2012

Александр Юрченко
Древние святыни Сирии
по стопам апостола Павла
Киев, Книгоноша, 2012

Одесский журналист Александр Юрченко лет пятнадцать назад задумал серию книг «Древность Средиземноморья». Путешествуя по Ближнему Востоку, он влюбился в древние культуры этого заповедного мира. Когда-то заповедного, а сейчас разрушающегося в ходе братоубийственных войн.

Уверен, что большинству читателей город Хомс стал известен недавно – в связи со сводками из зоны конфликта. Но для

А. Юрченко – это колыбель ряда римских императоров, это библейская земля, овеянная легендами.

Вначале автор этих двух книг меня развеселил, процитировав слова директора Лувра Андре Перро: «У каждого культурного человека есть две родины – своя и Сирия». Но прочитав эти книги, я понял, что при всей парадоксальности такая точка зрения имеет право на обсуждение.

И еще одна немаловажная заслуга Александра Юрченко – в том, что он не только рассказал о крепостях и храмах, замках и святынях, но и воссоздал во всей противоречивости облик Лоуренса Аравийского, суперагента Британской разведки, боевого офицера, но при этом археолога, поэта, политика.

Будем ждать продолжения этой серии книг издательства «Книгоноша».

Издано в Санкт-Петербурге

Соломон Трессер
Михаил Соломонов
Санкт-Петербург, Клео, 2011
Тридцать именных и семьдесят нумерованных экземпляров

В моих руках оказался «Экземпляр Владимира Ильича Селиванова», одессита, коллекционера печатной графики. И это не случайность – именно ему, а также Ольге Барковской, Сергею Лущи-

ку автор выражает благодарность за помощь в работе над этой книгой.

Существует убежденность, что в оценке произведений искусства время всё расставит по своим местам. Мне всегда казалось, что это не так. Не время, а человек, страстный, заинтересованный, убежденный, может вытащить то или иное имя из темноты забвения и в силу своей энергии привлечь к нему интерес.

Кто такой Соломон Трессер? Режиссер, окончивший Ленинградский институт театра, музыки и кино. Но, пожалуй, прежде всего – коллекционер печатной графики. И вот именно он, увлекшись творчеством Михаила Соломонова, устраивал выставки, публиковал статьи, наконец, издал библиофильскую, потрясающую по качеству книгу о любимом художнике.

Кто такой Михаил Соломонов? До книги Трессера я бы сказал – уроженец Одессы. Теперь найдены документы, что родился он в Виленской губернии, ребенком был привезен в Одессу. Здесь пошел в Рисовальную школу (там не требовалось соблюдать процентную норму), окончив ее, продолжил образование в Художественном училище (на одном курсе с Осипом Бразом). Потом выставлялся с южнорусскими мастерами, работал в одесском «Крокодиле» и тут начал оформлять книги.

Именно оформление книг принесло Соломонову еще до революции известность и славу. Статья о нем ввела в русский язык новое слово – «обложист» – «Михаил Соломонов – художник-обложист», то есть мастер книжных обложек. Его стилистика – модерн, столь любимый с конца XIX века до начала 20-х годов и отвергаемый после…

Михаил Соломонов умер в блокадном Ленинграде в 1942 году.

А сейчас его фамилия вновь оказалась в числе самых покупаемых графиков, его гравюры ищут на аукционах.

Издано в Москве

Руфь Зернова
Четыре жизни
Сборник воспоминаний
Москва, НЛО, 2011

В 1974 году я брал интервью у приехавшей в Одессу, родной город, Руфи Зерновой. Для меня она была человеком, овеянным жестокой романтикой войны в Испании, затем Великой Отечественной… Не помню, знал ли я тогда, что в сороковые годы ее посадили, и она прошла через гулаговские лагеря. Слишком жизнелюбивыми и оптимистичными были ее повести и рассказы, трудно было представить, как много страданий выпало на долю этой хрупкой изящной женщины.

И еще я, конечно, не знал, что Руфь Зернова и ее муж профессор, литературовед Илья Серман через пару лет уедут в Израиль. Для Руфи Александровны эта поездка стала прощанием с Одессой, с Кузнечной улицей, где она родилась, с девятью школами, в которых училась, выбирая ту, что ей по нраву.

Книги Руфи Зерновой когда-то ушли в спецхран, сейчас есть в каждой библиотеке. Она была и остается любимой писательницей многих и многих. И книга воспоминаний о ней – это благодарная память ее друзей, детей ее друзей, писателей.

Составителями сборника стали дети Р. Зерновой и И. Сермана – Марк Серман и Нина Ставиская.

Юрий Виноградов

Культурологическое пространство города

Одесса: страницы литературной истории. Краеведческий дискурс
Одесса, Астропринт, 2012

Отличный подарок ко дню рождения города сделали преподаватели кафедры мировой литературы филологического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова. Заявленный как учебное пособие сборник «Одесса: страницы литературной истории. Краеведческий дискурс», несомненно, выйдет далеко за границы студенческой аудитории, вызовет немалый интерес у самых разных категорий читателей, специалистов и дилетантов.

Эволюция архитектурного облика города, его литературно-эстетическая и интеллектуальная жизнь в первой половине XIX столетия, очерки о пребывании в Одессе Пушкина, Гоголя, Островского, одесские страницы творчества Куприна, Бабеля, Катаева, Олеши, материалы для ретроспективных экскурсий – вот далеко не полный перечень содержания сборника. В числе авторов известные литературоведы, педагоги, сотрудники музеев Н.М. Раковская, В.Б. Мусий, Н.В. Сподарец, А.Д. Беньковская и другие.

Евгений Голубовский

Периодическая система Ольги Барковской

Общество независимых художников в Одессе
Составитель О.М. Барковская
Одесса, ОННБ им. Горького, 2012

В первой декаде ноября 2011 года Международный союз теоретической и прикладной химии официально утвердил обозначение химических элементов 110, 111, 112 – дармштадий, рентгений и коперний. Сто сорок лет прошло с великого открытия Д.И. Менделеева, а его периодический закон работает!

Труд Ольги Михайловны Барковской, десятилетиями изучающей периодическую прессу, архивы, читающей воспоминания и составляющей свою периодическую таблицу художественной жизни Одессы, столь же точен, а главное, работоспособен. Это периодическая система художников Одессы, создавших первоначально классическую школу с импрессионистическим звучанием красок – Товарищество южнорусских художников, а в начале XX века – Общество независимых художников Одессы.

Предыдущая книга О.М. Барковской – комментированный биобиблиографический словарь южнорусских художников –

давно уже стал настольной книгой у музейщиков, искусствоведов, коллекционеров и художников. Но уже работая над этим исследованием, О. Барковская понимала, что нужно собирать, пусть по крохам, сведенья о художниках первого одесского авангарда. Еще не была нам известна блистательная коллекция Якова Перемена, еще казалось, что произведения «независимых» практически все уничтожены, но труд исследователя возвращал имена, биографии и, что самое удивительное, – произведения.

Так сегодня, когда О.М. Барковская предлагает читателю свое второе исследование – биобиблиографический словарь всех членов Общества независимых художников, всех экспонентов выставок Общества, понимаешь, что без этой книги в наше время, когда так усилился интерес к авангарду, уже не могут обойтись любители искусства. У меня уверенность, что этот труд фиксирует не только прошлое, он обращен в будущее, подсказывает взаимосвязи, помогает в поисках.

Периодическая система Ольги Барковской работает!

Когда-то Ф.М. Достоевский то ли с восторгом, то ли с иронией написал: «Дай русскому мальчику карту звездного неба, на следующее утро он вернет ее исправленной».

Ольге Михайловне Барковской никто не давал «звездную карту» – биобиблиографический указатель Общества независимых. В этой работе она была первопроходцем. И конечно, ее поиски не обошлись одной ночью. Это кропотливый и вдумчивый труд двух десятилетий. Но результат поразительный – «карта звездного неба» одесского авангарда ею не просто исправлена, она ею создана!

Меня всегда смущало, что возникновение первого одесского авангарда относят к образованию в 1917-м году Общества независимых художников как организации, сложившейся структуры. А как же быть с Весенней выставкой 1914 года, где в одних залах с одесскими новаторами показывал свои картины Василий Кандинский и его мюнхенские друзья? А как же быть с Салонами Издебского, где рядом с крупнейшими именами французского и российского авангарда были представлены тем же В. Издебским молодые одесситы?

О.М. Барковская вносит в «периодическую систему» окончательную ясность: еще до Салонов Издебского в 1909 году в Одессе возник Кружок молодых художников – первая попытка объединения новых художественных сил. Более того, в марте 1909 года они провели на Дерибасовской свою первую выставку. Вот оно – начало отсчета противостояния нового искусства и традиционного в нашем городе.

Штрих за штрихом добавляла Ольга Барковская в портреты художников Независимых. Казалось бы, совсем забыли в Одессе художника Г. Бострёма. Но в периодической таблице Ольги Михайловны была клеточка с этой фамилией. И документ за документом, сообщение за сообщением, новые репродукции. Сегодня мы можем сказать, что музей Бострёма работает в Симферополе (увы, не в Одессе!), что обнаружена переписка художника с В.П. Филатовым, что и в Одессе, в коллекции философа В. Дьякова, находится его картина…

Как важно все делать вовремя. Я общался с А.М. Нюренбергом, бывал в доме у Л.В. Фраерман, вдовы Т.Б. Фраермана, разглядывал в руках Н. Юхневича его острые выразительные рисунки. Но как-то так получилось, что я больше всего говорил с ними о литературе, о Багрицком и Бабеле, об Ильфе и Олеше. Мы росли «литературоцентричными», и лишь сейчас понимаешь, как много было тем для разговоров, а может, и документов, связанных с художественной жизнью Одессы, которые уже тогда можно было осмыслить.

И поэтому с таким восхищением и радостью я читаю тексты, подготовленные и написанные О.М. Барковской. Она-то все делает вовремя! Но это еще не всё – делает тщательно и глубоко.

Написал слово «тщательно», вспомнив призыв М.М. Жванецкого делать всё «тщательнѣе» и подумал, что все эти годы у Ольги Михайловны был и есть замечательный наставник, учитель, хоть он, пожав плечами, скорее всего скажет: «Какой учитель – коллега». И все же, я так думаю, друг и учитель – Сергей Зенонович Лущик. Это он уже в пятидесятые-шестидесятые годы начал составлять картотеку, куда вносил сведенья о писателях, художниках, коллекционерах et cetera… И делал это настолько тщательно и достоверно, что задал планку всем

последующим исследователям литературной, художественной жизни Одессы.

Книгам Ольги Барковской предстоит долгая жизнь. Их будут переиздавать. Думаю, с дополнениями, так как их автор в постоянном поиске. Здесь нельзя поставить точку: «Я все сказал!». Нет, сам выход этой книги может подвигнуть близких, родных, потомков и наследников покопаться в семейных архивах. Подобная работа имеет замечательное начало, но не имеет конца. И я не удивлюсь, если через много-много лет молодой исследователь запишет в одну из клеточек системы О. Барковской, предположим, обозначенную как Фазини, новую репродукцию, новую статью. Это и будет знаком того, что книга работает, что она остается живым свидетельством очень сложного, но очень интересного времени.

Алена Яворская

Братья наши меньшие

Надежда Колышкина
Все, что они знают про нас,
да не могут сказать
Одесса, Симекс-принт, 2012

От имени животных, особенно домашних, написана не одна книга. Рассказывают о себе и окружающих людях кошки и собаки в книгах Эрнста Теодора Гофмана, Джека Лондона, Саши Черного и Александра Куприна.

Один из самых знаменитых в литературе котов – гофмановский Мурр, а собак – чеховская Каштанка.

Рассказы Надежды Колышкиной написаны от лица реально существовавших братьев меньших. Собаки и кошки, вороненок и шмель, породистые и дворняги – все обитатели подмосковного дома, хозяина которого они называют Другом. Это еще один герой книги – переводчик Марат Брухнов, сын поэтессы Зинаиды Шишовой.

Приключения животных, бездомные скитания и обретение дома, люди, которые им встречаются, – на фоне современного мира, с легко угадываемыми политическим персо-

нажами. Нелепость и благородство поступков людей описаны с точки зрения тех, кто не может сам рассказать о себе.

Рассказы, веселые и грустные, помогают пристальнее вглядеться в окружающий мир, увидеть в нем не только ласковые мордочки собак и кошек, но и добрые лица людей.

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 50

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 50

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 31.07.2012
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «ВМВ»

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, Одесса 65001 Украина
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

Содержание

От редакции 3

Ирина Барметова
Единица времени – альманах 4

История, краеведение

Олег Губарь
Функции Одесского строительного комитета
в контексте истории градостроительства Одессы 6

Виктор Михальченко
Жизнь нуждается в милосердии 32

Ева Краснова, Анатолий Дроздовский
Одесса на открытках с географическими картами и планами 44

Олег Губарь
Энциклопедия забытых одесситов 60

Анджей Эмерик Маньковски, Сергей Котелко
Одиссея доктора Маньковского 67

Геннадий Гребенник
Профессор Семен Иосифович Аппатов 84

Феликс Кохрихт, Ариадна Сауленко
Софиевская, 13 96

Одесский календарь

Алена Яворская
Пушкинская улица 108

Проза

Игорь Померанцев
Czernowitz. Черновцы 126

Вера Кобец
Pallida turba . . . 135

Женя Голубенко
Домашнее видео . . . 140

Александр Дорошенко
Барабанщик . . . 154

Александр Мардань
Прогулка . . . 169

Анастасия Зиневич
Сказка о Жизни . . . 180

Мирослав Кульчицкий
Об Баскервилев Собаке . . . 183

Поэзия

Галя Маркелова
Когда умирает поэт . . . 194

Игорь Павлов
«Запомните, каким я был при жизни...» . . . 197

Виталий Амурский
Встреча с Одессой . . . 203

Екатерина Янишевская
Ритмы XXI века . . . 208

Илья Рейдерман
«Хочу пошелестеть словами...» . . . 212

Константин А. Ильницкий
Шевеление букв . . . 219

Первые шаги

Лиза Иванова
Маленькие фантазии . . . 222

Аннета Михайлова
Надежда – мой компас земной . . . 224

Искусство – жизнь – искусство

Людмила Еремина
Леонид Пастернак в Люксембургском музее . . . 228

Валентина Голубовская
«...Божественная Нина Аловерт!» . . . 231

Нина Аловерт
Четыре фотоновеллы . . . 233

Эвелина Шац
Множимость я, или Мультивидуум 238

Евгений Голубовский
Лица необщим выраженьем 252

Ирина Аверина
Парадоксы Клюева 254

Олег Кудрин
Одесское кино. Сергей Эйзенштейн 259

Григорий Яблонский
Дочь Одессы Аня Яблонская 264

Публикации

Дневники княгини Дабижа 274
Публикация Эннио Бордато, Михаила Талалая

Леонид Шошенский
Истории про Симочку 308

Наши предшественники

Татьяна Щурова
«И светло, и легко, и отрадно…» 314

Путешествие

Феликс Кохрихт, Иван Липтуга
С Черного моря – в белые ночи 328

Ах, Одесса

Михаил Пойзнер
С постоянной пропиской 344

Игорь Божко
Расположение духа 350

Владимир Трухнин, Ирина Полторак
«Городок» – пятый угол! 368

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 364

Юрий Виноградов
Культурологическое пространство города. 370

Евгений Голубовский
Периодическая система Ольги Барковской 371

Алена Яворская
Братья наши меньшие 375

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 50

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 50

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 31.07.2012
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства «ВМВ»

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, Одесса 65001 Украина
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

Одесский
филателист

№50

1/2 2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ